

ЛАД

ВОЛОГОДСКИЙ

2008 год

2 (10)

Литературно-
художественный
журнал

Праздничные богослужения проходили в Троицком соборе Горицкого монастыря.
В нем впервые за многие годы звучали молитвы

ФОТОРЕПОРТАЖ

ПАМЯТИ ПРЕПОДОБНОГО НИЛА СОРСКОГО

Вологодская епархия торжественно отметила 500-летие преставления преподобного Нила Сорского, великого русского святого, основателя скитского монашеского жития в Русской

Православной Церкви. В Воскресенском Горицком монастыре архиепископ Вологодский и Великоустюгский Максимилиан в сослужении духовенства епархии совершил Всенощное

Всенощное бдение

Торжества возглавил архиепископ МАКСИМИЛИАН

бдение 19 мая, а на следующий день - Божественную литургию. После Литургии владыка совершил водосвятные молебны у Поклонных крестов, установленных специально к торже-

ствам. Один из этих крестов обозначает место, где от трассы отходит дорога к Нило-Сорской пустыни, другой поставлен там, где находился скит преподобного.

Фото Андрея САЛЬНИКОВА и Надежды ШАРШАКОВОЙ

Почтить память преподобного Нила собрались верующие из Вологды, Череповца, Кириллова, а также из Подмосковья...

Поклонный крест у отворотки к Нило-Сорской пустыни

На этом месте стоял скит, основанный преподобным НИЛОМ СОРСКИМ

Наместник Кирилло-Белозерского монастыря игумен ИГНАТИЙ (МОЛЧАНОВ, слева),
и наместник Спасо-Прилуцкого Димитриева монастыря игумен ДИОНИСИЙ (ВОЗДВИЖЕНСКИЙ)
много потрудились, чтобы торжества прошли успешно

Крестный ход прошёл от Нило-Сорской пустыни [сейчас здесь психоневрологический интернат] к месту,
где был скит преподобного Нила

Эта девушка учится в Вогнемской школе, что находится в 7 километрах от обители. Ребята и учителя школы чтят память великого русского святого.

Вогнемские школьники показали паломникам подготовленный к юбилею литературный монтаж о житии преподобного Нила

Перед торжествами в Ферапонтове владыка Максимилиан освятил храм во имя преподобного Нила - первый храм в епархии, посвященный этому святому. Он строился трудами и вкладами многих верующих людей - и Вологодчины, и всей России

ЕЛЬФИНА В.Н.
ПОЮЩЕЕ ДЕРЕВО.
1980. Лен, сцепное
плетение. ВОКГ

В Вологде открылась Все-российская художественная выставка «Современное народное искусство России. Традиции и современность». Её девиз - «Возродить традиции, защитить духовную культуру!» В выставке приняли участие народные мастера и художники со всей России, они представили около трёх тысяч произведений, выполненных во всех видах и жанрах народного искусства. Эмблемой выставки стал обобщенный образ сказочного «древа жизни» - фрагмент панно вологодской кружевницы Виктории Ельфиной.

ЛАД

ВОЛОГОДСКИЙ 2008 год, №

Литературно-художественный журнал

2

(10)

Читайте в номере

ИСКУССТВО

«ОТРАЖЕНИЯ» ЕВГЕНИЯ ЛЕБЕДЕВА

Очерк поэта Юрия Максина о цикле работ устюженского графика Евгения Лебедева, повествующем о сокровищах русской цивилизации, ушедших под воду Рыбинского водохранилища

И НЫНЕ, И ПРИСНО

Владимир Личутин. СЕЛЬСКИЙ ПОП
(окончание)

КНИГА В ЖУРНАЛЕ

Станислав Мишнёв.

СВАДЬБА НАВЗРЫД. Рассказы

ПРОЗА

Анна и Константин Смородины.
ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПОМИНКИ. Повесть

ПОЭЗИЯ

НОВЫЕ СТИХИ Бориса Чулкова,
Александра Дубинина,
Алексея Ивина, Бориса Орлова,
Andрея Климова и других российских поэтов. Из наследия Николая Дружининского

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПРОЗА

КРЫЛЬЯ НАД МОРЕМ.

Повесть Тамары Спивак о военном летчике Матвее Козлове

ПОЭТЫ НЕ УХОДЯТ

Наталия Попова-Яшина.

КТО ТАКОЙ ЯШИН?

Как отметили памятные даты жизни Александра Яшина на его родине - в Никольске

РЕДКОЛЛЕГИЯ

В.И. Белов, И.А. Поздняков, В.В. Касьянов, В.Д. Воробьев, А.В. Камкин, А.А. Цыганов,
С.П. Белов, В.В. Дементьев, священник Александр Лебедев, Н.И. Мишуста, П.Ю. Мухин,
А.В. Торопов, А.К. Сальников (редактор журнала)

«ОТРАЖЕНИЯ» ЕВГЕНИЯ ЛЕБЕДЕВА

Память возвращается, как птица...

Николай РУБЦОВ

Родители тех, кому сегодня за пятьдесят, жившие на земле, затопленной водами Рыбинского водохранилища, могли бы еще вспомнить, каким было Молого-Шекснинское междуречье. Здешние города и села, деревни, храмы, монастыри.

Но много ли их осталось с крепкой памятью, кому нынче далеко за восемьдесят? Их дети родились в ином

мире. Перед глазами с малых лет открывался иной пейзаж. Они не могут помнить, что было на месте рукотворного моря. Но, сами того не подозревая, несут в себе отзвук произошедшей трагедии.

Передо мной цикл гравюр художника Евгения Лебедева, выполненный им в начале 2008 года. Художнику пятьдесят шестой год, он как раз из поколения детей, заставших лишь случайно уцелевшие следы былой красоты, былого величия родины своих предков.

Гравюры объединены названием «Отражения». Это и точное, и емкое название.

Давно замечено, что графика сродни поэзии и ей дано затронуть самые тонкие, самые нежные, трепетные струны души. «Отражения» можно назвать графической поэмой. Гравюры цикла следуют единому лирическому настрою, воспроизводят утраченную красоту, подчинены ей по какому-то велению свыше. Недаром воплощение замысла, созревавшего восемнадцать лет, было осуществлено художником за десять дней.

Из его души восстали и отразились в водах самые красивые, самые пострадавшие от Рыбинского моря места, духовные центры затопленных земель, а также два человека, бескорыстно служившие этой земле и своему Отечеству: человек святости и

«ВСЁ ЗРИМОЕ ОПЯТЬ ПОКРОЮТ ВОДЫ, И БОЖИЙ
ЛИК ИЗОБРАЗИТСЯ В НИХ!». Ф.И. Тютчев

ЦЕРКОВЬ КИРИКА И ИУЛИПЫ ВЕСНОЮ (г. Весьегонск)

человек чести. Ах, как не хватает нынче и святости, и чести, как будто они тоже скрылись под «водами» всего, что натворили люди в XX веке!

Под воду Рыбинского водохранилища ушел целый мир, составлявший гордость центральной России - в экономическом, культурном, духовном смысле. Более семисот сел и деревень,

полностью старинный город Молога, на две трети старинный город Весьегонск, частично старинные города - Череповец, Пошехонье, Калязин, Мышкин, Углич, сотни прекрасных церквей, усадеб, градостроительных ансамблей, исторических мемориалов. Уничтожены усадьбы Мусиных-Пушкиных, братьев Верещагиных (ве-

ВОДОПОЛЬЕ НА БЕЛОЗЕРСКОЙ УЛИЦЕ (г. Весьегонск)

БОГОЯВЛЕНСКИЙ СОБОР В ВОДОПОЛЬЕ
(г. Весьегонск)

линого художника и знаменитого маслодела), Леушинская обитель, Югская Дорофеева пустынь, Мологский Афанасьевский монастырь... Исчезли под

водной гладью красивейшие территории Вологодской, Тверской (тогда Калининской), Ярославской областей.

Молого-Шекснинское междуречье называли когда-то сенной житницей России.

Этот мир не смог, как легендарный град Китеж, невредимым скрыться в водах до лучших времен. Сначала он был искорежен, изуродован, взорван и только потом затоплен. Те, кто спланировал это, прикрылись благой целью. Некомпетентность молодых ленинградских гидростроителей поставили на службу политике и научно-техническому прогрессу. Споров тут быть не могло, поскольку на их проект строительства Рыбинского гидроузла, связанный с затоплением огромной территории - восьми районов Ярославской области, по четыре у Вологодской и Калининской и даже части Московской области, с переселением сотен тысяч людей в неизвестные места, легла сталинская резолюция: «Я - за».

ГРАФСКОЕ ИМЕНИЕ МУСИНЫХ-ПУШКИНЫХ ИЛОВНА

Неимоверно велика получилась цена этой «некомпетентности». И потому недаром Рыбинское водохранилище, или Рыбинское море, как его называют за внушительные размеры водного зеркала, окрестили в народе водограбищем.

А еще и могилицем. Одному Богу ведомо, сколько строителей забетонировано в остовы плотин и многокилометровые дамбы этого гигантского сооружения. Известно только, что в день на строительстве Рыбинского моря погибало от пятидесяти до ста человек, а длилась стройка пять лет. Под водой покоятся и кладбища затопленных населенных пунктов, и братские могилы заключенных Волголага.

Работы, начатые под зычные звуки гулаговских команд в 1936 году, завершились 13 апреля 1941 года. Именно в этот день многотонные затворы плотин перекрыли волжские, шекснинские, мологские воды. И реки пошли вспять...

Никакого моря сразу не получается. Затопление продолжалось до 1947 года.

Вместе с городом Мологой был затоплен, но сначала взорван знаменитый Богоявленский собор, который окончательно скрылся под водой лишь в 1946 году.

Сегодня на месте стариинного города, в пятнадцатом веке ставшего центром Мологского княжества, города, прославившегося своими знаменитыми ярмарками, - огромная водная могила. Через двадцать минут после выхода из Рыбинского шлюза в «море» скоростные суда «Ракета» или

ГРАФ СЕМЕН АЛЕКСАНДРОВИЧ МУСИН-ПУШКИН

«Метеор» проходят там, где он был. Мологжане помнят его, хранят память о нем, передавая ее из поколения в поколение. Эта память уже много лет собирает их в августе в Рыбинске на традиционные земляческие встречи. Сегодня городу Мологе было бы почти 860 лет.

В тридцати километрах выше него на левом берегу реки Мологи стояло село Иловна - родовое имение графа Алексея Ивановича Мусина-Пушкина, президента Академии художеств, историка-археолога, автора работ по истории Древней Руси, внесшего бесценный вклад в отечественную и ми-

ВВЕРХ ПО МОЛОГЕ

ЮГСКАЯ ДОРОФЕЕВА ПУСТЬИНЬ

ровую культуру открытием «Слова о полку Игореве».

В Иловне он почти безвыездно провел последние десять лет своей жизни, занимаясь подготовкой к опубликованию хранившихся у него древних

рукописей. Здесь и похоронен в семейном склепе.

Белоснежный и все еще прекрасный, несмотря на все превратности последних двадцати послереволюционных лет, дворец Мусиных-Пушкиных, помнивший и царицу Екатерину II, проезжавшую по этим берегам, и Павла I, и вольничу Емельяна Пугачева, и многое другое, был обращен в развалины и затоплен Рыбинским морем.

Двадцать три года на службе в Мологском земстве находился последний представитель славного рода Мусиных-Пушкиных граф Семен Александрович. Как единогласно отмечают краеведческие источники, именно ему принадлежит большая заслуга в том, что город Молога занимал первое место в Ярославской губернии по постановке школьного дела.

Во время русско-японской войны

АФАНАСЬЕВСКИЙ МОНАСТЫРЬ (г. Молога)

ВОЛЖСКАЯ СТРЕЛКА

граф Семен Александрович Мусин-Пушкин по поручению земства весьма успешно собирал санитарные поезда. На какое-то время поддавшись влиянию одного купца-барышника, посчитал себя растратчиком земских, следовательно, народных, денег и мнимого бесчестья не пережил, оборвав свою жизнь трагическим выстрелом 21 августа 1907 года. Как оказалось позднее, погиб безвинно и был оплакан не только моложанами, но и всеми, кто его знал.

Леушинский Иоанно-Предтеченский монастырь был одним из самых крупных женских монастырей в России. В канун революции в нем проживало около 700 насьниц. Именно здесь монахиней-иконописицей Алипи-

РЫБНЫЕ ОБОЗЫ НА РЕКЕ МОЛОГЕ

НАСТОЯТЕЛЬНИЦА ЛЕУШИНСКОГО МОНАСТЫРЯ
ТАИСИЯ (СОЛОПОВА)

ей была написана чудотворная икона Божией Матери «Аз есмь с вами, и никтоже на вы». Но духовной создательницей этого образа, названного всероссийским пастырем Иоанном Кронштадтским Спасительницей России, по праву является настоятельница Леушинского монастыря игумения Таисия (Солопова). Леушин было местом особого прославления Пресвятой Богородицы. Здесь ежедневно двадцать четыре часа в сутки непрерывно читались акафисты Богоматери. Это продолжалось около сорока лет, даже после закрытия обители, пока живы были леушинские сестры.

В конце XX века в связи с иконой «Аз есмь с вами, и никтоже на вы» возникла необычная традиция - Леушинские молитвенные стояния. Каждый год шестого июля, накануне престольного праздника Леушинского монастыря - рождения св. Иоанна Предтечи - на берегу Рыбинского водохранилища, у селения Мякса, близайшего к затопленной обители, собирается

множество богомольцев и паломников со всей России. Смысл Леушинских стояний состоит в том, чтобы почтить память всех храмов и монастырей, покоящихся под водами рукотворного моря. Это стояние памяти о всех поруганных святынях, стояние верности Святой Руси.

Одной удивительной традицией Леушинского стояния стало правило приносить сюда разные иконы Пресвятой Богородицы, чтобы когда-нибудь здесь собрались все читимые иконы Божией Матери, о чём молилась и мечтала великая старица всея Руси Таисия.

На новое место был «перенесен» старинный Весьегонск. Основные работы по его переносу пришлись на весну, лето, осень 1940 года. К весне 1941 года от бывшего Весьегонска остался огромный пустырь с грудами битого кирпича и пнями от выпиленных городского сада и чудесных березовых аллей.

На новом месте всё приходилось отстраивать заново. Это так говорится, что всё. Утраты были невосполнимы. Кладбища предков, замечательные по красоте храмы, среди которых церковь в честь мучеников Кирика и

ЛЕУШИНСКИЙ ИОАННО-
ПРЕДТЕЧЕНСКИЙ МОНАСТЫРЬ

КОРНИ

МОРЕ С ВЫСОТЫ ПТИЧЬЕГО ПОЛЁТА

Иулитты, великолепная гимназия, построенная в 1907 году... Трудно перечесть всё, что утрачено безвозвратно.

Вынужденные переселенцы, конечно же, не стали жить лучше в спешке перевезенных и собранных домах. Был нарушен привычный ритм жизни, рухнул налаженный уже в советские времена быт.

Переселение, а тут еще и война, забравшая на фронт самых сильных, самых здоровых, чья энергия была так необходима в родных семьях. О, Господи! Что только не свалилось тогда на плечи бедных весьегонцев...

В конце восьмидесятых - начале девяностых годов прошлого века, то есть всего лишь около двадцати лет назад, правду о строительстве Рыбинского водохранилища стали публиковать в средствах массовой информации и различных краеведческих изданиях. Дождались своего часа и художественные произведения, посвященные этой теме. Правда поднялась из вод забвения.

В провинциальной России в последние полтора десятилетия наблюдается всплеск краеведческих изданий, растет интерес к прошлому родного края. И это недаром.

«Память возвращается, как птица», - сказал поэт. Память действительно возвращается, на то она и память, к

чему-то до боли родному, утраченному навсегда.

Мы привыкли повторять, что красота спасет мир. Сама по себе, без деятельного участия человека, - вряд ли. У Достоевского в разделе тетради с подготовительными записями к роману «Идиот» записано точнее: «Мир красотой спасется». То есть, говоря современным языком, миру дан шанс спасти себя с помощью красоты - одухотворенной, освященной страданием.

Художник Евгений Лебедев, создав цикл «Отражения», вернул нам здравый образ утраченного мира, мира гармонии и красоты. Он со своей задачей справился. Художественные достоинства пятнадцати гравюр, составляющих цикл, очевидны и для знатока, и для неискушенного зрителя. «Отражения» рождены душой мастера, известного своим неповторимым стилем в России и далеко за ее пределами.

Художник справился с тем, что повелел ему Господь. В качестве зрителя я благодарен Евгению Лебедеву за то, что душа моя соприкоснулась с утраченной родиной моего отца, моих дедов и прадедов.

Все мы так или иначе - отражения нашего многострадального Отечества...

Юрий МАКСИН

СЕЛЬСКИЙ ПОП

(Русская натура)

**ВЛАДИМИР
ЛИЧУТИН**

Родился 13 марта 1940 года в г. Мезень Архангельской области. Выходец из древнего поморского рода, именем предка писателя назван остров Михаила Личутина.

Рос в многодетной семье, без отца (погиб на фронте). Окончил лесотехнический техникум (1960), факультет журналистики Ленинградского университета (1962), Высшие литературные курсы при Союзе писателей СССР (1975). Известен как автор романов «Любостай», «Миледи Ротман», исторической эпопеи «Раскол», повестей «Крылатая Серафима», «Золотое дно», книги эссе «Душа неизъяснимая. Размышления о русском народе» и многих других. Он лауреат литературных премий имени Александра Невского, Владимира Даля, Союза писателей России.

Его роман «Беглец из Рая» был удостоен «Большой литературной премии России».

Окончание. Начало в № 1 за 2008 год.

Это в столицах красно - украшенные храмы дивят всех резьбой, и золотой, и богатством окладов, и блеском священнических одеяний, и голосьистыми певчими, там от щедрот новых русских, этих «жирных необкладенных котов», перепадает кое-что и попам. Это церковное расслоение между городом и деревней особенно, как-то болезненно ощущимо на земле, откуда притекают в города все дары, но редко какая крошка осыпается от пирога обратно в сельский карман. Все тянут-тянут из деревни из века в век, и всё мало им, мало, и никогда не пресытятся.

Батюшка принес беремце дров, затопил в горенке печуру-столбушку с длинным жестяным рукавом, подвешенным к потолку на проволоки, занес хозяйствке воды, пока та толкалась возле плиты, разогревала обед, сходил в хлев и кинул скотинке сенца, курамуткам зернеца, потом подоил козичек. (Матушка совсем обезрученла). Прежде чем самому за стол сесть - накорми, обиходь животинок... Экий, право, хлопотун, ни минуты без дела, и как-то невольно становилось стыдно за себя, что ты вот на лавке по-барски обвалился, готовый уже и ножки «растянуть», и словно бы от скуки наблюдалаешь за повадками хозяина, а нет бы кинуться в помощь. Помощь то попу, конечно, нужна. И не отказался бы он от нее, но не в первые же часы по приезде сразу же запрягать гостей в работы, ставить на урок, пускай с дороги хоть немного отдохнут, опомнятся, сил наберут для труждания, для стояния в церкви и для долгой беседы в застолье. Это я так рассуждал за батюшку, принюхиваясь к запаху закипающих щец...

Бог-то он Бог, да и сам не будь плох, «хлеб наш насущный» приходится добывать в поте лица своего. Деревенская жизнь мне знакома не со стороны, и, глядя на отца Виктора, я не-

вольно что-то горестное, жалостливое подавлял в себе, чтобы не упасть в печаль. Тяжёлый урок взвалил добровольно батюшку на свои рамена. Супруга говорила, дескать, «вот в сельские священники идешь, как бы не спокаяться, лет через пятнадцать пожалеешь, какой хомут натянул на шею. Но я не жалею, и она не жалеет об этом...» Трудно кормиться со своих рук. Зима долгая, обжорная, она последние припасы в дому подметает, с метлой пройдется по сусекам и ларям, а там, глядишь, и весна заявится, и вот, отметая хвори и напасти, впрогайся, поп, в работы... Навоз на огород вытащить из стайки надо, землю под картошку-овощи надо поднять с лопаты, сена накосить для скотинешки, высушить, сметать в зарод, а после и стаскать на себе на двор надо, да все вручную, на своем горбе, дров наваливать и наколоть надо, вот и ограда заваливается, подновить надо, а там грибы-ягоды позовут, если редкая минута позволит, глядишь, и осеня на приступе, все с поля надо убрать в кладовые, да прибраться во дворе, да избу утеплить, пройтись с конопаткой, чтобы не околеть в морозы... Всё надо, надо... А с вечера надо и бытийных книг прочесть, и чин весь в памяти освежить, и причт храмовый воодушевить напутственным словом, а в пять утра уже на ногах, церковь призывает на службу. Ты и священник, и сторож, и истопник, и строитель - всё в одном лице. И так изо дня в день... Да, у сельского попа жизнь - не сахар, особенно ежли ты незаметно на перекладных подкатил к старости.

Тут скромно появились две миловидные женщины-клирошанки и молчаливо принялись наряжать на стол, нарезали гостинцев-закусок, видно, что не случайные в дому, но ревностные безотказные прихожанки. Им-то, наверное, заранее было доложено, что гости из столицы наедут. Наконец, и щечи из кислой капусты с белыми грибами (за ради поста) прикатили на стол, а к ним притулилась бутылочка красненького, церковного, - веселья для. И если я сумятился душою, ски-

дывался в мыслях, примеряя поповское житье под себя, и как-то беспокойно себя чувствовал, то мой спутник Роман Мороз лишь улыбался беспечально и, наверное, каждую прожитую минуту провожал с благодарностью, каким-то особенным образом отгебая от себя житейскую дрягу и брюзгу, не подпуская их к душе, словно бы меж миром внешним и миром внутренним ему удалось вырыть непреодолимый ров. Да, бесы роятся вокруг, снуют и рыщут пролазы, отыскивая любую щелку, но им там и место, в позорной отдали, на расстоянии руки... Вот и батюшка наконец, закончив неотложные дела, появился из келейки, уселся на лавке на хозяйственном месте, приоткинув голову... О чем-то задумался, и я заметил, что в домашнем лифе, с прибранными волосами он обрел какой-то благородный породистый вид и княжескую осанку. Может, артистическое прошлое дает знать, и потому так переменчиво его обличье.

«Как я рад, что вы приехали! Другой раз так хочется поговорить, а не с кем, - понюхал мясной дух, кивнул на матушку. - Раньше укоряла меня, дескать, «на твоих галерах я не вынесу». А с Богом-то и с верой православной все возможно. Нынче, когда тяжело, уже она меня успокаивает, на свои плечи взваливает воз и тянет. Так Бог все выправляет, что и невозможное становится возможным. Она так плотно вошла в церковный мир, прислуживает мне причетницей, помогает по храму, поет на клиросе. Сейчас уже она побуждает меня к строительству, делай то, делай то. А я ей: у меня времени нет и силы уже не те».

«А как здоровье твое, батюшка?» - участливо спросил Роман.

«Да помирать было собрался и вот снова воскрес... В Мордовию друзья возили, там живет необыкновенная женщина, целительница, но шибко верующая, чистая душою, за две недели с молитовкой с того света меня достала, - отец Виктор мягко рассмеялся, словно бы перед этим разговор шёл о ком-то другом. - Священников

и монахов бесплатно лечит, дала такой обет Богу... Ведь провинция совестью живет. Человек русский еще совестливый. Ведь проявление от Божьей искры - это совесть... А и зачем мне помирать, если мне сто тридцать лет жить велено и еще столько дел переделать... Я был у старца на исповеди, он и спрашивает: «Сколько ты хочешь прожить?» А я ему: мол, не мне знать, сколько Бог даст. «Ну и даст он тебе сто тридцать лет жизни». Значит, столько и буду жить, - отвечаю. - Сто тридцать лет в самый раз по мне...» - и снова засмеялся, и вдруг порывисто встал, не приглашая нас к молитве, вытянулся в струну, взмахнул, осеняясь, перстами, твердо ударяя себя щепотью по плечам, торжественно, с умилением и нараспев возгласил: «Отче наш, хлеб наш насущный да даждь нам днесь...»

«Завтра к исповеди, но по стопочке винца с дороги, кто желает, разрешаю. Молдавское виноградное, с Молдавии гостинцем прислано».

Я выпил, батюшка поймал «отпетое» выражение на моем лице и, не спрашивая, снова наполнил сосудец. Я принял «сухиньского», и батюшка, чтобы не оставить меня в одиночестве, последовал за мною. И с такой-то малой порции у меня отмягчило в груди, тяжесть сошла от сердца, и я с чувством принялся уписывать постоянные щи из кислой капусты, настоящие, деревенские. Батюшка хлебал споро поистертой деревянной ложкой, как артельный тверской «плотняк», за столом не было изящной сервировки, фарфора и серебра, но оказалось, что и нет особой нужды в вилках, и ножах, и множестве посуды, ибо не брезговали сотрапезники, не чурались и в этой простоте застолья невольно оказывались плотнее друг к другу. Батюшка первым опустил чашку, облизал ложку, крошки хлебенные согнал со своего краю стола в горсть и закинул в рот, утёр усы, бороду. Всех раньше управился со щами...

«Тут один доброхот из совестных русских достал в Москве мою старую кинокартину «Гражданин Лешка».

Приехал по моему зову стариинный лучший друг Боря Галкин, изумительный актер, он главную роль играл, и вот пришли мы в сельский клуб. Обычно в зале человека три, а тут собралось человек шестьдесят, из окрестных деревень приехали, из Максатихи, из Устюжны. Мы с Борей Галкиным сели подальше. Сначала какое-то шевеление, копошение, потому что картина старая, уже двадцать семь лет ей, звук плохой... И вдруг зал начинает смеяться. Сеанс полтора часа, и никто не ушёл. У меня слезы на глазах, и люди просто потрясены были, некоторые плакали...»

«А о чём картина-то?»

«Я сейчас думаю, что это картина о расслабленных... А шла как раз неделя расслабленных. Во время проповеди я вдруг понимаю, что это о расслабленных...»

«И что там задело зрителей?»

«Русский характер. Все вокруг родные люди. И Борис очень хорошо сыграл. Даже не объяснить. Но что меня потрясло... Плохую плёнку с плохим звуком люди смотрели с радостью, они смеялись и плакали. Это поразительно странная вещь. Я как на празднике побывал. Оказывается, эта картина была проповеднической, мне тогда было очень важно показать, что значит быть русским человеком, что есть русский. Картина неожиданно оказалась продолжением моих проповедей о расслабленных, о том, как мы живём. А мы живём расслабленно, все чего-то ждём, какой-то манны небесной. Нам придумывают номера, нас включают в нелепую и страшную игру, мы на это реагируем, несем какие-то глупости. А ведь мы хозяева, в своей стране живём. Зачем ждать, что вот приедет какой-то дядя и нас организует? Сам сделай свое дело, и будет ладно... «Спасись сам, и вокруг тебя спасутся тысячи». Вот что такое благородный пример. Спасаться надо в труде. Душа строится не только через молитовку, но и через добросердечный труд. Через тот же каравай хлеба, который ты вырастил на земле и замесил его на своем духе и поте... Это такое сложное явление - хлеб наш

насущный, в нем плоть Христова. Покажи себя в работе, и люди невольно станут подражать тебе, может, сначала из зависти, ревности, раздражения, потом из уважения. А после придет опыт, и по-старому жить уже не захочется... Поп должен быть хозяином, трудиться на поле, как и все, ну и блюсти требы, венчать, отпевать, вести службы в храме, соборовать. Только этим и отличаться от мужика... Вот у нас с Романом Морозом... Он мне много помогает, спасибо ему, и если он что-то обещает и хотя я знаю, что он выполнит обещанное, но я-то все равно не жду манны небесной, а делаю. Я живу так, будто один на белом свете живу, и в этом есть моя борьба с расслабленностью. Потому что и один в поле воин... Это мой обет спасения... Слава Богу, сердечная помощь есть, а практическая придёт - уже второе. Важно, что мы должны думать и жить согласно.

...Вот я чего-то и завёлся неожиданно... Давай, Лариса, выпьем за гостей, которым сны снятся про меня, и очень странные. Атаману казачьего круга однажды сон приснился... Он приехал к нам на праздник Амвросия Оптинского и рассказал мне. Вот, дескать, сидим с тобой за столом, и вдруг враг стучится в дверь. Я беру нагайку, а ты какое-то оружие, и мы выходим встречать врага. Вот какой сон приснился... У него сны были поразительные, он человек тонкой организации душевной, музыкант удивительный. И у меня бывают сны такие странные, поразительные, искусиительные, и я во сне всегда выхожу из трудного положения. Сны ассоциативные и поднимают все пласти моей жизни. Через них я вдруг вспоминаю столько событий, людей. Я даже подумываю, не написать ли мне книгу «Сны моей жизни». А что?...

Батюшка засмеялся и вдруг запел хрипловато, низким красивым голосом, иногда забирая верхи, нисколько не выдающим большими лет, с которыми он пока успешно воюет. Он запел так, будто песня, не затихая, день и ночь живёт в груди, пока зажатая под сердцем, strenоженная, а

потом, сбросив путы, с силою выталкивается на простор... Я невольно подхватился вслед, теноря и привыкликая голосишком казачью походную, печально-торжественную и мистически-завещательную песню. Вот и матушка вошла в строй, а следом и клирошки втянулись...

...А для меня кусок свинца,
Он в тело белое вольется.
И сердце кровью обольётся,
Такая жизнь, брат, для меня.

А для меня придёт весна.
Поеду я к горам кавказским,
Сражусь с народом басурманским...
Такая жизнь, брат, для меня...

И сразу, без передышки: «Во субботу день ненастный...» Батюшкин взгляд лучится, время для него прошло, он поёт, как спрятывает литургию, выкладываясь сердцем, ему, наальное, уже не важно, держит ли кто за ним строку, спешит ли кто вдогон, ведет ли верха и низа, он поет сам собою, с каким-то страстным, торжествующим взором. На минуту споткнулся, подыскивая в памяти очередную песню, и тут же, как ведется у народных баюнков и сказителей, приговаривает, но каждое лыко в строку:

«Ко мне ансамбль «Русичи» приезжает каждый год, исповедаются, причащаются, вот они-то поют настолько глубоко, что меня потрясает каждый раз. Они считают меня своим наставником, а для меня это так странно, так чудно, потому что я недостоин этого звания. Они умные, талантливые, а я кто, так себе, простой сельский поп, может, и попто худой, и никогда не видел в себе ничего особенного. Но они считают меня своим учителем, и я ничего не могу поделать, раз они так считают... Мы часами поём здесь вместе. Они выдающиеся певцы, а я кто... Но я буду всегда петь, потому что для нас, русских, песня - это кровное дело, это вроде исповеди, это перетекание из груди в грудь духа, силы и воли. Вот мы сидим сейчас, попели за столом, а сроднились гораздо больше, если бы просто так сидели. Для русского человека пение - вещь

просто необходимая, великое соборное дело...»

Тут в избу явился новый гость и прервал неожиданную проповедь, вошёл, как к себе в дом, лохматый, чернявый, неожиданно весёлый, как с праздника, привез отцу Виктору ветеринара. (Я узнал позднее, что был Иван прежде удачливым предпринимателем, имел три магазина в разных городах и вдруг с торговлею завязал, часть денег пощертовал на церковь, остальные отдал на крестные ходы, теперь сам странствует по России и тем счастлив. И, наверное, потому, что душевно спокоен, взгляд его доброраден).

У батюшки в хлеву стоит осел Петеля, и ветеринара зазвали из-за Мологи, чтобы подрезать отросшие копыта. Это у скотинки слабое место, и если запустить болячку, то животинка может не просто обезножеть, но и пропасть. Осел жмется в угол от множества неожиданных людей, но к батюшке идет в руки, стрижет ушами. За год они сдружились. Для русских северов кавказская животинка в диковинку, любопытная видом, как недорослая лошаденка, но характером норовистая. Издаля заслышиав трубный голос осла, батюшка радостно восклицает: «Петеля поёт». Завидев батюшку, Петеля встает на задние ноги, а передние кладет хозяину на плечи, отчего отец Виктор искренне радуется забаве и чувствует себя в эти минуты, как прежде, сильным и молодым.

Осел ветеринару не даётся, его пытаются привязать к загородке, но он рвет опутенки, копыта уже загноились и мучают скотинку. Дело неожиданно затягивается. Но никто не торопится, не досадует. Блеют козы, кудахчат куры, мечутся кролики, весь животный мир во хлеву переживает за осла. Батюшка хлопотлив, но спокоен, он вроде бы лишний здесь, и без него обойдется, но он «каждой щелке затычка».

«Заодно зубы посмотрите, - просит поп. - Осел уже старый, казаки подарили... Но такой помощник, не нарадуюсь я... Может, камни надо убить?»

Ветеринар, молодой парень, раздвинул ослу губы и вдруг говорит:

«Батюшка, ослик у вас совсем молодой, у него даже клыки не выросли. Когда осел старый, у него зубы изо рта выпирают... Хороший ослик-то. Кабы тебе, батюшка, такие-то зубки... Ему года четыре, никак не больше».

«А ездить верхом на нем можно?»

«Можно и нужно...»

«Понял, батюшка, какой у тебя ослик-то хороший, - говорит тот самый Иван, бывший бизнесмен, что организует крестные ходы. - Молодой ослик-то, и зубки у него ого-го...»

Дело застоялось, все размышляют, как поступить с ослом. Я ушел в избу, через полчаса, наверное, вернулся поп с довольным лицом, сел за стол пить чай, как будто никуда и не отлучался. Обвёл всех радостным взгядом, не уснули ли тут без него, и сразу начал проповедь.

«Господь дал мне возможность учиться. Когда мне показывают, я учусь, что и как происходит... Вот приехал ветеринар обрезать копыта, я воспринял как урок и уже что-то понял!»

«Ну да, был осел старый, готовый на колбасу, а оказался юношей, готовым к подвигам. Теперь ослищу надо заводить».

«Ну, Володя, у тебя и язычок. Ты все время меня припираешь к стенке. Вот скажи, зачем ты старого человека обижаешь?»

«Любовной правдой человека не обидишь, но заставишь чуток соображать».

«И верно, что правда открылась, приятная во всех отношениях, - согласился батюшка, - правда-то вдруг оказалась в прибыток хозяйству. Молодой осёл всегда переживает старого... Оказывается, в народе так много жило знаний... Как рыть колодец, как рубить избу, шить упряжь, делать сани, тачать сапоги, копать картошку, солить капусту, подшивать валенки, обряжать скотину - всего и до ночи не перечислишь, и вот каждый раз я узнаю что-то новое, и этот процесс познания на земле бесконечен. Эта энциклопедия крестьянского опыта и

есть истинная история народа, творческая созидаельная биография. От постижения к постижению. Не от разрушения к разрушению, а от созидания к созиданию под Божьим приглядом... Крестьянин должен уметь всё, чтобы сохранить семью и продлить своё потомство».

«Труд на земле тяжёл, но особенно труден он сельскому попу на бедном приходе и требует огромных сил».

«Пей давай чай-то, пока горячий. С тобой, Володенька, надо всегда быть настороже, чтобы чего не ляпнуть невзначай. Вот будто бы просто разговариваем, а ты все в голове на ленту мотаешь, а после - на бумагу».

«А ты, батюшка, говори с ним, как на духу, - посоветовал Роман, - он тебе худо не сделает».

От неожиданной похвалы я смущился...

«Смотри-ка, он еще и краснеть не разучился, - засмеялся отец Виктор. - Увы, прежней силы, которую ты поминаешь, у меня уже нету... Но... Ещё лет тридцать тому назад я считал себя глубоко верующим. Читал божественные книги, ходил в церковь, но однажды вдруг понял: молитвы могут и не доходить до Господа. Чтобы они дошли, нужно с детства молиться Иисусовой молитвой. Если делаешь какое-то дело, то нужно молиться. И тогда всё получается. Иисусова молитва - мой главный помощник... А еще я понял, что вообще крестьянские работы никогда не кончаются, это непрерывный живородящий поток, это родник-студенец, бьющий из самого материнского лона земли. Мне нравится вот эта непрерывность процесса в деревне. Все целесообразно, ничего лишнего, ничего в отбросы. Здесь труд и дух зrimо слияны и нераздельны. Это по русским деревням ходил голубоглазый Христос... И не случайно слова «крестьянство» и «христианство» совпадают... Деревня - это такое место, где постоянно проявляется жертвенность. Вот мне нравится, как говорили на Руси: не «люблю тебя», а «жалею»... Вовсе не унизительная вещь... Человек, который живёт в своем доме, имеет свое хозяй-

ство, скотину, он должен всё это учитьвать. Нужно постоянно совершать маленькие подвиги, подвигать себя к поступку. Ты плохо себя чувствуешь, а кто скотину будет обряжать, особенно когда жены нет дома? Ну не хочется... А кто, кроме тебя, сделает... Скотины-то жалко, если погибает. Нет сена - изволь идти за сеном. Нужно накосить. Сердце болит. А кто за тебя сделает? И вот сердце болит, а идёшь. Но чудное дело, сердце проходит, когда начинаешь косить... Воды нет - нужно идти на родник, дров нет - надо идти в лес. Вот в первую зиму у меня дров не было, и я таскал на санках из лесу вершинки от деревьев, и деревня надо мной смеялась. В лесном kraю - и топить верхушками...»

«Твоя деревенская жизнь походит на затвор... Снегами позасыплет, людей почти нет, бездорожье, безденежье, хоть волком вой - не услышат. Наверное, тоска нередко наплывает?...»

«Ну, ты, Володя, нарисуешь такую безысходность, что действительно волком взвоешь... А ведь ничего подобного нет у меня, ни тоски, ни слез, ни сожалений по городскому вавилону, где ты как песчинка в бархане. В деревне каждый на виду, каждый - бесценный человек... Вывези его в город - невзрачная песчинка, взгляда не остановит... Хотя и в городской жизни я спокойно обитал, и здесь сразу вжился и никакой тоски по прежней жизни, слава Богу, я не знал. Я так устроен: что вижу впервые, сразу могу оценить и принять, как необходимость...»

«Я так думаю, что сельский поп - это как лейтенант на передовой...»

«Бери повыше и нас, деревенщину, не принижай без нужды. На полковника потянем, - засмеялся. - Когда я занимался с кинолюбителями, я с ними обо всем говорил, в том числе и о Боге. Я считал, что нужен институт старчества. Думал, что его нет, а он, оказывается, был. Поп в деревне - это и старец-исповедник, к которому можно придти за последним советом и душу открыть... Ну, и поп должен помнить, что именно тут, по русским деревням, по Нерли и

Мологе ходил голубоглазый Иисус Христос, и люди знают это не письменным преданием, не человеческой короткой памятью, но сердцем проникают в те предавние времена».

«Тут, наверное, больше апокрифа, мистики, хотя и я верю в это предание...»

«Православная вера без мистики не стоит... В мистике есть то особое высшее содержание, которое лишь подтверждает житейская практика. Кстати, есть свидетельства, что Спаситель наш был голубоглазый, а его рисуют только с коричневыми глазами. На иконе и Александр Невский с коричневыми глазами, и царская семья, а почему?.. Тут не просто произвол художников, но некое внушение со стороны, кроется некая «тайна беззакония»... В свое время, когда я еще не был священником, хотя и считал себя верующим, я придумал одну вещь. Когда трудно мне было, маятно, я говорил: «Я смотрю на мир голубыми глазами». Ну скажи, Володенька... Скажи, пожайлуста».

«Я смотрю на мир голубыми глазами», - повторил я, только чтобы потрафить батюшке, и невольно губы мои поехали на сторону.

«Ну, вот видишь... И каждый человек так... Иль заулыбается, иль засмеется, но всем сразу легче становится. Это же не случайно... Голубоглазые - это люди солнечные, небесные, радостные. Вот такие были русичи... Вот почему я ругаю, когда человек обращается ко мне на «вы». Когда говорят мне «вы», сердце сразу замыкается, а скажут «ты», и на сердце теплеет. Потому я могу говорить только с человеком, который со мной на «ты», значит, он не враг мне, не имеет за душой против меня никакого злоумышления... Князь Святослав, когда шел на врага, извещал: «Иду на вы!»

«Это в древности, может, так и полагалось, по языческой этике... Но мы-то воспитаны в православии и говорим «вы» из уважения...»

«Ну, отговорок можно найти сколько угодно».

«Но нас так воспитывали с детства,

дескать, старшему «не тыкай». Из песни слова не выкинешь. Это уже в крови. К старшему надо обращаться на «вы». И вообще, батюшка, давай не будем углубляться в эту тему, иначе станем путлять, как зайцы, и проскочим мимо важных вещей».

«Как это не будем? - не отступал батюшка, уже заметно горячясь, теряя обычное хладнокровие. Взгляд его за очками заметно посуркал, иль так мне показалось. - Владимир, это очень важно. Я не заяц, чтобы путлять, как ты выразился. и для меня это прямая вещь. Ведь даже к Богу, к самому Спасителю с молитвой и горячей просьбою мы обращаемся на «ты». Господи Иисусе Христе, сыне Божий, помилуй мя грешного...».

«Хорошо, батюшка, я постараюсь переломить себя, раз ты так настаиваешь... Даю слово... И даже если с Путиным встречусь, то обращусь к нему на «ты»... Скажу: «Ты - Владимир, и я - Владимир. Ты - не гусь и я - не гусь, но коль поставили на Русь, так работай и не трусь...» Здорово, а?.. Какой удивительный поэт пропал во мне... Правда, со встречей с президентом я припоздал, скоро уходит наш ВВП в тайные казначеи...»

«Володенька, хороший мой, вижу, тебя уже не переделать. Ты все изволишь шутить, и даже там, где шутки не пристали. Правда, одна строчка у тебя краденая, - батюшка засмеялся, неожиданно поднялся из-за стола к молитве, тем самым давая понять, что «чаепитие в Мытищах» закончилось. Натягивая на плечи кожушок, вдруг в который раз с грустным сомнением вопросил: - Владимир, а может, не надо обо мне писать?.. Ну кто я такой?.. Простой сельский поп, талантами не отмечен. Что ты во мне особенного нашёл?»

«Надо, батюшка, всем нам надо, русскому народу надо, чтобы жить, а не выживать в безмолвии», - опередив меня, твердо возразил Роман Мороз, будто подписал последнее постановление...

«...И откуда вы знаете, что надо сельскому попу? - бурчал отец Виктор,

спускаясь неудобным крыльцом на улицу, нашаривая ногою ступеньки. - И за кочегара-то я, и за плотника, за сторожа и скотника, за богоизбранного, за диакона, за псалтирища, за регента. Все надо, надо... И кто сказал, что надо?.. Да Бог и сказал, что надо...»

4.

День незаметно пролетел, ну и слава Богу, всё хорошо... Ничего худого не случилось, дурных вестей не нанесло по ветру, никто напрасно не обидел, и сами особо не нагрешили... Ранние сумерки уже скрадывали Зараменные, стылым сиверком запотягивало с моей дальней родины, леса посиневели, сбились в табунок и, раздвигая розовеющие снега, грозно ощетинясь, двинулись к нам. Солнце скатилось за реку Мологу, но прощальные холодные отсветы, пробиваясь через вершины елинника, еще отпугивали темь, не давали ей пути к зальделой дороге и к нашим пятам. Деревня в эти предвечерние минуты казалась выстывшейся, вымершей, приготовляясь к ночи, и даже ни одна собачонка не взлаяла на наши возбуждённые голоса...

Поповская изба стояла на окопице, последней в верхнем конце села (а может, первой), и со всех углов, запелёнутые снегами и молодым сосенником, угадывались пустошки, что когда-то засевались овсом, покосившиеся пряди, похилившиеся саррюшки - остатки былого хозяйства. А с тылов, от былых вырубов, уже угрозливо приступали к деревне чернолесье, кустарник и кочкарник, стремясь поглотить ее, стереть из родовой памяти. Изба батюшки во всею судьбы оказалась передней в обороне, вот еето, как главного супротивника, и хотело полонить забвение, а батюшка наш сопротивлялся из крайних сил. Мы смотрели на тускло желтеющие окна, где маячили тени хозяйки и клирошанок, и каждый из нас, наверное, думал о своем, кто с хозяйственным интересом, а кто и с грустью, тоскою наезжего постороннего человека, кому ввечеру все виделось унылым и сиротским, похожим на погост.

«Как всё одичало», - невольно выражалось у меня.

«Да, одичало, но ведь и необыкновенно красиво вокруг... - возразил батюшка. Его ревнивое сердце, наверное, было задето и оскорлено моим замечанием, но он не подал виду. - Вот это сиреневое, лиловое, алое на снегу и темные, почти черные, ельники на малиновом закате, и эта озабоченная зелень по краю неба, предвещавшая морозец, и дома, как валуны, оставшиеся после ледникового периода... Самый великий художник - это Господь Бог, а мы лишь жалкие подражатели его, списыватели. Не устаю смотреть на эти Божьи творения и удивляться им. А на холсте меркнет все, линяет, скучоживается, ибо наталкивается на нашу спесь, гордыню, суемудрие, дескать, вот мы какие, все можем, и даже лучше, чем Творец, и начинаем изощряться. А может, талантишка не хватает - и это правда, да и бесы противятся, закрывают глаза на истину. Нет, недаром бесы родились раньше человека на пять тысяч лет... А попа особенно дерзко окружают они, залепляют ему очи... По себе знаю... Вот я прожил в этой избе, как купил ее, два или три месяца, и однажды, когда мои все уехали в город, я сижу на кухне, чищу картошку, и вдруг мне голос: «Немедленно покинь этот дом». Это бесы меня понуждали... А я не послушался - и живу... А послушался бы, напутался - и церкви бы не было, и попом бы не стал. Так крепко всё повязано».

Мы стояли как бы на буеве, на холмушке, и вымершая деревня стекала вдоль дороги в низину, как в ухоронку. И особенно странно в этом одичалом краю выглядела новая церковь, крестильня и келеица с куполами. Батюшка проследил мой взгляд и сказал торжественным голосом, притягенно гордясь собою:

«Многие не хотели такого храма, но получилось, как я замыслил, и сейчас мы все молимся, чтобы сохранился храм. Непогода какая, гроза, дождь или сильный ветер, а ветра здесь страшные бывают, я все время молясь: «Господи, спаси и сохрани храм

свой преподобного Амвросия Оптинского». На это не жалко тратить силы и молитвы... Моими руками делается вроде бы, моими мозгами вроде бы, и все-таки чудно, что дело движется, ведь денег у меня нет, у меня маленькая пенсия, и у жены Ларисы маленькая пенсия, кажется, что можно на пенсию сделать, да ничего нельзя сделать...»

«Церковь есть, а молящихся нет...»

«В этой деревне нет. Но у меня четырнадцать деревень в приходе, человек двести пятьдесят. Но даже если бы и один человек жил... Как ему быть без церкви? А как строили Сергий Радонежский или тот же Кирилл Белозерский? Уходили в глухие леса, строили церкви, монастыри, не думая о молельщиках, а после и люди стекались. Где храм объявится по жажде душевной, туда обязательно народ притечет. - Батюшка призадумался, словно бы подавляя в себе смуту и дальнее сомнение, и утвердил: - Храмов на Руси должно быть много, ибо настало время Христовых воинов... Ведь не на каждом месте церковь можно срубить, но только на том дивном месте, которое особенно приникает к сердцу... Вот гулял я за деревней с попами, вышли на полянку в лесу, где деревня была прежде. Там были раньше поля, сеяли лен, и жили на выселках два брата, они шили конскую упряжь, делали хомуты, сани... Попы восхитились тем местом, а действительно дивное место, клевера цветут, пчелы гудят, жирная трава по пояс, осиянная такая холмушка в ельниках... Ну и что?.. Договорились мы строить там церковь и закопали свои нательные кресты, сверху насыпали каменьев, гурий такой. Потом воздвигли осиновый крест. Осиновый крест, по преданиям, защищает от привидений, от оборотней. Потом привезли и подарили мне икону резаную Божьей Матери Владимирской, здесь освятили. И к этой иконе стали ходить богомольники. Она сделана человеком безбожным, но очень искренне, близко к примитивизму. Большие руки, какое-то лицо длинное... И вот народ стал ходить, мо-

литься, конфетки класть... Я привёл к иконе Романа Мороза, он увидел место чудное и сказал: «Я построю здесь церковь». Вот так все случается не по нашей воле... Молиться надо в том месте, где молится... Я так думаю, что если сил достанет, то задумка у меня живёт монастырь тут создать. Вот сейчас на деревне вместе со мной и с матушкой осталось четырнадцать человек, а через короткое время будет жить сто восемьдесят...»

«Все верно, батюшка, будут люди, - поддержал Мороз. - И богомольцы притекут, а как иначе... Надо будет гостиничку возле храма поставить, пусть пока и небольшую. Я уже и сруб приобрел, осталось только место выбрать... Вот завтра мы и присмотрим, если батюшка благословит», - добавил Роман, уже обращаясь ко мне.

Наверное, им так хотелось убедить меня, склонить в свою сторону, заразить своим духом (хотя и знали, что я на их стороне), что благое дело на Руси не пропащее, только нужна от каждого хоть капелька сил на устроение земли, и всё исполнится, как бы само собою, по щучьему велению... Но ведь сказочное «щучье веление» не по лености музицкой, крестьянской, но за щедрость сердечную, за доброту человеческую. «За все добро отплатится добром, за всю любовь отплатится любовью», - скажут позднее. Сказка «По щучьему велению» многое древнее православия, но хранит те русские заветы, которые потом перейдут в церковные заповеди.

«Роман предложил удивительную вещь - сделать по реке Мологе казачьи заставы. Будут казаки осваивать пространство, заводить семью, обрабатывать землю. Им очень пригодится умение Романа строить дома по современному, с малой затяжкой времени... Это прекрасно...»

В редких избах там-сям затеплились огоньки, они прокалывали темень, как раскалённые спицы, от них до нашего сердца напльвало теплом. Но, увы, эти светильники были так редки, что лишь подчеркивали ветхость, забытость, быстрое увядание Зараменья. Но ведь Христос поднял с

одра мертвого Лазаря, значит, всё возможно... Если будет в народе вера в мать-сыру землю, в ее нескудеющую способность давать хлеб насущный на нашу искреннюю любовь, то и Бог, увидев тяжкие труды во благо, несомненно протянет руку помощи. Если мы окончательно не отпадём от Христа, не залубенеем душою, то и Христос не отвернётся и призреет нас неуловимо нашему пониманию, вроде бы ничем и никак не напомнив о себе...

Иногда в окне отдернется занавеска, посмотрят на улицу с любопытством, кто идет, и снова запахнется. Батюшка всех деревенских знает, их судьбу, их горя и радости, их болячки, он перестал быть чужим, он свой, сельский поп, он и встретит в мир нового человечка, он и отпоеет, проводит в мир вечный-бесконечный.

«Вот они вроде бы прежние, что и десять лет назад, но с появлением церкви уже другие. Они даже не представляют, что уже другие, меньше плоти стали угождать, - сказал батюшка, увидев в окне знакомое лицо. - Хотя какое уж тут угоджение в бедной деревне-то, - он вздохнул. - Вот в городах, там иное, там бесов много, там даже попы порою за чечевичную похлебку продаются. Я одному батюшке в Москве посетовал, что некоторые иереи плоти угождают, кушать хорошо хотят, а значит, бесам продаются. А он вздохнул, беспомощно развел руками и признался мне: а что, дескать, делать, ведь пенсию-то надо получить. И не понимает, сердешный, что пенсия тоже от Бога... А как тогда нищего крестьянина увещевать, которого город ободрал как липку? Язык не повернётся обвинить вот их, - отец Виктор неопределенно махнул рукою вдаль улицы. - Вот сидят, последние на деревне, телевизор смотрят, а в церковь и силком не затащить. Я за это время отпел людей - немыслимо, только в Зараменье пятнадцать человек... Но люди-то всё равно меняются. И я это знаю точно... Вот колокольчик зазвенит, и пусть на службу не придут, а на душе-то ворохнётся, и невольно о Боге вспомнят... А что на душе ворохнётся - это со-

весть. Понимаешь ли, Бог - это проявление совести. Таково свойство русских. Если совесть есть, человек в Боге уже... Вот батюшка Николай Гурьянов лет тридцать назад сетовал мне, что молодые плохо ходят в храм, что в будни приходится служить в пустой церкви. Но ведь он не впадал в уныние, он не считал, что народ погряз в дикости и что Русь погибает. А уж он-то, прозорливец, помещался как бы в самом сердце России, смотрел в самую суть вещей и многое провидел. Я через одну знакомую богомольницу однажды испросил у старца совета: дескать, что мне делать, долго меня не рукополагают. И он передал ответ, чтобы я не беспокоился, всё будет хорошо...»

«Со мной под Печерами в Псковской области был однажды случай. Еще при советской власти. Зашли мы с товарищем в храм. Мне так запомнилось, что храм стоял одиноко на холмушке. Служит священник - и никого из богомольников. Осиянный такой старичок, весь седенький, но ухоженный, благообразный, чем-то Николая Угодника напоминает. Спрашиваем: что, вы так и служите в пустом храме? Он отвечает: «Да, каждый день все службы исполняю. Мне не так и важно, идут люди или нет. Богу не так угодно, сколько народу приходит, но важнее, хоть бы и один человек, но с полнотой души возносил хвалы Господу». Потому я и вспомнил тот случай, ибо он совпадает с твоей жизнью, с твоим служением. И что удивительно, на его лице не было никакой скорби...»

«И со мной так же... Если за свою жизнь я хотя бы двух человек привел к Богу, то жизнь моя не напрасна... Мы страдаем от того, что мало верим сердцем. Языком многие верят. Свечки ставят, пожертвования делают. Иногда за советом приезжают, будто к колдуну, дескать, помоги - и всё. А что для этого душою надо потрудиться - не понимают. Себя от внутреннего труда освобождают, духовной битвы боятся, чтобы всё готовенько. Чтобы как хлеб с маслом и стакан молока употребить. Душевных страст-

тей боятся и страданий... А если и молятся, то только с просьбою к Господу, дай-дай, да чтоб немедленно исполнились желания. И редко когда возблагодарят в молитве: «Мати Пресвятая Богородица, спасибо тебе...» Если Бог не помогает, сразу бегут к ведьме, колдуну, экстрасенсу. Значит, от Христа к дьяволу, и так глубоко на Руси все смущалось, перемешалось, пожалуй, в такой растерянности давно не находился русский человек. Я не виню их, но так случилось... Раз мечутся, значит, действительно худо, ищут хоть какой-нибудь помощи... Вот приехали позавчера двое, муж и жена, невенчанные, за восемьдесят километров, кто-то надоумил... У них с тёщей нелады и все прочее... А я же не колдун, но хотят немедленной помощи. Ну, поговорил, дал им свечки грозовые, попросил каждого молиться, постоять перед иконами. Уехали маленько другими людьми, уже не прежними. Зернышко я бросил в пахоту, и может, росток будет. Потому я счастливый человек, потому что сеятель... Покойный митрополит зарубежной церкви Виталий сказал, что если русские научатся молиться сердцем, если сердечно будут относиться друг к другу, тогда и кончатся все наши беды... Бед много, бесов много, но главное, как человек воспринимает их... Вера маленькая, веры никогда не бывает много, но главное, чтобы она росла. А она растёт в трудах, лишь в преодолении грехов, которые на нас ополчаются ежедень и готовы пожрать душу с потрохами... Вот и чти бесконечно Иисусову молитву, чтобы не позабывать свою грешность... Если бы у всех была заложена большая вера с самого рождения, то все были бы святыми, тогда и церквей не надо бы, и путь Христа не научал бы ничему... И душою бы не надо трудиться. И у меня маленькая вера, но меня Господь вразумил, и я останавливаю кровь. Я не знаю, как это получается, просто наступает момент, когда приходит безусловная вера, и Господь даёт... Это необъяснимо...»

«Может, потому и называют вас

колдуном? Человек останавливает кровь...»

«Хороший мой... Ну и пусть называют, на каждый роток не накинешь платок. Но это меня нисколько не беспокоит... Вот приехал Миклухо-Маклай в Полинезию. Его папуасы сначала хотели съесть, потом раздумали и назвали Богом... А он что, Бог?.. Нет... Он что, должен был убеждать, что он не Бог, и тратить на это нервы?.. Так и я... Наверное, во мне есть что-то такое непонятное, чего нет в других, и это смущает, тревожит, как всё странное... Может, потому, что я отрицаю колдовство и всякую чертовщину от сатаны, ибо вся сила, все знание только от Бога. Бог даровал мне такую способность, тем отметив меня. А людям этого не разъяснишь. Хоть бы и тебе, ибо тайна необъяснима, и потому она и есть тайна... Вот я изначально, с первой нашей встречи знал, что ты верующий человек, по твоим книгам, как ты пишешь, по языку и интонации, по тому, как ты говоришь. Хотя, говоришь, и не был крещён. У верующих есть хотя бы одно достоинство, отличающее от прочих. Они иногда услышат благую весть и на неё отзовутся... И ты из таких людей... Правда, ты любишь говорить глупости старому человеку, а он отчего-то прощает их тебе», - батюшка ехидно, сладенько так хихикнул - дескать, подколол.

Я промолчал. Да и приустал что-то за долгий день. Но стыдно было перед батюшкой выказать свою слабость. Тьма сгустилась, лишь снег слабо отсвечивал да небо на закрайках белело, как сыворотка. Над входом в храм горел свет. Деревня извилистым ручьём стекала вдоль дороги иль карабкалась по склону вверх - но только церковь отчего-то оказалась в низинке, распадке, в сыри, в самой ненудоби, куда рачительный хозяин не сунется с новостроем. По веснам, в разливы, поди, полно воды, кустарник подпирает с заполек, волосатый кочкарник да всякая чертополошина, где в травяных потёмках ползают ужи, плодятся лягушки и таятся коварные бесы. («Эк расписал Личутин, - на-

смешливо подумает сельский поп, прочитав моё творение, - хорошо хоть нильские крокодилы не плавают на подворье. А надо будет завести парочку чудовищ с Египта и поставить литератора перед жадной тварью».

«Церковь-то обычно ставили на глядене, на горушке, видимую издали, - невольно подумал я, придирично разглядывая храм, - чтобы крест издали зазывал к себе, чтобы медяные звоньки далеко катились, аж за горизонт, полошили дремотного и спящего. А тут призатаилась храмина в уремине, как скрытный человек, но, неожиданно объявившись взгляду, невольно заставляет приободриться, приосаниться пешего и конного, приценчиво вскинуть взгляд в небо, к маковице с колоколами, к луковкам со крестами, к двухскатной изгибистой крыше, похожей на архангеловы крыла, вскинутые для полета, уже подпертые ветром. Только на подходе к храму замечаешь, что он внешне и приземист, и высок, он вроде бы неуклюж, широко расставившись на пятах, но и крылат, придавлен к матери-сырой земле, но и духоподъемен, затягивает взгляд твой к небу. Вот так богатый внутренне человек не открывается с первого взгляда чужому взору, но выставляет себя с самой невыгодной стороны: то ли юродивый, то ли милостынщик по одежде, то ли побродяжка без места службы, то ли в наказание языка лишен, такой молчун - то есть сама покорность и смиренение... Терпение надо иметь и готовую душу, чтобы разглядеть и понять такого человечка... Это как доброй выпечки каравай: мало откусишь, но много нажуешь...»

Даже не зная отца Виктора, но лишь глядя на его исполненный замысел, невольно решишь, что в какой-то степени сельский поп, не любящий спокойного течения жизни, - разрушитель догматов, не церковных, которые незыблемы для него и на чем стоит русское православие, но эстетических, рутинных, усыпляющих, к чему давно притерпелись душа и сердце... Безусловно, его церковь эклектична (мое досужее впечатление),

несоразмерна, несколько кургуза - боятырское тулово, высокая шея, дюжие развалистые плечи, но коротконогая, низко поставлена на «стулци», и это первое впечатление только усиливает посаженность храма в низину, в «ляговину». Этакий мужичок-боровичок, когда колпак надвинут на глаза... А когда съебет шапёнку на затылок и в глазах вспыхнет азарт, - тогда ого-го... Отсюда двойственность облика: с одной стороны смиренность, поникость под низким угрюмоватым зимним небом, с другой - гордо вскинутая в небо голова. Тут много от древнерусской храмовой архитектуры и от северной избыенной изысканности - эти необхватные кондовые бревна, тесовая крыша, осиновый лемех луковиц, резные полотенца, сходы, лесенки, кружевые опушки, широкие лавки, забранные в кованые решетки крохотные оконца... Что-то возникло из сновидения, нарисовалось из художественного воображения, измыслилось ночами, после прилепивалось, вчинивалось, привязывалось топоришком и долотом, дополнялось. Примерно по такому «спиральному принципу бесконечности» создавался Московский Кремль, только там на «дорихтовку», доведение до ума неведомого замысла ушли столетия, но так он и не завершился окончательно и, пожалуй, не исполнится никогда, потому что пока затерялся в толчее временных посторонних людей... Сельскому попу (бывшему московскому интеллигенту) понадобилось пятнадцать лет, и замысел как бы выполнен только вчерне. Что наснится завтра, что поблазнит при взгляде на вечерний закат, на грузную заснеженную ель, на сиреневые облака ивняка, он и сам не знает, но ум его готов принять небесный подарок. Природа обавна, пречудна, приманчива, неисследима, не остывающая и не стареющая обличьем... Она каждый год умирает и воскресает вновь... Сельский поп Виктор Крючков поднимает церковь, а церковь строит его душу, вымывает лишнее, чем грешит каждый из нас на земле. И не странно ли, но в своде зод-

чества своей особой архитектурной страницей всегда оставались лишь причуды человеческого ума и любовной души.

Но я-то рассуждаю как человек сторонний, праздный, ни толики сил не положивший на стройку, не практик, а сочинитель, и в мой любопытный разбежистый ум каких только мыслей не прикинется, чтобы поблажить в нем. А для отца Виктора каждое бревно обласкано его руками, каждый сучок прильнул своей шероховатинкой к его ладоням, сколько сосновых спиц вонзилось в его пальцы, сколько разладицы, доводившей до скорой слезы, случалось на его сердце, когда что-то не клеилось иль шло вразброд с «безумной» затеей, коей никто из деревенских не верил, полагая ее за бредни наезжего горожанина, ставшего сельским попом. Бог ты мой, сколько за эти пятнадцать лет, пока «из слабого росточка выветвилось дерево», случалось минут и горьких, и вполне счастливых, и даже праздничных. Нет, нам не понять чувств сельского попа, который сейчас, запинаясь подшитыми валенками о раскаты дороги, рассуждает со мною о вещах высоких, серьёзных, торжественных, но, оказывается, всякое большое дело рождается из посвящённости одной мечте и одержимости человека...

Батюшка вынул из проушин амбарный замок, и мы вошли в притвор. Нас обдало холодом. Зимняя церковь и внутри вдруг оказалась особенной, прежде мною не виденной. Нет, к счастью, она не была тем казённым новоделом, коих множество нынче встречается на Руси, но и не было того полу сумрака, затаенных приделов, переулков, углов, за которым можно постоять на коленях, всяких скрытен, кладовочек и повалуш для всякого храмового скарба, что за обычай в православной церкви. Все в храме сельского попа открыто на погляд, на посмотрение, как в деревенской горнице, и тайна хранится лишь за царскими вратами, в прорезную резьбу которых во время службы то мелькнет алая риза иерея, то белый стихарь клирика, то блеснет огонек свечи...

С левого угла взгромоздилась ещё не протопленная нынче чугунная печь, похожая на локомотив, от нее на улицу отходит дымовая труба из жести. Здесь бы, конечно, не помешала изразцовая старинная столбовушка, похожая на русскую деву (да разве нагреешь ею просторную церковь), и поначалу странно для меня выглядел этот прирученный огнедышащий «эверь об одной ноздре», припавший на передние лапы. Чуженин сначала отталкивал своим грозным видом, но скоро глаза привыкли. Широкие лавки, развесаны рядами по бревенчатым стенам простенькие иконы, царские врата тоже особой выделки и резьбы - рукоделие самого батюшки, огромное кованое паникадило свисает с потолка, по правую руку клирос - небольшая стоечка с лавкой, за которой стоят деревенские певчие... Запах соснового выстоявшегося дерева, свечей, ладана, чуть придавленный уличной стужею. Домашний свойский храм, где, быть может, не хватает трапезной, целовальника в углу, собирающего с православных налогу. Храм, где еще не потемнели, не задымели стены, не запылились углы, не запаутились потолки, не иссыкли запахи живой природы, ельников и сосенников, еще не смешались былое, будущее и настоящее. Храм - врачеватель нового времени, ждущий богомольника, паломника, страждущего скитальца, заблудшего и погрязшего в скверне...

Одна из клирошанок попросила благословения протопить церковь к завтрашней литургии. Батюшка благословил, напутствовал быть приглядчивей. Он не спрашивал, приник ли к моей душе храм, да, собственно говоря, сельский поп и не нуждался в чужой оценке, ибо любой сторонний взгляд будет скользящим, поверхностным, уже не меняющим сотворённого дела, для батюшки самого любимого, куда были помещены самые душевые искренние чаяния и давние мечты. Храм для отца Виктора - это не просто его рукоделье, его взращенное дитя, но воплощенный сон, а редко кому из простецов удается претворить собственное видение, нечто не-

осязаемое, мистическое, похожее на блазнь и причуду, обратить в видимое, осязаемое... Такие люди, думается мне, наперечёт.

Спускаясь с крыльца, батюшка вдруг запел хрипло, задиристо: «Знаю, ворон, твой обычай, ты сейчас от мёртвых тел, И с кровавою добычей к нам в деревню прилетел... Где ж ты взял кроваву руку, руку белую с кольцом?.. Где же ты летал по свету, что кружась, над мертвцем... - И так же неожиданно оборвал песню, но в тон ей запричитывал, лучась взглядом из-за очечков: - Ой, милые вы мои, хорошие, как чудесно, что вы приехали, навестили старого сельского папа с попадьей, доставили им столько радости!»

5.

У портретного очерка свои законы. Он близок к литературе по художественности слога, но не терпит вымысла, придумки, фантазии писателя (как рассказ или повесть), это как бы слепок с натуры, но не гипсовый, мёртвый, стирающий живые черты, но тот список с живого образа, к чему приложена душа автора, его симпатии, мысли и чаемые желания. Рисуя натуру, писатель против воли накладывает на неё и свои мечты, идеализирует героя, выделяет наиболее выпукло его положительные, симпатичные ему качества, но ретуширует недостатки, всякие суеверия и суемудрия, которых пруд пруди в природе человеческой, но даже и в этом случае он не должен сочинять, прибавлять небывалое, увеличивать ничтожное, укрупнять мелкое, ибо героем очерка может быть лишь человек положительных нравственных качеств иль человек судьбы необыкновенной, чтоб жизнь его пошла нам в поучение... Этот образ должен непременно удивить сначала писателя, а после и читателя, прилечь к его сердцу, подвигнуть душу к добрым переменам. Очерк - это избирательное увеличительное стекло, но это и своеобразная проповедь о нравственном, совестном, в коей непременно, пусть и в скрытом обличье, но живет Бог. Че-

рез очерк писатель невольно и сам себя изливает и чуточку излечивает... О пошлом, о дурном, о всякой сквернене, братцы мои, конечно, куда легче писать, она выпукла, она притягива и приманчива, она даже очаровательна порою, эта пошлость и грязца, она сама в глаза лезет и как бы вопит: дескать, вот тут я, вот сколь я прекрасна, - это невидимые бесы, нас окружающие, лезут напролом, чтобы заудзать и усесться на горбину...

Бот взялся я писать о сельском попе с чистыми помыслами, отметая всякие подковырки и неудоби, что тут же лезут под ноги. А каково батюшке?.. Ведь ему, чтобы наставлять пастыту, подвигать ее на добрые помыслы, надо вдвойне и втройне бороться с бесами, которые денно и нощно толкуются возле, вдвойне и втройне устраивать душу свою, городить врагам переграды, печься о ней в каждый миг, вооружать себя добрыми помыслами, отметая прочь раздражение и злость и порой вспыхивающие от усталости иль нездоровья порывы невольной неприязни к окружающему миру, - да мало ли с чем приходится сражаться иерею, ограждать себя не только молитвою и чтением бытийных книг, но и подвигать к ежедневным делам насущным, которые, будто остервенелые псы, так и хватаются за подол рясы, и вот в этой толчее будней надо и самому не потеряться, не закоснеть, не измозгнуть до той степени, когда всё станет однажды безразличным, и тогда церковь, а с нею и миряне, для которых труждается поп, невольно отодвинутся в густую тень, станут ненужными и даже вовсе лишними. Вот и этим манером, как мне думается, настигают батюшку «не наши» и давай помыкать им, как своим слугою, если дашь им самой малой послабки... Вот потому заботы о своей душе особенно гложут нашего батюшку.

На дворе ночь, а я, как змий-искуситель, все искушаю батюшку вопросами, докапываюсь до его глубин, ибо сам весь в сомнениях и эти сомнения

переношу невольно на сельского попа, хочу, чтобы он разрешил их сию минуту иль оправдал. Хочется понять, что такого необычного могло случиться с московским мещанином, чтобы в одночасье он оставил столичную богему, распутал клубок противоречий, отбросил все соблазны, как ядовитый пар, окутывающий нас, и уже очищенным погрузился в русские глубины, где еще клубится, живет настоящий православный дух. Ведь неправда (иль не вся правда), думалось мне, что, скитаясь, художник искал лишь местечко для живописания натуры, ибо во всяком месте, отъехав от Москвы верст за двадцать, красоты неисчерпаемо. На самом деле это был лишь повод для побега, которым и воспользовался Виктор Крючков. В семидесятые по всей Европе было модно сходить на землю, в лоно матери-земли, возвращаться к жизни предков и в первобытном труде устраивать доброрадную душу, очищая от нажитой накипи. Пробовали, натягивали ярмо, мозолили хомутом шею, вроде бы прирастали интеллигенты к пашенке, к скотинке, не догадываясь, что голова-то испорчена окончательно, и первое время даже сладкое чувство вскипало в груди, но миновало короткое время - и такая тоска вдруг заедала, такое одиночество догоняло, такая грусть, что иные бежали обратно сломя голову, так глубока и неисследима была в них отрава, другие же кончали жизнь самоубийством. Оказалось, что «нельзя войти в прежнюю воду», она отторгает тебя, как плесень и сор...

Меня и прежде, еще тридцать лет тому назад, занимала эта тема «побега интеллигента на землю», когда писал роман «Любостай», а закончив его, решил, что наконец-то развязал клубок противоречий. Но увы... Ну хорошо, мой герой романа Бурнашов необъяснимо умирает, но есть же живой пример - улыбчивый сельский поп Виктор Крючков, сидящий на табуретке напротив меня, как смиренный ионок, и не выказывающий усталости. По возрасту - старик, и если бы не поменял городские теснины на де-

ревню, то сидел бы нынче на лавке под тополями где-нибудь в глухом тенистом дворике возле детской песочницы и отрешенно разглядывал бы, как детишки стряпают в песочнице свои замки из песка и тут же беззаботно рушат их, и непонятно чему улыбался бы, вяло шевеля синеватыми губами, вышептывая тайные извилистые мысли, вспыхивающие ни откуда и в никуда пропадающие. В свой час открывается форточка, и жена Лариса, столовив щеки, зовет: «Витя, иди обедать». И как бы детство на минуту вдруг вернется этим возгласом... И поволокет ножонки домой, опираясь на тростку... (это уже о каком-то другом человеке, с иной натурой). Но ведь и таким образом можно бежать от богемы, от ее сладкого побудительного кишенья...

Я мощусь на пружинной койке на комковатом матрасе, на котором нынче почивать мне, и обвожу взглядом тусклую освещенную избу с потемневшими бревенчатыми стенами, с которых батюшка содрал восемь слоев шпалер, печуру с длинной жестянной трубой под потолком, сумрачный закуток, где стоит, наверное матушкина, кровать... У другой стены батюшко ложе, иконы над ним, прикроватный столик со служебниками и священными книгами. Это его условная келеица, его склон, его закут, где он и готовится к церковной службе. Нельзя уединиться, но можно уйти в себя. Дверь в кухню не плотно прикрыта, доносится оттуда шорох, слабое звяканье посуды, матушка завершает обрядню, но в горенку не идет, чтобы не нарушить беседы...

«Батюшка, мне хочется знать, как рафинированный интеллигент приходит служить в церковь. Это не единичный случай, их много, но каждый раз это необычное событие, из ряда вон. Много священников из писателей, режиссеров, художников. Почему они идут в священство, что их позывает?..»

«Я думаю, что настало время, когда уже нельзя жить беспечно, прихлебывая сладкий чаек. Сейчас наступило время личной ответственности.

Если человек не хочет погрузиться в новую жизнь под власть мамоны, то ему надо искать пути спасения. Вот «новые русские» набрали денег, тратят их на баб, на вино, на машины, на дачи... ну и что потом? Для чего все это? Для чего мы живем? Надо жить так, чтобы не стыдно было, чтобы совесть не жгла».

«Другие народы не мучает совесть, а нас вот мучает...»

«Да потому что мы герметически православные. На клеточном уровне мы православные. Совесть - это проявление Божьего человека... Вот человек, который много читает, в конце концов начинает разбираться, где правда, где неправда. Один закрывает на всё глаза, день прошел - и слава Богу... Когда я пятнадцать лет назад здесь появился, в то время поехало из больших городов много народа. Это получилось как поветрие. А может, знак Божий был. Чаша накопилась. Её нужно или выпить, или отодвинуть. Все равно дальше жить по-прежнему нельзя... На такой сложный вопрос и ответ должен быть сложный... Может, время пришло. Вот когда снимают яблоко с дерева, когда оно уже зрелое, когда ясно, что зрелое, тогда и снимают. Вот и церкви нужны люди не просто образованные, а сердечно образованные, когда они уже поспели к служению. Можно читать много книг, а они ведут к безумию... Я не настолько умный человек, чтобы исчерпывающе ответить тебе. Но я знаю, что во всём, что мне дал Господь, что я сумел использовать и что услышал от Бога, - во всем этом есть какая-то последовательность».

«Но был же какой-то переход?.. Ведь не сразу произошло превращение... Был такой день, такой случай иль обстоятельство вынудило?»

«Володенька, хороший мой, да ничего меня не заставляло, и обстоятельств таких не было, и не прорастало ничего во мне... Просто в какой-то момент, незримо для себя, я стал другим...»

«Не поверю... Ни мук, ни сомнений, ни тягостных раздумий? Вот взял человек и поехал из города в деревню...»

«Я понял, что Москва - город не мой, не русский. Тяжело в нем стало дышать. Вот и маковок церковных много, а дышать тяжело... Пятьдесят три года я прожил в столице, родился в ней... А теперь давно уже приезжаю лишь по делу, по самой неотложной необходимости».

«Ты приехал в пустое место и взялся храм строить?»

«Ты знаешь, я не собирался строить, но я думал его строить. С этой мыслью я ездил по деревням и говорил, что ищу дом. А начинал разговор с того, что, дескать, я верующий и хочу храм построить. Неизвестно почему, но везде говорил. Некоторые смеялись, другие не верили, считали за шутку, третьями говорили, что если построишь - сожжёшь. Я выискивал место для дома, а говорил себе: вот здесь можно церковь поставить, а здесь место для монастыря. Это не мечтание, я просто был убежден, что когда-нибудь построю храм. А может, эта мысль и не моя, Господь в меня внедрял... По жизни моей получилось так, что я без храма не мог жить. Я все время должен бывать в храме, исповедаться, причащаться, слушать пение, стоять на службе. Потребность душевная... Вот представь себе, до ближайшей деревни двадцать пять километров, а там церковь разрушена. До следующей деревни еще двадцать пять километров. Как здесь жить верующему человеку, как жить без храма, если ты русский? Церковь дает ощущение настоящей полной жизни. Я думал о храме как о кристалле, который надо вырастить. Потом мне храм привиделся во сне... Стоял в небе, как бы на облацах... Я увидел его не в подробностях и частностях, а как бы вообще. Я знал, что это мой храм, это я его построил... Дмитрий Ростовский говорил: «У человека не может быть своих мыслей, у него нет органа, который отвечает за создание мыслей. Он может лишь поймать, оценить...»

Однажды один мой хороший знакомый приехал в гости, мы с ним договорились, что изба будет на двоих. И он подарил мне пятьсот долларов,

я таких денег не видывал, долларов никогда в руках не держал. Он говорит: делай второй этаж под мастерскую, а я буду к тебе приезжать иногда в гости... А вместо этого я в соседнем колхозе купил на эти деньги кирпича для фундамента церкви... Привезли и в четыре дня мне забутили, а вскоре выяснилось, что поставили косо, углы под сорок пять градусов, сруб ставить нельзя, пришлось разбирать. Это случилось сразу после Духова дня. Мужики перепились, устроили мордобой и разъехались... Оставили меня у разбитого корыта. Это было первое испытание..."

«И сколько вас нашлось добровольцев?»

«Тroe... Первое бревно длиной девять метров и в комле на шестьдесят пять сантиметров мы закатили. И вот когда первое бревно положили - я заплакал. И тут родилась мысль, что храм сам научит строить. только надо внимательным быть. И шесть венцов срубили... В том же году у меня случились скорби, я долго молился у мощей преподобного Сергия Радонежского о себе, о том, что случилось со страною и что нас ждет... Долго я молился и вдруг услышал голос: «Иди и служи...» Сначала я попал под начало отца Павла в Покровский собор клириком. Потом дьяконом служил в Торжке, потом, в шестьдесят лет, стал священником в Кашине... А в это время церковь потихоньку строилась. Как появится чуточка денег, я приобретаю немножко дерева. Мастера были случайные, порою с худыми руками, напортачат, а я после выправляю. Но были и неплохие. И так вот за десять лет, постепенно... Из сна в явь. Я и строитель, и архитектор, и настоятель, и регент хора, и истопник. Вот этим годом подвинулось много, Господь к нам был милостив. Я не уверен, что служу хорошо, что я хороший поп, но я знаю, что мое служение необходимо людям... И так чудно, что дело движется и люди едут к исповеди, и так радостно живем, такой душевный подъём! Хотя тоже трудно временами бывает, не без этого, и здоровьишко порою прижимает».

«Может, ты и сокрушил здоровье на этих бревнах?..»

«Все возможно... Ведь делаешь не то, что хочешь, а что Бог даст. Я стараюсь не поступать самочинно. То, что хочется, я делал в молодости. Сейчас я стараюсь делать то, что надо...»

Сквозь сон слышу, как поднялся батюшка. Разодрал глаза, еще ни свет ни заря, на улице не развиднелось, окна темно-синие, ночные, казалось бы, спи-почивай. На кухне голоса потихонечку гулькают, значит, и матушка уже на ногах. Забухали сапожишки, скрипнула дверь, это батюшка пошел в хлев, понес пойло скотине, зернеца птицам, сенишка ослу.

Крестьянский, древними предками заведенный еще до православия быт и побыт, и вот за тысячи лет он не сдвинулся к перемене ни на йоту, ибо в деревне мать-земля кормилица командует, а крестьянин на ней дитя и соработник... Посыпалась на пол дровишки, это батюшка принес со двора беремце, и сейчас матушка затопит русскую печь, огонь запляшет, заиграет, отпотеют заиневелье оконца, в горенку прольется тёплый дух... (Господи, как радостно писать эти строчки, так все знакомо, будто в детство ушел, и годы не пролетели, и я не в гостях на далекой Мологе, а на своей родине в родовой изобке, и это моя мать, пошатываясь со сна, затапливает печь-столбушку. Эти грязи и бряки дров, выушки, кочерги, посуды, скрадчивое шарканье шлепанцев, световые блики из окна, из печки, от керосиновой лампешки, худо разжижающей темь, запахи березового дымка, выпорхнувшего из-за чугунной дверцы, блинцов, что на скорую руку затеяла мать, чтобы состряпать до школы, морозной змеи-поползухи, что вскочила низом в полу дверь и нырь ко мне под одеяло... - все оказывается незабыто, все так плотно уместились - не в памяти, нет, и даже не в душе, и не в сердце, - но в каком-то особом телесном потаенно-неведомом органе, которому еще не сыскано на-

звания... Это душевное томление такое русское, заветное и каждому исконно русскому невыразимо родное, в каком бы далеком, затерянном углу отечества он ни родился бы на свет).

С этим чувством я снова незаметно забылся и проснулся лишь когда Роман Мороз, свежий, румяный, осторожно тронул меня за плечо, сказал смириенно:

«Владимир Владимирович, пора в церковь... Батюшка ждёт...»

Я промычал что-то, выбираясь из сна, хотел поначалу отмахнуться, дескать, попозже приду, но, взглянув в участливое, какое-то жалостливое лицо Романа, склонившееся надо мною, вдруг устыдился своей лености, внутренней черствости и душевной праздности, засовестился и скоро собрался на службу. А побороть внутреннее сопротивление, свое «не хочу», «не надо» - это тоже пусть и крохотная, но победа над плотью. Эх, кабы уметь надежно дозорить себя, снимать стружку, иль кабы постоянно находился возле такой человечек, который бы подвигал на добрые поступки, - но ведь для няньки и дядьки я уже давно из возраста выпал.

...А в церковь только вошёл, увидел батюшку еще в смиренном одеянии, в какой-то затрапезной одежонке (то ли фуфайонке, то ли тулуице, то ли в какой-то пальтохе), вдруг при виде меня вспыхнувшего всем лицом и радостно подавшимся навстречу мне, - то и сразу сон с меня как рукой сняло. Я вдруг решил, что отец Виктор ждет именно меня, ему хочется видеть сейчас именно меня, чтобы увериться, что вчерашние долгие разговоры, похожие на исповедь, упали не в бесплодную почву, но нашли свою родящую пашенку...

Вот не странно ли устроилось в русской жизни, казалось бы: без попа никуда, он и встретит в жизнь и проводит, и как бы в начале прошлого века ни вихляли умом и сердцем западники и либералы, как бы дерзко ни кичились своим «гуманизмом», каких бы подкопов ни строили против Церкви, порою безо всякой нужды,

каких бы срамных слов ни насылали на священство, как бы ни испакостили его, добровольно роя себе под ногами яму, а после стеная и рыдая за свою ослепленность, - но вот неизбежно наступал урочный час, когда почти каждый из них, если он русского племени, вдруг с надеждою и томлением озирался во все стороны, с нетерпением отыскивая батюшку. Но много ли доброрадного, а не пакостливого, правдивого, а не злорадного, сыновьего, а не бессердечно-черствого написали господа литераторы в «серебряном веке» о русском священнике?! Увы, увы... даже самые одаренные Господом, усевшись на черта, поскакали в Европы за наукою, как ловчее делать деньги, брать Бастиилии и лечить кости... После Лескова, Розанова и Шмелева, пожалуй, и не найдешь от них доброго, поклончивого слова священцу... Но столько желчи излили, столько поносного и самого скверного понесли в народ, как по неведомой команде, что, начитавшись этого глума и срама, даже самый добросердый человек пусть и на миг, но невольно свихнётся, помутится разумом. Нет, это не мужики русские рушили храмы, гнали попов по этапу и топили в иорданях, - но это насыльщики зла, мастера перековки и перетряски, практики террора и мирового пожара, ненавистники России руками облукавленного простеца-человека выстраивали свой тайный каббалистический «чертёж» (если и были на русском крестьянине какие-то вины, то все они сторицей искуплены ценой собственной смерти в великой войне)... Боже мой, как тут было не соблазниться февральской революцией, если бесы, луканьки и нетопыри, всякая потусторонняя нежить и нечисть, с граем кочевавшие по России, куда краше, впечатлительнее, выразительнее выходили из-под пера беллетриста, и те черты добрые, чувства душевные, коими из века отмечен был облик православного иерея, были исподволь отданы на откуп «не нашим» иль людям самым злоказненным и тайным, чтобы скрыть «рога и копыта дьявола», чтобы народ полю-

бил сеятелей зла и отдался в их власть...

...Батюшка скрылся в алтарной. Пришли клирошки, милые женщины, две девочки-отроковицы, краснея от смущения, так и застыли подле двери, явился иподьякон, солидный такой мужик с бородою, видом прасол иль приказчик. В углу сердито, шумно топилась чугунная печь, похожая на реликтового зверя, порой из дверцы клубами выкидывался горьковатый дым и расстилался по храму, но прихожанки не брали причуды истопки в расчет, значит, это случалось за обыкновение. Матушка выдала нам свечи, потом вошла за клирос, похожий на буфетную стойку, принялась листать служебники, настраиваться на пение. Все невольно занялись ожиданием службы, тем самым освобождаясь от мирского, смирно приуготовляя душу. Говорок смолк сам собою, глаза опустились долу. Голову мою слегка вскружило, отчего-то защипало глаза. Я догадывался, что это не от гари, но от внутренней умягченности. Дело творилось на наших глазах неспешно, как-то по-домашнему, будто в домовой церкви знатного боярина. В прорези царских врат то и дело промелькивало лицо батюшки, открывалась узенькая дверца, и на супее то появлялся клирик, похожий на деловитого приказчика, то снова исчезал. За вратами около престола творилось что-то невидимое, тайное, но и самое существенное, без чего нет православной церкви, там заваривалась служба, оттуда вместе с духом благовоний и дымком кадильницы наплывало религиозное настроение, невольно возбуждая на сердце волнение, ведь скоро через сельского иерея должна накатить на нас Божественная волна благодати, коей не сыскать ни в каком ином месте, но лишь в церкви, от престола через батюшку, своего приказчика, насыпал Господь свое благословение на добрые дела...

Бот иерей вышел из алтарной, облекшись в броню праведности и света. Волосы и борода ухожены гребнем, на плечах фелонь, похожая на поход-

ный воинский плащ. Отец Виктор не только внешне переменился от церковных одежд, но и лицо его изменилось от благородства и внутренней сосредоточенности. Лицом вроде бы наш батюшка, которого я видел полчаса назад, но новым выражением глаз, строгим, проницательным и взыскующим, но чувством достоинства, разлитого по лицу, он сразу неизъяснимо отделился от нас, как бы зашел за невидимую переграду или принакрылся небесной прозрачной пеленою, все суетное, мелкое и плотское отряхнув у подножия жертвенника. Явился к нам настоящий сельский поп, и я вдруг понял, что отец Виктор в священническом сане совершенно естествен, природно естествен, ибо ему, оказывается, не пришлось перелицовывать, иначить своей сердечной и духовной сущности, но только меч булатный он сменил на меч духовный. И если раньше он приготовлялся к борьбе с врагом плотским, то сейчас наставляет свою паству к бранни с коварными силами зла и сокрушения, коих тьма и тьма, ведущих постоянный гибельный подкоп под православную душу, ибо не бойтесь убивающих тело, но бойтесь душу могущих убить...

Литургия была долгой, чинной, неторопливой. Сельский поп зорко вел службу, то строго поправлял клирика, то наставлял певчих, задавая матушке Ларисе нужный тон, если сбивались те в напеве иль запинались, отыскивая в служебнике нужную стихиру. Но вот морщины крепче высеклись на лице, голос попритух, все чаще стал запинаться священник, подволакивать ноги, шаркать ступнями - это годы брали свое, и вот когда дело дошло да таинства покаяния, когда с амвона он обратился к богомольникам: «Дитя мое, Христос невидимо стоит перед тобою, принимая исповедь твою... Не стыдись, не бойся и не скрывай что-либо от меня», - сельский поп невольно обратился в батюшку. Вот и мой черед подойти под исповедь.

«Что гнетёт тебя, хороший мой?» - ласковым утешным голосом спросил батюшка и этим обращением вдруг

напомнил мне отца Тавриона из Псково-Печерского монастыря.

Без греха рожи не износишь, и во многом бы можно покаяться, но сердце как-то растерянно, суетливо побежжало, тут накатило на меня жаром, и я открылся:

«Батюшка, веры во мне мало...»

«Веры и не бывает много. Веры всегда мало», - отозвался батюшка и положил ласковую отцовскую ладонь на мою склоненную голову. И тут я заплакал, поначалу сдерживаясь и стыдясь, но скоро запруду в груди прорвало, и я завсхлипывал, как ребенок, уже не в силах сдержать слез, да и не желая удерживать их, до того сладко было плакать.

Батюшка, принакрыв меня епитрахилью, что-то чуть слышно пригулькивал-приборматывал, но я плохо слышал через слёзы, да и никакие слова уже не достали бы моей головы.

«Поплачь, поплачь, Володенька... Это хорошо, когда плачут...»

Прошло какое-то время, и в канун Нового года зазвонил телефон, и через расстояния вдруг донесся весёлый голос сельского попа: «Хороший мой... желаю тебе и родным в будущем году малых радостей, ибо после больших радостей настигают и большие горя...»

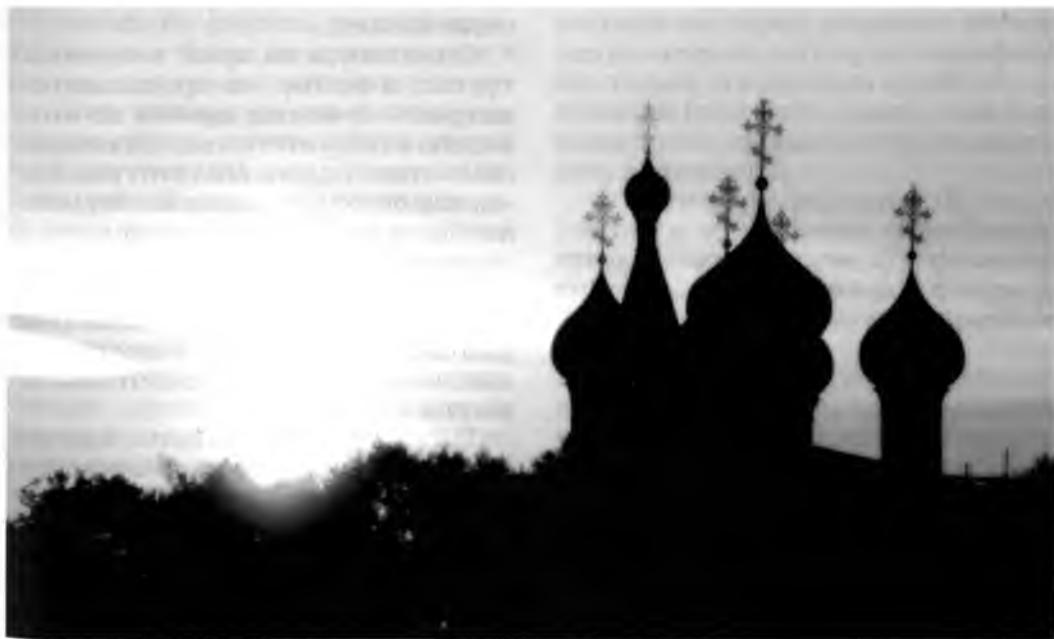

ФОТО ИГОРЯ АКСЕНОВСКОГО

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПОМИНКИ

Повесть

АННА И КОНСТАНТИН СМОРОДИНЫ

Анна Ивановна и Константин Владимирович Смородины - прозаики, публицисты. Авторы книг «Особенные люди», «Заснеженная Палестина», «В поисках славы» и др.

Члены СП России. Лауреаты премии журнала «Москва». Живут в Саранске.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

- Я ничего красивей за всю жизнь не видел. Кристалл ледяной, что ли... Четкие грани, но впечатление, будто он живой, светится изнутри, сияет. Я беру, пытаюсь удержать. А руки, - Даниил с удивлением и досадой растопырил свои худые пальцы, - словно из воды... Прокальзывают... Не могу взять.

Он еще больше сгорбился. Пружинная кровать застонала. Сто раз Варя собиралась выбросить это скрипучее лежбище. Под кроватью хранился чемодан, набитый рукописями, - Даниил всегда работал запоем. Впрочем, как и пил. Имел такое пристрастие. И жил запоем - общался или просто из окна смотрел, упиваясь каким-нибудь там верченьем снежинок под фонарем.

Варя хмыкнула. А Даниил пожаловался:

- Устал я. Мне нехорошо. Предчувствие гложет...

Она глянула на мужа: в семейных трусах, в майке, на продавленном матрасе - и вечная ирония по отношению к нему отступила. Ей невыносимо стало видеть его согнутые плечи, как будто вся тягота жизни навалилась на него. Мгновенно к горлу подступили слезы: воскресла юность, легкая, полуголодная до звона, вечера, переходящие в ночи, и страстные разговоры о творчестве, более страстные, чем юношеская, их детская, невинная еще любовь.

Варя вышла из комнаты. Крутясь по хозяйству, она думала о том, что уже тогда заметно было в нем это неистовство, жажда жизни, это одержание стихами. Уже тогда плескались они в нем горячим пламенем, обжигая окружающих. Вот Варю обожгли. Да, она тоже училась в том элитарном творческом писатель-

ском вузе, где по ночам (перепившись - так полагала она) неистово орали друг другу стихи и сигали из окон в какой-то неумолимой тоске неудовлетворенности, в ужасе от того, что невозможно выразить нечто, сжигавшее душу. Но часто, слишком часто это полыхание, эти бритвы по венам кончались комическими эффектами и пьяными дешевыми слезами. Она приучила себя стоять в стороне и слегка посмеиваться, ведь и вправду отзывался пошлостью этот поэтический, богемный клубок страстей. И все же еще с той поры осталась в мозгу зацепочка: а вдруг это она не может постичь своим куцым, ограниченным умом запредельное? Не дано самой, вот и не может. И не всегда же комедия, и пошлость, и абсурд. По крайней мере, трое ее сокурсников перешагнули туда - в смерть. Выжгло из жизни огнем, что горел внутри. В таком случае зачураться: «Пронеси и ми-нуй...»

Да, сама она тоже писала стихи. «Стишки», - говорил Данил. Ну и пусть. Деревенская девочка, однажды вместо заданного на дом сочинения взяла да и разразилась рифмованными строчками на полторы страницы на радость учительнице. Сочинение было зачитано вслух в классе, потом на торжественном открытии школьного краеведческого уголка, попало в роню, а Варю отправили на слет или смотр молодых дарований. По приезде густо начала писать еще: об окрестных рощах, а они и впрямь стоили того - в осеннем золоте, на взгорках, отражаясь макушками в пруду, касаясь белых призрачных облаков. И места, собственно говоря, были самые поэтические - русская глубинка - и в то же время культурные: в самом центре, фигулярно выражаясь, отечественной словесности, ибо совсем неподалеку, в Болдине, целых три осени писал Пушкин. Так Варю и воспринимали - в струе этой самой простой, но и по-настоящему благородной любви к родному краю. От детской искренности брезжили в ее стихах

удачные строки и слова. И вот уж вся деревня порадовалась за нее, когда замахнулась Варя на столичный творческий вуз и прошла по конкурсу.

- Давай там поведай! - напутствовали ее земляки, - опиши, как есть.

Она старалась, училась, писала, печалась по дому, очень много стихов и мысленно все бродила по родным местам. Руководитель и сокурсники отзывы давали благожелательные. Только слегка царапала ее интонация - несеръезная, что ли, снисходительная... А может быть, еще и сам образ ее действовал на людей. Все-таки она была по юности весьма, весьма хорошенькой.

И один Данил не соврал. «Баловство», - сказал он на обсуждении...

- Варя, - донеслось из комнаты, - а ведь это дар мой. Понимаешь? Кристалл.

- Шут с ним, - отозвалась она.

Нельзя же в самом деле всю жизнь положить на плетение словес. В конце концов, чтобы поддерживать это полыхание, он позаимствовал и ее жизнь, ее душу.

- Оставь меня, - прошептала она.

- Какое сегодня число?

- Пятнадцатое, - ответила Варя и застыла на пороге комнаты, наблюдая (в который раз) эту метаморфозу: вот только что он сидел сухой и сгорбленный (подумать только: они знакомы почти двадцать лет!), но вспомнил, вспомнил!..

- Се-ми-нар! - выдохнул Данил по слогам, и весь оживился, пробуждаясь, стряхивая с плеч метафизический груз, молодея на глазах. И твердое его, сухощавое мужское русское лицо приобрело лукавое, победительное выражение. Возбужденный, он вскочил, нервно потирая руки, уже весь в предвкушении, в ожидании.

- Поэтическая лихорадка? - Варя саркастически сдвинула брови: - А как же предчувствия?

- Как я все это люблю! - Данил подхватил ее и закружил по комнате. - Девочка моя, белочка! Графоманочка родимая! Беги, ставь кофе!

Затормозил, зацеловал, и она на конец тоже засмеялась:

- А я-то думала, ты и вправду превратился в старика.

Начинался один из его любимых дней, когда в клубе (она - директор, он - руководитель литстудии) собираются юные и постарше со своими опусами. Будут звучать и обсуждаться стихи, и помолодевший, сияющий Данил станет раздавать утешительные комплименты.

«Я их всех так люблю! Они замечательно, замечательно бездарны!». От чего ж он тогда так нуждается в этом кипении, в этой атмосфере стеснительности и в то же время амбиций, в этих смешках, ужимках, переглядываниях юных поэтесс, в этой угрюмой зажатости едва народившихся поэтов? Может быть, потому, что в этом пародийном мире он узнает самого себя.

- Ну да... Конечно, - отвечала она, - ты один гений.

- Поэтому и мучусь с вами.

- Где ты мучишься... Наслаждаясь.

- Так и есть, любовь моя.

Вышли из подъезда. День на редкость тих. Порошит снег. И все сияет и блещет, укрытое свежим белым покровом.

- Хорошо! - Варя с удовольствием вдохнула морозный воздух.

- Бодрят, - одобрил Данил, запахивая поплотнее пальто. - Побежали.

Они нырнули в арку, под переплетенье бетонных узоров, но их настиг крик: «Эй!». Это был дворник Андрюша, не старый еще мужик, с которым Данил любил покалывать за жизнь. Случалось, Андрюша запивал и подолгу не являлся расчищать дорожки к подъездам и стоянку. Однако его не выгоняли: он наверстывал в другие дни, да и был безотказен, когда, конечно, не пил, не требуя дополнительного вознаграждения, что уж вовсе несовременно.

- Слыши, Петрович, - обратился он к Данилу, роясь за пазухой. - На! Должен был двадцатник, возвращаю...

Данил заулыбался, медля брать.

- Чего ты в самом деле? Мне не к спеху.

- Нет, - решительно покачал головой Андрюша, - сон я видел. Мать-покойницу, речку нашу и лодку. А лодка будто с привязи сорвалась. Болтается посреди реки. Ни туда, ни сюда...

Варя стало знобко и неуютно в этой отвратительной, продутой, бетонной, вычурной западне.

- Пошли, - дернула она Данила за рукав и решительно прекратила всю эту загробную галиматию, выхватив у Андрея деньги: - Очень хорошо, а то без гроша, - и подтолкнула мужа: - Вон троллейбус...

- Может, убьют или сам окочуюсь. Надо долги отдать, - бормотал сзади великовозрастный Андрюша, а Варя боялась взглянуть в жалкое, растяянное лицо Данила.

В вестибюле, холодном и неуютном, уже клубились группки молодых, одаренных. У высокого зеркала зачесывал редкие кудри, пытаясь прикрыть очевидную лысину, ученый критик-литературовед Илья Зоревой. Псевдоним, взятый в пору юности, был именно по-юношески претенциозен и в то же время простоват и отдавал советской эпохой - так ощущал и сам критик. Но фамилия Федюшкин звучала диссонансом посреди литературоведения и в этом смысле была гораздо хуже псевдонима.

- А где лыжи? - с этим вопросом Данил крепко пожал руку ученому критику.

- Представьте, несчастье. Сломал правую лыжу.

Литературовед слыл оригиналом. Жил в крепеньком, приземистом домике под мостом. Сад и огород, примыкавшие к дому, как бы съезжали в речку, протекавшую на задах. Впрочем, внутри, в домике, стояли компьютер и лазерный музыкальный центр. Нарядившись в ватник, бродя по саду, критик с докторской степенью филологии обдумывал тезисы будущих работ и любил огородить проходящих по пешеходной дорожке моста граждан неожиданным вопросом или репликой. Ученый рассказывал, что именно так он познакомился со мно-

гими представителями творческой интелигенции города, которые, разумеется, бывали поражены несоответствием внешнего вида и глубиной мысли таинственного собеседника и в жажде знакомства вступали в диалог. Однако эти спонтанные диалоги никогда не длились долго, ведь у Зоревого каждая минута была расписана: наука, творчество, лекции, спорт.

Летом он, сохраняя здоровье, ездил на велосипеде. И студенты с каким-то мистическим ужасом наблюдали своего преподавателя в шортах, дающего круги по удобной асфальтовой дорожке, огибающей общежития. Даже в учреждения норовил критик заехать в шортах и буквально на колесах, оставляя драгоценную машину в предбаннике. Пиджак носил залатанный на локтях и поддернутые, короткие брючки. Одним словом, чудачества самые профессорские, не от мира сего. Однако Данил, перечтя одну за другой статьи ученого и даже его солидную книгу, никакой оригинальности и просто значительной, вольной мысли не обнаружил и сильно заподозревал, что все эти детали (вроде велосипеда и коротких брюк) тщательно обдуманы и срежисированы и призваны прикрыть абсолютно среднюю сущность, органически не способную ни жить, ни мыслить оригинально, но почему-то считающую это необходимым.

- Данил Петрович, я писал всю ночь.

- Славно. Дима, послушаем.

Варя улетела по своим организационным делам, а небольшая, нестройная, галдящая толпа пишущих, разделяясь на несколько потоков, потянулась в аудитории. Критик уверенно шел первым. «Почему у меня такое чувство, что он меня исподтишка ненавидит?» - Данил затушил сигарету и вошел в класс после всех.

Человек двадцать сидело полукругом за сдвинутыми столами. Стоял легкий, приятный галдеж. И от того, что вот сейчас начнем и будем говорить о том, что единственное и может занимать в жизни, от того, что эти молоденькие девушки, трепеща перед

квалифицированным судом, пролепечут о своей любви и страданиях (о детство! о наив!), внутри вновь плеснула юная, радостная, свободная волна, и поэт улыбнулся:

- Приступим.

Почти всех присутствующих он знал и общался подробно в литературной студии при клубе, лишь несколько лиц были ему вовсе незнакомы. Данил жаждал сюрпризов. «Пусть чувство не обманет, пусть не обманет меня!»

Крайней справа сидела девушка строгого вида, в очках, с черными коротко стриженными волосами. Она встала, и, недоверчиво оглядев присутствующих, будто усомнившись в их способности оценить ее, заявила:

- Я обожаю восточную поэзию, - она потупилась и добавила: - Мои предки из Поднебесной. Я и сама почти китаянка, по мироощущению, конечно.

- Как по-китайски «любовь»? - выкрикнул хорошо знакомый всем неудавшийся предприниматель, ныне тоже стихотворец, совсем молодой парень из пригорода.

«Китаянка» испепелила его огненным взглядом.

- Продолжайте, - вклинился Данил, с трудом сохранив учительское спокойствие.

Ах, вот этим они и хороши, человеческие встречи! Выглянут наружу глупость или тицеславие, да так искренне - невольно залюбуешься. Хорошо жить в простоте и трактовать себя одной фразой, например: «Я - почти китаянка». Данил поерзал на стуле, оглядел присутствующих, заметил Варю, проскользнувшую в дверь, и прибрал, припрятал эту деталь для вечернего разговора с ней.

Из дальнейшего лепета поэтессы-«китаянки» выяснилось, что действительно кто-то из предков в период эмиграции осел в Шанхае, что она «обожает хокку» (ей невдомек, что китайцы не любят японцев) и пишет в подражание трехстишия, которые тут же и зачла. Любопытно, что одна или две строки художественно блеснули: что-то про змею, которая на сентябрьском солнце переползала тропинку.

Данил увлекся, комментировал воодушевленно, выстроил целый символический ряд, припомнил сказы Бажова, зацепил фольклор и декаданс. Змея - образ мудрости, с таящимся до поры, убивающим, жалящим язычком. Короче, познание и яд, мудрость и скорбь. Экклезиаст: «многие знания - многие печали». Когда он завершил в высшей степени поэтическую речь, поймал прочувствованный взор «китаянки» - между ними протянулась ниточка, а Варя-то смотрит снисходительно-иронически. Да он, может быть, сознательно себя горячит, и нечего так смотреть, ему нужно, необходимо забыться. Данил очнулся, когда литературовед уже приканчивал свою тираду о восточном созерцательном методе, о том, что хокку - не только трехстиший, но и определенное количество слогов, и о том, какое влияние оказали на стихи начинаящей поэтессы японские лирики (о большинстве из которых та, разумеется, слыхом не слыхала).

Данилу показалось, что вздохнула девушка с облегчением, когда через чур ученый критик кончил. Обсуждение пошло по кругу, все высказались благожелательно, и только Зина Стасюк фыркнула по поводу китайско-японских виршей. Мысль провести экзотический поединок озарила Данила, и он предложил ей выступить. Конечно, не стихи разволнивали Зину и ее маму, сидящую скромно, но прочно, как изваяние, позади, она даже раскраснелась. Ибо посягнули на имидж. Дело в том, что все лавры необычной родословной застолбила Зина, когда ребенком-вундеркиндом переступила порог литстудии, ведомая образованной мамой-инженершей. Прочие поэтессы могли писать хуже или лучше, но никогда ни одна из них не дерзала на большее своеобразие, чем Зина. Ее место в студийном пантеоне никто не оспаривал, и вот поди ж ты: китаянка!..

- Шляхетный цикл, - твердо объявила повзрослевшая девочка-вундеркинд и грязнула:
Всё благородство и утонченность
В роду Радзивиллов вместе.

Сам Сигизмунд,

безутешно-бессонный

Грустит о своей невесте...

Баллада выдалась нескончаема длинной, зато с иллюстрациями. Пока дочь читала, мать передала по кругу рисунки присутствующей вживе и въяве «шляхетной панёнки». На рисунках изображались пышные балы и в окружении невероятно аристократических, с тонкими профилями панов пляшущая или лукаво прикрывающая веером лицо девушка в красивых нарядах. Все эти картинки Данил уже видел или похожие на них как две капли воды, ему чудилось, что и строки эти он уже слышал, но, впрочем, о чем еще может писать столь утонченная пани, как не о романтической любви и беззаветном рыцаре, соединиться с которым ей мешают интриги. Он мог только догадываться, что мать-инженерша потерпела жестокое перестроенное крушение, потеряв одновременно социальный престиж, ощущение своей нужности в стране и хотя бы надежду на какие-то деньги. Отчаявшаяся женщина, дабы спасти психику, с головой унырнула в семейные предания, утаив заодно с собой и дочь, взросление которой выпало на этот трудный и беспросветный для матери период. Они обе упоенно вычерчивали родословное древо и даже на основании сохранившихся в семье писем на польском и старых фотографий вступили в местное дворянское общество, куда из-за малого числа дворян принимали и на таких шатких основаниях. Усугубил ситуацию повстречавшийся на пути этой семьи астролог, уже окончательно задуривший головы матери и дочери историей с перевоплощениями и предыдущими жизнями. Словом, поэзии здесь было мало, психологии - хоть отбавляй.

- А еще я пишу роман. Главный герой...

- Хорошо, - сказал Данил, - значит, в следующем году мы с почетом проводим вас в секцию прозы, - и поклонился на Варю («Надеюсь, ты аплодируешь мне в душе»).

Читали многие. Традиционно -

больше женщины, чем представители сильного, но инфантильного пола.

Искусствоведша Ирина, сотрудница местного музея, любительница укращений из натуральных камней и экзотических нарядов (нетипично благополучная для богемы - замужняя и детная), в мужской рубашке с черным художественно повязанным бантом на вороте, читала нежные, розовые стишки: «Любимый мой, истаяла, как свечка, люблю, как драгоценное колечко, - тебя...»

Критику она понравилась, и он долго, нудно говорил о романтизме и подверстал к Ирине вечную женскую пару Ахматову - Цветаеву. Данил чуть было не восстал, даже вскинулся, но снова взглянул на Варю, отвлекся и промолчал. В ушах Ирины мерно покачивались в такт стихам крупные сердоликовые серьги (Данил знал этот камень, потому что привозил похожие из Коктебеля в подарок жене). Внезапно он вспомнил о своем сне. «Кристалл - это мой дар...» Андрюша: «Возвращаю долг, может, помру. Предчувствие». Нет, не проходит даром любовь к символическим рядам. Так и лезут в глаза, так и торчат вехами - сон, и дар, и смерть. И еще Варя, Варя! Он попытался встретиться с ней глазами: «Прости меня, нет утления!» Слишком поверхностна, чтобы забыться, утолить боль, эта пустая игра в слова, не имеющая отношения к тому, что изнутри терзало его. «Нет времени, - просто подумалось вдруг, - нет времени заниматься этим».

- Родился афоризм: богиня, ты стоишь на пьедестале, но сердце у тебя из стали... - врач предпенсионного возраста тайно, но явно для всех вздыхал по романтической искусство-ведше.

- А слушать мы тебя не стали, - прошипел кто-то неуважительно и прокатился слабый, задавленный смешок.

- Богиня - воплощение женственности, - пояснил врач для тупых.

Он был rationalist и любил демонстрировать, как рассекает строки воображаемый скальпель, и искрен-

не недоумевал, что зрители вместо живой поэтической ткани видят настужено скрипящие шестеренки.

Нужно было что-то говорить, и Данил говорил о Козьме Пруткове и краткости - сестре таланта, думая про себя: «Черта с два! Тоже мне родственники, сестры, братья, приживалы. Талант - одиничка, голодный волк». Он провалился в себя, и тотчас в голове закрутились образы метельной зимы, дороги в надвигающихся сумерках, ползущей тенью из-за угла опасности; задрожала в неясных еще, отдаленных звуках какая-то музыка, подступало видение, и он затаился, боясь спугнуть первую строчку. Что-то восставало из глубины страшное - о смерти, и в то же время трепетала где-то на кончике мысли живая воскрешающая надежда. Данил встрепенулся, пошарил на столе ручку, но тут его нагло выдернули в реальность.

Грянули комсомольские строфы. Давным-давно, впрочем, этот немолодой (к пятидесяти) человек распрошался с комсомольской юностью, да и стихи писал вроде бы уже не о подвигах классовой борьбы, однако по сути ничего не изменилось. Себя не переделаешь. Герои комсомольских поэтических усилий по-прежнему были как бы высечены из гранита и каменными идолами громоздились одни подле других. Автор же, как скульптор, бродил по своей захламленной пыльной галерее с резцом, там и сям подбавляя выразительных морщин. Но вековечное изображение народной правды-матки в образах бабы Степаниды и деда Кузьмича на символической завалинке дышало такой фальшью и банальщиной, что хотелось, выражаясь пийтически, «замкнуть слух» или заткнуть рот поэту.

Бывший певец прогресса читал упоенно, передергивая плечами и подмигивая, - его мучил тик, так что постороннему наблюдателю зрелище могло показаться паясничаньем. Прислушиваясь, Данил понял, что в творчестве читающего появилось новое, как бы краеведческое направление. Автор вменил себе в обязанность перелагать, оснащая глагольными риф-

мами, газетные истории из раздела «криминальная хроника». Все новые и новые гранитные фигуры теснились на пьедестале. Причем такие тяжеловесные морализаторские концовки подвешены были ко всячому виршу, что дух трагедии брезгливо отлетал от этих кровавых житейских драм, и обращались они в серые, запыленные камни на обочине, недостойные ни взгляда, ни чувства.

Впрочем, слушали плохо. Перебегал по аудитории смешок, говорок, мелькали улыбки, нашаривались в сумочках и карманах сигареты. Дело двигалось к перерыву. Стихоплет между тем зачитывал длиннейший отрывок, посвященный эпизоду гражданской войны. Был в их местности такой хрестоматийный в советские годы отряд во главе с женщиной-латышкой, осуществлявший продразверстку. Прежний вариант поэмы, воспевавший мужество погибших продотрядовцев, Данил отлично знал. Теперь экспроприаторы были сметены на свалку истории, а, напротив, крестьяне, расправившиеся с ними, изваяны в поэтическом граните и овеяны ореолом справедливой славы. Данил вспомнил скверик у памятника этим самым продотрядовцам: они с Варей (приткнулась сиротинкой у двери, ответила, вспыхнув, на его взгляд) любили бродить по аллейкам, выстеленным щербатой плиткой, и сидеть на скамье под великолепной березой. Заросли шиповника отрезали сквер от двух пересекающихся трасс. Тихое место! О, благословенная тишина! Молчание!..

Странно... Данил и не подозревал, что ему будет в тягость всё это праздное общение, рифмованный бубнеж, ухмылки и перешептывания... Он ждал поэтического пира, а вышло... Словно завис он над бездной и ощущает себя перед лицом чего-то значительного, какой-то перемены, и всё должно соответственно, торжественно умолкнуть. В душевном недоумении созерцал он происходящее: да никто ведь ни о чём и не подозревает. А Варя? Она могла бы понять... А может, это просто подступают сти-

хи, такие, каких он еще не писал никогда. И сон, и предчувствия - всего лишь весточка заветного, приближающегося слова. А важнее слов не было ничего в его жизни. Слово было его жизнью, его поводырем.

Грохочущий оратор наконец уполз на свое место. Обсудили его быстренько, перекинувшись фразами о гражданской позиции, столь необходимой в период общественного равнодушия, стагнации и болота. Курить хотелось ужасно, но критик был некурящий. Еще бы, при такой-то заботе о здоровье! Данил уже открыл рот, чтобы объявить перерыв, но Илья Зоревой, свежий, как весенний огурчик, уткнувшись в бумаги близорукими очками, объявил: «Следующий!»

Энергично, как на пружинах, выскочил бывший коммерсант (ларечник, но прогоревший, то есть буквально сожженный, и не единожды, конкурентами), небольшого росточка, жилистый и от прежней жизни щеглевато одетый. Коммерсант носил имя Кирилл («Кириуша-Кири», - привыкаясь, неизбежная шутка). Нынче Кириуша не на шутку огородничал, развернув на мизерном пригородном участке, где дневал и ночевал, целые плантации клубники и огурцов. Помыкавшись безуспешно по дикому рынку там и сям, Кириуша с жаром проклял неудачные предпринимательские авантюры и теперь жил в крайней скучности, перебиваясь случайными заработками, оправдываясь тем, что решил стать поэтом и писать «хорошие стихи». Однако ничего нельзя было поделать с тем, что стихи выходили ужасающе плохими. Вероятно, потому что ныне Кириуша вечно нуждался, строки его неизменно отдавали кулинарной книгой. Те, кто бывал у бывшего коммерсанта на квартире, рассказывали, что повсюду на расстеленных газетах сушится морковная и свекольная ботва или (по сезону) яблоки и грибы. Сам Кириуша коллекционировал рецепты витаминных, но предельно дешевых блюд из экологически чистых продуктов и подумывал о пчеловодстве. Скрупулезный и дотошный по натуре, весь свой

жизненный опыт черпавший из «полезных» книг, Кирия и к стихотворству подходил обстоятельно, как к хозяйственной отрасли.

Данил уже не раз слушал «Оду целебным травам», «Басню о пчеле и цветущем георгине», щуточный цикл «К чаю» и прочие и слегка даже (чего, впрочем, практически никогда не делал) позволил себе настроить одержимого на более, так сказать, рациональный жизненный путь: поближе все-таки к заработкам и, следовательно, к материальной пище, надеясь, что тогда тематика поднимется от желудка к сердцу, и, разгорячаясь, в порыве даже подарил книгу о стихотворном мастерстве, как бы в пику имеющимся у Кириюши многочисленным целебникам и пособиям для огородников. Раскаяться в подарке пришлось Данилу буквально на следующем занятии литстудии, и Варя ужасно насмехалась над ним за это. Но, видит Бог, он был искренен.

Благодарно блестя глазами, Кириуша сказал:

- Теория стихосложения доставила мне невыразимое удовольствие. Я поднатужился и написал венок сонетов.

- О-о! - слабый стон прокатился и затих в дальнем углу.

«Ты не ошибся с книгой», - скажет ему Варя вечером. «Варя, я последний болван», - ответит он ей.

- Ты, как роза, цвела, - зазвучала первая строка, но в этот спасительный миг распахнулась дверь.

В проем всунулась рыжая кудлатая голова, и, не церемонясь, в комнату вступил рослый, красивый (если б не некоторая расхристанность облика) человек, разом занявший собой всё свободное пространство. Он вошел, сознавая свое неоспоримое право войти и прервать, все внимание приковав к себе с полной естественностью. Данил еще не встречал такого раскрепощенного человека. Огородник мгновенно куда-то сник, а приследец возгласил:

- Послушайте!
Я памятник себе воздвиг чудесный,
вечный,

*Металлов тверже он
и выше пирамид;
Ни вихрь его, ни гром
не сломит быстротечный,
И времени полет его не сокрушит.*

Каково, а? На вдохновенье писалось.

- Кто это? - пискнули откуда-то сзади.

- Гавриил, - значительно уронил рыжий. - А имя-то, а?

- Архайка, - выдал комсомолец.

- Неудачное подражание Пушкину, - с неожиданной злостью добавил Кириуша.

- Прелесть-то, а? Девственный наив.

Данил с безотчетным удовольствием смотрел, как он хохочет, запрокинув голову, курлыча и кудахча горлом.

- Державин, - торопливо подсказал аудитории критик.

- Точно: Гаврила Романович, - молвил, просмеявшись, рыжий.

«Так весь я не умру!» - сказалось у Данила в душе, и точно свалилась тяжесть: вот оно, сокровенное, искомое слово, бродившее в глубине. Что с того, что оно сказано прежде, другим?..

Варя, сидевшая у двери, с облегчением увидела, как тучка, покрывавшая чело мужа, отлетела. И лицо его приняло счастливое мальчишеское выражение. Так бывало всегда, когда он ухватывал словом то, что долго искал. И потом эта находка, обкатанная, заласканная, освещала не один день.

- Вслушайтесь, пииты! - сольный номер пришельца продолжался, смяв семинар: - Гаврила Державин. Державин - и мощь, и простор. Гарик Уездин - это я, - он сурово раскланялся. - Уездин, да к тому же Гарик, - насмешка судьбы. У того, значит, держава у ног распростерлась, а мне, выходит, уездом довольствоватьсь? Ненавижу рамки.

Рыжий стукнул кулаком по столу и скрочил свирепую гримасу, так что сидящая напротив «китаянка» отшатнулась, но Гарик тотчас расплылся в обаятельнейшей улыбке:

- Люблю слабый пол. Милое дитя!

- Пушкин сказал: «Уж не пародия ли он?» - не в силах сдерживаться, блаженно улыбнулся Данил - день принес радость, и от этого нового человека шло исцеление.

- Всей жизнью пытаюсь разгадать, - рыжий уперся в стол и зелеными глазами уставился на Данила, - давайте знакомиться.

Все присутствующие как бы скрылись, ушли за кадр, даже Варя... Он нужен был ему, этот странный человек, во всем отличный от него. И вопрос стоял иначе, чем всегда. Не как жить (Варя вечно вымогала, чтобы они держались приличной парой и не резали глаза окружающим), а как выжить, выжить в борьбе с самим собой.

- Тогда перерыв! - объявил Данил, вытаскивая из кармана пачку сигарет и пожимая крепкую, явно рабочую руку пришельца.

Варю сдуло куда-то по административным нуждискам. Выходя, Данил слышал краем уха, как Илья Зоревой толковал о пользе лыжных прогулок и заманивал симпатичную Ирину на лыжню. Огородник и «китаянка» уже курили, и Кирюша страстно повествовал: «На морковный фарш выливаем сырое яйцо, защищаем края», - и физиономия его, обращенная к поэту, имела самое что ни на есть плотоядное выражение.

Данил на секунду задержался на лестничном пролете, колеблясь, не сказать ли Варе, но что, как и зачем... Он и сам знал, что невозможно уйти сейчас, посреди семинара, в конце концов это его работа, всё это он прекрасно знал. Снизу, в вестибюле, уже в куртке поджидал рыжий Гарик, и с легкой душой Данил сбежал по ступеням.

«Гарик!.. Откуда ты взялся на мою голову? Не человек, а пародия... А был ли Гарик? Был, был и Данила с собой прихватил». Варя сидела на месте мужа в качестве законного заместителя. А что? Образование позволяет, и членство в Союзе наличествует. И вообще, когда рядом такой ас-литературoved, как Илья Зоревой, можно ни

о чем не беспокоиться, лишь изредка вставляя весомое словцо. Ни о чем не беспокоиться... А о чем? О чем? Разве о том, что опять он исчез с семейного горизонта, влизнув, как муха в клей, в чужого, постороннего, человека?.. Ну, ей-то не привыкать. Он и в отношениях с людьми срывался вечно беззглядно, раскрывался нутром, упенно постигая незнакомую личность. С этим ничего нельзя было поделать. И Варя старалась не углубляться в интеллигентский анализ, крепкая, деревенская закваска давала себя знать... «Варька, тебе ведь всё нипочем!» - смеялся Данил. И сама она привыкла верить в это, вот, оказывается, сколько жизненной энергии дали ей родимые поля.

- Стихи про весну, - объявила старушка в ситцевом платье и шерстяной кофте поверх, - у меня про все времена года есть.

- Ограничимся весной, - заторопился критик, - все-таки самое поэтическое время.

- Не скажите, а осень?

Старушка, вероятно, отменно выспалась и получала удовольствие от того, что может дискутировать и занимать внимание таких важных в местной литературе людей, и они вынуждены отвечать ей на полном серьезе и не будут, как родные дети, досадливо отмахиваться. Вот от этих-то жизненных штучек, узелков и заворотов и имел наслаждение Данил и не раз говорил Варе об этом. Оттого, что и графоманы были как бы причастны к поэзии, топтались у порога, заглядывали в окна, но, не зная тайны и не имея ключа, не могли войти. А он дивился на них изнутри, осознавая себя посвященным. Варя даже изумилась, что мысль предстала четко: и не словами, а образом.

- Я уж тогда и про лето, чтоб был полный цикл, - тарабанила свое старушка.

Да, сегодня был особенный день. И это облачко на челе Данила, и дворник Андрюша со своим сном, кристалл-дар («Не могу взять! не могу удержать, Варя!»)... Она готова была простить Гарику похищение мужа, лишь

бы печаль его, прочно севшая на крючок где-то в глуби души, отошла. Ведь сама она не умела ему помочь. Впервые не спасала ее бесхитростная улыбка, все было серьезней, но это понималось не умом, а сердцем.

Был еще один перерыв. Руководителей завели в тесную каморку и предложили по чарке. Варя не отказалась, и струна, натянутая внутри, чуть ослабла.

- Не могу, не могу, веришь, Варюша? - страдал со стопариком в руке бессменный ведущий семинара профы Витя Колымасов. - Достал!

Речь шла о бывшем банковском работнике, ныне писателе. Выйдя на пенсию, служитель маммоны принял ся строчить поучительные историйки для детей, оснащая их собственными рисунками. Имея связи в финансовых кругах, издал одну за другой семь книжонок, намереваясь вступать в Союз, с писателями фамильярничал и охотно ходил на встречи с читателями. Чем дальше, тем труднее было не считаться с ним.

- У него книг будет скоро больше, чем у меня. Представь, Варя, картинку: ребенок с дегенеративно раздутой головой лезет под кран, из которого течет вода. А сбоку автор для ясности подписывает: «Гыр-гыр-гыр!». То ли кран ревет, то ли дебил-ребенок. Я не могу, честное слово! Коньяк поставил тому, кто избавит меня от финансиста!

- Давайте его в Союз художников порекомендуем!

Время шло, катилось. Потемнело за окнами.

- Где Данил? - спросил кто-то Варю.

- Отбыл, - ответила она в рифму и засмеялась, хотя заплакать было бы естественней.

Начался заключительный этап семинара, и тут Варю кликнули к телефону.

- Там кровь, кровь на потолке! - орала в трубку Раев, соседка снизу, - приезжай немедленно, или я вызываю милицию.

Город на мгновение обступил, уставился зажженными окнами, свето-

форами, завизжал тормозами, кинул вслед обрывок фразы и смех и отступил, скрылся, потеряв всякий интерес к женщине в немодном пальтеце, бегущей по заснеженной улице к остановке. Ибо она не видела ничего - ни домов, ни людей. И как ни странно, ни единой мысли не было в голове, Варя вовсе не старалась проанализировать ситуацию и представить худшее (представьте худшее - так учат психоаналитики, дескать, действительность окажется неизбежно лучше). Парадокс в том, что порой жизнь подложит такое худшее, чего ты и вообразить не сумеешь, и вся твоя круговая оборона не будет стоить ломаного гроша. Но сейчас чувство выжгло, испепелило усталый мозг, и только за пределами рассудка, в воображении, маячило кровавое пятно на штукатурке, а что там, этажом выше, и воображаться не желалось.

К остановке подкатил шикарный белый финский автобус, освещенный синеватым светом. Войти в такой автобус всегда было по-особому приятно: достигла чего-то бывшая деревенская жительница. Достигла! Двухкомнатной «хрущобы» на окраине и мужа-поэта, который или сам кого-то убил, или его убили. «Вот горе! - едва не заголосила она, - вот тебе и дар. Да зачем всё это было нужно?» Она тряслась минут сорок в полупустом салоне, выскочила на своей остановке, миновала чипок-пивную, но тут заметила дворника Андрея, уже изрядно налившегося и прикидывавшего с двумя субъильниками, где надыбать недостающую до окончательного беспамятства поллитра.

Варя почувствовала острый укол в сердце: ненависть к Андрею за то, что он так прозаически жив и традиционно пьян. Ведь это ему приснился сон о смерти!..

Возвратившись на пару шагов, она сделала вид, что только что заметила дворника, кивнула ему как бы приветствуя и в то же время вопрошая. Продравшись сквозь алкогольный туман и рукой отодвинув одного из хмельных собратьев, Андрюша внятно сказал:

- Я рассчитался сполна, - переполненный, он икнул, а Варя в ужасе отшатнулась.

Вступив в обшарпанный, ободранный подъезд, она взлетела на второй этаж. Рая караулила у двери.

- Смотри!

На потолке в комнате, в самом углу, простило явственное небольшое рыжевато-бурое пятно. Ноги не держали Варю.

- Я боюсь! - выдохнула она.

- Давай пошли! - сказала решительная Рая, - еще и шум был, понимаешь? Возня. Я-то не прислушивалась в начале.

Затаив дыхание, они поднялись на третий. Варя вставила ключ в замок, и женщины очутились в полутемной прихожей. На полу в беспорядке валялись содранные с вешалки демисезонное пальто Вари и старая куртка Данила. Острый запах спирта, ацетона и еще какой-то химической дряни витал в квартире.

Варя заглянула в комнату, и сердце отпустило. По крайней мере, труп отсутствует. Он был жив, вернее, живы были оба, потому что оба побывали здесь.

- Что это такое? - вопросила Рая, недоуменно разглядывая сооружение из трех табуреток и гигантскую лужу масляной половой краски.

Тут же валялась разбитая бутылка водки и раздавленный тюбик с алой гуашью, вся эта маслянисто-спиртовая жидкость протекла под загнувшись край линолеума. На верхней табуретке торчала покосившаяся фанерка, на которой изображено было довольно правильное анатомическое сердце, а всё свободное поле вокруг усеивали отпечатки пальцев и кривые линии.

- Я забыла, - Варя присела на краешек дивана, - что он - художник.

Да, точно! Сразу после исчезновения Гарика и Данила обнаружилось, что Гарик вовсе не такой уж незнакомец, он - художник, причем хорошо раскупаемый, но какой-то чудаковатый, сдвинутый, живет как бы на обочине, время от времени делая вылазки и будоража художественных сорат-

ников богемными выходками, о которых повествовали, сладко закатывая очи в притворном осуждении.

- Они развлекались. Рисовали, - пояснила Варя соседке.

- Ну, знаешь, - по мере того, как происшествие принимало вид самой обыденной пьянки, миролюбие соседки испарялось, только смерть примирila бы ее с пятном на потолке, - я буквально только что ремонт...

- Рая, я тебе всё оплачу и мастераў найму, но теперь уйди, ради Бога, - вытолкала она за дверь кипящую Раису.

Кое-как убрала потеки на полу и плинтусе, вынесла мусор и прилегла. Можно было не ждать. Сегодня он не явится домой, опасаясь ее справедливого гнева. А если придет, значит, напившийся до одури. Нет, лучше надеяться, что не придет.

В поредевшей тьме глаза ясно различали очертания предметов. Все детали и наблюдения минувшего дня пропадали втуне, оседали ненужной, нехудожественной пылью. Сбросить с себя усталость и почувствовать его искренность!.. И еще - прижаться к нему, и чтобы не было так пусто в этом мире. Она закрыла глаза и увидела его обращенное к ней потерянное, жалкое лицо. Но на жалость у нее не было сил, и она спросила его: «А какой он, этот кристалл?» Облик Данила преобразился, в приливе радости все заместилось сиянием небывалого счастья, и, примиренная с миром, она заснула.

Данил очнулся в бане, в клубах пара, обнаружив ноги в тазу с горячей водой. Он с трудом вспомнил, что они находятся в какой-то «берлоге» Гарика, где «можно отлежаться и жить дальше». Гарик действительно отлеживался на полатях, лениво помахивая веником. Данил попытался восстановить в памяти прошедшие дни. События мешались в голове, как цветные осколки в детском калейдоскопе. Вернее, начало их с Гариком похождений он помнил прекрасно: «Я памятник себе воздвиг чудесный, вечный...» Гарик Уездин - пародия на

Гавриила Державина. Остроумно. И в то же время шутка двойная: Державин представляется маленьким, тщедушным (наверно, из-за описания явления старика перед очами Пушкина в лицее), а Уездин - огромный, мощный... Они хотели разрисовать стену на кухне, по масляной краске должно было получиться что-то детское, детсадовское, но под рукой оказались только половая эмаль и гуашь. Случайно разбили бутылку водки, пошли к кому-то за красками - и понеслось: мастерские художников, бывшие жены, кафе-забегаловки...

Гарик поддал пару, сунул ему веник в руки, велел забираться повыше и активно греться, а сам отправился не то в предбанник, не то на улицу. Данил залез на верхнюю полку и начал хлестать себя по спине, заодно припоминая, что, кажется, совсем недавно они обретались под крышей многоэтажки, в мастерской, одна из стен которой была сплошным окном. «Бывшая моя, - похвастался Гарик, - обменялся на нечто сногсшибательное». В просторной комнате собралась компания: несколько бородатых мужчин и женщины среди зимы почему-то в летних сарафанах. Стены, за исключением стеклянной, увешаны картинами с церковками, купеческими домиками, перелесками - впечатления хозяина от поездки в Сузdal. «Мазня», - шепнул ему на ухо Гарик. Во всех компаниях (а это была пятая или десятая) он хохмил, рассказывал анекдоты, подтрунивал над присутствующими и только к Данилу относился с явным почтением, расспрашивал о поэзии, и сам проявлял немножинные знания в ней, особенно периода «серебряного века». Но это случалось между визитами, а в той квартире-мастерской что-то произошло... Ну да, Гарик поспорил с хозяином, что съест курицу, положенную ему на грудь, и не прикоснется к ней руками. Тут же была принесена курица, спорщик улегся на диван и через пять минут от птицы, предназначавшейся всем, остался почти голый скелетик. Нужно было видеть лицо победителя...

Художник в туалете ввалился в парную и больно схватил Данила за локоть:

- Пошли скорей, а то я замерзну!..

Данил не успел опомниться, как уже бежал в жалкой шубенке по тропке среди сугробов. Ночь выдалась ясная, морозная. Окрестности видны почти как днем, а на небе сияла щербатая луна и светили звезды. Они летели среди снежных просторов кудато под уклон к смутно прорисовывающимся кустам и деревьям. «Как далеко», - успел подумать Данил, чувствуя, что морозные иглы впиваются в голые распаренные ступни.

- Эге-гей! - неожиданно заорал чуть приотставший Гарик и ловко сорвал с поэта куцую шубейку, а затем, когда Данил попытался повернуться к нему и что-то возразить, бесцеремонно и сильно толкнул в плечо.

Дальнейшее Данил мог представить только в страшном сне: он плюхнулся не в сугроб, как ожидал, а в темный квадрат проруби-полыни, с радостным чмоком принял ее. Тьма на мгновение обступила со всех сторон, и когда голова оказалась на поверхности, крик ужаса вырвался из стиснутых водой легких.

- Посторонись! - рядом в фонтан брызг погрузился художник.

Обнаружив под ногами дно, Данил немного успокоился, а когда он понял, что в воде теплей, чем снаружи, желание убить шутника пропало.

- Лучшее средство для отрезвления, - смеялся и фыркал рядом Гарик, призывая Данила активней двигаться в воде.

- Все-таки ты бессовестный, - счел нужным урезонить нового друга Данил. - Так ведь и помереть недолго.

- Иди в баню, - отшутился Гарик. - Однако нам обоим пора, - добавил он и полез из проруби. - Не Крещение, переохладишься - Бог не помилует, - огромная рука тянула Данила за волосы на ледяной берег.

- Ты что, очумел?! - взывал поэт.

- Ну вот, очухался, а то мычал уже вместо беседы.

Назад они вновь бежали по еле заметной свежепротоптанной тропин-

ке. Гарик попутно инструктировал:

- В этом деле главное - не перебрать... Завтра у меня будешь как новенький...

Вскоре они сидели на верхнем полке и хлестали друг друга по очереди веником, затем в предбаннике пили из банки холодный сладкий чай.

- Ты - хлюпик, - с сожалением констатировал Гарик, глядя на поэта. - Тебе сейчас пива налить - развезет. Из-за тебя мучаюсь.

- Зачем такие жертвы?

- Ради искусства, брат. И потом, ты меня напугал... А я и пиво приготовил.

- Неси, балда!

- Погоди, я с тобой один серьезный вопрос обсудить хочу. Ты видел, какой сегодня вечер, звезды на небе?.. Как ты думаешь, там есть кто-нибудь или нет ни хрена?

Данил съежился, в шубейке на голое тело и в валенках на босу ногу он выглядел худым серьезным подростком.

- Думаю, есть.

- Давай договоримся так, - насупился Гарик, - если ты, как хлюпик, раньше коньки отбросишь, ты мне от этой тайны знак подашь. Как посвященный. Посигнализируешь оттуда. Качнешь крылом. Если наоборот, - я тебе. Взаимно, так сказать. Понял?

- Замёто. Давай неси пиво, обмоешь наш уговор.

Гарик вытащил из-под скамейки две алюминиевые баночки:

- Если до неба далеко, то за пивом - только протяни руку...

- А до неба - протяни ноги!..

И они весело рассмеялись.

Здоровье не позволяло Данилу удаляться в долгие загулы. Это раньше, в молодости, он, словно подхваченный некой стихией, вихрем, мог унести и на неделю, и на две - легко знакомился и сходился с людьми, умел выскользнуть из трудного положения и каким-то внутренним чутьем знал, где остановиться, затушить пьяное веселье. Боже мой, что довелось пережить Варе! Но в последние годы загулы утихли, стоило ему пере-

пить, не медлила тяжелая расплата: адские боли и мрачнейшая похмельная депрессия. Когда-то она пыталась ставить ультиматум: или я, или водка. Теперь ультиматумы не требовались. Во всяком случае - до этой поры... Прошло три дня. Варя ждала, наливаясь раздражением и тревогой. На четвертый, выяснив адрес Гарика Уездина, она отправилась на квартиру. Крохотная интеллигентная старушка - мать Гарика - посочувствовала и дала более точные координаты пребывания гуляки-художника.

Через час Варя добралась на самую окраину города. Автобус делал разворот на пятаке, с одной стороны упиралось в металлический забор местной школы, с другой стороны - в каменный одноэтажный магазин «Продукты». Типичный деревенский центр, только сельсовета не хватает. И улицы здесь почти деревенские, утопающие в снегу, с рыжими пятнами от помоев в сугробах, расчищенными тротуарами и ледяными горками для детей. По улицам бегали собаки, свирепые на вид и вполне миролюбивые. Варя не боялась собак, она, как всякая селянка, умела ладить с животными. И все же здесь был город. Отличие от деревни, впрочем, не столь уж разительное: пожалуй, дома стоят слишком тесно, и побогаче они, покрепче. Нужная улица оказалась самой дальней, последней, и она больше всех походила на деревенскую, потому что за крышами и голыми садами виднелись безбрежные белые просторы, только кой-где изредка пунктиром торчали верхушки деревьев.

Бот и нужный номер. Варя увидела козырек крыльца во дворе и рядом старую пушистую елку. Глухой забор скрывал все остальное, а именно - тех, кто там находился, потому что ей показалось, что она слышит голоса. Из дома доносилась музыка, а во дворе действительно разговаривали. Через секунду Варя сунулась в калитку, и ей представал взлохмаченный широколицый Гарик в драном овчинном полушибке и Данил в своей жалкой шубенке и съехавшей набок шапке. В гла-

зах Гарика мелькнул интерес, по мере узнавания пропадающий:

- Инспекция или в гости?

- Я так, проведать, - залепетала Варя, заметив, что Данил смотрит отчужденно. И только что вспыхнувшая было радость - жив, здоров! - сменилась тяжестью на душе, ей стало нехорошо, хотя это уже было, было много раз, и она принимала как неизбежное, но тут сердце почувствовало что-то серьезное.

- Пустим? - спросил Гарик.

- Пусть проходит, - с кривой улыбкой смилиостивился поэт. - Законная жена - не рукавица... Тоже не чужда искусства, может, что умное скажет...

И они забыли о ней.

- Ты говоришь: форма, форма! - завопил Гарик во всю мощную глотку: - По-моему, форма - фикция! Мыльный пузырь! - горячился он. - Радужный мыльный пузырь. Я сам есть форма. То есть пузырь! Понимаешь? Хоть лопну...

Варе очень хотелось вмешаться и сказать: лопнете, от водки лопнете, и все-таки благоразумие взяло верх - промолчала.

- Хоть лопну, зато весь спектр отражу. А ты говоришь: форма и содержание, кровь и мозг, маска прирастает к лицу!.. Тьфу! Банальщина! Нечего заниматься самокопанием, это сродни самоедству, а я от самоедства отказываюсь!.. Спиной поворачиваюсь. Хрен с ним, с даром. Я бы с ним сразу повесился. Ведь за него - тьфу! - надо отвечать! Хочу быть активно бездарным, не хочу лопать себя.

- Будем лопать пустоту, - поддакнул с ехидцей Данил.

- А что, идея. Молодец Хлебников!.. И никаких там разговоров о непризнанности гения. Меня и так все признают. А почему? Смотри! - художник сорвал шапку с Данила и водрузил ее на одну из елочных ветвей. - Видишь? Нарисуй я так, и все - эпатаж! Аллегория! Зрителю задумываться начнет. На кой ему это надо?

Варя схватила шапку и попыталась натянуть ее мужу на голову, тот довольно грубо отмахнулся: не мешай, видишь, мировую проблему решаем.

Шапка упала на снег, под ноги. Гарик, крякнув, поднял и нахлобучил ее Данилу почти по глаза.

- А я что делаю? - опять взревел художник. - На эту елочку не чужеродную шапку, а уютные новогодние свечки, чтобы лубок вышел. И душе, и сердцу отрадней. И зритель меня любит как равного, такого же убогого, как он сам, бездарного. Просекаешь?

- Приспособленец!

- И заметь, сознательно. Все делаю сознательно. Выбирай форму с нулевым содержанием - и преуспеешь.

- А я этого боюсь, Гарик... Книги сейчас все блестящие, одинаковые, как будто их компьютер писал. Блестящие, но - мертвые.

- Тю! - присвистнул художник. - Люблю! Борьба добра со злом в иных мирах!..

И он набросился на Данила, они покатились по затоптанной дорожке, шутливо мутузя друг друга.

Варя невольно улыбнулась: глупые дети, и только. Если бы еще не алкогольно-табачные пары, витавшие вокруг них.

- Сдаюсь, сдаюсь! - выкрикнул Данил.

- Зло победило, - заявил Гарик и принялся отряхивать поэта.

- Почему ты решил присвоить себе образ зла?..

- Не образ, а образину!.. И вообще зла больше, и я покрупней, чем ты!..

- Если б ты предупредил, я б дрался активней.

- Зло коварно. Еще тебе скажу, - Гарик посуревел. - Бойся реализма. Тоже, знаешь, мысли навевает. Не те... Живи полной грудью, без опаски. Радуйся жизни. Вот женщина тебя ждет - завидую!..

Данил оглянулся на Варю и снова скользнул взглядом как по чужой, отвернулся равнодушно.

- Портрет буду рисовать, - неожиданно заявил Гарик, - дозрел.

И мужчины отправились в дом, не приглашая Варю с собой. Впрочем, и замок не щелкнул, и крючок не звякнул, словом, поступай, как хочешь.

Варя смотрела на заросший сад, застывшее в сверкающем инее, слов-

но коралловые, яблони и вишни, ржавые прутья малины, торчащие чересчур густо, огромный, разросшийся, наверное, одичавший, белоснежный куст смородины... В глубине сада виднелась банька, а за ней пространство как будто обрывалось, вернее прерывалось, и через какой-то промежуток начиналось вновь - мутновато-белое поле, смыкающееся вдали с таким же небом. До чего же все родное и грустное!.. Так хочется плакать.

Варя вышла на улицу, постаравшись не хлопнуть калиткой.

Вернулся Данил через пять дней. Ранним утром Варя услышала скрежетанье в замочной скважине. Словно пружина выметнула ее из постели. В прихожую он всунулся как-то боком, стыдясь себя, помятого и грязного. Алкогольный дух облаком стоял над ним. Но Варя, готовая разразиться заранее припасенным градом упреков, почему-то осеклась и смолчала. Как был - в искусственной шубе, в ботинках - он прошел в комнату и упал на диван.

Сейчас заснеженная, промерзшая одежда, сваленная горой на пол, оплывала грязной сыростью. Варя собрала ее и отнесла в ванную. Какая-то глубокая, трагическая перемена совершилась в ее муже, и она, Варя, бессильна была изменить что-либо и просто присутствовала в качестве зрительницы. Данил, терзаемый похмельем, в семейных трусах и майке сидел на диване, в лице его что-то дергалось, металось, глаза глядели беспокойно, будто пытались душа его зацепиться за реальность, но все соскачивал, соскакивал крючочек, все не мог Данил вступить в разворачивающийся день, будто нога соскальзывала с подножки вагона. Все это ясно представилось Варе, и жутко ей было глядеть на этого человека, ее мужа, запутавшегося в невидимых тенетах и перечеркнутого жизнью.

- Знаешь, Варя, - вдруг сказал он, - однажды я с Обрубиным (это был их приятель по институту) сидел в скверике у общаги. Осень. И всё, знаешь, так зыбилось и дрожало на ветру...

Одним словом, поэзия увядания. Я наслаждался. Тут мы увидели, как по аллейке идет Рубцов, тоже с товарищем. И мне ужасно захотелось сказать ему что-нибудь. Не только о его стихах, а чтобы он меня заметил. Что вот я тоже на свете есть, существую. Я вскочил и начал: «Ваши стихи...» Он покосился на знакомого и грустно так резюмировал: «Дожили, молодежь уже на «вы» называет...» И дальше пошли, по аллее. А я испугался, истуканом стоя: не хотел ведь обидеть, а задел. Варя, мне ведь самому сорок девять, а?..

Варя пожала плечами:

- При чем здесь ты?

- Ты меня, Варвара, прости и дай мне бутылку. Я знаю, у тебя есть.

Она присела рядом, опасливо дотронулась рукой до плеча, словно прикоснулась к потухшему вулкану, и зрелище застывшей лавы помертвевшей души тяжелым камнем упало в ее собственную душу.

- Не помогло? - спросила она, а слезы сами собой потекли по щекам.

- Нет, - он качнул головой, - нет.

- Хочешь, поедем в деревню? Поселимся у тетки, она бобылкой живет. Хочешь, один поживешь? Скоро весна, можно будет бродить.

Ей показалось, что Данил слушает жадно, с надеждой.

- Так и сделаем, - она вновь обретала твердость, такой уж удел - всё вынести, выстоять в жизненной борьбе и мужа вывести, если дорог. А он дорог ей... - Писать будешь. Только, чур, мне посвящение сделаешь. Договорились?

- О чём ты, Варя? - он засмеялся дребезжащим смешком. - Кого спасают стихи? Я не хочу больше писать и не буду. Исписался. Не тому дано было. Ошиблись адресом в небесной канцелярии. А теперь вот извещение выдали, сон послали - дар-то отбирается.

Варя рассвирепела:

- Да хватит себя жалеть! Что? Те, которые без стихов, вообще жить недостойны?

- Я недостоин, Варя.

- А ты забудь, понял? О стихах,

о снах забудь, иначе поллитру не уви-
дишь.

- Сдаюсь, - муж дурашливо воздел
руки к небесам.

- Выпей и спи.

Варя оставила ему бутылку и ос-
торожно прикрыла дверь. Она, соби-
раясь на работу, слышала звяканье
стакана, а потом бормотанье Даниила,
ворчанье, кряхтенье. Что-то он бор-
мotal, бубнил, устраиваясь на про-
давленном ложе, но, когда она загля-
нула к мужу перед уходом, он уже
спал, зарывшись лицом в подушки.

Вернулась Варя уже в сумерки.
В квартире было совсем темно и тихо.
Вечер, как вода, заливал синевой
стекла. Сначала она двигалась осторож-
но, боясь разбудить мужа. Початая
бутылка стояла на столе. Внезапно
до нее дошло, что она не слышит
никакого живого шевеления, вздоха,
стона, всхрапа с дивана. Она щелкнула
выключателем и сдернула одеяло, собственное ее дыхание пресеклось, и она безуспешно пыталась проглотить воздух, вставший в горле.
Синие ногти на его ногах приковали взгляд, и ничего более бесстыдно, более откровенно говорившего о гибели и распаде, не существовало в природе. На этом самом моменте смерть нагло вторглась в их жизнь и по-хозяйски расположилась под низким потолком.

Фигура мужа была скрюченной, жалкой, застывшей, хотя одеяло со-
храняло тепло. Опомнилась Варя на пронзительной ноте своего ужасного крика и от стука соседей в дверь и по-
батареям.

Приехавшая «скорая» констатиро-
вала смерть от сердечного приступа.

Молодой врач так и сказал:

- Сердце, усугубленное алкоголем.

- Он еще теплый, - возразила Варя доктору, - спасите его!

- Что вы, голубушка, ведь это конец.

Но это был еще не конец, не вовсе смерть, потому что она-то еще существовала, плыла в этом мире, претворяя в действительность похороны и поминки, но и жизнью назвать это

было нельзя. Какая же это жизнь, за-
краем, если остановилось сердце?

«Зачем?» - спрашивалось внутри.
«Так надо, воля Божья», - говорили окружающие. Постоянно слыша эти слова, Варя привыкла к ним, утверждаясь в этой мысли: «Так надо!» Но кому и, главное, зачем, ответить было невозможно. Потому что, как поясняли опытные люди, когда превозможешь страдание и боль, то вроде бы есть смысл, но пока терпишь, в процессе, боль всё равно не даст разглядеть этот смысл. Надо ждать, чтобы прошло время. И оно потихоньку пол-
зло, длилось, тянулось. И, наконец, Варя смогла даже выйти на работу.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Однажды критик и литературовед Илья Зоревый вычитал в известной газете «Книжное обозрение» следующий анекдот. Дескать, талантливый физик Резерфорд спросил своего ученика: «Что вы делаете сегодня вечером?» «Работаю», - ответил тот. «А утром?» - вопросил учитель. «Работаю», - с простодушной гордостью возвестил ученик. «А когда же вы думаете, милый?» - спросил физик, чем, очевидно, поверг своего желторотого собрата в смущение. Однако заодно Резерфорд, сам того не подозревая и вовсе уж не рассчитывая на столь протяженный во времени эффект, поверг в смущение Илью Зоревого. И теперь тот ввел в свое дневное расписание такую графу: «размышления». Но дабы не слишком «растекаться мыслию по древу», дабы не распустить, современно говоря, «мысленных скакунов» в разные стороны чиста поля, критик отвел времени на размышления полтора часа.

Обычно он совмещал мыслительный процесс с прогулкой. Вот и сегодня набросил на плечи новенький ватник, сунул ноги в валенки и отправился в свой заснеженный сад-огород, сползающий к застывшей ныне реке, и стал прогуливаться по протоптанной тропинке - мимо туалета, сараев, к яблоням, там уже вступая в сень

нависающего бетонной громадой пешеходного моста.

Февральский день выдался ясным, морозным. Критик с удовольствием расправил плечи, затекшие в сидении за компьютером. Воздух бодрил и морозил, снег отрадно поскрипывал под валенками, а хохольский взор удовлетворенно отмечал добротные сараи и утепленные, защищенные от грызунов стволы деревьев. Для начала литературовед решил размяться и попробовал себя в короткой пробежке. Всё шло отлично. Мускулистое, худощавое тело его было в приятной, легкой бодрости. «Отличная форма в мои тридцать девять!» - мелькнула хвастливая мыслишка и потянула за собой другую, более основательную - предъюбилейный год. Пора подвести некоторые итоги, подумать об организации чествования и юбилея. Наскоро Зоревой прикинул ответную речь юбиляра и озабочился тем, что надо бы подготовить и размножить библиографию своих работ, чтоб все присутствующие на банкете смогли, так сказать, наглядно удостовериться в том, что путь проделан немалый. Да и вообще критик любил обстоятельность и порядок, хорошо, когда всё разложено по полочкам от «а» до «я». Не придется историкам литературы, дабы восстановить картину его деятельности, копаться в неопрятных, разрозненных рукописях.

Тут вплелся в его мысли поэт Даниил, скоропостижно скончавшийся месяц назад (всего-то на десяток лет старше). Что-то тревожное отразилось в этом блике памяти. Может быть, оттого, что у Даниила тоже был предъюбилейный год (насмешка судьбы: не дожил), что оставил он беспорядочный архив и безутешную вдову. «А у меня и вдовы нет!» - тенькнуло где-то в отдалении, но критик отогнал эту мысленную муть: он был еще так крепок, энергичен, ужасно дееспособен и плодовит в плане, конечно, творческой работы, прекрасно издавался, был обеспечен, и просто недосуг ему было выбрать достойную спутницу. Вероятно, изнутри жизнь его представлялась ему прямо-таки три-

умфальным, подарочным вариантом, и он пока не решил, кого же можно премировать такой честью.

Критик Зоревой воздел руки горе и шумно выдохнул, прочищая легкие. Мужик, идущий по мосту с березовым веником под мышкой (неподалеку под горой притулилась баня), хмуро усмехнулся.

Ах, недостойно все это было графы «размышления» и отведенных под это дело полутора часов! Все эти детали - и мужик, и сараи, и поэт Даниил со своим архивом и своей, надо отдать ей должное, еще довольно привлекательной вдовой. Заложив руки за спину, критик двинулся по тропе. Солнышко докучливо пекло в спину, но он сосредоточился на составлении библиографии.

Несколько было у критика значительных публикаций в крупных литературно-художественных и специализированных журналах, имелись диссертация и книга, изданная в местном издательстве в развитие темы диссертации, было множество мелких заметок-блошек в периодике, рецензий и реплик. Книга его, объемом в двести страниц, посвящена была творчеству третьестепенного русского поэта прошлого века, осенившего своим присутствием усадьбу в пригороде бывшего губернского центра. Впрочем, Зоревой обижался, когда к его герою относились с пренебрежением, без обиняков указывая на место оного в третьем или даже пятом поэтическом ряду. Однако поскольку третьюстепенный поэт был более или менее близкий земляк Пушкина (по Болдину), и однажды они даже снеслись записками по поводу каких-то лесных угодий, то литературовед в праве был утверждать, что Александр Сергеевич в качестве солнца русской поэзии осветил, так сказать, своим рукописным лучом третьестепенного современника (автора эпиграмм, застольных виршей и неудобочитаемой поэмы), признал его существование пусть не в литературном, но, по крайней мере, в пространственном смысле.

Уцепившись за эту ниточку, Илья

Зоревой пошел дальше и вытащил свидетельства прочих литераторов той поры о своем герое. По всему выходило, что литературная Россия сознавала в своем творческом лоне того, кому посвятил писания литературовед. Затем - больше: обнаружились переклички в творчестве, отыскались внутренние цитаты. Герой и сам был довольно активен и имел нескольких известных адресатов. На основании всех этих скопившихся материалов сложилась книжка, по-своему вписавшая их провинциальный город в общий литературный покров.

Зачем-то вспомнилось сейчас критику, как насмешливо отнесся Данил к такому почитанию третьестепенного поэта. Отчего-то теперь, когда Данил умер, критик относился к нему лучше, почти хорошо, признавая умелое владение стихотворной речью - близко к уровню любимого героя прошлого века. Может быть, оттого, что Данил уже ничего не мог возразить, был неопасен. Возникшая мысль ужасно раздражила Зоревого-Федюшкина, ведь никто не назвал бы ее благородной.

«Пожалуй, полтора часа - это слишком много», - думал он, энергично шагая по тропе и как бы столь же энергично вправляя непослушные мысли в нужное русло. В год сорокалетия необходимо было нечто не менее значительное, чем работа по прошлому веку, хотелось бы из сегодняшнего дня. Но иметь дело с современниками никаких нервов не хватит, иные уже разобраны, и на хвосте их творчества кормятся целые шайки литературных пасынков, другие же тотчас зачавняются и примут производственный интерес к себе критика за признание подлинности их заслуг перед отечественной словесностью, прочие были откровенно серыми или же скомпрометировали себя восхвалением власть имущих. Выбирать просто не из чего! И тут звякнуло в мозгу: «Данил!». Находочка! Да что там говорить - молодец, Резерфорд!

Бабка, идущая по мосту с красным пластмассовым тазиком в руке, ахнула и споткнулась.

- Аккуратней, мать! Берегись!
- Ты вскрикнул, сынок. Прямо как дух на тебя сошел.

- Ступай осторожно, мать, - Зоревой любил побеседовать вот так - душевно, простонародно.

- Живешь тут, сынок? Кем работаешь-то?

- И живу, мать, и работаю. В библейской простоте. Сотворяю, мать, поэтические репутации. Иногда на пустом месте.

Критик оправил ватник и устремился к дому: намеченное для размышлений время истекало.

Бабка, повязанная пуховой шалью, еще пару минут одобрительно глядела на спрятанный дом, затем потащилась дальше по обледенелой дорожке. Библия и сотворение поэтов намертво сцепились в ее старческой голове и крутились там. Наконец вынырнула нужная фраза, и бабка обрадовалась:

- Не сотвори себе кумира, сынок!

Но критик Зоревой в душевном запале не услышал ее и махнул с крыльца:

- Легкого пары, мать!

Через две минуты он уже сидел за письменным столом. Мерцал, готовый к услугам, экран компьютера. Зоревой отыскал адреса сокурсников Данила, прикинулся, с кем из маститых и влиятельных стоит связаться.

- А можно еще литературную премию организовать. Выйти в администрацию с предложением, - лихорадочно шептал он.

Проект обрастил подробностями, и ему представился Данил (отлитый в бронзе и молчящий, слава Богу!), вознесенный на пьедестал, и рядом - он, критик и литературовед, с вечным пером в руках и готовой фундаментальной работой о творчестве знаменитого, но при жизни не оцененного поэта. В конце концов, сейчас век активных людей и творческое поле надо создавать себе самому.

- А Данил мне на том свете в ножки поклонится, - пробормотал критик.

Но пока ему, Илье Зоревому, слишком много дел предстояло на этом свете, чтобы отвлекаться на по-

сторонние размышления о посмертии.

Возвращаясь со службы, Варя увидела в окне комнаты слабый свет. Видимо, горел забытый ночник. Но она отлично помнила, как утром щелкнула выключателем. Горячая волна ударила в голову, ослабели ноги. «Данил», - подумалось просто и отрешенно. И хотя Варя постоянно ощущала его присутствие, какой-то сладкий ужас захватил ее при мысли о том, что он шагнул через смертный порог и оставил по себе материальное свидетельство. Ни секунды не сомневалась она, что он с ней, и всё же теперь, когда предстояло стать лицом к лицу... Он там, в квартире, и не бесплотный дух, и невоскресшая плоть... Так кто же? Кто?

Озnob побежал по спине или холод забрался в тонкие сапоги, ведь всё еще зима, слабо порошит снежком. Вот и Андрюша вышел на вечерний променад с лопатой, взметывает снежную пыль, расчищая тропу. Варя встала, чтобы позвать его. Нет, Данил, не по силам мне очная ставка... Если бы знать, что это ты... Она собиралась окликнуть Андрюшу и взглянула на свои окна украдкой, опасаясь, как бы не увидеть лишнего. Не приведи Бог, качнется занавеска или того ужасней - мелькнет бледный овал лица.

Тут Варя охнула и уже смело поглядела вверх: окна ее квартиры (вот - три подряд), не потревоженные человеческим присутствием, девственно темнели, и тускло светилась рядом соседская спальня.

«Господи, я знаю, за эти минуты мне спишется немало грехов», - Варя подхватила сумку и вошла в ободранный подъезд. «Вот так, Данил, я испугалась тебя». Ей стало стыдно, и пока она переодевалась и варила гречневую кашу на ужин, она всё убеждала его мысленно: «Не так сразу, Данил, не так сразу». И постепенно успокоившись, привычно поведала ему о том, как провела день, и даже живописала, оживившись, курьезный случай в автобусе. Попалась бабка-

попутчица, бодрячка и охальница, веселившая весь народ нецензурными репликами. На остановке возле МВД вошли серьезного вида ребята, наверно, сменившиеся менты. И когда бабка особенно разошлась, один из них сказал:

- Пьешь ты, мать, не по возрасту.

- Верблюд, сынок, и тот пьет, - бабка лукаво подмигнула хмельным своим глазом и разразилась огневой tirade по поводу власти предержащих. Свежеиспеченный «сынок» достал из-за пазухи блокнотик:

- А как твоя фамилия, мать?

- Ельцына, сынок, - склокоживши лицо в скорбную гримасу, сообщила бабка, потешая автобус, - я сестра его. В народ засланная.

Варя сделала паузу - тут бы они с Данилом посмеялись. Странно, но то, что его не было дома перед смертью целую неделю, облегчило для нее расставание. Она чуть-чуть привыкла жить без него, в его отсутствие есть, ложиться одной, готовить для себя еду. Вся их близость осталась, в общем-то, с ней, а сама смерть и сопутствующая ей похоронно-поминочная суета прикрылась милосердным, не-проницаемым покровом. Она помнила, конечно, что Данил умер, но, скорее, абстрактно, словно речь шла о постороннем человеке, а рядом, тут, в быту, он был жив. Иногда вспыхивала невыносимая деталь - синий ноготь, исторгая крик и судорогу души, занималось дыхание, но Варя волевым усилием смыкала метафизическую щелочку: «Сгинь!» - и та нехотя исчезала, оставляя на ткани жизни очередной упреждающий рубец: «Не приближайся!»

Варя сама не могла понять, чего же так безумно испугалась, увидев свет в окне. А может быть, у последнего предела чувства настолько сильны, что радость нельзя отделить от ужаса, и они сливаются в одну высокую, режущую ноту, а она, слабая духом, не распознала.

Погасив свет, Варя встала у ночного окна. Больше месяца ты, Данил, не смотришь сквозь это стекло на эту ледяную пустошь, ограниченную бе-

тонными коробками. Она проследила взглядом за поздним путником, который торопился домой напрямик, срезая угол. Незнакомый человек шел, сопротивляясь ветру, и полы его пальто бились вокруг ног и мешали идти, а тень его, поджавшись, скользила следом. И это бывает, когда ты вдруг изо всех сил посочувствуешь другому человеку и пожелаешь взять на себя его тяжесть, его одиночество посреди почти загробного, ледяного пространства (о, Даниил, где ты?), но это невозможно, потому что каждый идет своим путем, и твой собственный путь отнюдь не легче. Варя подняла руку и перекрестила незнакомого пешехода. Потом во двор въехала машина, разрезав фарами ночь. Хлопнули дверцы, донеслась музыка, разрушая настроение, сквозь закрытые стекла ворвались по-хамски громкие голоса. Это было уже скучно и к ее жизни не имело отношения. Она опустила штору и отошла от окна.

Внезапно ее потревожили связанные воедино несколько слов: «ночной, внезапный снегопад - как будущий крушенье и окончательный распад», но Варя не стала углубляться в стихотворение, почему-то почувствовалось оно как кощунство по отношению к Даниилу. Ведь он уже не может писать! До чего странно: он уже всё сказал! А строки-то не ее, не той, прежней, Вари, никогда не надвигалась на ее стихи эта гибельная тень. Что и говорить... Никогда не хоронила она самого близкого человека.

И всё же сегодня был значительный день, и что-то сдвинулось в ее жизни, готовое разрешиться. Дух запределный подступил к ней близко, опалил, и след остался в ней. Свет в окошке (не важно - в своем или чужом) вспыхнул для нее, и путник упорно преодолевал ветер и снег, и прозвучали строки. Даниил посыпал ей весть, и она, внутренне трепеща, отзывалась ей.

Она легла, и в какой-то чудесный миг очертания шкафа, стола и дверного проема начали плавиться и поплыли прочь, словно камни, влекомые

потоком. Подступило забвение, и слабо-слабо закачалась лодочка - ни там, ни здесь. И вдруг все потухло, будто самолично дунул на пламя сон - брат смерти.

Варя проснулась перед рассветом и, окунувшись в зыбкую реальность, забылась снова и получила подарок: она увидела Даниила. Он стоял совсем живой, невредимый и глядел на нее с мольбой и любовью, ведь Варя тоже была в этом сне и наблюдала себя со стороны. Но обняться и приблизиться им не было дано, да и не в этом заключался смысл сна (если это, конечно, был сон). Краем сознания зацепился и сопутствующий антураж: береза и ель. Елку эту Варя помнила, но почему они оба стояли в том чужом саду, понять было невозможно, да и недосуг. Потому что Даниил умирал снова. Как-то иначе, явно и окончательно, истекая вместе с душой, даром, духом. Варя увидела кристалл и сразу узнала его в дивном, но неслепящем сиянии. Даниил пытался удержать сияющий многогранник, но руки («Будто из воды, Варя») проскальзывали сквозь, и такие мука и отчаяние отпечатались на его лице, что Варя пожелала умереть вместо него (но это было невозможно, она уже знала это... Добрел ли к родному очагу путник в ледяной пустыне?..). Она протянула руки, пытаясь подхватить, удержать хрустальный сияющий кристалл, но он упал наземь. Тотчас в снегу образовалась парящая проплешина, снег отступил, обнажив землю, а кристалл моментально растаял: маленький комок, потерявший грани, еще тлел посреди чистейшей, прозрачной лужицы, отражающей синеву неба.

Окончательно проснувшись, Варя долго лежала, понимая, что начала непонятное странствие среди снов и предчувствий, что прежняя простота покинула ее навеки, что радость канула и теперь она разучилась просто жить, она будет безуспешно разгадывать жизнь. И некому ей подсказать, и некому обнять ее, согревая теплом, заслоняя от бездны.

- Господи, за что ты отнял его? - прошептала она. - Зачем он умер? Умер навсегда и непоправимо...

- Друзья мои, позвольте мне рассказать вам одну байку...

Февральское, почти весеннее солнце было в высокие окна. Блики, играя, скользили по наполненным бокалам и хрустальным вазам с изобильными горами салатов. Стол был великолепен. И присутствующие, сидящие вокруг, соответствовали. Имелся представитель губернской администрации и кто-то из отдела культуры мэрии, почтил честью и директор местного книжного издательства, филологи из университета, критик и литературовед Илья Зоревой (как-никак, а доктор наук), молодая порось - в виде учеников и учениц покойного Данила, разумеется, вдова и сам гвоздь, так сказать, программы, апофеоз скорбного торжества (ибо это справляли официальные поминки почившему в Бозе сорок дней назад), московский гость - Иван Обрубин, приглашенный литературоведом и столь великодушно приехавший в глухой заснеженный городок почтить память умершего друга. Потому что Иван и Данил были сокурсниками. Иван, обладавший барской, тургеневской внешностью (та же стать и гордый взгляд с поволокой, художественно волнистые волосы и вся повадка имеющего достоинство и досуг человека), был страстным волокитой, учился из рук вон, более полагаясь на свой природный поэтический размах, и женился рано на дочери генерала КГБ. С молодой женой он поселился в прекрасной квартире, и литературная карьера его пошла в гору. Ныне, в год пятидесятилетия, от былой славы Ивана остался пшик, от густой шевелюры - лысина, отороченная жидкими, редеющими прядями, от былого молодечества - редкие загулы и крошечные (на один вечер) романчики со студентками Литинститута, где Иван вел семинар. Осталась жена, прекрасно обеспеченная и оказавшаяся тоже в своем роде талантом (она занималась квартирным бизнесом), а в наследство от

папы-гэбиста достался Ивану телохранитель (этот был, кажется, седьмой по счету). Подоплека имела следующий вид: жена, обеспокоенная постоянными увлечениями мужа, старалась с помощью любящего отца контролировать каждый шаг Ивана, дабы, если что - пресечь.

Десять-пятнадцать лет назад Иван любил в компаниях со скорбным лицом рассуждать о притеснениях со стороны режима, и в первые годы перестройки была слава занялась вокруг него, как вокруг пострадавшего и потерпевшего. Но в эпоху тотальной демократии сопровождающий Ивана отменен не был (теперь, вероятней всего, его услуги оплачивала жена), а ходил чуть не под руку с поэтом, не скрываясь, и скорее вызывал зависть (ибо кому же помешает охрана в наше-то смутное время?), чем сочувствие. Сам Иван с некоторой заминкой представлял своего спутника как ученика, начинающего литератора или, на худой конец, мемуариста, запечатляющего похождения живого классика. Обычно «ученик» с каменной мордой ни на что не перечил.

Накануне приглашения на поминки Иван серьезно повздорил с супругой. Только-только Иван распушил перья перед русоволосой красавицей из своего семинара и даже сочинил пять стихотворений под общим заглавием «Тебе, Любовь» (девочку, кстати, звали Любой), как жена сурово отчитала его и пригрозила лишить денежного довольствия. В знак протesta он напился пьян, разбил вдребезги мини-типографию, подаренную на именины женой, выволок во двор весь тираж свежеотпечатанной книги и устроил аутодафе. Он долго, безуспешно жег книгу (но в февральской слякоти бумага не желала гореть), пока не догадался спросить бензина у автолюбителей на стоянке. У полыхающего костра он потрясал кулаками и грозил узурпаторам, наступившим на горло «соловьиной песне». За спиной, не вмешиваясь, маячил Игорь - нынешний блюститель Ивановой нравственности - и более того, даже подгребал к огню разлетавшиеся обуг-

ленные страницы. И, может быть, это и стало последней каплей в чаше разочарований. «Миру не нужна поэзия», - причитал Иван, и в этот момент на третьем этаже распахнулось окно, и жена закричала ему:

- Тебе звонят из провинции.

Ссугулив плечи, он вошел в подъезд и, услыхав о смерти сокурсника и друга юности, был и вправду потрясен, и даже как-то устыжен, потому что смерть Данила была правдой, а весь этот пьяный скандал и костер, пожравший его книгу, отдавали театром. Может быть, в другое время его и не понесло бы на эти поминки, но секунда выдалась подходящая, и Иван отослал Игоря за билетами.

- Итак, эпизод, друзья мои. Сидим мы с Данилом на скамье у общежития, там бульвар такой неподалеку. И видим: идет по аллее Рубцов с приятелем...

Варя, как вдова, сидевшая в центре, рядом с членом правительства, вздрогнула и насторожилась: попробуй расскажи постороннему, как жизнь расставляет акценты и делает тебе намеки, обвинят в суеверии и тенденциозном подборе фактов.

- Рубцов подошел прямо к нам и говорит: «Русская, - говорит, - поэзия пребывает в надежных руках. А вы, - говорит, - ребята, наследники традиций и мои непосредственные продолжатели. Ты, Данил, и ты, Иван». Или он сказал: «Ты, Иван, и ты, Данил».

Оратор на миг задумался, понурив классическую голову, но тут же воспрянул, как бы озаренный воспоминанием:

- Пожалуй, да, это будет вернее. «Ты, Иван, и ты, Данил», - потому что у нас ведь два лидера на курсе было. Данил - да, разумеется, но второй, извините, я!.. Я и печатался к тому же больше...

Варя подумала о том, что Иван мало изменился со студенческих лет (она училась на том же курсе, просто была намного моложе их обоих), и ей было это приятно - вроде возвращения в юность. И потом, кто знает, может быть, Данил витает где-то здесь

и наслаждается действом, тем паче, что сам своей смертью послужил причиной этому действу, организовавшемуся словно по мановению волшебной палочки или инфернальных сил, спонсировавших роскошные поминки и пригласивших сюда весь местный бомонд.

Между тем было выпито в гробовом, скорбном молчании и налито вновь. Бывший комсомолец, вдохновленный рассказом столичного витии, уже мысленно стряпал эпическое стихотворное повествование, название которому будет «Рубцов и потомки», и до того возбудился и возгорелся внутренне, что и наружно это непроизвольно проявилось. Тик усилился, он передергивал плечами и подмигивал, не сводя затуманенных восторгом очей с Обрубина. Тот, заметив странные знаки, в начале сильно удивился, а потом рассвирепел. Дело в том, что Иван, обладатель мужественной внешности и широкой, как бы под вечным хмельком души, пользовался навязчивой симпатией голубых, которых, в свою очередь, яростно ненавидел. Вот и сейчас он проговорил свирепым, внятным шепотом:

- Я этих нетрадиционных... на столбах бы вешал, - и ткнул в бок сгляделая.

Игорь, поперхнувшись семгой, зло покосился на комсомольца и, играя желваками, постарался изобразить угрозу. На лице невинного литератора, павшего жертвой некстати разгулявшегося вдохновения, отразилось изумление, и он совершенно стушевался и попытался спрятаться за соседа-критика. Вся эта мини-сцена, разыгравшаяся в течение минуты, не совсем была понятна присутствующим и целиком в позднейших обсуждениях отнесена на счет оригинальности столичного гостя.

Соблюдая чинный порядок застолья, поднялся представитель администрации, красный, толстый, одышливый человек, нелегкой обязанностью которого было заседать на всевозможных презентациях, форумах, конференциях, симпозиумах, встречах и даже вот на поминках довелось; гово-

рить гладкие речи: что, дескать, администрация в курсе и бдит, и всей душой с вами, и в моем лице присутствует, всячески поощряет данный почин или, наоборот, завершение работы, а дальше приходилось пить, по меньшей мере, две-три рюмки, отдуваясь за всё чиновничество. Этот на века объевшийся и обпившийся человек и фамилию носил страдальческую - Мыкин. Однако только присутствие Мыкина на мероприятии придавало тому должный уровень и статус.

Вставши с рюмкой коньяку, Мыкин произнес соответственную речь, в которой довольно было гражданской скорби по поводу преждевременной гибели поэта, кстати цитировался Волошин: «темен жребий русского поэта» (речь сочинял консультант Союза писателей, присутствовавший тут же и удовлетворенно крякавший в эффектных местах), и к концу подпущена была весенняя водица лирической, просветляющей надежды на (столь по-разному трактуемое и понимаемое) духовное возрождение России, немыслимое без поэтической лепты Данила.

Ахнули коньяк. Налили еще. Выпивки было в избытке, и разговор пошел оживленнее. Выступил работник мэрии, постаравшийся перещеголять Мыкина в сравнениях и цитатах, и образ умершего поэта забронзовел. Варя слушала. По мере того, как до-кладчики возносились в эмпиреи, она падала всё ниже и ниже в мутной душевной тоске. Данил, о котором они говорили, не был тем живым и слабым, да, именно слабым человеком, которого она знала все совместные годы. И почему-то все эти люди имели наглость претендовать на него, как будто им могла принадлежать хотя бы частица его существа. Варе хотелось встать и крикнуть: «Моё! Не прикасайтесь!» И в какой-то миг она осознала, что он отлетел и больше не с ней, и здесь среди них его точно нет. Она едва сдержала слезы, но вспомнила, что негоже обижать устроителей, всё было сделано по высшему классу (могли ты предполагать, Данил? По выс-

шему классу!), и коньяк был замечательный, пять звездочек, настоящий армянский, и, может быть, ей станет легче теперь, когда он отлетел. Распустится удавка на шее, а все эти люди так искренне желают помочь. Она тихонько всхлипнула над рюмкой, и благодарные слезы выступили на глазах.

Атмосфера разогрелась. Все уже любили всех. Иван то сидел утесом, сдвинув брови, символизируя категорическое «нет» голубым проискам, то любезничал с поэтессами. Ирина рассказывала свой сон:

- Он явился ночью. В духе, конечно. Весь такой... В ореоле... И повел меня на прекрасный луг, где сплошь цветы. А цветы - это его стихи и это его запредельный мир. А я стою на краю луга и ступить боюсь, чтоб цветы не помять. Тогда он цветок сорвал и мне подает, - красивая искусство-ведша победительно оглядела слушателей.

Варя, готовая секунду назад любить всё человечество, могла положить голову под топор в том, что Ирина сон этот выдумала, и всё это литературные трюки, претензия на место любимой ученицы. Потому что Данил не смеет ни к кому приходить во сне!.. «Слышишь, Данил, не смей!». Но Варя лукавила сама перед собой - не слышал он ее и не мог слышать.

- Деточка, - восхитился Иван поэтессой, - вы сами цветок. Выходите за меня замуж.

Игорь, охранник нравственности, вскинулся, а Иван очнулся: батюшки, он и забыл, что женат! Да, хорош коньчик. Или это юность вернулась? Что за магия такая? Понимаю Данила: сидел тут в цветнике, творил... и умер, - завершилась мысль. Иван досадливо покосился на диктофончик между тарелками, красная кнопка горит - пишет. Официально считалось - фиксирует драгоценные речи для мемуаров, а попросту - компромат для жены. «Подумай, ни одно твое слово не пропадет для истории», - убеждала она поэта с нажимом (твердость, очевидно, была унаследована ею от папы-гэбиста). И чего он потащился

в эту глушь? Но волны почтения, обожания и неги так ласково качали его, девочки-поэтессы глядели так нежно...

- Нет, нигде так не любят поэзию, как в провинции. Выпьем же за поэзию!

В этот самый момент критик и литературовед Илья Зоревой, вожделенно поглядывающий на диктофончик у прибора столичного гостя («Ах, материалы! Их бы в умелые руки!») и напряженно следивший за ходом застолья, решил: «Пора!»

Он встал и начал:

- Мы видим здесь прекрасный сад, возвращенный поэтом, это его ученики и его друзья, те, кого согрела его душа. И нам в ответ нельзя посрамить лица своего. Давайте же утвердим память о поэте не только, так сказать, в духовном, но и в материальном плане. Предлагаю учредить литературную премию его имени.

Присутствующие оживились. Иван Обрубин на мгновение пожалел о том, что не он почил сорок дней назад («Да, жизнь в провинции имеет свои плюсы. Кто там, в Москве, почешется, когда я окочурюсь? В лучшем случае - некролог на четверть газетной полосы»). Среди молодой поросли тоже началось шевеление, начинающие пииты мысленно примеряли лавровые венки. Словом, идея вызвала одобрение. Только Мыкин смущился, будучи не уполномочен по поводу премии от администрации.

Критик между тем продолжал:

- Премию для авторитетности необходимо сделать не местной, а региональной, сплотить вокруг имени поэта лучшие литературные силы. В дальнейшем можно было бы замахнуться на Россию. Думаю, даже спонсоры под такое дело найдутся.

Мыкину не оставалось ничего другого, как положительно кивнуть, выражая принципиальное согласие. В конце концов, не раздражать же интеллигенцию.

За премию осушили еще по рюмке. И директор издательства (перед ним лебезили и заискивали все пишущие, так как, хотя издательство про-

горало, всё же было единственным в области) предложил собрать посмертный сборник поэта, «Избранное» - итог жизненного и творческого пути.

- Я мог бы составить, - дернулся (слишком поспешно, он уж укорял себя потом за это) литературовед и критик Илья Зоревой.

Не надо было так явно дергаться, потому что вдова встрепенулась и сказала с непонятной жесткостью:

- Нет! Я составлю сама, - а Варя просто не могла допустить, чтоб кто-то посторонний рылся в чемодане с рукописями.

«А может, жениться?» - критик оценивающе поглядел на вдову.

Конечно, не розанчик, но еще вполне женственна: и эти ямочки на щеках, и круглые плечи... Увлекшись, он даже причмокнул губами и решил эту идею обмозговать подробнее, обкатать и изучить во всех ракурсах. Поэт, бывший муж, будет вознесен, тропинка в историю протоптана, изучай прямо на дому архив и зарабатывай посмертноеувековечение.

- А я могла бы дать для сборника свою графику, - сообщила «шляхетная паненка», - я уже задумала символическое изображение рыцаря со сломанным мечом.

«Однако я не один», - отметил Зоревой.

Но Варя даже рукой махнула отрицательно:

- Есть его портрет, всего за несколько дней до смерти. Вы помните, конечно, художника. Гарик Уездин.

На этом и завершилась официальная часть. Высокие правительственные лица отбыли, возлияния продолжились, и в какой-то горячий момент на волне единодушия решено было махнуть к Уездину, вытребовать портрет и тем самым начать осуществление памятных мероприятий.

Когда хмельная их одержимая гурьба свернула на окраинную улочку, Обрубин так и ахнул. Он вообще был как-то на слезе, растроган - коñьячок прожег до донышка.

- Глядите-ка, дома просто смеются!

И впрямь, на всех фасадах по три

окошка - символ столь любимый нами, русскими, и не замечаемый в обыденности. Три окна - свидетельство и присяга Святой Троице. Выдаются такие острые миги - глянешь, и предстает мир как заново, и ты перед ним, готовый упасть на колени в обновлении чувств.

- Матушка Россия! - сказал Обрубин и утер платком глаза.

Разом притихшие, они двинулись дальше: Варя, охранник Игорь (как нитка за иголкой - след в след Ивану), критик Зоревой, из молодых - огородник, «китаянка» с «панёнкой», Ирина; сзади, скрываясь от гневливого Ивана, плелся комсомолец, и в виде свидеты - кто-то из вовсе безымянных. Февральский мороз не шутя щипал носы и щеки. Сумерки уже добавили воздуху и снегу густой синевы и зажгли на краю небес одинокую звездочку.

Уездин, хмурый, видно, с похмелья (куда девалась размашистая обаятельность?), встретил их на крыльце избушки. Писательская делегация чем-то сразу не понравилась ему. Цепким взглядом выхватил из толпы Обрубина и удостоил беседы только его.

- Нет никакого портрета и не было. Так, набросочек. Не успели, да и времени впереди, думали, больше.

Варя стояла не в силах бороться с возвратом прошлого: Даниил у ели (ах, хороша елочка в снегу!) и бессмысленно жаркий спор о форме и сути, и ее уже тогда горькое, безысходное отчуждение от него.

- А он уже уходил тогда, - прошептала она вдруг и поперхнулась от уничтожающего взгляда художника.

За что? Но, без сомнения, Уездин уставился на нее, вдову, как на последнюю вошь.

- А и будь портрет - не дал бы. Не было на то его воли - портретами разбрасываться, - и ушел в дом, хлопнув дверью.

«Боже мой! Что я делаю здесь?» Все потянулись в калитку, пристыженные отчего-то, точно побитые сячки. «Зачем я-то пошла? Зачем участвую в этом?» И все ееочные беседы с Даниилом, и комната в лунном сиянии, и фонарь под окном, и ледяная пусты-

ня - всё это вдруг показалось ей счастьем, которое она имела (ибо чувство - он здесь, за плечами - не покидало ее прежде). А теперь все это рухнуло и стало недостижимо, кануло в бездну, и она сама, сама разрушила это.

День завершался. Литераторы очутились на вокзале. Что-то еще в складчину покупали в коммерческом киоске и пили тут же, глотая вместе с алкоголем мороз. И Иван вовсе, на-прочь, окосел. Когда подали московский поезд, он обнимался с Варей, плача над ушедшей юностью, долго целовался с Ириной и прочими подвернувшимися участниками торжества. И вот тут Игорь оказался незаменим и буквально внес разгулявшегося служителя муз в вагон. Но Обрубин вырвался и, выпав со ступеней на перрон, кинулся к жавшемуся в стороне комсомольцу и стиснул того в объятиях.

- Прощаю, - заревел Иван, - раз уж ты пришибленный. Но смотри, лишнего не шали! - и, отчески пожутив и погрозив пальцем, покинул изрядно помятую жертву и наконец исчез в вагоне.

Минут пять до отправления они взаимно махали друг другу, посыпая воздушные поцелуи.

- Тургенев, вылитый Тургенев, - бормотала Ирина у Вари над ухом.

Поезд тронулся. Они побежали, пытаясь удержать, настичь мгновение. Колеса крутились всё быстрей. Барственный силуэт Обрубина качнулся, и окна слились в бесконечный ряд. Поезд понесся - так уходит время и уходит жизнь. Мигнул напоследок хвостовой огонь, а они остались здесь перемогать, переживать настоящее.

Оказавшись наконец в одиночестве, в своей квартире, Варя пыталась и никак не могла соединить и осмыслить весь этот никчемный бред: приезд Обрубина, поминки, премия, елка в снегу... Она поежилась, припоминая уничтожающий взгляд Уездина. И перечеркивая сегодняшний день, да и всё Варино бытие целиком, зазвучала простая мыслишка: «Всё конечно! Всё потеряно!»

Чемодан был набит битком. С трудом вытащив его из-под кровати, Варя отпахнула крышку, и рукописи в невообразимом беспорядке представили ей. Волнение охватило ее, когда она взяла один листок с машинописным уже текстом. Стихи были «белые», похожие на прозу:

*Сквозь пустошь ледяную странник
едва влечится - ветер*

*треплет полы
и пригорши в лицо швыряет снега,
а он идет в ночь темную,*

*как прорубь,
я крест кладу: благослови нас,*

*Боже,
упрямых путников на ниве ледяной.
Дай не упасть, дойти*

*и оглянуться...
Но в смертный час всё длится*

*испытанье,
и каждый шаг с таким трудом*

** дается.*

Варя окаменела. Выходит, он и вправду был здесь, в комнате, залистой вечерними сумерками, витал за плечом, глядя вместе с ней, как преодолевает пространство запоздалый пешеход. Он видел, как Варя перекрестила согнутую спину упрямца. «Господи, не превращай мою жизнь в мистику, не надо! Я утону в ней!» Тут же ей кинулась в глаза дата: 25 февраля, но прошлого года. Она вздохнула с облегчением, но понять, хороши ли эти стихи, так и не сумела. Слова обжигали ее. Как же ей было взглянуть на них отрешенно, словно посторонней?..

Кипы старых блокнотов и юношеских тетрадей Варя не тронула: то, что Данил хотел выбрать из них, он выбрал сам и многое опубликовал. Теперь она вспомнила, что последние годы он практически ничего не читал ей нового и при ее появлении даже захлопывал вот эту самую, синюю, в клетку, тетрадь. Тогда она вовсе не обижалась и даже, пожалуй, не рада была бы слушать, вздумай он ей читать. Его поэтическая одержимость всегда пугала ее, и, что греха таить, куда проще было иметь дело с нормальным, социально адекватным эк-

земпляром, который имеет работу и получает зарплату. Она гордилась и радовалась, когда литстудию признали официально и Данилу утвердили ставку и начали платить. Не из-за денег, конечно, а потому, что входил он в обычное житейское русло.

Варя открыла и перелистала тетрадь: отрывочные строки, вкривь и вкось налезающие друг на друга, и записи-размышления вроде дневника и не совсем, потому что вовсе не было здесь хронологической последовательности, а так - отдельные мысли. Например, на одной из страниц было написано крупно - ПУШКИН и цитата: «Мой идеал теперь холяйка, и щей горшок, и сам большой». Комментарий Данила: «Гений постигает полноту жизни и превращает легкомысленного пинта в хозяина, в «самого», в ответственное лицо». И рядом - «не могу уловить простоту жизни».

«Юность. Это было первое откровение. Я сидел на скамье, у Шурика продолжалась попойка... Мы пили уже третьи сутки. Темный, глухой, коллективный разврат... В какой-то момент ощутил, что умираю, выплыл на воздух. От холода прозрел и сидел, уставясь в ясное, звездное небо. В глубине возбужденного мозга заворочались слова, удивительно сочетаясь, и этот тонкий мотив зачаровал меня. Я не вернулся к Шурику, всю ночь бродил по городу, пытаясь извлечь из небытия нечто. А вся компания, перепившись, отправилась подламывать дачи. Наткнулись на патруль и дали отпор попытавшимся задержать их милиционерам, причем одному из служителей порядка крепко досталось. Все друзья юности сели. Так что нечто, выходит, извлекло меня, хотя те самые первые слова не были ни магическими, ни прекрасными - ученический лепет о звездах и небесах...»

Варя читала еще, и образ Данила становился внятнее: слабый, смятенный, отчаявшийся человек, держащийся за тонкую ниточку, протянутую ему с небес.

У изголовья Ангел мой стоит.
И страшно мне, когда смыкаю очи,

*что вот усну и вдруг он отлетит,
забыв меня, покинув среди ночи.*

Стихотворение было длинное и - краткая приписка в конце: «Боюсь смерти». Вообще мысль эта проходила красной нитью, заставляя Варю содрогаться, сочувствуя ему и безмерно жалея теперь, когда жалость не достигала его.

«Постичь жизнь, стремиться от страсти - к чувству, от декаданса - к Пушкину, перевести иррациональный страх в сознательный страх посмертного наказания, который есть начальная ступень любви...» Видимо, эти размышления были ему очень дороги, потому что об иррациональном страхе он подчеркнул. Варя не все понимала умом, но постигала иначе - сердцем. Все это имело отношение к ней через Данила, но и через Пушкина тоже, под сенью которого прошли ее детство и юность. Что ж это впрямь за солнце просияло над нашей литературой, утверждая собой жизнь, вопреки распаду, и душевную целостность, вопреки хаосу мелких гибельных нюансов?! Она вспомнила своего отца, теперь уже давно покойного, как он закуривает, сидя на крыльце, а она, Варя, школьница, спрашивает его о смерти. Он поднял к ней лицо (кустистые брови низко над глазами), внимательно посмотрел и сказал, эту фразу она хорошо запомнила: «Не мы первые, не мы последние, дочка». Душа ее успокоилась тогда, смирилась, что ли, ощущив себя в непрерывно текущем людском потоке. Так идет жизнь - через смерть. А вот в Даниле смирения не было вовсе.

*Прерывистого дыханья не хватит
на жизнь,*

Вечные точки-тире вместо линий...

Это он верно сказал. Данилу все время нужно было заставлять себя подниматься к дару, делать усилия, чтоб достигнуть высоты, цельности, глотнуть разреженного горного воздуха и спуститься к ней, к Варе. Да, он пытался любить ее открытым сердцем (может быть, вопреки себе), любить жизнь, природу, других людей, но только - превращая в материал. Любил, когда писал. Всё - в зависимости

от слова. О, этот обоюдоострый меч, этот требовательный дар! Крошечный дар или нет - не важно, он был залогом спасенья. «Имею дар, а нести - нет сил». Вот тут ты, Данил, ошибся. Ибо не свидетельство избранничества дановано было тебе, а милость слабому, погибающему человеку. Надежда на высшее. Слово - ниточка, слово - крючочек, вонзенный в живую плоть бытия. Не ты нес дар, Данил, не ты приносил жертву, ты принимал ее. Тебя, утопающего, выносило на поверхность. Благодаря поэзии, ты имел необремененное житейское бытие, скользил над поверхностью, не касаясь многой грязи. Это ли не спасение?

«Умереть в один день - вот о чем надо было просить», - думала Варя, сидя на полу, на коврике, у распотрошенного чемодана. Ранний зимний вечер уже спустился на землю. «...ибо кто я, чтобы судить его жизнь?» Ведь в высшей степени безжалостно было то, что открылось ей вдруг (удивительно!) после стольких совместных лет: дар был дан ему по человеческой слабости, чтоб спасти (и так он дается всем!), дар маленький и несамостоятельный (не солнце, а только отблеск), и взаимоотношения Данила с этим даром - дело личное, не терпящее свидетелей и соглядатаев. С ужасом вспомнила она поминки, пьяный шабаш, поход к художнику (его уничтожающий, презрительный взгляд). отъезд Обрубина и бессовестную мистическую болтовню вокруг имени Даниила. Всё это нужно было кончить, прекратить, дать наконец покой его измученной душе. Хватит дергать запредельные ниточки!..

Она захлопнула крышку и сунула чемодан на прежнее место. Вынести на всеобщее обсуждение его метания и страх смерти? «Никогда!» - сказала вслух, встала и подошла к окну. Снова мело. Снежинки стояли плотным конусом в потоке фонарного света, и ни единого человека не было посреди снежной пустыни. Сегодня Варя и про себя узнала нечто новое: она имеет довольно твердости, чтобы жить дальше и чтобы попытаться исправить то, что попустила.

Зал сиял хрустальными люстрами. На передних креслах поместились почетные гости: спонсоры в дорогих пиджаках. Тут же Мыкин, как бы утверждая своей персоной статус мероприятия. Летали туда-сюда в организационных хлопотах члены комиссии, гомонили возбужденные молодые авторы, передавая друг другу кулуарные слухи.

Варя села с краю, за колонну. В зале было множество знакомых, кивнул критик Илья Зоревой с диктофоном (Век живи - век учись! Поглядел на столичного «коллегу» и обзавелся). Она, конечно, знала, кто предполагается лауреатом, хотя на обсуждения не ходила, а всё же ей сочли нужным сообщить. Серьезными претендентами на первенство считались «комсомольский» поэт и огородник Кирия. Но поскольку творения вечного комсомольца выглядели более внушительно, да и спонсоры-банкиры все как один являлись соратниками поэта по прежней райкомовской карьере, вопрос как бы сам собой решился в пользу первого. Кирию решили задвинуть совсем. На второе место прочили Ирину, по поводу третьего спорили «китаянка» и «шляхетная паненка». Но все-таки прекрасная полячка шансами обладала большими, была к тому же художницей, то есть одарена вдвое, имела маму, часы досуга тратившую на хождения по инстанциям и со многими приятельствовавшую, да и вообще, поляки нам всё ж таки ближе, чем китайцы. Чаша весов таким образом склонилась в пользу западных соседей. Были, конечно, и другие претенденты, но на первом мероприятии решили отметить и наградить «учеников» Данила.

Всё это было пока скрыто, и члены комиссии во главе с Мыкиным хранили таинственные лица. Телевидение опутало шнурами зал и включило бьющие в глаза юпитеры. Все замерло и началось по сценарию. Приветствия, концертные номера. Варя иногда забывала, зачем она здесь в своем черном платье, и только с любопытством следила, как вру-

чают подарки от спонсоров начинаяющим, но многообещающим литераторам. Илья Зоревой зачитал приветственную телеграмму от Обрубина, в которой благословлялись пишущие и путанно соединялись в одном благословляющем лице и Державин, и Рубцов. И, хотя это Данил сошел «под гробовую сень», благословлял всё же Обрубин.

Наконец, наступила кульминация вечера. Секретарь комиссии, отыскав Варю (все обратили на нее любезносочувственные взоры), препроводил ее в крошечную комнатку, где из ящика стола извлек коробочку. В коробочке лежали специально изготовленные медали (одна - позолоченная и две - серебряные) с выбитым профилем Данила и надписью «лауреат» на длинных голубых шелковых лентах. Она взяла коробочку в руки - ей надлежало вручать медали. Тут зазвонил телефон. Секретарь замешкался, взял трубку, Варя выскользнула в дверь, тенью метнулась по лестнице, в гардеробе накинула пальто и нырнула прямо в зимнюю, морозную вечернюю синеву.

Через десять минут в нетерпеливо гудящем зале появился секретарь комиссии, и критик Илья Зоревой отчего-то взволновался, заерзал на стуле, почуял недоброе. После переговоров с членами комиссии был объявлен перерыв «по техническим причинам». Над фланирующей толпой, над курилками, окутанными дымом, то там, то тут всыхивали обрывки горячих, раздраженных фраз. Слухи просочились в народ как вода сквозь пальцы. Повсюду обсуждалась «бедная, лишившаяся рассудка вдова», выкравшая медали с профилем покойного мужа. Но цель? Цель? Здесь догадки уходили в мистические дебри. Одним словом, получился грандиозный конфуз.

После перерыва все пошло не так, как планировалось. Секретарь огласил имена лауреатов, и представитель администрации вручил им грамоты в сопровождении тощих конвертов. Предполагалось, что выступит Илья Зоревой с пространным

докладом о литературной традиции и ее нынешних продолжателях в лице Данила, а новоиспеченные лауреаты почитают стихи. За сценой ждали пианистка и исполнительница романсов со специальной программой, куда вошло и несколько произведений на стихи Данила и лауреатов. Однако все скомкалось. Зоревой с тоской заметил, что его никто не приглашает на сцену. Первым признаком того, что мероприятие сорвано, стало исчезновение Мыкина, растворившись в нетях представители мэрии, уползли телевизионщики вместе со своими шнурами. Спонсоры начали нетерпеливо позякивать ключами иномарок, дожидавшихся внизу, но вся литературная молодежь, выступив, не сговариваясь, единым rationalным фронтом, льстиво улыбаясь, упросила гостей погодить, и постепенно оставшиеся переместились в банкетный зал: питье и яства, как обычно, послужили последним, неоспоримым аргументом. Захлопали пробки. С тостами выступали поэты и прозаики, и все - о высоком, дабы отвлечь от прозы происшедшего. Через час уже никто не помнил о похищенных медалях, дружно поздравляли лауреатов. Правда, «китаянка» вступила в спор со своей основной соперницей, отказываясь за нее пить и мотивируя тем, что, дескать, окончательный приговор вынесен без участия вдовы и судьи колебались, и потом - «поляки нам вечно всякие гадости строят». Присутствующие, размягченные выпитым, поздравили и ее, причем кто-то из спонсоров вручил, так сказать, именной, лично от себя подарок - паркер с золотым пером.

Воцарилось всеобщее довольство. Разговор шел о литературе, о вдохновении. Спонсоры заметно мгли, отрывавшись от цифр и разборок. Наконец, один из них, играя золотой цепью на пузе, внес предложение собираться этим же составом примерно раз в месяц.

- Еще актрис нужно пригласить, - влез другой и пояснил свою мысль: - Тоже люди искусства.

Финансирование спонсоры брали на себя.

- А клуб назовем «Смычка интеллигенции и бизнеса», - вставил комсомольский поэт.

С ним заспорили, находя «смычку архаикой, и порешили назвать современно: клуб «ИБО» - интеллигентское бизнесменское общество.

Илья Зоревой, сидя за бокалом шампанского, скучал. Он не пил никогда, а сейчас, склонив свой грандиозный план, пребывал в тоске. На крылась шляпой новая книга. И вдруг (счастливые мысли именно так, вдруг заглядывают в голову) его осенило. А что если замахнуться на столичный уровень? Иван Обрубин к тому же жив и имеет всяческие связи в издательских кругах. Морщины на лбу Зоревого разгладились, словно ему заглянула в лицо не скромная региональная а пышная всероссийская известность. Он даже пригубил шампанское. Немного смущало его наличие вблизи Обрубина телохранителя-литератора-веда. Однако, если подойти к делу разумно, обо всем можно договориться. Окончательно просияв и в душе благословив сегодняшний провал. Зоревой-Федюшкин распрощался и отбыл, торопясь сесть за компьютер и составить деловое послание Обрубину.

Немного потоптавшись в темном, вонючем подъезде дома по соседству с Дворцом культуры, Варя решилась высунуть нос наружу. Всё тихо. Вернее, сквозь стекла Дворца доносятся слабые всплески мелодий (в нижнем этаже началась дискотека), мечутся тени, но никто не гонится за ней.

Медали, засунутые в варежку, жгли ладонь. Как-то всё время чувствовалось, что там - лицо Данила. Она нащупала выпуклость глаза, изгиб брови. Ее передернуло... Куда теперь? Решение возникло само собой, и Варя направилась к троллейбусной остановке. Какой-то внутренний хмель бодрил и будоражил ее, по крайней мере, на ближайшие полчаса жизнь вновь обрела простую и ясную цель. Очнувшись на окраинной улочке,

она вспомнила фразу столичного Ивана: «Дома прямо смеются...» Да, и сейчас, зажегши каждый по три огня, они ласково, приветно усмехались ей. И Варя пошла по улочке, слушая, как скребут лопаты, расчищая снег. «Бог помошь!» - окликают друг друга соседи. И от этого пожелания и ей становилось легче, будто кто-то адресовал и ей «Бог помошь!» - делай, что должно.

Робко вошла она в калитку. Избенка стояла темная, храня тайну - дома ли хозяин или отсутствует, а на крыльце уже намело порядочный сугроб.

Вот и скамеечка, вот и елка, стоит нарядная, в белой опушке. Не медля, Варя извлекла медали и повесила: золотую - ближе к вершине, а две серебряные - по бокам. «Вот тебе, художник, мой ответ на твой презрительный взгляд. Понимай, как хочешь». На секунду присела на скамью.

В метельном мареве холодно сверкали металлические кругляши, слегка трепетали шелковые ленты, и елка стояла словно генерал. Почему Варя пришла сюда? Может быть, потому, что видела эту елку во сне и Данила рядом и теперь желала, чтобы и медали эти отправились следом, в сон, потому что найти им применение здесь, по эту сторону, она не могла.

Варя поднялась и, не оглядываясь, направилась к выходу. А город, зимний, ночной, обновленный, был прекрасен, и прекрасен был снег, летящий косо, и прекрасны ряды фонарей, и окна в домах, и даже одиночество ее в этот миг было прекрасно. И душа вновь по-детски успокоилась и смирилась среди этих абсолютных вещей, дарованных нам ни за что, просто так.

А снег поскрипывал под сапогами слабо, едва слышно, но всё же различимо: «Бог помошь, Варя! Бог помошь!»

Перепивший Гарик разоткровенничался в малознакомой компании за ресторанным столиком. Его практически никто не слушал, за исключением крашеной блондинки, которая

пыталаась вникнуть, но ее бестактно пригласили на танец. Гарик это категорически не понравилось, он пытался возражать, и кончилось всё легкой потасовкой среди зала, и, наверное, крепко бы досталось юнцу, коли б их не растащили. Блондинка предпочла молодого и охала над ним, а к художнику самолично подошел владелец ресторана, некогда окончивший художественное училище, вручил бутылку коньяка и в сопровождении двух молодцов одинакового покроя отправил на серебристой иномарке домой. Гарик ухватил затуманенным алкоголем сознанием, что машина, освещенная синеватым фонарным светом, сливается с метелью и как будто искрится. На заднем сиденье он откупорил коньяк и выпил чуть ли не полбутылки. Сопровождающие от коньяка отказались.

Проехать по заснеженным окраинным улочкам иномарке не удалось. Братаы вручили бесчувственного Гарика подвернувшейся старушке, укутанной по глаза пуховой шалью, дали десятку и велели доставить по адресу, выданному «на гора» их подопечным в проблеске сознания. Машина, с трудом развернувшись, исчезла в снежных пеленах, а художника ввели в незнакомый дом, заботливо раздели в сенях и представили двум мрачного вида мужикам, один из которых его признал:

- Тутойший маляр. На кой привела?

Другой, уразумев, что посланница «старушка», оказавшаяся женщиной лет сорока - сорока пяти, с заплывшим серым лицом, вместо спиртного приволокла потенциального собутыльника, без лишних слов принял с избивать ее. Гарик, услышав крики, немного пришел в себя и инстинктом поччул, что влип не на шутку - компания серьезная и не в настроении, мужики явно уголовники и, возможно, уже замышляют, как ему споручней устроить встречу с Данилом. «У каждого города обязательно должен быть свой поэт, - вспомнились слова Данила, передававшего чью-то мысль, - и свой музыкант, и свой ху-

дожник... Иначе город неполноценный...

Женщина, всхлипывая, рассказывала, как художника на иномарке привезли «друзья». Мужики тяжело смотрели на него.

- Как насчет выпить? - нашелся Гарик. - Я схожу...

- Были бы деньги, мы сами найдем.

- Зачем искать? Где моя дубленка?

- В сенях, - пискнула женщина.

Гарик, пошатываясь, встал, отстранил поднявшуюся было хозяйку и принес запрятанный в глубоком кармане конъяк. Бутылка вызвала оживление, на столе появилась немудреная закуска - картошка и соленые огурцы. Налили по стопке. Один из мужиков (руки в наколках) вместо то-ста отечески произнес:

- Эря ты вяжешься с молодой шушерой, маляр...

Нет, нельзя городу так скоротечно лишаться и поэта, и художника, решил Гарик и после стопки выпучил глаза и зажал рот, всем видом демонстрируя, что его начало тошнить. Мужик тот, что пожурил его, показал глазами на дверь.

Гарик на крыльце спешно напяливал дубленку. Следом вышла женщина. Он приобнял ее и жарко зашептал:

- Пошли со мной!..

Простое желание защитить от побоев это жалкое существо заставило произнести двусмысленно прозвучавшие слова.

- А что если я закричу? - косая ухмылка исказила лицо.

- Пожалуйста, не надо, - взмолился Гарик, протягивая ей оставшиеся деньги и открывая зев опустевшего бумажника.

- Ладно уж, гуляй... - смилиостившись хозяйка.

В спину его ударило, словно припечатав, словцо-определение:

- Потаскун.

«Потаскун»! Благодаря этой словесной занозе, впившейся в воспаленный мозг, Гарик и вспомнил, проснувшись на следующее утро в своей постели, недавние приключения.

Вернулось чувство только что ми-

новавшей опасности и отвращения неужели он по пьяной лавочке приставал к этой ужасной бабе? Бред собачий! Докатился! Впрочем, куда катился, туда и катится... Надо уметь радоваться жизни, жить на полную катушку, не он ли вещал? Миновала ослепительная юность, жадная настырная молодость, и вот ты идешь на высоте своих лет по краю бездны, и не хватает кислорода. Что-то в пути проглядел, стало быть, если даже в себе разобраться не можешь. Что есть жизнь? Слепая игра случайностей, животные инстинкты, вечная борьба за выживание... Искусство - та же самая игра, алкоголь для психики... Кто приспособился, тот выжил, кто быстрее всех сориентировался в обстановке, тот и победил. Мир изменился. В очередной раз рухнули идеалы, но вечная суть-то всё та же! Смысл жизни - в выживании. А выживает сильнейший. «Ты ничего не открыл мне нового, Данил. Прощай, хлюпик-поэт, я веду игру сугубо по земным правилам!.. И не желаю проиграть партию раньше отпущенного мне времени».

Гарику вспомнился один из фильмов Бергмана: там Рыцарь играет со Смертью в шахматы в надежде выиграть жизнь. Бога нет, и искусство - не отблеск Творца, как ты надеялся, Данил, а всего-навсего игра... «Жив Бог, умен, а не заумен», - всплыла в памяти строка циничного, но честного Ходасевича, и Гарику захотелось спрятаться под одеялом: отстаньте! Нет зеркала, в котором отразится его новый облик.

Ярко синело февральское небо. Гарик скреб лопатой крыльце, освобождая его от снега. Метель давно кончилась, выровняв сугробы и опушив деревья. По карнизу хрустальными морковинами выстроились сосульки - солнце грело по-весеннему. Художник не сразу заметил три металлических кружка на облепленных снегом лентах среди еловых ветвей. А когда заметил - обомлел. Какие-то медали, похоже, спортивные. Елка - чемпион. Елка - генерал. Но зачем? И чьи это шутки?..

Когда на одной из медалей в его теплых пальцах вытаял из ледяной корки знакомый профиль поэта, Гарик, будто ожегшись, отбросил закачавшийся на твердой от мороза ленте серебряный кругляш. Изображение тотчас затянуло льдистой патиной.

С робостью художник отступил из мира, еще минуту назад бывшего по-хмельно-плоским и вдруг обретшего глубину и снежно-сияющее пространство. Жгучая тайна выжидательно глядела в его довольно-таки потухшие, циничные очи, и Гарик почувствовал настоятельную потребность затворить дверь, оградиться стенами

и переждать бурю новых чувств, дабы осмыслить себя в этом совершенно незнакомом ему бытии. Вот так штука! Выполнил-таки уговор Данил, подал знак...

Гарик медленно, боясь обнаружить трусость (спиной чуял упретый в спину взгляд поэта), взошел по ступеням крыльца, нарочито задерживаясь, обмел валенки веником. Потоптался, обернулся, сдернул шапчонку и, повинувшись неодолимому порыву, в пояс поклонился, то ли ёрничая, то ли благоговея, ёлке-генеральше, Данилу, тайне мироздания.

1998-2005 гг.

ФОТО ИГОРЯ АКСЕНОВСКОГО

СТАНИСЛАВ МИШНЕВ

Станислав Михайлович Мишнев родился 24 июня 1948 года в деревне Ярыгино Тарногского района Вологодской области. Окончил Шебеньгскую восьмилетнюю школу, учился в Великоустюгском сельхозтехникуме и Вологодском молочном институте. Служил в армии. Женат, имеет двоих детей. С 1969 года работает на родной земле. Начал трудовую деятельность трактористом, работал механиком, инженером, экономистом, бригадиром, парторгом. Станислав Мишнев и сейчас живет на родине - в деревне Старый Двор Тарногского района, Станислав Мишнев - член Союза писателей России, автор книг «Последний мужик», «Пятая липа», «Из разного теста», его проза публиковалась в коллективном сборнике «Под Большой медведицей», различных литературных журналах. В первом номере нашего журнала, вышедшем в 2006 году, была опубликована подборка рассказов Станислава Михайловича. Поздравляя нашего давнего автора с юбилеем, представляем читателям новую прозу тарногского писателя.

СВАДЬБА НАВЗРЫД

Рассказы

МАКУШКА ЛЕТА

Он из тех, кому не надобно миллион, а надобно мысль разрешить.

Ф.М. ДОСТОЕВСКИЙ

Слаб человек, не дано ему свыше пребывать вземлющим грехи мира - существуета человеческая природа; живёт ли в барстве он, или валяется в грязи, как последняя собака, - и в роскоши жалко себя, и в грязи жалко. Нетерпелив человек, жаден, завистлив; пресытый и ленивый, плачется пьяненький напоказ по напрасно растряченным годам; изломанный работой рудокоп верит, что завтра погода сменится и не заболит спина; кто нас гонит, кто заставляет тревожно оглядываться: вдруг уже опоздал и кто-то занял моё место под солнцем? Торопимся к какой-то точке, загаданной или случайно увиденной, к призрачному счастью - туда! скорее!! Растилкиваем локтями слабых, обижаем сами, а нас обижают пуще, грозимся обид не прощать. И ради чего нам нет покоя на грешной земле? Ради того, чтоб однажды остановиться и пожалеть себя. Плачется человек душе своей, колокольне собственной, и добрый знак может услышать, коль звонница к добруму помыслу откликнется, вот тогда и захочет человек прожить остаток дней своих в согласии со своей душой. Ведь понять свою раскаявшуюся душу не всем дано, это всё равно как дробницу драгоценную к своей иконе добыть.

Да, всё обстояло в мире по-старому добротно, и потому как трудно нашей жизни подстроиться под какой-то иной лад по самой простой причине, что под самым прекрасным летним месяцем иной лад не ищут, не теряют, не заимствуют и взаймы не дают, только живут днём завтрашним и хвалят день сегодняшний. Не диво ли дивное месяц июль?! Небо высокое, чистое, а воздух! Воздух, весь проникнутый какими-то плавно волнующимися золотыми нитями, тонко-тонко вибрирует, точно гудящие пчелы, шмели и всякие мухи ткут на невидимом ткацком станке широченное, закодованное ажурное одеяние для бабушки Осени. Одеждение ложится на буйный ковёр красок, кузнечки на нём прыгают и стрекочут, топчут козы, ковёр мнётся под шагами усталого пешехода, падает тень от пролетевшего самолета, несметное множество стежков, узоров, троп, горных кручей и низин! Так девственно чиста мать-земля! Изнемогла ты жарой, потерпи: уже идёт. топчется свежее дыхание; гремит небесная колесница, порывистый бродяга-ветер лохматит ковер: дождливые плети добавляют орнаментам бахромы и свеже-

сти; обмелевшие реки станут пить дождь, с благодарным почтением примут и объемную братину отцеженной тобой влаги.

Юрий Галанкин обмывает своё возвращение из колонии. Окна в летней избе распахнуты настежь. Он сидит спиной к окну: чтоб, сказал, на своё прежнее, облюбованное место садясь, ни дом Подъязковых, ни саму соседку Марью не видеть и не слышать. Напротив его за столом сидит жена Валентина; вся фигура Юрия выражает такое бешенство, что Валентина не на шутку путается. Раньше никогда не позволял себе лишнего выпить, и причин выпить не искал, и вёл себя смиленно. Она пробует говорить с ним ласково:

- Слава те, господи, воротился... У меня и банька спроворена, ополоснёшься с дороги, отдохнёшь...

«Ещё бают: тюрьма правит... Вот так, выправила!»

То одну чашку с кушаньями поближе к мужу подвинет, то другую уберёт во все, благими, короткими словами делает попытку за попыткой унять мужа, только тот пьёт и говорит, то хмыкая себе под нос, то знаменательно взглядывая на жену, сопрягая эти взгляды с хмурением бровей и пересыпая сказанное разными некультурными угрозами в адрес нынешней власти. Галанкин из себя жилистый, размашистый, немного сутуловатый и потому как неуклюжий. Валентине из-за рассевшегося мужа совсем не видно окна - загородил широкой спиной. «Ишь ты, златоуст какой стал! - удивляется Валентина, - и побыл-то всего год. Прожили вместе тридцать три года, эстолько не наколоколил».

Пала на деревню тихая ночь, обильной росой напоила пожженные летним солнцем травы: по окрестным полям разлилась могучая, полная таинств жизнь ночи. Ночь светла, безветренна; летит от реки чай-то шепот, будто сам водяной сел на корягу посреди реки, на небо глянул и в великой радости сказал слова любви Всевшнему; на большаке сверкнули фары автомашины и, как устыдившись, погасли; в красочные одежды облачается акварельный горизонт: или вечерняя заря догорает, или утренняя заря занимается, а полоски облаков радуются и уходящему дню, и рождению нового: даль далекая полна шорохов, любовных рулад; летит работяга шмель - ночной бомбардировщик, высоко и тонко поют комары - в этот час они не жаждут крови: в эту дивную пору ночи, как бы ни слеп был человек к чарам полночного мира, чувствует подступающее волнение; вот шумно бьёт крыльями и заходит в остервенелом крике чай-то петух, и ты, смотрящий в глухую ночь, чувствуешь, как тебя обнимает что-то такое, от чего сладкий трепет парализует тело, - и хороша ты, неповторима, летняя ночь!

Мир нашим снам, легким и тревожным, скорым и роящимся; мир нашим невысказанным думам: мир ногам нашим, вечно торопящимся, набегавшимся по белому свету - всякому дыханию мир и блаженный покой!

Сидит Валентина на скамеечке возле избы, на плечи наброшена шаль, большие пальцы босых ступней сами не зная зачем ковыряют теплый песок. Долго алкоголь боролся с Юрием; Валентина стояла у притолоки и, подперши одну щеку рукой, смотрела на бубнящего за столом мужа, наконец голова всё реже стала подыматься из распростертых по столу рук. Валентина все чашки с едой загодя убрала, чтоб не побил. С большим трудом понимаемое бормотанье перешло в несвязную речь о каком-то друге, на котором скрестились множество самых дружеских симпатий, и вот Юрий захрапел. Валентина ещё подождала: пускай получше разоспится, потом под голову подсунула подушку, и вот она сидит теперь на улице, вроде и рада, вроде и радость уж склынула...

Через улицу стоит дом Капустиных. Зимами дом пустует, оживает летом; большая была семья, разлетелись Капустины по городам. Как начнут лучи солнца бить зиму по ледяной голове, деревенские чаце засматриваются на дом Капустиных: сейгод кто первый ставни с окон снимет? Одни чемоданы собирают, другие чемоданы распаковывают. Веселья у них, криков, беготни - за всю деревню хватает. Рядом с Галанкими - дом Подъязковых. Валентина который год на дух не переносит Марью, а та как пришла в магазин и медленно, не знамо для кого, раз десять горько повторит:

- Я ему жизнь отдала, а он?

Бабы слушают, слушают, кто-то не выдержит и съязвит:

- Продешевила.

На другом краю деревни живут супруги Елёткины. Костя Елёткину сорок с хвостиком, жена на пятнадцать лет старше. Он пребывает на третьей группе инвалидности по общему заболеванию, жена на пенсии. Жена - работящая, ломовая, в бытность дояркой награжденная орденом. У жены что на уме, то и на языке, а Костя - хитрый, осторожный и мелкий пакостник. Лет пять по комиссиям

ходил, инвалидность выходил. Костя по деревне ходит с большим батогом, ступит да отышится, ступит да отышится. Встретит он на улице Марью, пристально осмотрит с головы до ног, задумчиво выслушает причитания и начнёт оказывать сострадание, станет выспрашивать про сына, станет Марью нахваливать. Знает он, что умом Марья со своей любовью к сыну единственному совсем тронулась, потому и поддакивает: «И поробила же ты, Марья! Ночами всё нутро скрипит, сплю худо, вот, думаю, эдакой скотный двор был, стены кирпичные, теплынь зимами, и тебя на скотном дворе вижу. Ноне вместо двора куча кирпича битого. Эх-хее, доруководили, мать их за ногу!» Марья расплачется, про Олешеньку поговорит, про нужду. Елёткин и надоумит сходить в райцентр, в райсобес, помошь просить. Благодарит его Марья от всего сердца. Разошлись, Елёткин ковыляет, батог вперед себя вымахивает и поёт его обезьяняния рожа: «Походи-и, покланяйся-е, постони, они тебе дадут, догонят да ёщё дадут». Марья собирается в райцентр по большому начальству, плачет той же Валентине Галанкиной: не все злыдни у нас в деревне, есть и добрые люди, как Костя Елёткин, но глухо бьётся запертое в клетку сердце Валентины, так бы и побрела черствой памятью: «А помнишь, Марья, как собакой цепной кидалась на всякого, кто слово худое про своего Олешку сказал? У тебя вся деревня - урод на уроде, сволочь на сволочи была, обломала зубы-то о любовь свою слепую?»

Все знают-перезнают, кому Марья жизнь отдала: холеному своему сынку Алексею Павловичу, которого в деревне иначе, как Олешка с целины, с роду не звали. Ездила Марья по молодости поднимать целину, воротилась с дитём на руках. Сразу - в доярки. Ни в чем своему Олешеньке не отказывала, потрафляла. Ровесники на сенокосе взрослым помогают целыми днями, а Олешка с целины рыбку удит, за кусточком сидит. Пошли всем классом после уроков льнотресту вязать. Олешка с целины за живот хватается. Боже упаси классному руководителю или директору школы с Марьей разговор завести о сыне - как львица бросается в защиту сына. После школы ровесники на трактористов и шоферов учиться пошли, её Олешка в институт подался. Марья стоптала в колхозной конторе направление: легче поступать, а там видно будет. Кончил Олешка институт, раз колхоз за обучение платил, вот и получи своего стипендиата обратно. В технике разбирался так себе и большим энтузиазмом не горел внедрить что-то новое, облегчить труд тех же доярок, но до чего умел толково и доходчиво выступать на собраниях - артист! Ярко обозначит многообразные виды человеческих прегрешений, изобразит пьяную драку в мастерской в лицах и в такой обтекаемой форме - любо-дорого слушать. Пьяниц у него нет, лодырей нет, техника ломается только по причине заводского брака, а вот в соседних колхозах - там! Всякую говорильню свою закончит решениями партийного съезда. Тезисы по вопросам рационального использования земли и средств, людской силы назубокпомнит, в шпаргалку не смотрит. Мало того, пожурит правление колхоза и партбюро, знает, что народу любо, когда начальство против шерсти гладят. Двадцать лет мутил воду.

Не нами сказано: даже находясь на самом верху величия и славы, человек не может быть доволен своим положением. Человек - такое ищущее не знать что по себе существо... Одним словом, человек вечно недоволен чем-либо. Уважения хотят Олешка с целины к своей персоне, внимания, а уважение не приходило. Самого человеческого обращения к нему хотел по имени-отчеству: «Алексей Павлович», - а порой так обзовут, что нутро выворачивает: «Эй ты, инженер хрено́в!», «Подъязков», «Олешенька», - корчат из себя умников, подневольных рабов. «Мы в академиях не учились», - слуга народа, дескать, ты, хоть и ученый долго. В чём-то трактористы были правы: бесстрастное лакейство лезло из инженера Подъязкова. Районными чиновниками так пыль в глаза пустят - незаменимый и очень ценный работник. С трактористами отношения старался ни с кем не портить, даже солидарен был, когда трактористы наседали на того же бригадира. Вроде свой в доску инженер, а трактористам подавай площадную брань, подавай смуту в расценках, выбивай им путевки на курорты, что мы за народ, русские? Как услышала Марья Подъязкова, что её сыном недовольны, ну орать: «Съешьте мово Олешку! Подавитесь моим Олешкой!» Крепко в должность врос, не сковырнуть. Из своих, из деревенских, ребят кончит парень институт, ему бы дома остаться, за свой берег держаться, а нет ему ставки и должности нет. Туда-сюда потыкался, собирают родители чехоман, проклинают незаменимого Олешку с целины, благословляют сына в дальнюю дорогу. Правление колхоза и радо бы снять, да не снимешь: управление сельского хозяйства за Алексея Павловича горой, райком партии горой (Олешка ещё в институте вступил в партию). Алексей Павлович - постоянный председатель избирательной комиссии, без него кто повезёт на слет

передовиков уважаемых колхозников? А как зашатался колхоз. Алексей Павлович в лесники и утянул хвост. Вот в лесниках и началась совсем другая жизнь у него. Не он уже прогибается, перед ним прогибаются! Теперь он лесничий, заместитель управляющего «Сельлесхоза». Одна Марья живёт, сын посещает мать редко. Поздравит с днём рождения, подарит чего-нибудь, и живи, мама. Отгрохал в райцентре двухэтажную домину с гаражом под домом; в райцентре есть как бы микрорайон, который в народе прозвали Буржуйским. В том микрорайоне живёт вся районная знать, простолюдины там не селятся. Домина у Алексея Павловича рядом с доминой прокурора. У них общая с прокурором река: металлической сеткой отбит берег реки, общий пляж, обильно засыпанный речным песком, общий самовар. Марья раз другой заикнулась, мол, не возьмёт ли её Олешенька к себе на жительство. Олешенька махнет нетерпеливой рукой начальствующего человека, дорожащего временем:

- Да полно, ничего! То ли дело в своей-то избе!

Смотрит Валентина в окна Подъязковых, предполагает, что Марья вряд ли спит. На деревне секрета нет в возвращении из колонии Юрия Галанкина. А по чьей воле целый год отбывал наказание он? По воле Марьиного сына Олешки с целины! Марья, должно быть, сидит сейчас одна себе — одинёшенька на лавке и тоскливо смотрит на деревню. И некоторое время было так, и не было жалости к одинокой в своём горе Марье, и острые обида отшивала все слова: так тебе и надо!

В выразительно молчашей ночи щеобыкновенно ясно и последовательно развивается ночная дума Валентины. Верит ли она, что некогда простит Олешке с целины его подлость, однажды сядут с Марьей рядом, и скажет она Марье добрые слова и по всей неоглядной ширине жизни разольется благодетельный свет сострадания — не знает. Большим походом идут и идут новые новости на старую жизнь, с каждым годом всё больше и больше разительных перемен, и несут новости мало добра сельским людям, какая-то болезнь нападает на оказавшихся не у дел бывших колхозников, истома точит, неверие. Уж больно резвые ноги у новых новостей, уж больно силен злобный рык, жаждя «новых русских» урвать побольше, забежать подальше да бывший социализм охаять. Как клубочек ниток, распускает Валентина прожитое, возвращается к предмету своих огорчений: и как Олешка с целины мог с пеленок угадать расклад нынешней жизни? «С пеленок? — удивилась сама себе. — В пеленках какой ещё ум — попозже. Мне так кажется, он ощущал и ощущает поныне непреодолимое желание странной вежливости, желание испытать чувство преступности, поступить насупротив всем, но не во вред себе. Не во вред! Костя Елёткин из маленькой норки выглядывает на белый свет, а этот нарочно перед зеркалом позирует». Что, казалось, может изменить однобразную, порой героическую, порой бесшабашную, а то и плясовую колхозную действительность? Да ничто и никогда не изменится: колхоз будет вечным, бессмертным будет бригадир с широким деревенским горлом, народу в деревне много, и народ на подъём легкий; не будет конца-краю колхозным полям, склады будут полные хлеба, не будет удержан беспокойному и бесцельному бегу реки; парни будут уходить в армию и возвращаться; в безотчетной тоске и унынии одиночные старики будут доживать свой век на озадках, стараясь не путаться под ногами у гулкой, беспокойной, спешащей хлеб жать, коров кормить оравы работников. А Олешка как нутром чуял: всё развалится. Олешка как знал, что оставшегося верным дедовским привычкам, то есть труду, уважению, размеренности, колхозника охают и обманут. Благодаря дедову желанию внуку ехал да ехал по грязной колее и заехал в иной мир, в болото, кишащее непонятными, сырьими, позаимствованными от Англии до острова Пасхи законами. Гомон политических баталий, выборы, платформы-реформы, в магазине без разрешительного талона мыла куска не купишь, и вязнет телега до самых осей: голод, спекуляция, всеобщая политическая безграмотность. В устах Олешки с целины каждый свежий закон звучал какой-то эпической, спокойной печалью: что поделаешь, что поделаешь, мы боязливы, даже горды своей политической немотой, но, товарищи дорогие, не мы ли желали свержения старого строя? Всё делается для простого народа, а народ... встречает в штыки. Любой закон, будь он принят на самых верхах или около своего сельсовета, как поил его родниковой водой. Народ порядком устал и разуверился от перестройки, талонов, обещаний, финансовых пирамид, страна разваливается на глазах, телевизор включаем и ждём беды, ровно мать родную каждый день хороним, будто высеченные, толпимся у кассы, ругаемся, злимся, лишь Олешка с целины довolen.

- Господа колхозники, — обращается к народу на колхозном собрании. Сам

весь плотный, лицо как перезрелый помидор, ткни пальцем - сок брызнет. Глаза бойкие, молодые. Помедлил, дал возможность «товарищам» прочувствовать новизну политического уложения и начинает развивать мысль. Говорит с расстановкой, искательной и боязливой лаской в голосе: - Вот я сделал маленький анализ всевозможных аварий, несчастных случаев на производстве за двадцать лет, и, как вы думаете, какой процент забирает водка? Девяносто процентов травм, происшествий, человеческих смертей, загубленных электродвигателей, искореженных автомашин и тракторов приходится на что? Правильно, на водку. Дров тракторист привезёт, бывало, несчастную тележку и сидит до утра: наливай да наливай, бабка...

- Ловок же, паразит!

- Што несёшь, разе у нас пили? У соседей - да, а у нас - хрен ма! - кричат из зала.

Размышляет Валентина о том, о сём, словно плывёт от дома к дому деревенской улицей. Мало стало народу, сплошь инвалиды и пенсионеры. Вымирает её деревня... Жаль. Очень жаль. И давят всякие Олешки с целины остатки былой рати; ни тракторов, ни машин, ни веялок-сейлок и самого колхоза в помине нет, а давят и давят.

Маётся в четырех стенах Юрий. На улицу вышел - плывёт в небе облако, неизвестно куда плывёт и зачем плывёт; всё кругом жаркое, пыльное и совершенно не нужное. Приценится к той же бане, походит возле её - не хозяйственный он стал мужик, будто прежний хозяин вышел из его тела, а взамен поселился кто-то другой, загнанный и бросовый.

Поведала Валентина, как она год без него жила:

- Колхоза нет, работы нет, до пенсии год... Дочери нашей, Насте, спасибо. Нет-нет да пошлёт деньжат... Много не пошлёшь, сама по безработице получает копейки... Хлеб да картошка - вот и вся барская роскошь. Разве я одна так? Все так бедствуют. Весной с бабами клюкву-веснянку собирали, по колено в студеной воде, сказывают, черника зреет, из Литвы заготовитель приехал и даёт хорошо... Перед выборами вспомнили о нас, самый главный в районе... - так и вертелось на языке самого главного в районе назвать гадом, да сдержалась, - так власть хвалил, так курс на Англию одобрял...

- В тюрьме хоть кормят, - бурчит Юрий.

Ходит возле дому, старается рассуждать как можно спокойнее. Перебирает умом, что бы можно продать. Хлеб пустой, фуражка мешка и того нет, баню? Положительно продавать нечего, да и кто купит в деревне его баню? «Надо в райцентр идти, там жила жизни ещё бьётся. А кто меня возьмёт, старика, да ещё после тюремы? Три года до пенсии, потрёшь сопли на кулак. А как устроюсь, ну-ко двадцать километров в одну сторону да двадцать обратно через день, допустим, топать? Летом што, а зимой? Летом што, вон как солнышко в глаза льёт, а зимой?

Мягким полукругом, слегка задымленным от ночного пара, вышла река к берегу с жиidenьким мостиком. Спустился Юрий к воде, умылся, оглянулся на свою деревню, и тут стала сочиться во внутрь какая-то горечь, а может, лучше сказать, тоска или нежность к детским годам. - не озвучить словами точку, в которой сходятся порой настояще, и прошлое, и непознанное будущее. У кого-то топится в этот ранний час печь, печной дымок уходит в свежее небо в маленьких звездочках. В стороне с глинистой грязной лужи шарахнулся ястреб и полетел, большой и спокойный, плоско забирая вдали.

Идет Юрий Галанкин искать в райцентр работу. Сторожем или кочегаром. «Трактористом не возьмут... а может, и возьмут. Около пилорамы, допустим, горбы отвезти, брёвна подвести... Могу печником...»

Походил по райцентру, дивуется: как все изменилось! Машины носятся сотнями, и машины всякого сорта, подпившая полуоголая молодежь шатается по улицам, куда ни глянь магазины - ларьки, забегаловки. И это в июле, когда работа за горло взяла до самого Покрова! Льнозавода больше нет, строительные и дорожные организации утонули в долгах. Оказалось, сторожка да кочегары - самый вос требованный нынче народ. Брезгливо попил пахнущей хлоркой воды из крана возле бывшей ремонтной мастерской, только присел, подходит сердитая пожилая дама и не терпящим возражения начальственным голосом заявляет:

- Здесь частная собственность, вон отсюда! Ходит тут всякое ворьё!

Дернулось сердце Юрия и сжалось в кулачок. Он набрал полную грудь воздуха, с минутуостоял, не шевелясь, в то время как дама уже входила в двери бывшей мастерской.

Много в райцентре проклонулось пивнушек за последние годы! Раньше пиво

пили стадом: посреди чайной стояла бочка, пиво наливали в ведра и расчертывали кружками. Опростали одну бочку, закатывают другую и пьют; не лезет, все равно пьют - про запас! Из чистого интереса заходит Юрий Галанкин в одну забавную пивнушку - как бы шлем богатырский лежит, начищенный до блеска, возле автостанции, глядит по сторонам, всего один клиент сидит в углу, и тот... Костя Елёткин. У молоденькой барменши в короткой юбочонке вид забывчиво занятой. Испуг, охвативший Костю, был так силен, что он задрожал всем телом, а из его открытого рта не вылетело ни одного звука. В себя пришел, когда Юрий взял стул от соседнего стола и с шумом поставил возле Костиных стола. Костя опамятовался. Вскочил, протягивает руку Юрию, его обезьяня рожа корчится от радости.

- Юрка... Ура, Юрка наш! Свобода! Я везде говорил, што зря тя упекли! - кричит визгливым голосом.

Юрий уклонился от дружеских рукопожатий.

Костя угощал, по плечу хлопал, о новых русских, «штоб им провалиться в ад!», нехорошо отзывался.

- Юрка, ты Юрка... смотри ты, не исхудал. А у нас новый управляющий! Слыши, колхоза нет, даже печати нет, а управляющий есть! Чуть не в Москве живёт, оттуда управляет. Во, Юрка, до какого бардака дожили! Твой трактор этот управляющий сам в утиль сдал. И пропил, собака! Ты пей от пузга, сегодня пенсию получил, гуляю!

- На вторую еще не переводят? - буркнул, как привык говорить, Юрий.

- Ещё не вечер, ешё не вечер! - подмигивает, чуть не поёт Костя. - Так сказать, вопрос времени и техники! Юрка, слушай сюда... У тебя што, всё в идеале с кишками или там с дыхалкой? Тут, понимаешь, нужен подход, отход, фиксация. Между нами, девочками: положись на меня; у Кости всё смазано, мне вторая светит в начале года, это я тебе как доктор говорю!..

- Пособить?

У Юрия раздулись ноздри, он глядит в пьянецкие Костины глаза страшными, угольно-огненными глазами и медленно ведёт головой.

- Чего до нового года тянуть?

Юрий медленно встаёт со стула, остатки пива из кружки выливают на Костины голову.

- Меня на зоне Антоновичем звали.

Вид у барменши тухо-озабоченный: драка будет? Не должны бы махаться, день же, какая драка днём? Потом мужики, не зелень какая-то...

Выбрал Юрий дорогу домой ту, по которой лет двадцать не ходил. Заметна ещё тропка, видимо, бедствующий народ больше полагается на свои ноги, чем на автобус. Юрий стережет каждый свой шаг: завален лес порубочными остатками; оглоданные гусеницами сосны как насторожились, устойчиво молчат каждой иголкой: уж не враг ли опять пожаловал?

Взревел где-то по косогору пусковой двигатель трелевочного трактора. В лесу, где звуки как вязнут, рокот разносится полночно и басовито. От этого рокота наваливается на всего усталость: «Рубят... Рубят, сволочи!» Прошел метров сто - выстрел расколол лес. «Да што же такое творится?!» Юрий старается не закричать на весь лес, чувствует, что его начинает трясти. Потом к мышцам рук и шеи подтянулось что-то горячее и густое - остатки неизрасходованной силы просились на работу. Прислонился спиной к сухостойной сосенке, смотрит, крадётся охотник с ружьём. Юрий становился напряженный, поискать глазами увесистую палку, ничего такого не приметил и от дерева к дереву стал сближаться с охотником. Он не отдавал себе отчета, зачем он это делает, в мозгах точно молния чиркнула: догони, отбери ружье! Уж слишком увлекся охотник чем-то, не слышал, как сзади кинулся ему на спину человек. Ружье вывалилось из рук, оба упали и боролись, тяжело дышащие и безмолвные, как два зверя. Охотник был сильнее и моложе, и пахло от него приятно; Юрий же зажимал противника своими жесткими руками и чувствовал: не совладать. И точно: охотник вывернулся и подмял его.

- Сосед? - удивленно сказал охотник, сидя верхом на поверженном противнике и давя тому горло. Пальцы расслабил.

- Сбежал? - и пальцы прямо-таки впились в горло.

- Пусти - и, - глухо простонал Юрий.

И он узнал охотника: Олешка с целины.

- Пусти... Поищи дураков в другой избе.

Хочет Олешка с целины лежащее на земле ружье к себе ногой подтащить - не

получается. Далеко отлетело от места борьбы. Пришлось ему отпуститься от Юрия и кинуться за ружьем.

Ведёт Алексей Павлович бывшего своего соседа Юрия Галанкина под конвоем. Зло посмеивается:

- Посчитаться хотел, сосед? Правильно, я тоже обид не прощаю. Двадцать лет коплю, время раздавать камни. Теперь посчитывают. За побег года два накинут, за покушение на убийство пять, итого - на зоне копыта откинешь. Олешка - скотина, Олешка - вор, у Олешки в голове шарики за ролики зашли...

Давит Олешка с целины стволом ружья спину Юрия, как подталкивает: скорее! Близко шёл, коряги не перешагнул, упал. Тут уже Юрий Галанкин ружьем завладел - и давай бить бывшего соседа смертным боем.

У Галанкина был застывший, обращенный в себя взгляд, но по заросшему пегой щетиной лицу от самых сжатых губ вниз текла желчная усмешка. Перед ним между осклизлыми деревинами полулежал лесничий Подъязков. Подъязков сторожился как зверь, засунул руки глубоко в мох и зачем-то медленно ощупывал под собой землю, у него голова втянута в плечи, тело как набухло - Галанкин зорко следил за ним, при каждой попытке подтянуть ноги или сесть тут же следовал удар кулаком в лицо или ногой в черном резиновом сапоге в живот. Не будь ружья в руках Юрия, Подъязков не дал бы себя в обиду.

Подъязков знал, за что его бьёт смертным боем некогда сосед Галанкин: четыре года назад соседа судили за безбилетную рубку, дело в суд оформлял тогда еще лесник Подъязков. Галанкин был взят с поличным: спилил в старой дровяной делянке якобы на обруб погребной ямы двенадцать елок. Правда, одна ель оказалась наполовину гнилой. Подъязков был не один, с лесником соседнего обхода, поступила анонимка, мол, «КамАЗами» лес рубят да возят, а вы потворствуете. По руке Подъязков сразу узнал Костю Елёткина. «И этого задевает, - усмехнулся про себя, представив омерзительную Костину рожу, высматривающую из-за поленицы дров. - Этому-то лодырю чего надо? Ладно, пускай пишет». Указано урочище, и сделан намек на предполагаемого вора. Подъязков с напарником выследили и взяли нарушителя, как говорится, не отходя от пия. Сваленные лесины Галанкин не получил - Подъязков старательно обмерил елки, составил акт, буквально часа через три нашел «честного» лесозаготовителя, недавно вернувшегося из зоны Ваню прозвищем Китаец, выписал тому билет и говорит:

- Деньги сам в сберкассу заплатишь или через меня?

- Да ну-у, некогда в райцентр мотаться из-за каких-то копеек. Уж будь добр, Павлыч, если не затруднит...

Галанкины продали корову - мало! Продали тракторную косилку - мало! У соседей заняли - хватило заплатить штраф.

Как искренне жалел Юрия Галанкина Костя Елёткин:

- Вот есть ли правда на земле? Нет! Машины все ночи везут и везут, а тут... Ну и народ у нас в деревне!

Прошлый год осенью Галанкин опять попался: надумал свой прирезок в поле изгородью обнести. Валентина Богом просила:

- Не ходи в лес! Да пусть сожрут кабаны до последней картошки - не руби!

Не послушался. Только правится с жердями из лесу, Подъязков (сразу после суда над Галанкиным был справедливо поднят по служебной лестнице до лесничих) с двумя лесниками тут как тут. Опять суд.

Плачет в зале суда жена. Поодаль от неё сидят лесники. Дружно, тесно. Они не первый раз в суде, часть мундира отстаивают выкладками из постановлений и статьями Уголовного кодекса. Лесники - всесильны, подкованы, истинные борцы за справедливость, а вот колхозник Галанкин... и так как-то за все свои пятьдесят пять лет не особо уважал законы и уложения и побаиваясь всяких законов и уложений, строил свою жизнь, вроде правильную, на работу ходил, не отлынивал, лес рубил по надобности... «...Кто его не рубил, все рубили, наш он, лес-то, а почему не нашим стал?» - сидит, распираемый злостью на всех и вся.

Слышит Юрий Галанкин, судья, раскачиваясь на толстых бедрах, не один раз сказала про год колонии поселения. Он растерянно смотрит на жену, застывшую с платком в руках, непроизвольно дергается всем жилистым телом сразу, тихо слатывает слону. «Нынче леший разберёт - кругом поселения, стало быть, условно даёт, дома оставят, - думает он. - А вот штраф... Семь тысяч?! Разрушение экологии какой-то...» Потом в душе его закипает огонь мести. Он не может дышать, вскаивает и кричит:

- Ссыки! Вот ешо сучья-то свадьба!

Милиционер, стоящий весь суд за спиной подсудимого, живо обжимает его руками.

Лесники дружно встали с мест с чувством выполненного долга, как замерли. Тут Валентина подошла к ним, поклонилась в пояс и говорит:

- Спаси-ибо, сосед.

Продала жена самодельную тележку, на которой муж вёз злосчастные жерди, продала поросенка семимесячного - заплатила штраф. А сам Галанкин прямо из зала суда был отправлен на исправление. Судья была оскорблена: этот колхозник замахнулся на всю исполнительную и законодательную власть!

Вроде и пожара не было, а голо хозяйство Галанкиных и им подобным. Лет пятнадцать назад в деревне тридцать коров держали, теперь шесть, эти шесть (по разговорам) только до первого снегу.

А лесники жиреют! Подъязков новую иномарку купил, лесник ихнего (правильно, все обходы нынче принадлежат лесным бандитам) обхода сыну купил в районцентре квартиру...

Подъязков уметь может красиво подать себя с выгодной стороны. Как стал лесничим, со всеми на «вы». Милое дело Алексея Павловича отводить делянки под рубки ухода. Тот «честный» Ваня Китаец, которому когда-то Подъязков продал сваленные Галанкиным елки, нынче главный специалист по рубкам ухода. Подъязков тогда сделал правильный ход: Ваня Китаец оказался не промах, к двенадцати галанкинским елкам добавил восемнадцать своих - чего зря «КамАЗ» гнать, верно ведь? А Подъязкову самовольную рубку объяснил тем, что у Галанкина, дескать, елки были со всех сторон ошкурены, значит, год-другой - и они подсохнут. Оба рассудили одинаково: на их век лесу хватит. С той поры лесничий Подъязков держит «честного» лесозаготовителя на коротком поводке. Боже упаси водочки выпить или вместе на рыбалку съездить! Водку пить можно с прокурором на своём пляже, но со шпаной - никогда! Только Ваня Китаец закончил одну делянку. Подъязков уже готовит другую. Разговоры в кабинете ведутся очень выдержаные и строгие. Зашедшего колхозника - «Как-то бы надо, мужики, дровишек потюкать» - оторопь берёт: ну и порядки нынче, никому спуску нет! Того не ведает колхозник, что Подъязков выдвинул верхний ящик стола, стоит у окна, не оборачиваясь, смотрит на улицу и отчитывает, видимо, «нашкодившего лесозаготовителя», а «нашкодивший» опускает в задвижку аккуратнейший конверт с деньгами и пробует робко возражать. Шумно дышит носом Подъязков, отчитывает уверенно и сурово:

- Я штрафы за вас платить не буду! И под суд не пойду! Ни одного дерева вне просеки! Есть волок, есть просека - действуйте!

Конверт с деньгами лежит в задвижке до тех пор, пока Алексей Павлович не удостоверится в честности Вани Китайца: вдруг да Ваня Китаец на крючке у некоторых завистливых органов и денежки помечены особым химическим составом? Христос завещал делиться - Алексей Павлович ни с кем делиться не согласен. Что ему попало в пасть, то проглотит.

«Рубки дохода» освидетельствует тот же лесничий Подъязков.

- Стреляй, я смерти не боюсь! - с вызовом говорит Олешка с целины.

- Врешь, все боимся! - говорит Юрий.

Алексей Павлович искал выход. Только бы как-нибудь... Уж тогда-то!... «В левом стволе дробь, но если в упор... разнесёт голову. Какой я дурак, какой дурак! Веду в милицию, а надо было!»

- Лесником хошь? - получив очередной удар сапогом в живот, вымученно спросил Подъязков.

- Беглого? - разжал губы Юрий. - Не примут.

- Уж ты прости, сосед, давно хотел покаяться, - заговорил лесничий Подъязков, а самого раздирает от просьбы: чтобы он, Подъязков, и просил прощения у этого тюремщика?! Ни за что! - Время такое пришло...

Видит Юрий, как сначала потемнело, как сморцилось красное сочное лицо Олешки с целины, изжеванным стало, шевельнулись плечи и ходенем ходят, как разминаясь, готовясь к броску, - шагнул назад, ружье вскинул к плечу.

- Стреляй! - решительно требует Олешка с целины и резко садится, подтягивая под себя ноги.

Юрий замечает в Олешке с целины желание как-нибудь оправдать в глазах бывшего соседа свою горячность: столько лет сдерживал удары пьяных трактористов, надменного секретаря парткома, слышал едкие подковырки, отводил от себя слепой и зрячий гнев колхозников, а тут не сдержался.

- Можно, - бурчит Юрий. - Давно пора.

Следует разворот, и удар прикладом ружья приходится в лицо Олешки с целины. Алексей Павлович завыл, схватился руками за лицо.

Юрий наклонился к нему и деревянно, без малейшего оживления в одубелом лице, спросил:

- В лесники, говоришь?

Олешка с целины сдержал себя на этот раз, не плонул кровью в лицо бывшего соседа.

Юрий разогнулся, ружье кинул на плечо и пошёл.

«Им всё можно, всё ихнее... - злость мечется в голове, - хоть лося, хоть тетерку, а заявлять - не заявит. Не трус, башковитый, сволочь, увертливый. А я струсили, пощады запросил...»

Остатки дня Юрий Галанкин провёл в лесу. Лежал на куче хвои, курил, смотрел в высь неба, о чем только не передумал, и остановился на том, что до пенсии надо как-то около родной избенки время тянуть. Вот скоро пойдёт вместе с Валентиной собирать чернику и сдавать приезжим заготовителям. «Если, конечно... да нет, голова у него варит».

Свечерело. Заблагоухали травы, подернулись росой; загорелись звезды на безоблачном небе, а на востоке, за деревней по угому, над не паханной последние годы пашней, резала угол сухая молния. «Рано заиграла зарница... матушка-покоенка такое явление по-своему объясняла: «Сказал Бог дьяволу: «Человека не пощажу, а тебя стрелой достану». К суду, наверно...», - размышлял Юрий Галанкин, не сдерживая слез. Тоскливо замирает душа: прошла жизнь, вроде и не жил...

И заревел на весь лес! Вывернулась душа наизнанку, каждому листочку, каждой иголочке мир и покой желает - захотелось Юрию наказать душу как бы грубостью:

- Эх! А не осилить им крестьянский корень!

Плохо прожит день, скверно! И завтрашний день - сама неопределённость... Чуть сутулый от природы, Юрий Галанкин сгорбился сильнее обычного, ослабел. Через наплыv разных обстоятельств шаги стали мелкими, беспомощными; широкие спины любят землю, а любят ли широкие спины земля?

КАК ЖУКОВ НА ЯРМАРКУ ЕЗДИЛ

Представилась бабка Павла, схоронили чин-чинарём и поминать стали. Хорошая была бабка, к людям с душой, лишнего не брякала, на собрания ходила. Одна как перст жила, коз держала. Много народу пришло на поминки.

Бородатый и волосами богатый Николай Жуков могилу копал, ему почет и уважение, сразу под образа затолкали. Бригадир вспоминал сенокос: в золотую пору бабка Павла валила траву что жнейка; бабка Курлыкина - соседка по левой руке (хорош сосед за высоким забором) - качала головой: все тебе, Павла, на выхвалку надо было, хоть на займы подписываться, хоть на сплав идти, из-за тебя и мы страдали. Соседка по правую руку, хохотушка Наталья, рассмешила народ бывальщинкой, как они в бане с Павлой мылись. Жуков к хорошей душе покойной притянул и землю хорошую, в которую положили бабку. На столе в траурной рамочке стояла бабкина фотография: бабка Павла прищурила глаза, мол, давай, язык без костей, собирайте, я послушаю. Прищур не нравился полоротой кладовщице Мотьке Рылеевой: когда понесли покойницу на машину, Мотька заорала голосом мужским, прокуренным: «Куда ногами-то тащите, головой поверните». У мужиков слабость в ногах появилась от такого окрика, вроде раньше ладно носили... Сейчас Мотька сидела как раз напротив фотокарточки покойной, хмыкала во всеуслышанье: надо же, ум за разум зашел с этими похоронами. Поднабрался Жуков. Закодирован был, пять лет капли спиртной за губой не бывало, а тут понесло. Жена злобится, в бок локтем тычет, а он плясать порывается. Председатель сельсовета говорит про машины: что кабы бабка Павла дотянула до ста, ей бы первой из сельсовета бесплатно американского вездехода дали. Соседка Курлыкина кляла рыжего Чубайса: она-то ваучер на мешок сахарного песку обменяла, а Павла посовестились - ваучер в музей отослала. Бригадир пустил слезу: жить бы да жить Павле, сейгод созвала его стожары заткнуть, заткнул, ста граммов не выпил. «Все знаете, какое лето было, едва ломом лунки пробил. Жалость меня заедает, как вижу народ беззащитный». Бабка Курлыкина тихонько сказала бригадиру, чтобы не спешил Павлино сено на телятник везти, за такое сенцо и рыбаков не жаль, и водочка найдётся.

Потянуло Жукова в сон. Отвык от спиртного. Все домой пошли, он спит под образами. Жена рукой махнула: спи, дьявол с тобой. Пока не пил, какая радость

была, теперь опять пойдут свары, опять начнет муженёк вещи в окошко выкидывать. Зря жена дьявола помянула. Только люди за двери - дьявол о двери; явился сатана, губитель душ человеческих, сдернул Жукова с лавки на пол, всю посуду с поминального стола смахнул. Под шумок сперла бабка Курлыкина с божницы Николу Угодника, лишился дом защиты. «Давал клятву вина не пить до смертного часу?» - спрашивает сатана. «Давал». - отвечает Жуков. «По обету назорейскому, давшим клятву вина не пить, волосы брить запрещается, в дом с мертвым телом не входить, на похоронах не присутствовать. Ты нарушил свое слово, потому вместо лошади повезешь меня на ярмарку». Тут и дровни нашлись, и хомут подходящий, и кнут ездовому. Оставил сатана Жукова в одной рубахе; мороз дыхание леденит, ноги тепла не чуют.

Машисто идет Жуков. Ездовой в дровнях приподнимется, как обжарит кнутом лошадку от ушей до задницы! Взвоет Жуков от боли и того ретивее катит. Напропалую несется, кустики мелкие своим телом ломает, через камни-валуны лётом летит. Вроде местность знакомая, вроде летом коровы тут паслись... Впрёрд! Некогда оглядываться.

Костер. Огонь до неба. Угрюмые мужики в черной одежде вокруг высунувшейся из земли трубы сидят. Увидели подкатившие дровни, вскочили, сатану к огню на руках несут. Жуков дух перевёл, смекнул, что горит в трубе нефть русского олигарха, и ничуть не пожалел нефти. Чтоб, думает, скорее газ да нефть кончились, тогда и олигархи выгорят. Разрешил сатана угрюмым мужикам по очереди на нём кататься. Станет лениво перебирать ногами - вытянут по спине кнутом. И круг за кругом, круг за кругом. Один мужик лихачит на Жукове, остальные у огня кричат, спорят, должно быть, ножовками трубу пилят. Выпрыгли Жукова, лопату подали. Копай, велит сатана, копай без раздыху семьдесят седмин или пока жена твоя не принесёт жертву. Копает Жуков как бы под картошку, а сам гадает: велики ли семьдесят седмин и чего жене не жалко за него отдать? Корову не отдаст: корова для нее что подруга верная. Трактор зятю отдаст, рада зятю угодить, да и зять на трактор глаз положил. Оба его смерти обрадуются. Стиральную машину тоже пожалеет. О сберкнижках министр товарищ Павлов позабочился - до копеечки вычистил. Много чего умом перебрал, остановился на отцовском тулупе. Пить Жукову охота, а попросить боится. Оглянется на мужиков у огня, так бы и сбежал, да ведь догонят... Слезы по щекам бегут. Смотрит, стоят три мешка сахарного песку, маркировку хохляцкого завода-изготовителя прочитал явственно написанную. Мужики в те мешки наплевали, нагадили. Быстро неси, велят, мешки бабке Курлыкиной. Ей три года жить осталось, пускай пьёт чай не скучится. И как плечи три мешка выдержали, как ноги не подлюмились, себе не верит. На крыльце Курлыкиной бабке скинул, до своего дома рукой подать, а мужик сопровождающий в обратную дорогу разворачивает. Заартачился, упал и лежит у дома бригадира. Бригадир на улицу вышел в одних кальсонах, помочился на него, поверженного, «поминальник» свой достал, читает записи. Много гадского материала на него накопил. В одном месте Жуков схалтурил, в другом надул, в третьем оболгал ближнего колхозника, и надо повесить его, как предателя Иуду, на осине. Не раз у Жукова с бригадиром раньше стычки бывали, дай ему власть начальника милиции, весь колхоз жизни лишит. «Согласен дровни таскать на себе до скончания века, только повесьте бригадира на колхозной конторе», - просит Жуков мужика. - Пусть он сдохнет раньше меня». Захохотал мужик, по плечу приятельски хлопает. «Вот это по-нашему. Любим мы забавы да игры. С древнейших времен любим ристалища и состязания, особенно схватки людей, в грехах запинающихся». И погнал мужик бригадира вместе с Жуковым. Тот было «поминальник» бригадирский швырнул в кусты, так мужик подобрать велел. Откуда-то Мотька Рылеева взялась, как закричит дурным своим голосом: «Куды по моей капусте леший несёт?» И сгинула.

Похвалил сатана своего подручного за смекалку, велит бригадиру-праведнику драться с грешником Жуковым, да не воздух бить кулаками, а на полное порабощение тела противника. «Победителя обращу в жеребца, и будет тот жеребец началом новой колхозной жизни». Крепко дрались бригадир с Жуковым. Бригадир Жукову бороду проредил, Жуков бригадиру несколько зубов выстегнул. Весело сатане и его подручным, ставки делают, пари заключают. «Вот бы, - думает Жуков, - бабу бы мою сейчас... ручищи у нее будь здоров! Корова растелиться не могла, вчетвером теленка тащили, не могли вытащить, она одна вытащила».

Скрипит что-то очень даже похожее на скрип половиц, недовольный голос жены:

- Бесстыдная рожа! Алкоголик!

«Победил гада! - чуть не кричит Жуков. - Жеребец я теперь!»

- Ну-у, - и пинок под ребра.

Разлепил глаза - под порогом крючком лежит, борода засохла винегретной отрыжкой, грозным утёсом жена над ним нависла и тулуп отцовский в руках держит. Выкуп, значит, принесла. Себя ощупал: нет, не жеребец он, приснилось ему, как сатану на ярмарку возил, обрадовался, вскочил, тулуп на плечи - и домой побежал. Жена следом.

- Бригадира ночью на «скорой» увезли. С печи упал, ребра сломал.

Споткнулся Жуков, со страхом на деревню смотрит: не сон был... Побежал обратно в дом Павлы, тулуп под образа кинул.

- Бери! Бери и отвяжись!

Ножницы бабки Павлы со стены снял, бороду перед зеркалом окорнал, волосы в печку за заслонку положил.

Назавтра Николай Жуков поехал в Вологду к врачу Куликову. Кодироваться.

- Просужий у нас Микола Жуков, - судачат у колодца бабы. - Олигархом бы выбрать, колхоз в силу войдет.

- Сойди с щального-то места, олигархи - ворьё!

- Отстанько-оо, ворьё какое-то! Да самое уважаемое ноны сословье! Был председатель сельсовета, а стал кто? Во, он уж вовсе не наш председатель, главный поселенщик, стал быть, времянный, и мы времянные, какое ж ноны ворьё? А Микола - мужик золотой. Вот на собрании кричать станем, по всем бы приметам согласие дать должен.

ПОПУТЧИКИ

На тракторной телеге поёт глухонемой добродушный увалень Африкан Кузьмович. Шапку снял, блаженно улыбается, потягивается, то глаза закроет, то откроет, истинно кот на солнышке нежится. Рубаха на нём багряная; чуток кадыкастая шея то обмякает вся, будто сиплотой давится, то напрягается, будто звоном звенит, ворот рубахи то разбухает, то комкается - своя песня у глухонемого. Африкан Кузьмович рад весне, рад жизни, рад, что за пазухой булькает недопитая бутылка водки. Он приедет домой, «расскажет» жене, как люди просто вырывали из рук друг дружки его ивовые корзины, берестяные туески, улыбались ему, хвалили, колотили по плечам, просили еще, ещё везти! А один горожак мордастый лапти заказал сплести, денежку с ихним умным президентом показывал. Аэроплан, над которым корпел три месяца, в музей отдал - пускай люди дивуются. Жена обрадуется, пощелкает себе по горлу: выпил немножко? Виноват, «скажет», ну как не выпить, когда... на, на, душа моя, полную горсть денег! Ты купи себе, «скажет», отложенную у спекулянтки кофту, а то девке в институт пошли, разве мне жаль? Как его жена обнимет за шею, кровь в ней взыгрывается, да нарочно станет валить на диван. Африкан, понятное дело, поддасся: ты, женка, сильная, на тебе весь дом, хозяйство, ужо внуков девки навезут... Баба у него золотая, такую бабу как однажды взял на руки в сельсовете, так и неси - крест. Любят жена потрафлять Африкана нарядкой: то рубаху ему купит самую нарядную и самую дорогую, да ещё накажет носить и не жалеть! То унты мохнатые и теплые, а сегодня поставила перед ним новые демисезонные сапоги: обувай, чего отмахиваешься? А вот спутники Африкана Кузьмовича одеты бедненько: на Коле Ерейчике видавшая виды фуфайка, из которой местами торчит вата, а на Санке Маннике пестрая рубаха с засаленным воротом.

Умолкли все: тирийцы и троянцы. Надобно сказать, что на телеге вместе с глухонемым Африканом путешествуют ещё двое: Санко Маник и Коля Ерейчик - оба путешественника намеренно смотрят по сторонам, молчат, как два истинных христианина, для которых святость в молчании, смиренении, вере и послушании, причем над ними тяготеет мысль: «Если я скажу первым, он подумает, что я перед ним на полусогнутых пойду. А это видел? - и сжимает в кармане фигу. - Кого хватил, недокундыш!» Телегу кидает и рвёт в разбитых осенних колеях, иной раз её так мотанёт, что сидящий у переднего борта с тоскливыми глазами Санко Маник не может удержаться за борт и на заднице едет по скользкому днищу к сидящему у заднего борта с лицом темным, как чугун, Коле Ерейчику; в другой выбоине Коля Ерейчик едет в гости к Санку Манику - тяжелым взглядом встречает «гостя» Санку Маник. Африкан Кузьмович знай себе поёт. Ни Санко Маник, ни Коля Ерейчик его не слышат, они не замечают его. Даже если бы Африкан пел как все нормальные люди, пусть даже орал во всё горло, они всё равно не захотели бы услышать. Санко Маник и Коля Ерейчик - враги по край жизни,

они сидят и как под прицелом держат один другого. Знает Африкан про «дружбу» своих сельчан, то на одного глянет, то на другого, и дрожит его лицо смеющимися морщинками.

Лес стоит голый, снежную целину обесчестили черные прогалины. Небо глубокое, синюю выдавленное, ты с болью к нему, оно к тебе с любовью; солнышко раны врачуєт. Колеи полны пенистой воды и черной жижи. Гусеницы трактора вспарывают этот отстоявшийся кисель, то наткнутся на топляк, и тогда трактор весь передёрнется до последнего болта; много дорог по России, да все они на одну сельсоветскую колодку.

Санко Манник так сильно ненавидит и презирает Колю Еврейчика, что это чувство давно уже стало страстью, душевным запоем. Той же монетой платит ему Коля Еврейчик. Вот скажи завтра, что который-то из них умер, живой обидится до корней волос, ибо почувствует себя обвороженным: не так он должен умереть! Столько лет рядом прожили, то Санко Манник издевался над ним пока в бригадирах ходил, то Коля Еврейчик пока счетоводил - кто кому больше зла причинил? Где народу больше, там и слышен дребезжащий смех Коли Еврейчика - рассказывает последние новости про неумеху-неудачника Санка Манника. Участковый к кому идёт? К вору из воров Коле Еврейчику по анонимке из колхоза. Была бы воля его, Санка Манника, удавил бы Колю Еврейчика. Будь воля Коли Еврейчика, посадил бы Санка Манника в космический корабль - и летай он там, гадь с верху до второго пришествия.

Нужда заставила врагов сидеть в одной телеге. Они ровесники, первый год получают пенсию. Никому не переубедить Санка Манника, будто пенсия у него «с углом», когда-то этот Еврейчик всё равно подгадил в записях, урвал лишний рублик. И Коля Еврейчик зуб имеет по пенсионному начислению на Санка Манника: не с подачи ли Санка его из счетоводов перевели на два года учетчиком? А у учетчика ставочка вполовину была против счетоводной ставки. Жизнь прожили, всё старались один другого перехитрить, удивить, выхваливаться, а ловко попадёт - оболгать.

Вот сейчас они правятся из районной больницы. Обоим захотелось получить инвалидность, обойти один другого, чтоб лекарства кое-какие бесплатно в аптеке получать, чтоб мнение в народе было хорошее: поробил этот (Санко или Коля), зря бы группу инвалидности не дали. Оба отлежали по две недели, у одного спину «как собаки грызут», у другого «волки рвут, ночами на улицу из избы гонят». Никогда не столовались вместе, на процедуры ходили, удостоверившись на сто процентов, что не столкнутся на коридоре. Жили, конечно, в разных палатах. Санко Манник поступил на день раньше, Колю Еврейчика хотели подселить поближе к земляку, тогда он начал плести небылицы, что ночами хранил хоть святых выноси, от одеколона аллергия, а земляк выливает за день по флакону на свою голову. Оба много вспомнили язвительных примеров «человеколюбия» на примере своего врага. Перечисление неподражаемых «сдвигов» у «гада из гадов» повторялись по мере поступления свежих больных.

А началось всё со школы. У Санка Манника был ёс - здоровенная черная псина. Раз Санко напустил собаку на Колю Еврейчика - маленького, черненького, забитого парнишку из параллельного класса. Псина загнала Колю на поленницу, загнала и не спускает. А Санко кричит: «Бери! Бери, Лыско! Снимай с Еврейчика штаны!» Долго ревел Коля, не слезая с поленницы. Уж и Санко с псиной ушли, а он все ревел. Так было обидно... Ведь тут были девчонки, как они смеялись, дразнили, обзывали понравившимся прозвищем. Коля взял у матери отраву «Крысит», подсыпал к кусочку свежего мяса и кинул псине. Ёс проглотил и через три дня сдох. Им бы податься тогда, примириться, а нет, затянули черную злобу. Летом купались на большом омуте. Нехорошо говорили про этот омут. Будто дна нет, будто черти живут, когда-то еще, до колхозов, черти утащили корову. Вода в реке ледяная, родниковая. Коля Еврейчик трусил, сидел на берегу, а Санко Манник храбрился, нырял глубже всех и каждый раз показывал песок в руке, якобы взятый со дна. Коля Еврейчик видел, как Санко всякий раз, прежде чем нырнуть, шарит рукой в берегу у себя за спиной. Вдруг Санко как выскоцил из воды, руками бьет, голову запрокидывает с выпученными глазами, хочет кричать, а в горле клокочет, да и скрылся под водой. Ребята, которые рядом плавали, от того места врассыпную. Коля Еврейчик от ужаса побежал прочь, споткнулся о жердь и как опамятившись, ударившись носом о землю. С жердью вернулся к омуту, догадался, что тонет Санко, стал толкать жердь к нему, и тут как свет яркий вспыхнул в голове: он, жалкий, осмеянный девчонками, бегает по поленнице, а Санко вопит: «Бери, бери, Лыско!» - и забухла его душа. Отшвырнул жердь прочь. Подбежали

выбравшиеся на берег ребята, они подали жердь Санку, тот и уцепился за нее руками. Потом ребята спрашивали, чего сразу жердь не подавал, Коля Еврейчик нервно засмеялся, стал по-собачьи озираться. «Он не просил», - как-то нагловато ответил ребятам. Потом они поварослели, оба попали служить в одну роту. Угодливый Коля Еврейчик приглянулся старшине - стал свинарём; судьба позаботилась о Санке: однажды довелось ему помогать жене капитана перетаскивать вещи - капитан переселялся на приличную квартиру - старался до поту. Жена капитана попутно интересовалась, из каких краёв солдат и кто дома остался. Оказалось, что жена капитана родом из соседнего района. Обедали, Санко старался не глотать громко, а женщина подкладывала ему самые вкусные кусочки ветчины, с немой благодарностью глядела на земляка. Как ей домой хочется! На третий день Санко Манник важно расхаживал по казарме и бренчал ключами: он стал первым и последним заместителем кладовщика сверхсрочника на продуктовом складе. Итак, служба у обоих сложилась хорошо. Свинарь за всю службу один раз стрелял из карабина, помощник кладовщика спал на складе в теплом уголочке. Свинарь подчинялся только старшине, помощник кладовщика разрешал жене капитана брать продуктов столько, сколько ей нужно было. Служба не бей лежачего. Домой вертаются, у Санка Манника на мундире все значки воинских отличий, не отстал и Коля Еврейчик. Ему старшина на прощание даже удостоверение «Военный бухгалтер» сумел добыть.

Так и жили, кто кого перехитрит, кто кого обойдёт. Пробрался Коля Еврейчик в контору, Санко Манник в бригадиры подался. И один другого колет, один другому свинью подкладывает. А про службу в армии даже подпившие никому ничего не сказывают, понимают, что сами себя выпорют. Стал Коля Еврейчик жениться, невесту насмотрели родители в соседнем сельсовете. Санко Манник не утерпел, зайцем наперёд забежал, три литры парням поставил: вот поедет жених за невестой, выкуп запросите только одну четвертинку. Удивляются сваты, а вы и скажите, мол, весь сельсовет переспал с вашей невестой, она только малушку стоит. Как услышал такое отец Коли Еврейчика, велел разворачивать лошадей в обратную дорогу: эдакой грязи нам не надо! Через год узнал Коля Еврейчик, как Санко Манник ему подгадил. Разве такую обиду можно снести?

Кого на заседаниях правления глажут? Санка Манника. Много-о у него нарушений, особенно в расценках. Все колхозники знают, что Коля Еврейчик за них стоит, а проkläтый Манник норовит срезать. Коля Еврейчик самолично все на волоки перемерял, его не обманешь. Или Санко Манник лошадь цыганам променял. Цыганская лошадь взъяри и окочурься через неделю, ведь добился Коля Еврейчик, чтоб лошадку на счёт бригадиры Санку Маннику поставили! Станет Санко Манник сдавать накладные и всякие филькины грамоты по части кормления шефов, тут Коля Еврейчик и выведет кормовые единицы, и побежит Санко из конторы, дверью хлопнет в гневе. Бежит и думает, каким ударом ответить на удар. Спать не может, настроения нет, только бы Коле Еврейчику отомстить.

Насмерть враги, так почему думы у них одинаковые? Приткнулся за деревней лесовоз с роспуском и день стоит, и неделю. Как-то под вечер Коля Еврейчик пошел на дело, захотел стропы с лесовоза снять. Заранее присмотрелся, заглянул под машину, как эти стропы крепятся, высмотрел. Тихонько рубит зубилом трос, выюга завывает, ему помогает. К утру следы занесёт. И Санко Манник к стропам приглядился. Вот бы лес трелевать, мило дело! Благо погода воровская, тоже пошёл. Слышишт, стучит кувалдочка. Стороной прополз - даром валенки снегу начерпал, вызнать, кто ворует - важность! Смотрит, а враг заклятый. Жутко стало, громко застучало сердце: вот она минута желанная! Дождался, когда Коля Еврейчик стропы снял, и он к машине. «Ну гад, теперь ты на крючке, теперь я тебе решетку обеспечу!» Фонарик был с собой взят, в кабину посветил, а там бензопила стоит.

«Здорово ты живёшь! - с пилой поздоровался и содрогнулся от мысли, что обставит он врага, даже на воровской стезе обойдёт. - Нажгу, нажгу, сучара!» Стекло выбил, пилу унёс. Много было разговоров на деревне, свалили на чужих, много машин ездит, за всеми не усмотришь. Один Коля Еврейчик всеми фибрами догадывался, кто мог такое сотворить.

С зеленым змием дрались, колхоз то кооперативом был, то опять колхозом, то газовики из колхоза телят «качали», то нефтяники коров, то шведы лес рубили, то шведам Полтаву вспомнили, то немцы искрились со своей озабоченностью, то корейцам всех собак скормили, рубахи на собраниях рвали до пупа, много дряни в «бизнесмены» подалось, уж к какому столбу оплётанный народ ни привязывали и как ни казнили, опять к позорному, как дурной Ельцин прошаманил, колхозу

вернулись. Реформы идут. Последняя реформа в России - землю на кладбище выкупать. И Санко Манник, и Коля Еврейчик про ту реформу знают, если не знают, то догадываются, но что кабы «враг» первым в землю им купленную лег?

Бросает телегу. Пёт глухонемой Африкан Кузьмович. Он сидит как раз на средине, качнет в одну сторону - оперся рукой, качнет в другую - оперся другой рукой. Слова его песни не могут быть иными, как слова о своей родине. Сейчас махнет он рукой, как птица крылом, - деревня родная на пологом утре покажется, внизу река мощно течет, а к бетонной плите лодка его привязана; махнет другой рукой - из-за деревни с пробуждающихся полей чистотой первозданной повеет, тут и гуси клин натянут, и утки пойдут, и трепещущий-жаворонок кувыркнётся под шатром небесным. А как вечером они усятся с женой на крыльце - любота! У жены глаза заблестят, смутится от прихлынувшего счастья, ему на плечо навалится, не может он сказать, как душа с новой весной встречается, потому нежно и долго будет гладить жену по голове. Не понимает он реформ и не хочет понимать, и газету с постановлениями да указами рвёт, не читая, и рвать будет, ибо он свободный мужик и плевать хотел на олигархов, демократов и цементирующий коррумпированный управленческий класс! И поднимет глаза к небу, и «скажет»: «Слава Богу, не чеченцы мы, то бы...» Вытащил Африкан Кузьмович бутылку из-за пазухи, предлагает Санку Маннику, тот головой отрицательно трясёт, предлагает Коле Еврейчику, тот и глазом не ведёт. «Нелюди!» - так бы и укорил обоих, да речи нет. Спрятал бутылку обратно за пазуху. Санко Манник и Коля Еврейчик стараются не встречаться глазами.

«Дэр-рр...», - железо рвёт в слепой ярости железо. Лопнула гусеничная лента, звенья скрючились и задрали крыло.

Из кабины высекакивает рослый худощавый тракторист, матерится. Насупясь, смотрит с телеги Санко Манник.

- Слезай! - кричит ему тракторист. - Наливай, мать Палагея!

Нехотя слез Санко Манник, слез и Коля Еврейчик. Глухонемой Африкан Кузьмович на телеге пляшет, смеётся, размахивает руками. Санко Манник ухмыляется, слегка пренебрежительно кряхтит: что с дурака взять.

Тракторист вытаскивает из-за сиденья грязную, провонялую мазутом спецовку, надевает на себя.

- Опять колхоз, мать Палагея? Крещеные, придётся помочь.

Помочь? Им придётся вместе тащить гусеницу из грязи, невольно они со-прикоснутся руками, встретятся глазами, один потащит во всю силу, а «враг» так себе? «Если бы его не было...», - невольно подумал каждый и каждый испытал брезгливость: стану я на него робить!

Коля Еврейчик поворачивается, старательно обходя глубокую воду, идёт под теневую сторону леса. Там еще лежит твердый снег, и можно идти не проваливаясь. Санко Манник чувствует пустоту без врага, решительно прыгает через колено, идёт на полуденную сторону дороги, там пускай и грязь, но меньше снегу.

Тракторист грозит вслед обоим кулаком:

- Шальная багула! Ещё я вас подвезу, мать Палагея!

Глухонемой Африкан Кузьмович плюется, жестикулирует, изображая рвоту, и указательным пальцем тычет в спины уходящим. Сейчас для него Коля Еврейчик и Санко Манник противнее всяких воров в законе, то есть олигархов, вреднее всяких вредных американских президентов, нарисованных на деньгах. Раздевается на сухом месте, то есть на телеге, бережно завертывает в щубу багряную рубаху и бутылку с остатками водки, смотрит на новые демисезонные сапоги и резко бросает руку: была не была - повидала! Отодвигает в сторону тракториста, смело ползет под телегу в самую жижу. Где-то лежит разорванная гусеница...

ЛЕДОЛОМ

Весна с каждым днем все громче заявляла о себе. Дом для бывшей учительницы Анны Павловны перестал казаться пустым и гулким; едва в стекла рам начинал проситься день, она выходила на улицу, из-под руки зачарованно смотрела на реку: только бы не прозевать ледолом! Умом сжималась до размеров воробыя и вместе с чирикающей стайкой перелетала с черемухи на черемуху. Весной большим походом идут новости на старые деревни, с каждым годом все больше и больше нагромождают льдины всякой новизны, и, чтобы не соврать и не стрельнуть разломом в глухую (к старому мы очень прилипчивы), глаза Анны Павловны всякое утро последние годы увлажнялись слезками благодарности за какие-то особые в её понимании заслуги перед Родиной. Нет на её груди орденов и медалей, а

если разобраться по большому счету! Неуклонно, часами, она так и сяк ворошила свою память; было жарко в груди от подступающей радости видеть меняющийся мир, посещала горечь уходящего невозвратно времени; устраивающиеся на березах криклиевые грачи не казались ей назойливыми; чьи-то похороны - естество жизни; в зеркало все чаще смотрела на неё стареющая старуха, и тоска, до слез сосущая сердце, все чаще посещала её. Далеко, где могучие силы неба сходятся с землею, где звенят родники, где кукует ее сторож - печаль, там каждую весну рожается её тревога и вожделение: ледолом! Он явится, званный ею, обязательно явится и станет ломать, грудиться, вырывать с корнем деревья - так было все весны, так будет и на этот раз. Утонут в воде прибрежные кусты, солнце будет лить щедрые потоки света, на лицах людей морщины утомления уступят место наслаждению, таинственное воодушевление, скрытое в живых существах, как оро-беет от нежности к природной стихии.

Прибрел отощавший рыжий кот, гнусавил, весь прижавшись к земле, до тех пор, пока Анна Павловна не погладила его. Сразу весь вытянулся и приподнялся на лапах, лизнул руку.

- Ну, рыжий пустодомец, как тебя звать-величать прикажешь? - спросила Анна Павловна.

Знать, нечто горячее и тяжелое подкатилось в такую минуту под сердчишко бедного кота. Упал он на землю и стал валяться на ней, громко стонать и как бы плакать.

- Ну и артист... будто урок не выучил, подлец ты эдакий. Сегодня Лазарева суббота, пускай ты будешь Лазарь.

Жила Анна Павловна в полупустой деревеньке. До магазина на центральной усадьбе совхоза - семь километров. Дорога есть и дорога бы торная, да чуть не узлом та дорога реку вяжет, а напрямую, по глухой зарастающей мхом и травой тропе, рукой подать. Трудно зимой, всяко бывает, случись беда - ложись да помирай: телефона нет, медички и подавно, дорогу забуторило, трактор разве какой пробьется. Худо зимой. Слава Богу, опять скоро лето, в любую сторону пути немеренные. Любит Анна Павловна летние тропки-дорожки. Выйдет к маленькому озерку, поклонится кувшинкам, берегам, кочкам, облакам проплывающим. Это ее детство. Жаль, мельчает озеро, стареет как будто. И поляна рядом стала чужой, везде битая посуда, пакеты, черные головни. А раньше, после войны, сколько веселого смеха было тут...

Молоденькая учительница едва не родила в школе: замены нет, из района просят - доучи, ради Христа доучи, уж каких-то полтора месяца осталось. Не доучила. Вспомнили в роне про Анну Павловну, навестили старую учительницу, грамоту от главы района привезли.

- Да что вы, господи, - отказывается Анна Павловна, - я уж все перезабыла.

Заведующий роне Михаил Иванович Коновалов, толстяк что вдоль, что попрек, одно поёт:

- Вы да забыли? Никогда не поверю! Надо, Анна Павловна. Надо. Вот куда я дену сейчас пятнадцать душ? Возить, а если завтра не пройдет машина? Так оставить - мне же земляки кишки выпустят. Попрекнут ставкой, скажут, родину забыл. Живите в комнате учительницы, тепло, медпункт рядом, магазин рядом, чуть что - я подскочу.

Уговорил. Полчаса ушло на сборы. Взяла Анна Павловна кота Лазаря и села в машину.

Утром Анна Павловна заходит в класс, все ребятишки вскочили, а на первой парте вихрастый парнишка и не пошевелился. Смотрит под потолок в угол и в носу чего-то ищет. Дремучесть, затаенность в его позе и неопределенной хитрой улыбке, в раскрытых карих глазах. «Петъка! Петъка Коновалов...», - Анна Павловна будто на минуту проваливается в свое детство.

- Коновалов, - слабым голосом позвала Анна Павловна свое детство.

Парнишка вынул палец из ноздри, встал, поддернул брючки, скучный, равнодушный, упорно смотрящий в угол.

- При входе учительницы надо вставать, Коновалов. Как тебя зовут?

Парнишка посмотрел на Анну Павловну лениво-дерзкими глазами, вроде смущился и откашлялся в кулачок. Анна Павловна не поверила в смущение, не такой был дед этого парнишки, сказал:

- Ну это... Кондратий хватил, я и забыл. Вышибло, одним словом.

Класс смеётся, потешается.

- А чего вышибло? - спросила Анна Павловна.

- Затычку из лагуна.

- Такое бывает правда редко, - Анна Павловна принимает игру, нарочно пугается, - придется всей школой искать. Хоть помнишь, около какого места выронил? Так как тебя зовут?

- Смычок, - раздался откуда-то из глубины класса тоненький голосок.

Петьяка, не меняя позы, из-за спины погрозил кому-то кулаком.

- И в какой класс ходит наш Коновалов?

- Ну это... штоб с усвоением и с закреплением.

Ответ парнишки действует на Анну Павловну так, что она перестает о чем-либо думать. Она поднимает голову, смотрит на окна, будто считает их, поправляет седые волосы и садится за стол.

Петьяка Коновалов - маленький, вертоголовый, шейка кадыкастая, проныра и шкодник, ходил в школу десять лет, осилил три класса, не написал ни одной контрольной. Старики говорили: «С родительского уставу сошел, что в лоб, что по лбу». Однажды насобирал вороных яиц, под Анну Павловну, тогда еще под Нюшку, наложил, Нюшка села, да и раздавила. В житье одно платьишко было, и то проклятый Смычонок заляпал. Скверно учился, время тянул «с усвоением и с закреплением» материала. Учителя очень редко интересовались его знаниями, пришел в школу - ладно, не пришел - завтра придет. В войну вшей было много, вши - злые, голодные. Фельдшерица тетя Глаша не раз приходила в избу к Коноваловым. В принудительном порядке (страхала прокурором) заставляла мать стричь ребятам головы, матери стригла сама, затем в жарко натопленную печь толкали одежды столько, сколько влезало и закрывали заслонку. Петьяка голый сидел на печи, закладывал ногу за голову и дразнил кошку. Станет ногу из-за головы вынимать, она не вынимается, тогда мать зовет. Мать вернет его в нормальное положение и шлепков надаёт. Не любил Петьяка фельдшерицу. Раз сделал лук и стрел наделал, видит, идет толстая тетя Глаша. Он выскоцил из-за угла, лук наставил и орет: «Сдавайся, Русь!» И стрелу ей, гвоздиком жаленную, в пузу выпустил. Тетя Глаша едва чувств не лишилась. Стрела гвоздиком пробила кожу и застряла, падать не падает. Мать таскали в милицию, вернулась обревленная, всего чисто Петяку исхлестала вожжами. Тетя Глаша прививку делала от какой-то болезни, так Петяку продемонстрировал ей, как надо ртом мух хватать.

Костя Серегин подбил сходить в ним в среднюю школу, скелет человеческий ему покажет. Костя скелету палец в рот сунет и гогочет, а Петяка бумажку скелету на череп приkleил с надписью «колхозник». На другой день до Кости дошло у директора в кабинете, какую ему свинью подложил Смычонок. Маленький, щуплый, в любую дырку пролезет. У кого яиц украдет, у кого пирог стащит, так и жил-поднимался. Сосед Иван Антонович с фронта без ноги вернулся, живот осколками посечен, на одном молоке тянул, а сено кончилось. Делать нечего, отдал жену бобылю за сено в другую деревню. Петяку курить научил. Смолят махру в избе, накурится Петяка до блевотины, уползет домой, а дома мать с визгом на куряку малолетнего кидается, убить обещает при первой возможности. Пришло лето, сосед Иван Антонович Петяку с собой взял, пойдем, сказал, бабу мою законную от «басурманина поганого» вызволять. Перед божницей с иконами Иван Антонович постоял, вроде перекреститься захотел, да руку на подъеме опустил, вздохнул тяжко и рукой Петяку под себя прижимает: пошли. Жена-то идти домой не хочет, прижалась у бобыля-откупщика. Характером бобыль - мерин покладистый, чем больше на него валят воз, тем крепче упирается ногами в землю. С виду старый, плешивый, а ребенка приделал. Иван Антонович топорик из-за пояса выдернул, грозится: мне, говорит, Гитлер, гад, всё здоровье оттяпал, а потому бабу беру трофеем, и не сметь мне перечить! Петяка тогда под командой фронтовика на четверть сразу вырос, мужчиной себя почувствовал, жену соседа откормленной кобылой обозвал. Отвоевали бабу. Ничего, слезу пустила, пошла домой. Оглядывается на дом бобыля, а Иван Антонович топориком помахивает. Её, беременную, наперед пустил, сами с Петякой тыл прикрывают, чтоб сбежать мысли не поимела.

Вытолкали Петяку из школы. И случись ему в армию идти. Вместе с Костей Серегиным. Косте Петяка по плечо будет, ему на одну ногу обе Петякины портняки мало. Костя к тому времени почти пять лет трактористом в МТС отработал, а Петяка молоко с фермы после своей «десятилетки» возил. Сидит на лошадке, сигарка будто шишка еловая, лошадка - орд с оплывшими ногами, на колбасу не примут. Бабы-доярки со смехом поставят четыре фляги на телегу, он и потащился в «рейс». Пиджачишко - трунь, штанишки - лепень портняная, зато буденовка деда, не буденовка - завидость.

«Криво ходишь - косо сядешь», - а как встал, как буденовку поправил, как кну-

том что саблей врезал! Костя на гулянку в костюме-шерстянке идет, тальянка через плечо. Петька из кустов девок глазами пасёт. Кому он нужен, недомерок девки прыскают над таким кавалером. Иван Антонович велит держать хвост пистолетом:

- Да ну их всех под Бухварест! Миром правит не закон клыка и когтя, миром правит соображение. Запомни: здоровяков всегда бьют, а недомерков на семена оставляют. Вот бежит, допустим, на меня такой, как Костя, и ты сбоку трусишь я кого из винтореза хлестну? Костя. Опасность от него. А ты - тебя я голыми руками удавлю. Ты жить страсть хочешь, стало быть, или под кустик закатишься, или мне в руки не дашься.

Вечер отправки в армию Костяправлял на широкую ногу. Со всей волости молодежь собралась, про Петьку все как-то и забыли. Петьку мать приодела, кое-что из одежды убитого в сорок первом мужа Ивана поперешла - соврал ей Петька, что Костя зовет отправку в армию делать у него: стыдно Петьке перед матерью за хилость свою, за бедность свою. Мать молчит, умом видит Петьку, притулившегося за столом ближе к выходу. Петька за двери, она во весь голос реветь пустилась. Все она понимает, понимает, да ничего изменить не может. Еще пятеро ртов, кроме Петьки, на ней: три дочери, свекровь да нагулянныи в войну сынок, который связал по рукам, по ногам. Худо бабка парнишку обижодит, одна позывь у нее: «сколотень жукоськой»; грязный, неумытый, в «собственном соку» бегает голышом по деревне. Раз Иван Антонович и дал шороху. В сумерках возле покосившегося крыльца визг, ругань, от удара костылем падает ничком бабка. Лежит, скулит, пальцами скребет землю.

- Худая колода! - стоит над лежащей Иван Антонович. - «Сколотень жукоськой», - передразнивает бабку. - Еще только парня пообижай. А ты, - темнее грозной тучи прыгает на одной ноге к вжавшейся в стену избы матери Петьки, - глаза в землю не прячь, нет за тобой позора! Ты природой соткана детей рожать, не скотиной роботной быть. Придет время, гордиться будешь парнем, попомни меня.

С той поры - ша, все будто переродились: Миша наш да Миша наши. Мише и конфетка-подушечка прилетит, и пирожка ломоток сунут как бы походя... Мать, где больше народу, там про Мишку и говорит, и знай младшенького расхваливает. И Петька с сестрицами стали заботиться о парнишке.

Идет Петька в полной темноте, идет к Косте Серегину, хотя знает-перезнает, что даже порог дома Серегиных он не переступит. Не из гордости - из-за семейной бедности и тщедушного вида. Ему казалось, что изо всех окон на него смотрят, все знают, куда он идет, и смеются. Вышла навстречу белая собака, должно быть, прибежала из другой деревни за кем-то из Костиных гостей, встала на дороге. И стоит, дорогу уступать не хочет. Петька осторожно нагнулся, поднял с земли камень. «Ну это... подходи!» - задыхаясь от мстительной отваги, сказал собаке Петька. Собака подошла, он не опустил ей камень на голову, не укусила, обнюхала отцовские, на добрых четыре размера больше Петькиных ног сапоги и отошла. Петьке стало и легко, и в то же время стыдно. Легко от того, что не всем дозволено на этом свете потешаться над ним, стыдно - трусишка он, хотя зачем невинную собаку камнем бить? Он не пошел к дому Кости, вышел за деревню, сел под зарод сена и как окаменел. Сидел, вслушиваясь в тишину и вглядываясь в темноту. Он увидел пронзительную красоту мира, увидел, хотя ночь окутала землю темной шалью; должно быть, первая звездочка, сорвавшаяся с неба, угодила в прорешку облаков и прочерком своим как зацепила встревоженную струну в душе Петьки; услышал само дыхание земли, должно быть, молчание ночи родило звук, очень похожий на далекое слово: он кусал нижнюю губу и рукавом вытер сухие глаза - хотелось заплакать, а слез не было. Пахло сеном, пахло пылью, пахло деревней. Этот зарод метал бригадир Жуков. Не мужик - бык. От его большой ленивой фигуры, красной щеи, какого-то неповоротливого жесткого лица постоянно веет чугунной силой. Говорят, в войну он был в плену у немецкого бауэра, потом пятилетку долбил уголь в Донбассе - наш плен, но ни плен, ни каторжная работа не убавили в нем здоровья. Петька очень завидовал Жукову: вот бы ему такое бычачье здоровье! Брат у бригадира есть, такой же бык, на войну не брали как сухорукого, зато детишек этот сухорукий настругал полволости. Под зародом сидел совсем не прежний Петька, как бы постигая таинственный смысл жизни и прощаюсь с прошлым, сидел в томительно-радостном ожидании ошалевший от непонятного волнения уже повзрослевший человек. Долго играли гармошки на деревне, девки пели озорные частушки.

Мимо шли двое, шли и тихо разговаривали. Петька из тысяч голосов признал бы голос Кости Серегина. Второй был... рябая Нюшка! Месяц назад

Нюшка приехала из педучилища, говорили на деревне, учительствовать будет дома.

- Вы не будете против, любезная Анна Павловна, если мы присядем? Устал я в последние дни. Пока трактор сдавал, отец еще хлев велел на другое место перетащить... Оставил отец ногу под городом Орлом. Солдат, он и есть солдат, сегодня жив, завтра бои, и... до свидания, города и хаты.

Парочка остановилась против зарода. Петьяка видел силуэт Кости, видел Нюшку, прижавшуюся к Косте. Он весь вжался в сено, боясь быть замеченным.

Костя расстелил под зародом пиджак, оба сели. Костя стал рассказывать, как еще в седьмом классе «положил глаз» на Нюшку, повинился, что именно он положил комок смолы под Нюшку, - поревела столько Нюшка над испоганенным темно-синим платьем, выменянным матерью у эвакуированных из Ленинграда на два пуда муки.

- Кавалеры, - смеется Нюшка. - Один яйцами потчует, другой смолой пятнанет. А кто мне крысу дохлую в валенок сунул?

Послышилась возня, и Нюшкин низкий, страшный звук:

- У-у!.. У-у!

- Какая вы недотрога... Я думал, в городе любят по-другому.

Петьяка слышал, как Костя сплюнул в его сторону.

- Уйду вот, убьют, плакальщиков на чужой стороне ноль целых хрен десятых, - упавшим голосом говорит Костя. - Буду гнить в какой-то канаве, а ты замуж упорхнешь, детки, муж - Петьяка Смычонок (Смычонками звали всю фамилию Коноваловых). А тут бы вы ждали, разлюбезная Анна Павловна...

Опять возня, пыхтение. Петьюку трясло. Он оттягивал рукой ворот рубашки - туго мать сшила! И вдруг закричал, вскочил, не соображая, набросился на Костю и стал стаскивать его с барахтающейся внизу Нюшки. Костя стал сопротивляться, откинулся как котенка, но этого было достаточно, чтобы Нюшка выскошла из-под зарода.

...Анна Павловна помнит, как, прижав локти к бокам, давясь рыданиями, бежала домой. Ей было стыдно. Лицо горело. Она боялась, что наткнется на прогуливающуюся парочку, боялась что ее услышат... Одна туфелька свалилась где-то, вторую, взвизгнув на предельно высокой ноте, сама кинула в овраг. Из полевого густого мрака сорвалась сова, со слабым шорохом беззвучным темным пятном перелетела над головой и сгинула. Анна Павловна стукнула зубами и помертвела, упала на землю, боясь пошевелиться, всматривалась в размытую синь горизонта. Потом она шла, вся дрожа как собака, где-то сбоку что-то шуршало и попискивало, мощно дышало из глубины. Она останавливалась, затаив дух, ждала того, кто набросился на Костю. Ей казалось, что нападавший не был человеком, это был черт или дьявол. Сопротивляясь, она хорошо слышала задушенный топотообразный крик: «О-о!.. О!.. О!!!»

Петьюку и Костю привезли в Германию. Бравый полковник принимает пополнение:

- Десятилетка! Три шага вперед, марш!

Замыкающий строй Петьюка Коновалов и шагнул. Костя Серегин правофланговым стоял, не заметил расторопного земляка.

- Та-ак, - полковник дошел до Петьюки. - Десять лет учился?

- Так точно! - во всю силу рявкнул Петьюка.

- Орел, - полковник положил руку на Петьюкино худенькое плечо. - Хороший голос, командирский! По какой части кумекаешь?

- По железной, по стеклянной, по хлебной и по деревянной!

Мало того, что вернулся Петьюка из сержантской школы младшим сержантом, он еще выучился на шофера. Костя Серегин встречает:

- Кому ты мозги пудришь, Смычонок? Десять классов, ага?

- А ну!..

Один наряд вне очередь, другой наряд вне очередь, день занятия, ночь рабочая, ветром шатает Костю Серегина, спит походя. Весь взвод наблюдает за «дружбой» земляков, некоторые выразительно покашливают, другие Костю «воспитывают»: ты, такая машина, а какой-то сморчок издевается...

- Говорю, как член партии коммунистов, несознательному мэтээсовцу: не поднимай хвост, - пригрозил Петьюка, нацеля палец в лоб земляка.

От такого наглого заявления Костя свирепеет: уже в партию пролез?! И рвет на груди Петьюки гимнастерку. Как из-под земли перед ними вырастает лейтенант. Костя сомлел, отпустился от Петьюки, а Петьюка использует офицерскую защиту, одергивает гимнастерку, командует своему подчиненному:

- Повторить: есть наряд вне очереди!
- Есть наряд вне очереди! - чеканит Костя.

Петъка принадлежал к той категории людей, которые имеют склад восприятия и ума до того необычный, что зачастую не постигают смысла фразы, сказанные ими, могут отвечать на задаваемые вопросы, а могут и не отвечать - все зависит от особенного настроя. Ни тогда, ни потом Петъка Коновалов не находил ничего заманчивого быть членом партии.

В воскресенье Петъка Коновалов в увольнении. Бродит совсем один по яблочному саду, скучает по дому. Маленькая сторожка, от нее асфальтовая дорожка выходит на проезжую улицу. Начинается дождь. С шумом бежит вода по водосточной трубе, блестит асфальт, от стены видно, как с колес проезжающих машин бегут пенистые эмейки. Петъка стоит у стены сторожки, умытый асфальт улыбается ему. Осенний сад - голый, земля - черная. Аккуратный народ немцы: все листья убраны, стволы яблонь побелены и обвязаны рогожей. Вчера он написал матери письмо, сообщил, что назначен командиром отделения, а Костя у него в подчинении. Мише нашему, братишке неродному, послал привет из далекой Германии. Знал, что мать не поверит ему, часто ее обманывал раньше, потому фотографию приложил по всей форме. Из-за туч вышло солнце, прорвалось через ветви и запустило дрожащие пальцы в пруд, похожий на огромный таз. Вырванные из дремучих русских глубин парни не перестают удивляться аккуратности немцев, порядку во всем, даже в самой мелочи. Стал бы кто-то «у нас» выкладывать кирпичные стенки, рисовать на стенках зверушек, выкопали бы яму, а обвалился она завтра или год простоят - другой вопрос. Петъка бредет по саду, какое-то ощущение тоски родилось в нем. Вроде жалеть-то нечего, голод, вши, насмешки дома остались, а душа хочет услышать печальные русские песни, в которых поётся про разлуку, смерть, несбывающуюся любовь: «Теперь все пойдет по-другому. Вернусь - машину дадут, насащу девок полный кузов, выедем под вечер...» К упавшим в воду золотистым лучам подплыли рыбы, не шевелясь стоят, будто греются или спят. Петъка набрал камешков, погляделся - и давай в немецких рыб швырять камешками. Он не заметил, как подошла молоденькая немка. Встала против Петъки, рослая, сильная, с интересом смотрит на Петъку. Впервые Петъка видит так близко девичьи глаза. Волосы аккуратно заправлены под шаль, на руках белые перчатки. Какие у нее большие глаза! Они стоят неподвижно, тихонько скрипит где-то рядом, должно быть, сухая ветка. Что может сказать Петъка? Почему-то он задыхается от волнения, непривычно стучит сердце. Пытается улыбнуться немке, показывает ей руки: нет больше камешков, поворачивается и уходит. Через какое-то время будто кто-то толкает его в спину, оборачивается: немка стоит на том месте, где оставил, и смотрит ему вслед. Он поднял руку, махнул и заторопился, еле удерживаясь не сорваться на бег. Вскоре ему приснился сон, яркий, необычный и стыдливый, якобы выкупавшаяся немка стоит на берегу. Растирает тело полотенцем, а он, сморенный и худой, любуется ею. Сразу проснулся, вскинулся на кровати и сел, и подступила дикая мысль, что отныне он жить-быть не может без немки. Ноздри дрогнули, и тут же все пропало, заслоненное неистребимым доводом: она - враг! Упал лицом на подушку и сладко вздохнул от подступившей непонятности.

Летом, когда ночи стали золотеть, его, чуткого и расторопного, командировали возить седовласого капитана-особиста. И надо же случиться такому, что первый рейс едва не стал для него не только последним, но и роковым. На автобусной остановке из толпы народа выкатилась девочка на велосипедике и угодила под проезжающую мимо машину. Выскочили оба с капитаном из кабины, девочку достали, измятый велосипедик тоже. Оказалось потом, что у пострадавшей сломана ключица, и она сестра той самой немке, которую однажды повстречал в осеннем саду.

Он сидел на ступеньке больницы, скаввшись в комок, смотрел на сине-зеленую гладь озера. День был ненастный, с ветром, озеро вскипало белыми завитушками гребешков. За спиной была больница, чистая, аккуратная немецкая больница: на третьем этаже слева третье окно, на кроватке лежала та, к которой пришел русский солдат Петъка Коновалов. Прошлый раз при виде его девочка начала опираться здоровой рукой о кровать, тревожно оглядываться, будто собиралась бежать, но валилась на кровать под строгим взглядом врача. А Петъка тогда зашелся судорожным кашлем. Не хватило сердца - не приучен, что ли?.. Капитан дал Петъке шоколадку, наказал, чтоб подарил ее девочке, а он с глубокой мукой сунул шоколадку в руки врача. Как скробны были в ту минуту его губы, как дрожал кадык! Вчера было письмо из дому: Иван Антонович застrelился. Мать писа-

ла, что у Ивана Антоновича посинела здоровая нога, врач настаивал на «апутицы», а Иван Антонович взял ружье, вышел из дома и «лег на землю умиротворяющи, лицом на заход солнца да и стрельнул в себя. Могилку мы с бабами копали, ревим да копаем, ревим да копаем. А промерзло сейгод в два аршина, и, как на грех народ мрёт. Скупо, сынок, живём, клеверные лепешки едим, а на днях семья Силинского Олешки вся померла. Облил ветеринар померших коров гадостью, а Олешка тушу выкопал и семью тем мясом покормил...»

Петьяка зажмуривается, выжидает время; он набирает полную грудь воздуха, как набирал, бывало, Иван Антонович, напрягается и выводит:

Скакал казак через долину-у.

Через маньчжурские края...

Жалко Петьке Ивана Антоновича. Жалко семью Алексея Силинского. Девять душ! Вот, кажется, разорвётся сердце, упадет он мертвым... « Во! - оборачивается и ищет глазами третье окно слева на третьем этаже, а пальцы уже сделали фигу. - Вы нас так! А вас, видите ли, не тронь?» Не воскреснет Иван Антонович, не воскреснет отец, тысячи и миллионы не воскреснут. Злоба на немцев переполняла его. Он ругался и придумывал оправдание, почему не пойдет к немецкой девочке в больницу.

Рослая немка, что однажды встретилась в саду, присела рядом на скамеечку. Петька уперся ладонями в колени, исподлобья посмотрел на девушку. Мысль о том, что он виновен, что надо как-то заглаживать свою вину, и мысль, что вся немчура виновата в смерти Ивана Антоновича, наполняла его трезвым холодом: как вы нас, так и мы вас! Немка достала из кармана фотокарточку, протянула ее Петьке. В глазах Петьки зажглось острое любопытство. Крупный, с небольшим лицом немецкий солдат снялся в трогательный, должно быть, момент расставания. Почти взрослая девочка - Петька покосился на немку и признал в ней стоящую - и вторая девочка, совсем ребенок, крепко вцепилась в шею и, должно быть, шептала самые сокровенные слова. Лицо Петьки почти касается лица немки.

- Стalingrad, - говорит немка, тычет пальцем в солдата и кладет голову на протянутые руки, как бы засыпает.

Петька догадывается, что это ее отец и погиб он под Стalingрадом. « Знает... У нас половина без вести пропала ».

- А мать? Мутер, мутер где?

Девушка печально вздыхает.

На глаза Петьки навертываются слезы. Тих, благословен мир; походил русский колхозник в лохмотье, много поел травы, а его вши поели, и жил как зверь отторгнутый в норах, землянках, слезы, мольбы, проклятия - все вынес; победили заклятого врага, живи да радуйся, так почему грустно и даже обидно тебе, Петька? За колхоз свой, за народ свой? Обрати свой взор назад, чувствуешь, как бежишь по плечи в цветах, взлетают испуганные бабочки, солнце печет спину? Сзади с воплями бежит сторож, догонит - оторвет голову. Что ты хорошее видел в жизни? Нет, Петька, не видел. Ты жил как сорная крапива, жил как зверушка, и умри сегодня или умри завтра, кто, кроме матери, хватится? Земля пуста и черна; и свет существования ушел; и обещал, когда уезжал, никогда домой, в нищету, не возвращаться. Горько обещать... даже реке, даже туману, даже незнакомой белой собаке. И река своя, и туман нашенский, а собака - она тот же колхозник, только собачий. « Порядок у немца. Во всем порядок. Стал бы ее отец на месте Ивана Антоновича стреляться? Нет. И врачи бы нашлись, и пенсию положили хорошую... По всем показателям немцы нас сильнее. У нас одни вороны на кладбище родные, а власть... обуза такие Иваны Антоновичи ».

К девячке в больничной палате они ходили вместе. Как та вскинулась от радости навстречу сестре, что-то говорила и говорила, бросая на Петьку настороженные взгляды.

Отслужил Петька, немка с сестрой провожали как родного. Попросили сфотографироваться вместе на память.

Глаза устают долго смотреть на звезды и возвращаются к земле; чего он забыл в нищем родном колхозе? Шумят в вагоне демобилизованные солдаты, Костя Серегин демонстративно толкнул задумавшегося Петьку в бок: ну, десятилетка, скоро дома будем, а дома!.. Петьке кажется, что оставил он в осеннем немецком саду свое сердце, в беспредельной пустоте движется кровь по своим артериям и утомляет всего; немка не понимает по-русски, он - по-немецки, а глаза ее бесхитростные, что искорки, смотрят за ним издалека, будто звездочки...

Проходит год. Жизнь не останавливается - жизнь властно входит в душу, вы-

тесняет житейские мелочи; хорошая штука - жизнь. Как раньше готовился по-крайний Иван Антонович: «Едем прямо и пьем на весь трешник», - хорошенская немка все реже стала являться в мечтах Петьки Коновалова. Ему дали старенькую машину. Не столько ездит, сколько в гараже стоит. Запчастей нет, а сунься в МТС - старший механик Костя Серегин великодушно протягивает лапищу:

- О, какие люди... Дай обнять тебя, отец-командир...

Петька знает, как обнимает Костя Серегин, он медведю кости поломает, а если руку пожмет, будет рука мозжить две недели.

- Я со всей душой, а ты... Подвязывай лапти и рви копыта, колхозник!

Презирает Петьку Костя, давно уже чувство это превратилось в своего рода страсть. Не может он не поиздеваться над Петькой. Oko Kosti всегда народ, слово за слово - и выплеснется скрытая ненависть.

Нюшку все зовут Анной Павловной. У нее теперь на лице рябин поубавилось, преж тончивенской была, стала барыней. Ходит - не всплеснет. Удивляются на деревне: эдакий богатырь Костя Серегин к ней и так, и эдак подъезжает, а она Косте от ворот поворот. Холодна и деловита стала Анна Павловна.

- Петя, а где же дед твой, Петр Иванович? - спрашивает Анна Павловна парнишку.

Петька не торопится вскакивать, ерзает за партой, пыхтит.

- В домовиках, - опять слышится тонюсенький голосок.

- Ну, это... - тонкая шея парнишки вытягивается, уши краснеют. - Захотел на широкую ногу пожить, так пускай поживет.

- Как это?

Выражение лица Анны Павловны меняется, она пугается за того щуплого и нагловатого Петьку Коновалова, захотевшего пожить «на широкую ногу». Вдруг да он попал в какую передрягу? Были аварии, едва однажды не утонул пьяный, да столько всего было-перебыло, а прожитых лет - на теперешний час - не было; ощущает в груди волнение, а во рту сухость.

- Петя... - просит Анна Павловна.

- К Мане ушел. Худо дома, видите ли, - рассуждает по-взрослому Петька.

- Это... Это к какой?

- К Кошкиной! - радостно кричит сзади Петьки тонюсенький голосок.

Анна Павловна горбится, идет к окну, водит пальцем по запотевшему стеклу. За окном небо светло-голубое, огромное, выпуклое; на поленницу дров садится чайка.

«Какое же оно непонятное это счастье, - рассуждает Анна Павловна. - Столько лет прошло... живем, жизнь ругаем, все надеемся на будущее. Вот-де оно придет, придет и счастье принесет, а кругом суета... Прошла жизнь, прокатилась, - Анна Павловна как запнулась, передохнула, усмехнулась сама себе. - Если бы снова, если бы назад вернуться...»

Маня Кошкина работала в МТС под началом Кости Серегина. Ростику малого, смуглое круглое лицо, а голос - в хор бы ее столичный! Как запоет, щекотно на душе становится. Костя намеренно не замечал ее, часто грубил, советовал работать в колхозе. Вспыхнет Маня румянцем, виновато опустит глаза и весь день молчит после такой «воспитательной работы». Костя вступил в партию, его головина аукалась в мастерской. Раз у Петьки Коновалова полетел карданный вал. Притягнулся с ним в МТС, а Кости нет. Без Кости никто болта колхознику не даст, у Кости порядок. В армии пришлось работать в ремонтной мастерской у немца, научился кое-чему. Маня Кошкина на свой страх и риск отперла замок на Костиной «запаске» и отдала побывавший в работе карданный вал Петьке. Костя сделал Мане внушение. «Еще раз и... - демонстративно пнул ногой воздух. - Все поняла? С той поры Петька осмелел: не всем девкам он безразличен! Стал «прощвыриваться» на вечеринки, провожать Маню домой. Не умела Маня целовать-ся. Глаза закроет, губы деревянные; гладит ее пушистые волосы, ни с того, ни с чего станет Маня всхлипывать, и теплые капли слез прольются ему на шею. Была в Мане некая таинственность, скорее недосказанность; станет Петька говорить ей о Германии, она ладошкой ему рот прикроет, вздохнет так чувствительно, будто сошлись вместе прошлое и будущее, - молчи, не вспугни звон в ее сердце. Кругом тишина, лишь сердце-маяк манит и зовет; будоражит исхоженная дорога, пьянят рожь за деревней. Господи! Ты дал холодный закат и весну с лиловым снегом, дождливую осень и дремотную зыбь летних туманов, ты даешь жизнь и отбираешь ее, соединяешь две нитки в одну. Как знать, может, и сложилась бы у них семейная жизнь, да поползли басни по волости о похождениях Петьки Коновалова, удалого шофера. Другие шофера до железнодорожной станции двое суток

ездят, он в неделю не укладывается. Будто бы в каждой деревне у него подружки, родился ребенок - Петькин, да и только. Перестала Маня петь, насупилась. Поверила Маня людям, не поверила Петьке. «Да тешусь я! Вот рулю я через деревню, молодухи у колодца на коромысла оперлись, я и кричу: «Дуня, ставь самовар, на ночь останусь» Сама посуди, в каждой деревне девок по имени Дуня до выгребу». - «И потешусь: больше не подходи ко мне, что есть в руках, тем и мазну».

Шло время. Осенним хмурым вечером Анна Павловна сидела над тетрадками. Кто-то стал грабить снаружи рукой по окну ее комнатки - она уже полгода жила в школьной комнате, в страхе отодвинула занавеску: Костя Серегин просился в гости. Пустила. Костя каким-то хищным шагом прошел в помещение, сел на стул, стал жадно разглядывать ее лицо с пылающими щеками.

- Пришел вот, - сказал Костя. - Жениться надумал.

- Женись, - прошептала Анна Павловна и почувствовала, как леденеют руки и закружилась голова: опять как тогда под зародом? Опять взять силой?

Сладкий ужас и девичьи грезы - все перемешалось: вот кинется сейчас... «Зачем я пустила? Сейчас... сейчас...» И точно, Костя стал подниматься со стула, тогда Анна Павловна закричала. Помертвевшим диким голосом.

- Чего ты? - Костя опустился на стул.

- А ты не тронь! Тебе бы только... Я не такая, понял?

- Бог с тобой, - растерянно сказал Костя. - Разве я трогаю? Жениться, думаю, надо.

- Женись! Лапай девок, а меня не тронь! - кричала Анна Павловна дрожа от ярости, мстительного чувства: Урод! Только бы бесстыдно шарить, только бы!..

- Я же жениться надумал! - отчаянно крикнул Костя.

- Уходи! Уходи!

Женился Костя Серегин на вдове с двумя ребятишками. Однажды встретил Анну Павловну и сказал обиженно:

- Дурища ты, Нюшка. Я же со всем почтением-уважением, я же свататься приходил к тебе.

Петьке Коновалову во сне пришла застенчивая немка. Он слышал ее голос, очень похожий на голос матери, нежный смех; она говорила по-своему, но Петька все понял: к себе зовет. В тот день он поехал на станцию за водкой. Пассажирка - старуха с каменным лицом, выпростала уши из-под шали, подала трешку, сказала:

- Сразу видно настоящего мужика.

«Настоящий мужик» за всю дорогу не произнес ни слова.

К водке прилипает много жаждущих; нечистый дух не иначе заволок его в деревню за тридцать километров от становской дороги. Очухался... спит на полу под тулулем. Хозяева к столу зовут. Голова трещит, на бабу, остроносую рослую девку с блеклым лицом, глаза поднять стыдно. Вспоминает, как, лежа на полу, приглашал девку ложиться рядом...

- Каравулили, у нас-то не тронули, а сколько дорогой растащили... - говорит баба.

Петька ощущает неприязненный взгляд хозяйки. Он невнятно благодарит и идет на улицу.

Стоит его «газон», как богатырь, на поваленной изгороди. Залез в кузов и за голову схватился: сколько посуды битой, господи-и! В радиатор заглянул - воды нет. Еще две ночи ночевал - радиатор оказался проткнут в трех местах. Под вечер сел на лавку, говорит хозяйской девке:

- Тебя Ксюшкой звать? Поехали со мной. Хозяйство на спичку не повешено, но с умом... с умом жить можно.

Как пустилась мать девки бранить его! Выбранилась, заревела, сопли фартуком выжимает. Проревелась, посидела задумчивая, говорит:

- Видно, доча, судьба.

Тут девка в плач пустилась. Острый нос стал еще острее, лицо стало походить на помазанный сметаной непропеченный пирог.

Хорошо ехать ночью. За кабиной темь, изредка мелькнет в окне избы огонек. Петька пытается каламбурить, говорит истертыми присказками. Ксюша прыскает, приободренный Петька рассказывает ей про Германию.

- Сколько платить надо? - спрашивает Ксюша.

- Нашла тоску, - хвастливо отвечает Петька. - Заплатим.

- А сколько? - девушка аж впивается в Петьку.

Петька чувствует усталость во всем теле, с ожесточением давит «газулю».

- Ну-у, сколько? - не отстает Ксюша.

«Во змеюга попалась! Сколько, сколько? Сосватал ярмо - тащи его. Меньше жмурься, ягодка, большие увидишь. Отгулял, видно, Петья Коновалов».

...По много вёсен солнце и ветер сгоняли с полей снег, талые воды с журчаниемсливались в ручейки, ручейки поили реку. Летели косяки птиц, из коровников выбегали нетерпеливые телята с курчавыми в пахах ногами, на озимых появлялись изумрудные пятна пробуждающейся жизни, резали глаза ледяные матовые корки... Годами сидела Анна Павловна в комнатушке, проверяя тетради, ждала весну, ее весну, а её весна заснула там, где небо сходится с землею. С прожитого на сестра увидишь только то, что загадаешь увидеть. Надо ли противиться смиренной реке дикой силе ледохода? Бежит река, водица камешкам-обмыльшам тайну вещает: весь год поджидает она час благодатный и грозный, а как час долгожданный наступит, как ледолом на приступ пойдет, неуправляемый в своей страсти, так и расплещется она, и забурлит, и, благодатная да томная, обнимет в тягучей ласке берега; и будет день, и другой, и третий, и еще много дней упиваться истомой. Ледолом груб, стремителен, опасен, протаранил реку и не заметил даже, а река все заметила и все запомнила; боль отступит, радость останется: «Ох, и дурища-а ты, Нюшка...»

- Петя, а вот...

- Нашла партизана, - ворчит Петья Коновалов.

СВАДЬБА НАВЗРЫД

Старик с бельмом на глазу усердно крошил черный хлеб в алюминиевую миску, боязливо оглядываясь на всякий стук. Старик сегодня лишний: внучка выходит замуж, потому его свели в зимнюю избу - не путайся под ногами и с дурацкими советами не надоедай, положили на стол буханку хлеба, пакет молока и дверь замкнули на замок. Старик поначалу крепко обиделся: двенадцатого числа каждого месяца почтальонка приносит ему пенсию - что ты, домашние на божницу усадить согласны, а сегодня, чьи деньги свадьбе половине стелют? И сказал-то вроде, как ему показалось, шутя, а у внучки глаза стали как у лошади, когда к её стойлу подойдет кучер и начнет за прошлые преступления учить арапником, вздохнула утробно да как хлопнет дверью! К окошку подошел, цепляясь костлявыми дрожащими пальцами за старую латаную рубаху, стал усиленно рвать её за ворот, все лицо его неприятно сморщилось, и он глухо завыл. Постоял так, в окно на обросшую крапивой навозную кучу глядя, успокоился, отер кулаком глаза, и сердце его замирает тревогой...

- На Петров день принесут пенсию - все деньги изорву! Во, - сунул в окошко дулю, - во вам!

Опять к миске с молоком, раз хлебнул, другой ложкой по боку дернул, миску отодвинул; тоска на душе его. Улететь бы сейчас в свое прошлое, крылья бы были... И слышит старик, будто внутри его кто-то заворочался во сне, застонал стоном болезненным да сердце сжал, как сжимает влажное небо горящую полоску света, рванулось со всей силою, со стула на колени упал. А тот, спящий внутри, не оставил и на полу, стал как-то тихо и беззвучно подбираться к самому горлу, на глаз с бельмом давить с мучительной болью вглубь, что впору стало молиться о пощаде. Почти бессознательно слетело с помертвевших губ слово:

- Господи!

Вовсе потерялся умом, как в тумане, на пустынном голом выгоне за деревней сидит и ничего сообразить не может. Не сразу взяло его раздумье немой молитвой: не угодной стала тебе, Боже, мужицкая доля? Зачем он жил на земле, мучился? Лет сорок назад все помыслы были страну нашу сделать могучей, как бы добиться копейки, чтобы прокормить ненасытную утробу свою - детей, паспорт правдами-неправдами добыть, чтобы человеком до города доехать... жилы рвал народ, с голоду пух, и ради чего? Жаль рано умершую жену, дочку жаль, внучку жаль, правнука жаль, жаль мир, а помочь нечем.

В течение часа жених «освоил» бутылку шампанского, нашарил под лавкой другую и под неодобрительное «благословение» невесты - «моча задавит, шальнопупой» - стоя, запустил в потолок пробку. По столам прокатилось оживление, смех, громкий говор, забренчали стаканчики, застучали вилки. Жених налил вина в свой фужер на самое донышко, покрутил фужер в пальцах и выплеснул налитое через правое плечо.

- В усаду богам, как завещали древние пруссы, - сказал он.

Опять налил, опять покрутил и выплеснул через левое плечо.

- Нечистому духу под копыто.

Невеста вина не пригубила. Вовсе не потому, что не знала языческих обычаяев древних пруссов: на восьмом месяце беременности невесты уже не суют нос в пыль веков, мало пляшут, задницей при ходьбе не подкручивают, говорят резче и даже с обидой в голосе, интересуются «детскими пособиями, декретными отпусками», ценами в магазине, примеряют на себя материнский гардероб. Вечерами любуются не звездами, а смиренно стоят у калиток и выисматривают своих «алкоголиков». В какой вечер мужья своим ходом идут, в какой пользуются услугами колхозного транспорта. Если суженый не воротился на утренней заре, значит, он временно прописался в милиции. Явится домой - не узнать морды: стахановцы-клопы пьяных страсть любят. Что поделаешь, все не вечно под луною: ягод горьких, как в песне поётся, два ведра, а сладких - так, бежала да сощипнула походя...

- Остепенись, - зло говорит невеста.

- А мы, слуша, как благонамеренно сочиняет мой батька, на наган крепкие, - самодовольно отвечает жених в ухо невесте.

Вот жених выпрямился за столом, расправил плечи молодецкие, засопел, раз откинулся спиной на стену, другой, издал звуки, похожие на недовольное хрюканье материого порося. Будущая теща, щебетавшая с гостями, вскочила с лавки, подбежала к молодым, изобразила на лице саму покорность.

- Што не так, ягодка?

«Ягодка» - он же Аркашка Ухватов, уставил на будущую тещу большими серыми глазами. Приставил ко рту ладони чашкой и как благодетель, одаривший бедных звонкой монетой, легонько прочистил горлышко:

- Мам... маша! - обратился к будущей теще. Оглянулся на свою родню, с интересом ожидающую продолжения речи. - Есть мысля: свадьбу чин-чинарем огложем - и в загс, автобус надо заказать. И гармониста, собаку! Собаку! Чтоб пиликать изволил не только «по деревне отвори да затвори», а романсы многострадальные. Ну, там этого... как его, который «Славянку» сотворил... Да хрен с ним, с Шубертом этим. Я к тому говорю, что сын нам не родной, а любить стану как родного.

- Конешно, конешно, чем парнишка виноват? Не виноват, правда ведь?

Заальным столом сидела сплошь зеленая молодежь. Кто перед армией, кто после армии, но все клятвенно заверили тамаду в начале свадьбы, что являются самыми верными друзьями жениха. Как услышали «верные друзья» чистосердечное признание Аркашки, так и заржали.

Родня жениха по мужской линии благоразумно промолчала. Дядя Володя, видимо, не ожидавший такого прямого признания, громко хрюкнул - поперхнулся от неожиданности, хитровато прищурился и отвел глаза. Лицо у него, как у всех Ухватовых, лошадиное, голос толстый, а нос будто шишка еловая. Оба двоюродных брата Аркашки, несколько минут до этого демонстрировавшие русскую удаль, ужались в плечах, переглянулись и стали колупать на сковороде вилками жаренную курицу. Двоюродные братья Аркашки, сам Аркашка и дядя Володя любят работать на публику. Они все похрюкивают не по природному какому-то изъяну, а чисто для привлечения внимания к своим особам. Как народ войдет во внимание, выронит на оратора глаза, тут собравший под кепку весь сельсовет говорун и скажет умную речь или сквозь зубы выдавит едкое словцо. И рот кривят все Ухватовы влевую сторону. И словцо у Ухватовых не шумливое, из сумерек добывтое, не один раз слушатель потом приложит его к тому или иному случаю, пока до истины доберется. Про таких на деревне говорят: «Хоть огонь под хвостом клади - не шевельнёт ушами». На свадьбе не было отца Аркашки: облезжал Порфирий больничную койку. Пошёл в баню, бельишко подмышкой, стоит возле крыльца да курит, жену ждёт. И надумил его сам дедушка домовой колуном помахать, чурку расколоть суковатую. И то: валяется с зими, товарный вид улицы портит. Колун схватил, примерился, как рубанёт! Колун зацепился за бельевую веревку, веревка сорвалась, а колун вместо чурки чмокнул лоб Порфирия. Как увезли Порфирия в больницу, мужики со всей деревни смотреть ходили: точно, не врут на этот раз Ухватовы бабы, колун лопнул, а череп настоящего мужика выдержал. Жены Аркашкиных двоюродных братьев очень даже рады, что самого Порфирия нет. Такое дурило, такое дурило, как подопьёт подходяще, долго издает носом и горлом хрюкающую серенаду, усаживаясь на своего любимого конька, подбоченивается да облезжает нахально-насмешливым взглядом народ, а как уселся да вонзил шпоры в бока, через слово своё противное «слуша» ввертывает:

- В нашем роду дураков не водилось... Вот, слуша, к примеру отца взять, - и ушипнёт за бок ближнего в нему слушателя, - отец - голова-ан! А дед? - и опять ушипнет за бок, - дед, слуша, старинного устава держался, к деду секретари рай-

кома партии за советом шли! А прадед - ёрш ещё тот, слуша, его порви, - хочет третий раз ушипнуть, а слушатель от него пятки салом смазывает, - да ты чё, чё боишься-то? Голыми руками не бери! Любого черного цыгана как два пальца облапошишт!

- Всего-то парнишке десятый годик с Семенова дня пошел, и он полюбит. Правда ведь? Он у нас просужий, по дому понукать не надо, хозяин растет, - будущая Аркашкина теща не нахвалится внуком.

Женская половина фамилии Ухватовых скептически поджала губы: десятый год парнишке, как-то он примет нового папу... Нынче молодежь годов пятнадцати о таких «пап» уж кулаки точит... «А маме-то сколько?» - у всех женщин на языке застрял этот каверзный вопрос, но на всякий случай вразнобой заговорили, поддакивая одна другой:

- Привы-ыкнет... Ужо, дай срок, не все сразу...

Стали приводиться аналогичные примеры, когда тогда-то и в такой-то деревне...

- У нас в деревне еще до колхозов один мужик по прозвищу Пузан...

На другой, более прозаический вопрос - сколько до Аркашки у парнишки было «пап»? - могла бы сказать только невеста или мать невесты, да они дуры, что ли, когда свадебный поезд хорошо промазан, укомплектован штатами, набирает ход и катит себе легонько, о таких нудных вещах вспоминать?

- Мам... маша, - жених опять встал за столом, правой рукой вздыбил прическу на голове, левой стал лохматить голову невесте, сворачивая фату набекрень. - от лица службы выражают благодарность за воспитание такой... ведь нормальная баба, а, пацаны? Что спереди, что сзади... Трапезия!

Пунцовская невеста силой потащила жениха за полу костюма.

- И за эту нашу трапезию: горько! горько!!!

Что остаётся делать гостям, если любящий жених задаёт тон на свадьбе? Он на седьмом небе и оттуда громыхает кустистой бравадой. Правильно. переорать его. Причем будущая теща своим счастливым визгом оглушила всех. Даже повсакавшие с мест рекруты и бывшие солдаты (они же пацаны) подавились своим хохотом, так кричала будущая теща Аркашки. Видимо, этим она снимала с себя стресс и скопившийся лишний груз.

Сузились глаза у дяди Володи, сверкнули недобрый светом:

- Ту нам подсунули-то? - насмешливо крикнул он. Хрюкнул по привычке, запустил руку в карман старомодного черного шерстяного пиджака, достал расческу, подул на неё, волосы на голове пригладил, с иронией добавил: - Хитрая баба пока с печи слезает, мужика семь раз омманет. Верно, сватья?

Заметно было, что в иронии его проглядывал едкий сарказм. Хотелось ему невесту поддеть побольнее, унизить, но преподать это так, будто поддерживает её, на ум наставляет.

- Ой, сват, и ловок же ты! - захвалила дядю Володю будущая теща Аркашки. - И Аркадия вашего Порfirьевича уж не похаешь, голова-ан! Ягодка! У нас восемь месяцев живёт, словом не наднёс худым. А до чего к парнишке льёт, уж так льёт, не оторвать.

То правду сказала: словом худым не наднёс, он, как Алешка Попович, напуском вдовью твердыню взял. Когда в каталажку за мелкое хулиганство упрятали, прямо и решительно заявил на свидании:

- Бабы, выкупайте. Нары светят.

Выкупили. Занимали по всей деревне, кто десятку дал, кто две. Скупо давали, догадывались, что долг не вернётся. Откуда ему вернуться, если домовик сорит чужими деньгами направо и налево. Его уж в деревне барином звать начали.

Через месяц рулит себе на тракторе, бежит к нему парень, весь в грязи, очень нетерпеливый.

- Аркаша, друг, мать умирает, вытащи машину!

Посмотрел Аркашка в ту сторону, в какую парень рукой показывает: метрах в трехстах зарылся молоковоз у перемычки - говорит, прикинув в уме:

- Две сотни.

- Да ты!.. Мать умирает!

- Умирает, не умирает, а платить надо.

Рассвирепел парень, хочет Аркашку из кабины выдернуть, а Аркашка передачу включил и отъезжает. Парень бежит за трактором, умоляет. Согласился вытащить застрявшую машину, но еще раз повторил, что две с половиной сотни он хочет получить «не отходя от кассы». Обманул, прохвост! Аркашка буксирующий трос не спешит отцеплять, ждёт, когда парень в кошелек заглянет, а парень трос

скинул - и по газам. Вечером, правда, приехал к Аркашке, три сотни в лицо кинул.

- Подавись! Ещё свойя будешь... Много в вашей деревне таких, мешком пыльным из-за угла хлопнутых?

Повело Аркашку от таких слов, ноздри раздул, хрюкнул в половину силы, но скандалить не стал.

Все под Богом ходим; недели через три Аркашка не угодил на мост и кувыркнулся в реку. Побрёл в темноте трактор искать - днем у нас «на дядю пашут», ночами «жилы рвут на себя», привела нужда к тому парню, который умолял вытащить машину с умирающей матерью. Парень условие поставил: две тысячи и деньги вперёд! Ты, мол, на газопроводе совковой лопатой тысячи грёб, гони, и баста! Аркашка застращался, туда-сюда, парень ни в какую: две тысячи и сразу! Побежал Аркашка к своей будущей теще и своей будущей жене: бабы, выручайте! Рассветает, весь колхоз собирается смотреть, как домовик Аркадий Ухватов вверх пузом лежит под мостом. Выручили: на злу голову дочке муж надо, пришлое поискать у деда под периной. Дед - жмот еще тот, всё на свои похороны копит. Трос буксирный на крюк надели, парень учетный лист достаёт, мол, распишись, что я три часа твой трактор из реки добывал. Ох, и матерился Аркашка! А парень приговаривал, садясь в кабину своего трактора:

- Мы тебя выучим, барин-домовик, бороздой ходить!

Аркашка осерчал. Было задето его самолюбие, задет род Ухватовых! И пошел перед будущей тещей да будущей женой икру метать: у нас в деревне Ухватовых бы словом не наднесли худым, у нас к Ухватовым с почтением, у нас Ухватовы в президиуме на собраниях сидят. К кормёжке претензии: «Мама наварит супу с мясом - ложка стоит, а тут... ополоски какие-то, суп из кошачьего хвоста». Ещё обвинил приютивших его женщин в издевательстве: «Да у нас на газопроводе! Знаете, что за оскорбление личности на газопроводе зеки делают?» Увы, не знали женщины про газопровод и знать не желали. Они были твердо уверены, что на стройке газопровода работают самые отъявленные бандиты. Была у Аркашки зазноба, познакомились в автобусе, когда «рвал когти» с газопровода, санитарка больницы Нина. Хохотушка, всего раз замуж выходила и то не надолго. Аркашке порядком надоели будущая жена и будущая теща с их безропотностью, он их обеих свалил в общее понятие «слезливые тряпки», ему захотелось приключений на стороне. Надел он кепку, сапоги офицерские подмышку - стояла жара, дорога пылила, плюнул под порог - и к санитарке в соседнюю деревню. Ночь была светлая. Под самым горизонтом разгоралась акварельно-нежный рассвет. Наплыvalа ленивая туча, будто темной кистью смешивая краски ночи. Аркашка чувствовал себя одним среди молчаливой, словно притаившейся деревни. Крадучись, шел от одного дома к другому. Вдруг перед ним вырисовалась маленькая человеческая фигура. Она вглядывается в Аркашку и тихонько свистит каким-то особенным свистом. От неожиданности Аркашка снопом упал, ровно заяц настораживается, а человеческая фигура идет к нему, замирает и говорит: «Уходи от нас!» Аркашку страх бьёт, но набирается смелости, вскакивает, бросается вперед, хватает... Тыфу ты! Теленок с веревкой на шее лежит себе посреди улицы. «Надо же, до чего смиренный? - удивляется Аркашка, - такого смиренного однажды швырнут в кузов - и поминай как звали. Ишь, ведьмы слезливые, до помешательства меня довели». Облегченно вздохнул и, настынивая, бодро пошел своей дорогой.

Неделю живёт у санитарки, съят, пьян и нос в табаке. Тут налетели будущая жена да будущая теща: «Ты, блудница, у нас хозяина уводить?! Да мы тебя!» Отбили Аркашку у захватчицы, сапоги офицерские, уже дёгтем сдобренные санитаркой Ниной, как вещественное доказательство из кладовки забрали, а дома мать с дочерью едва не задушили одна другую. Мать визжала: «Не насучилась ещё? Опять зачесалась ладанка?!», а дочь орала: «Да попла ты!.. Очень далеко мать отослала, дальше тех мест, где Макар до колхозов пас коз. Запаслись адреналином, наревелись мать с дочкой, но постояльцу претензий не высказали. Внучка сорвала злость на старике: «Ещё ты только гунь - с курами жить станешь! Козёл вонькой, ишь муди взял от Никиты Хрущева костылем стучать, не на колхозном собрании! Вот раньше да вот при Сталине...»

Свадьбу вела первокурсница пединститута Вера Цыганова. Молодая, неопытная. У неё в руках большая книга, в книге много чего написано, да как советы бывальных мудрецов в нужное русло направить? Книгу самых свежих анекдотов толщиной в вершок перед свадьбой листала, думала пустить смех по столам, коль случай подвернётся. Она игру предлагает, а молодежь из своего угла шумит:

- Ухват! Банкуй! Уснул там, что ли?

- Мам... и маша! В рот-те дышло! Пацанам водки!

Вера хочет предложить гостям торговлю: нарезанный торт идёт с аукциона, а женщины отмахиваются:

- Нынче все по-ученому, преж на свадьбу с деньгами не ходили. Раньше ведь народ был простой, песни, пиво домашнее, шутки да прибасульки.

Преж - это каких-то пятнадцать-двадцать лет назад. Учености большой не требуется на нынешних деревенских свадьбах. За столы уселись, огляделись, обнюхались, к кормежке прищенились - и каждый закрыл своей грудью вражеский пулемёт! Кто водку пьёт, кто ушами прядет, кто миску к себе поближе подтянул и знай котлеты да рыжики окучивает. У пьяной головы рот шире церковных ворот; о свои новости язык отрепали, а у соседей новостей короба нераскрытые. Зернышко к зернышку, словечко к словечку - вот тебе и вся родня заводящаяся как раздетая стоит. Шепоток да кивок, курить пошли - все секреты возле крыльца обронили.

Собралась Вера Цыганова с духом, остановила спешащую тещу жениха:

- Что и делать, не знаю.

- А чего, ягодка? Чего не так?

Опустила голову Вера, вздохнула и, немного помолчав, прошептала совершенно упавшим голосом:

- Элементарный водопой!

- Вот греха куча!

И поспешила: кто-то из новой родни бренчал пустой миской.

Обе жены двоюродных братьев Аркашки встревожились, начали тянуть шеи: кто это там с голоду умирает? По всем бы приметам Ленька, старший брат Аркашки, должен быть. Любитель Ленька народ «потешить», может «дроби выколачивать» на чём угодно, от печной заслонки до чужой спины. Увидели «голодавшего» - не наш! - обе облегченно дух перевели: слава Богу, в этот раз без скандалу с праздника воротимся. Живёт Ленька в колонии-поселении шестой год. Порфирий говорил, вроде скоро отпустить сулили. Украл Ленька со свинарника месячного поросенка да в райцентр стащил и толкнул по сходной цене тёще прокурора. Поросенок возьми да умри, зять и почал рогом землю рыть. Вот ведь как бывает!

Стал было Аркашка трепаться про газопровод - невеста нанесла ему удар кулаком ниже пояса. Ловко так врезала, гости подумали, что жених, должно быть, ушибнулся за бороду кого-то из умерших пруссов.

Аркашка Ухватов работал на газопроводе десять месяцев. В феврале сдавали участок длиной в пять километров. Аркашка усердно толкал бульдозером землю в траншею, засыпал трубу. Несколько бригад сварщиков, трактористов, шофера, всякого рода рабочие и техперсонал ждали тот благословенный день, когда комиссия примет участок, а значит, все они получат хорошую премию.

Провели очистку сваренной плети от нежелательного мусора, сделали опресовку водой, ещё раз по трубе прогонили ёрш. Как и должно быть, держит труба в течение семидесяти двух часов давление семьдесят атмосфер. Оставалось последнее:пустить по трубе разработанный отечественными учеными механизм, оснащенный десятками датчиков. По замыслу авторов разработки, каждый шов можно как бы сфотографировать изнутри, мельчайшую раковинку зафиксировать на пленке. Качнули немцам миллион-другой тонн нефти, стоп, фрицы, вот тут-то и тут-то возможен прорыв. Работяги пронюхали: «Луноход» - так движущийся по трубе механизм окрестили на месте, работает на чистейшем питьевом спирте.

Сухощавый молодой ученый-конструктор запросил у мастера троих самых дисциплинированных рабочих следить за показаниями датчиков, оставшихся на воле, за размоткой кабеля. С окончанием стройки участка многие дисциплинированные были отпущены по домам, пришлось мастеруставить Аркашку и двоих работяг из вчерашних ээков на такую ответственную работу. Конструктор подробно объяснял важность эксперимента, зачем и почему применена «кровь дракона» - смола тропических растений, как работает электроника и бортовой компьютер, роль наружных датчиков наблюдения, принцип работы «Вильсона камеры», шевельнул адиабатным расширением и критическим давлением - работяги понимающие кивали головами, отвечали: «Мы же не бараны из Африки». «Луноход» запустили, конструктор ружье на плечо - и в лес, уж очень ему хотелось подстrelить зайчика. Едва конструктор скрылся за деревьями, работяги «луноход» остановили, вытащили обратно, слили спирту литра два и снова отправили сканировать трубу.

Горит костер. Аркашке работяги налили наркомовские граммы, строго-настого наказывают не отходить от датчиков. Аркашке завидно: кто-то у костра сидит, философствует о пользе завоевания немцами Пруссии и вреде грязевых ванн, а он мерзни, пучь глаза на стрелки непонятных приборов. Какой из них индуктивность показывает, какой угол телесный, какой электрическое смещение - пёс его знает! Так, для пущего интересу, немного покрутил, должно быть, из чистого золота желтое колесико в обе стороны - ноль эмоций, ни одна стрелка на приборах не шевельнулась. Легонько кулаком постучал - ага, живые! Прыгают, вражьи души!

Он раз сбежал к костру, да другой посидел с пьяными парнями, может, и вздрогнул за компанию, топает на пост. Смотрит, кабеля нет, пропал кабель, и стрелки приборов упали на «нуль». Он к парням, те спят на еловых лапах, растолкать не мог. «Отсадили кабель! - нехорошо подумал. - Ворьё, зэки, им все до лампочки, а меня в тюрьму упекут!»

Рано утром мастер с ученым налетели. Аркашка заправился вперед остальных, пугливо озираясь, говорит мастеру с намёком:

- С мясом кабель вырван, все приборы вдребезги.

- Сутки! Включая порву! Найти этот проклятый «луномод», или всех! Всех! Все поняли? - заорал мастер.

Мастер был человек угрюмый, молчаливый, у него постоянно болели зубы. Сухощавый учёный сгорбился, переступил с ноги на ногу, сам жалкий, бледный. Как он винил себя за доверчивость, за минутную слабость!

С комической неуклюжестью вытянулись перед грозным мастером в стойке «смирно» пошатывающиеся работяги. Нахмуренное лицо мастера сунулось к одному, потом к другому.

- Вы же в дым косые!

Работяги на Аркашку показывают:

- Этот северный олень на вахте рога шабрил. Пусть идет да и ищет.

- А чё это я-то? - артачился Аркашка.

- Не ты ли нас тевтонами гадскими глушил?

- Кончай базар! Так, орлы, - говорит мастер, усиленно отхаркивая слюну и сплевывая её на снег, - отсчитайте с того конца двести семнадцатый шов. Помнится мне, труба немного деформирована, там и пыж при проходке каждый раз застревал. Вперед!

Выл мороз, грязное болото превратилось в ледяные торосы.

Говорливые, понятливые «орлы» вошли в пассивное состояние: ниточка диаметром сто сорок сантиметров, а длиной двести семнадцать помножить на одиннадцать метров - три километра! Да-а... куплетов не хватит, песню петь про столицу Колымского края, пока на «луномод» наткнёшься. Нестроевым шагом по трубе пойдешь - крюком согнёшься - и вперед! В горушку на коленях поползёшь.

- Аркашка... Выручай, братан! Греби, в тебе моши как в локомобиле. Ну? - насыли на Аркашку мужики. - Ты же у нас всех гадских Фридрихов изучил, эдакую книжицу про пруссаков нам читал...

Зарделся Аркашка ярким румянцем от сыпавшихся на него похвал и благословений и в самодовольном смущении, не зная, как и смотреть на сердитого мастера.

- Фридрихов, скажу я вам, было да сплыло лещий знает и сколько, - поправил не совсем грамотного историка Аркашку. И специально в сторону конструктора погнули голову. - Стратегия и тактика войн. Не пожалуюсь, умом не обижен. Риск, конечно, дело благородное, но риск, - шевелит пальцами, будто кредитки считает, - на кусок не намажешь... Я так прикидываю...

- Ты сначала турбину найди, стратег! -рыкнул мастер на Аркашку. - Где вы, сволочи, водкой расстарались - вот вопрос? Я не пугаю, сами лучше меня знаете: хотите жить - найдете механизму, нет - молитесь Богу.

Потупились тертые «орлы». Ребрами чуют беду: как проклятые работали трактористы, бульдозеристы, экскаваторщики, шоферы, и чтобы из-за них мужикам премию пошипали?

- Аркаша... Друг! В тебе здоровья! Помнишь, в войну только колхозников брали в минометчики? И правильно: ты сравни свою спину и наши, детдомовские? Ты же медведь грызли!

Привезли Аркашку на тракторе к противоположному концу трубы. Над траншеей густой туман. Надел он сапоги-бронди, сказал прощальную фразу: «В случае чего считайте меня коммунистом», - шутливо перекрестился и спустился в траншее. А в траншее лёд да стылые глыбы земли, подо льдом воды по колено.

Трубой брёл метров пятьдесят, назад воротился.

- Темно как у негра в задней кишке... Тяжело.

- «Аркадий, не говори красиво», - просила одна капризная дама, - задребезжал кто-то жестким пьяным смехом. - Смелее, Фридрих! Жаль, опохмелить тебя нечем перед смертью, все легче умирать...

- К-как умирать?

- Уши мыть надо. Слышал мастера? Тебя тут, рядом с трубой, припорошат, а нас в камеру к людоеду Вильсону.

Аркашка шел да шел, и полз, и мать родную вспомнил, и плакал, все швы считал. Сбился, из последних сил в три часа дня вышел из трубы на белый свет - и давай кричать. Его услышали; мастер больными зубами маялся возле костра. Из ракетницы выстрелил: все ко мне!

На всех парах бежит трактор обратно. Аркашке обрадовались, трясут его, по плечам хлопают.

Мастер держится рукой за щеку, измывается над конструктором:

- У этих ученых одни логарифмы в мозгах или что-то еще есть? Это каким надо быть идиотом, извините меня, чтобы ехать в тартарары испытывать такой дорогостоящий аппарат и так по-свински поступить? Какой длины был кабель? Отвечай, зайчатник!

- Пять тысяч пятьсот. Мы рассчитывали...

- Рассчитывали они! - мастер вне себя от бешенства. - Джордано Бруно тоже рассчитывал... Может, этот аппарат к Ухте сейчас подгребает? Неужели не понять было: раз кабелей нет, нет, где турбина? Всех вас, академиков, надо сунуть в эту трубу да выдавать в Иран! Там атомную бомбу рассчитать не могут, помогите. Марш в траншею!

Опять на трактор и к другому концу участка погнали. В этот раз конструктор нарядился в сапоги-бронди, во всей своей хорошей одежде побрел по траншее искать «луноход».

Назавтра мастер выписал Аркашке премию двадцать тысяч рублей. Эти двадцать тысяч он взыскал за нерадивость со своих «орлов».

Работяги прицепились к ученому: правда ли, что русские ученые рассчитывают ракеты и танки на двойной-тройной запас прочности?

- Да раньше вообще не было такого понятия - «запас прочности», - оживился ученый. - Например, Петр Первый так испытывал отлитые в Туле на заводе родного дяди пушки: отобрать велит из партии в пятьдесят стволов пять и стрелять до белого каления, а как раньше времени разорвутся...

Тут ученый замолчал, представил себе петровские строгости, работяги его торопят:

- Конструктора заряжали вместо ядра?

- Дьяка пущечного пороли плетьью?

- Так отдал бы нам весь запас, а? - хитро подмигивают работяги. - Пострадали, так сказать, и вы. и мы за матушку Расею, за прочность...

Получил премию Аркашка Ухватов, долго сидел на кровати в вагончике и улыбался. И надоумил его не иначе как нечистый дух с такими деньжищами подвалить к поварихе. Повариха была стройная, краснощекая, или племянницей мастеру приходилась, или сестрой кому-то из парней второй бригады. Берегли её: муж поварихи погиб на глазах у всех, засосало его болото вместе с трактором. Даже дверку кабины не успел открыть. Повариха Аркашку в свой вагончик пустила, принесла герою еду, села напротив и смотрит.

- И ты пошёл? - приятно улыбается.

- Элементарно, Ватсон, - отвечает Аркашка.

Для пущей важности чуток хрюкнул. Лестно ему, что красавица-недотрога восхищается смелостью и отвагой его. Повариха открытой улыбкой дала понять свое желание слушать любые бредни про что угодно, даже про доктора Ватсона, обнаружив при этом совершенную учтивость, которая отличает лиц с высокими духовными качествами. Следует добавить, что повариха зачитывалась такими любовными романами, где герой для своей возлюбленной готов золотой цепью привязать к земле солнце, чтобы оно день и ночь освещало милое лицо девы, а сердце своё обратить в золотой слиток солнечных лучей. Приятная улыбка поварихи, наоборот, навела Аркашку на мысль, что та маскирует таким образом свои змеиные замыслы. Наслыпался на стройке, как проворно могут женщины крутить жульничать мужьями. Аркашка не особенно уважал в женщинах кротость, по-датливость, для него хорошей бабой могла быть та, которая «даёт сдачи», которая

«бьёт копытом», которую «в ступе не изловить пестом», которая будит ревность и подозрительность, то есть не дозволяет мужику киснуть.

Поел Аркашка, забыл про солидность, сел рядом с поварихой, несвязно, запинаясь на каждом слове, заговорил с болтливостью, свойственной долго молчавшим людям, об одиночестве душ, крепком хозяйстве отца. Не забыл упомянуть, что отец любит «отточить мысль философским» словом «слуша». Женщина внимала, Аркашка утешал себя мыслью, что нежная повариха равно недоступна для него и для всех. Он был плохой агитатор, так и не закончив размыччатое объяснение, с лицом, розовым от обиды за свой суконный язык и родительский приварок «слуша», вдруг положил ладонь на высокую грудь женщины. Погладил, да как ушичили за сосок! Повариха вскрикнула от такой любезности, вскочила, а Аркашка в хохот:

- Испугалась? Га-га-ага, какие мы недотроги пугливые... На! - и отчаянно-небрежно кидает перед ней всю премию. - Покувыркаемся ночку, хватит? Мужики говорят: за деньги не отказываешь. Га-ахха-аа!

Повариха вдруг словно проснулась, с удивлением оглядела Аркашку, глубоко вздохнула, хотела крикнуть и не смогла, выпустив из горла тихий неразборчивый шепот.

Вспыхнуло в голове Аркашки ужасное подозрение.

- А-аа, отравить меня хочешь? - зашептал он запекшимися губами. - Да-а? Отравить да денежки мои умыкнуть?

Повариха одарила Аркашку таким испепеляющим взглядом, что тот вовсе скис. Кажется ему, что вот-вот страшная боль перережет живот, яд в желудке раскусится кустом белены, листья будут драть ему горло...

Повариха ногой распахнула перед ним дверь вагончика и скомандовала как шкодливой собаке:

- Вон!

Пусть «орлы» были вчерашними зэками, но в глубине их сознания жила вечная любовь к женщине, к матери. Крепко уважали свою повариху. Слезы той, которую все оберегали, подействовали на них, как красная тряпка на быка. Что только задело каждого - на святое покусился даже не мелкий фраер, какой-то «неандертальц Фридрих», и этот Фридрих не только оставил их в одних трусах, он еще оболгал всех настоящих мужиков на стройке, пришлось подломить поклоннику тевтонских рыцарей «крыльшки».

- Рви когти, фашистская морда!

Не раз гости выходили из-за столов на свежий воздух. Курили, знакомились, по плечам друг другу уважительно хлопали. Договаривались обязательно ехать с Ухватом в загс и это мероприятие в долгий ящик не откладывать.

- У барина во всех карманах щуршит, разве не поддержим друга верного?

Дядя Володя по малой нужде забрел к навозной куче.

- Да-а, как от правды браться - спину сорвёшь, - говорит себе под нос, похозяйски оглядывая строения. - Пока ломаешь - жить-то некогда. Зря ты, Аркашка, с газопровода выпорол... Тут жизни не хватит всё перекатить...

Видит, в маленько оконце старой избенки старик на него смотрит. Дядя Володя приблизился к самому окну, присел на корточки и кричит:

- Ты кто?

- А ты кто? - кричит из избы старик.

- Я - дядька жениху Аркашке буду!

- Едреник какой! Аршина три али черту до уха?

- Метр восемьдесят семь! В охране самого Косыгина служил!

- Знамо дело, экое дубъё хорошо в стражу берут. А я в Польше в лагере дох, да не сдох, печи не справились всех перетопить. Так со знакомством тебя, сват!

- И ты не кашляй! Тебя как звать-то?

- Козлом воньким! А тебя?

Идёт дядя Володя обратно в избу, покачивается. Спрашивает у молодых парней, гогочущих у крыльца, почему у них в деревне заслуженного вояку так неуважительно «козлом воньким» величают. Слово за слово - и затрещал ворот рубахи на крепкой шее дяди Володи. Рубаха была куплена прошлый год у спекулянтки за сто пятьдесят целковых, материал знатный, только что не парусина. И ребяташки нынче пошли крепкие, сытые, пивком вспоённые, не послевоенная голодная поросль. «Ты кого козлом обзываешь, кабан недорезанный? Мы тебе хрюкалку провентилируем!» Естественно, за базар, тем более за козла, пусть пьяного и отбившегося от стада, надо отвечать: набросали дяде Володе.

Один из молодых парней залетает в избу, прямиком к Аркашке:

- Драку заказывал?

- Да! - бьёт себя кулаком в грудь жених. И невесте. - За всё плачу! Я в районный Дом культуры ходил, всё для тебя, камбала пузатая!

Невеста плюнула в дикое лицо Аркашке, будущая теща подскочила и щеку Аркашки вышиптым полотенцем отирает.

- Што ты, ягодка, где ты эдак выпачкался-то... Поаккуратнее, - назидательно грозит пальцем дочери.

Раскатилась свадьба, будто тарантас с горы. Понесли одуревшие кони-градусы повозку, не унять. Вера Цыганова махнула рукой на здравый смысл и трезвое мышление, выразила гостям свою задушевную благодарность и подалась восьмови-си.

Сидит за столом дядя Володя, хрюкает, кривит рот в левую сторону. Подбородок в крови, щека залеплена клочком районной газеты. Хорошо видно слово «ЛДПР», под заплаткой засохла капелька крови. Двоюродные братья Аркашки удят носами. Один икотой станет давиться, другой ему по горбу кулаком стучит. Их жены довольны: молодцы, отсиделись за столом, а дяде Володе давно надо «вложить ума», уж больно сильно хрюкает. Дома-то хрюкай, нечего по чужой волости свой бредень тащить! Ишь, казак удалой, кровь в нём спирает: невеста, когда забиралась за стол, обронила туфлю, так дядя Володя туфлю схватил и не отдаёт, выкуп просит. «Да ты што-о, - шипят на него бабы Ухватовы, - вон какая пузень-то!» - «А мы такие, наше дело петушиное! Аркашка! Ты смотри у нас! Чтобы парня рожала, нам щелявая посуда без надобности! Га-аа-га! В старину решето леденцов давали, то хрен вам не туфля!»

Ближе к вечеру начал накрапывать дождь. Гости начали расползаться, расходиться, разъезжать, оставались самые выносливые. Невеста, сославшись на головную боль, выбралась из-за стола «молодой» - официальный статус жены потом подтвердит ЗАГС, а «деревенский» сегодня подтвержден. А тёща тёщей сама себя узаконила без ЗАГСа. Она так и сказала Аркашке:

- Ну да, дорогой зятёк, молодая отдыхать, и ты вались. Слушайся тещу.

Прошли с пастбища колхозные коровы.

Один молодой парень с унылыми глазами и сумрачными думами забрел под окошко зимней избушки. Как от стены отпустится, так и упал. Коварный нечистый дух достиг своей цели, своими хитростсплетенными речами отравил слабое и жадное человеческое сердце: не надо ему под копыта шампанское плескать! Сүйт нечистый дух голову человека в навозную кучу: да обратится плоть в тлен! Огненные круги вертят перед замутившимся взором, наполняет уши шумом льющейся в стаканы водки, нечистый дух злорадствует в неистовом бешенстве желания замарать своим клеймом неокрепшую душу человека.

- Хорош гусь! - ворчит в избушке старик. - Ослабла Русь, спилась Рассея, загралась на нефти Россия... Осилали сквозняки западные...

Привела дочь отца-старика из зимней избушки, ешь, говорит, много на столах «жорева». После обильной трапезы на столах остаётся много еды. Справные хозяева остатками скотину кормят, а «беднота» объедки сама подчищает. Вот водки... водки недопитой не остаётся. У справных и у бедных бутылки только что не выжимают.

Без сил плюхнулась на лавку, посидела, потупясь, вздохнула утробно да как ударит обеими руками о столешницу! И завыла, запричитала на высокой сорванной ноте, навзрыд кричит, будто дом сгорел.

Прискочил к бабке её десятилетний внук, оторопело озирается на чавкающего беззубым ртом старого деда в порванной рубахе. Был он босиком, с засученными выше коленей штанышками и в белой рубашке с расстегнутым воротом. Несмело обнял бабку за шею, прижался к ней, целует, слезками давится:

- Мамка гадкая, гадкая!... Прогони Аркашку, прогони...

Старый дед есть перестал, поманил парнишку к себе. Парнишка отпустился от бабки, подошел к нему.

Смотрит старик в чистое детское личико, сухой рукой приглаживает на голове волосенки, и кажется ему, что бежит он полем, - бабка послала снести туесок квасу деду, рано поутру дед ушёл косить наволок - перед ним мир божий во всей красе, во всем сиянии, во всей радости!

- Ничего-о, ничего-о... ужо, дай срок, на крыло поднимешься. Как упрёшься в землю обоими ногами, так и стой насмерть. А это, - уперся бельмом на дверь горницы (молодые отыхать изволят!) точно видит за ней такое, о чём говорить лихо, - пустая мякина. Дай срок - ветер отнесёт.

ИЗ РЕЙСА В РЕЙС

Отлетает бабье лето, только пробудило чью-то душу, растревожило, а уж окликает вздохом прощальным. Изливает природа милость свою, хочется кричать во весь голос, чтоб слышал закатный ржавеющий излом небес: «Господи, великий и милостивый! Прекрасна жизнь, и хочется жить вечно!»

Солнце щедро дарило радость и тихий утренний покой. Расплескало позолоту на оконных рамах, в ослепительном величии дорогого и обожаемого раннего гостя наполняет жилища людей светом, верой в любовь. Легко и прохладно. Над Кубеной-рекой расстилается туман. Он точно живой и дышит, то чуть поднимается и выказывает зеркало воды, то пеленою закрывает камыши. Полусгнивший тын возле старого с подслеповатыми окошками дома старых дев Пушкиных перевит ползучими лозами хмеля. Кругом стояла невозмутимая тишина, какая бывает в преддверии затяжных дождей.

Разбитной директор совхоза Буренной запустил руки в свою густую шевелюру, сердито ищет пальцами что-то за ушами. Директор не в духе, это привычка у него такая - в минуты гнева рвать на себе волосы. У него багровое лицо, он с трудом переводит дух, но видно было, что вся торопливость его происходит не от утомления, а от какого-то волнения, которое он не в силах сдержать.

- Поставлю на место!

Рядом стоял немолодой, но молодого стоящий Антон Пешков, неделю назад переведенный из шоферов в бригадиры комплексной бригады. Антон росту среднего, щеки пыщут пурпурным здоровьем.

- Эти бабы Пушкины зря не плонут, - говорит Антон Пешков. - Что Серафима, что Клавдия - квашни еще те. Хи-итрые, скользкие. Ты думаешь, они нас не видят? Видят. Сговариваются.

Из какой-то неведомой мужикам дыры выбрался на свет петух, с шумом слетел наземь, вытянул увенчанную гребнем голову, откинулся назад, точно бросая соседу вызов, хотел закричать и подавился.

- Кыш! - резко хлопнул в ладони Антон Пешков.

Петух и глазом не повел, наоборот, начал сердито скрести когтями землю.

- Кинется, змей... Стучи, черт бы их!.. - велит директор бригадиры.

Антон Пешков начал стучать в дощатую, веревочками и ленточками увязанную дверь на крыльце.

Минуты через три на коридоре раздался вкрадчивый голосок:

- Кто крещеный?

- Директор, - ответил Антон Пешков.

- Сойди с шального-то места: директор, - голосок стал голосом и притом ехидным. - В таку рань директор кофии пьет.

- Серафима, не признала, что ли? - занервничал Антон Пешков.

- А говоришь, директор! - обрадовался голос. - Иди, иди-и, живем мы тихо, зла никому не даем, иди.

И проскрипела на петлях дверь в избу.

- Курва, - сквозь зубы выругался директор Буренной. - Вот еще курва-то! - начал сам барабанить в дверь.

Опять голосок с коридора:

- Да кто ты, крещеный? Кто привязался-то?

- Клавдия, ты дуру-то не строй! Пешков я, Антон Пешков!

- Господи! Чур нас! Господи! Убивцы нагрянули! - закричала в ужасе невидимая Клавдия. - Вина не держим, и денег нет!

- Открывай, мать твою! - закричал Буренной.

- Матерь божья! Не признали, Николай Самойлович, на Антоху со страху кинуло... счас я, счас... - вроде торопится открывать дверь Клавдия, а сама по стечению шарит руками, переходит с места на место. - Запирка у нас, Николай Самойлович...

На печи под тулупом лежит трактористка Клавдия. Лет семнадцать назад замуж выходила. Ночь в доме мужа провела и сбежала. Того же дня заявление в сельсовет подала, что желает жить под прежней фамилией. «Не далась, бабы, - сказала на деревне. - Ну-ко, говорит, ты теперь и жена моя, и раба моя, обслужи меня». Неправда, не боится Клавдия мужиков. Ловкий да сноровистый механик Пичугин заманил ее на склад, якобы новые запчасти привёз, а сам жамкает и слюни пускает. Клавдия вырываться не вырывается, играет с ним, как кошка с мышью, но и не отдается.

Сестра Серафима одета по-зимнему: на голове толстая шаль с кистями, одна

нога в валенке дырявом, другая босая, на руках рукавицы-шубенки. Стоит в кухне с ухватом, на лице застыла улыбка. Уставилась на директора, любясь им, даже облизывалась как-то, словно какую сладость во рту держала. У директора даже мелькнула мысль, что его нарочно заманивают в расставленный капкан.

Расчет женщин окказался верным. Директор Буренной едва перешагнул порог избы, как нерешительно откашлялся, счел неудобным «ставить Клавдию на место»: житье и впрямь было жалким. Грязь, вонь, духота. Он привык с места в карьер, а тут принял что-то соображать, задумался, думал долго, как будто силясь припомнить, когда он последний раз награждал Клавдию за ударный труд.

- Зябь пахать надо, - наконец сказал вымученным голосом.

Клавдия на печи хихикнула. Серафима переступила босой ногой.

- Пахота какая-то, Николай Самойлович, иззябла, - сказала Клавдия и даже тулуp на самый нос натянула.

- Кормилец, - заголосила Серафима, не выпуская ухваты, повалилась на пол. - Приезжих от электричества освобождаешь, освободи ты на-аас. Поробь-ко с наше, и на копейку оглянешься.

И ползет к директору, имея намерение поцеловать руку.

Суровый директор Буренной поднял Серафиму на ноги, пообещал что-то не разборчиво, решительно пошел вон из избы.

Только закрылась за ним дверь, Клавдия бойко соскочила с печи, сунулась с зажатыми пальцами Антону Пешкову под нос:

- Во тебе, Антоха! Слаба кишка, так его натравил? Ты забыл, что я партийная?

- Дорогу к нам забудь, убивец!

Это Серафима из кухни, туча гроздная, и ухватом о пол стукнула.

На улице директор Буренной обрел свое лицо. Видимо, он злился на себя, потому нарочно смотрел на бригадира гордым, вызывающим взглядом. Но спохваталился, обернулся к избе Пушкиных, как бы найдя оправдание стыдливой слабости, сказал:

- Сегодня же! Сегодня же!

Антон Пешков замер на месте, не понимая, чему именно приписать гнев директора. Он хотел спросить, но в обветшалом тыне, увитом хмелем, будто топот послышался, потом какое-то шлепанье и визг. Из кучи поблеклой травы и крапивы выскоцил грязный поросенок, на нём верхом сидел петух и долбил клювом в спину. Буренный ловко пнул петуха, тот упал с поросенка и унырнул в крапиву.

- Трактор, говорю, сегодня же поставь в гараж!

- Не мое, конечно, дело, но есть чем козырнуть: партийная. Шею в райкоме намылят, - осторожно намекнул Антон Пешков.

- Намылят так мне, не тебе. Действуй!

- Эта Клавдия - еще та шельма. Подхимостит, а потом рот отворит шире ворот...

- Оглох, что ли?!

Единственная деревенская улица, точно в тупик, упирается в старый покосившийся амбар, сворачивает под углом, забирая все влево и влево, до самой реки. - баниями ткнулась. Мимо амбара шел Антон Пешков, повторяя все уличные зигзаги, шел, слегка загребая пыль носками сапог. Перед последним домом справа остановился, глянул в глубь двора. У стены сидела мать Вальки Макарова, уставившись глазами в небо. Сжал Антон Пешков челюсти до хруста, постоял и побрел дальше. Эх, жизнь-борозда! Долг век, да недолго счастье. В истоке ниточки тонюсенькая, царапинка легкая, потом в ширь да в глубь раздалась, силы набралась и побежала! Ни камней, ни промоин, бежит и бежит, не знает, не ведает, что её остановит. Однажды оглянется человек, оглянется и вздохнет: а борозда-то кончилась... Достал папироску, покрутил в пальцах. Сильно сдавил - табак просыпался.

Выруливает к мосту пожарная машина, не дорогой накатанной, там, где подъем круче берёт, рвут мосты из-под себя щебенку.

- Салага, - Антон Пешков бросает папироску.

До машины добежал, под машину глянул - на обоих мостах сидит до рамы. Жалко ему пожарную машину, ведь еще с движка заводская краска не обгорела!

- Ты чего, чучело? - не спросил - прожег демобилизованного весной из армии Кольку Макарова. - Ведь это машина, новая машина!

- Кто едет, тот и правит, - нагло ответил покуривающий долговязый Колька, да ответил не своими словами, Вальки Макарова поговоркой.

Задел лицом Антон Пешков, кулаки сжал, сбычился.

- Не рановато хвост поднимаешь?

- Дядю вспомнил, - отвечает Колька Пичугин.

Стояли, готовые броситься друг на дружку. Сорокасемилетний мужик и двадцатидвухлетний парень в солдатских брюках.

- Дядю вспомнил, - зло сказал Антон Пешков. - Сука еще тот был!

- За мной не заржавеет, - пригрозил парень.

Сорок шесть лет жил Антон Пешков, вроде на хорошем счету у людей был, на сорок седьмом отвернулся от него народ. Вот если бы его в тюрьму засадили - правильно бы, а так задавил мужика и не виновен? Шоферская братия забывала стала, что Пешкова Антона звали «боцманом». Раньше только показался в райцентре, кругом веселые лица, шуточки, наивный юмор, где вместе с детским миросозерцанием и незлобивой шутливостью сливаются и логический ум, и трезвый расчет. Теперь вчерашние дружки неохотно жмут протянутую руку. Расползаются, коренятся нехорошие слухи. Жена не родная стала. В магазине бабы не замечают её, а продавец, вдовая Ленка Макарова, демонстративно отодвигает баб от прилавка: «Успеете, успеете, пускай Настасья Ивановна товар насмотрит». Со слезами кричала на Ленку, что пока жив был мужик, так лучше чем «кроль дохлый» не называла, а теперь так «Валя мой». Ленка вскидывает голову, обнажает в улыбке крупные кривые зубы: «А что, Настасья Ивановна, говорят, на вашего быка прокурор печать поставил свою? Берегите, то обоим нары выхлопочет». Часто пропадает Антон Пешков в своем гараже, видеть никого не хочет. Мечтает бросить все хозяйство, уехать бы куда-нибудь... Сын жениться хотел, а как случилась с отцом беда, свадьба разладилась. Будущая теща намекнула, мол, кровь в вашем роду «спертая».

Лежит Антон Пешков на спине, травинку кусает. Будто парусник одинокий плывет по небу облако. И видит Антон сотни раз виденное: глухая ночь, пустынная зимняя дорога, из-под стоящей на дороге машины выкатывается черный ком и прямо... нога давит педаль тормоза, трещит борт, скрежещет железо... красный снег и Валька... «Суд тебя оправдал, вот люди - люди нет. А если прямо сказать, Антон, скотина еще та был Валька. Вечный горделивый, нахально-насмешливый взгляд, будто нет умом выше его. Завистлив, брехлив, все его недолюбливали и сторонились, так почему же так получилось, что после смерти возлюбили его, в страдальцы занесли? Тот же механик Пичугин потерпел столько насмешек и придирок от Вальки. Постоянно Валька задирался с ним, а нынче Пичугин Вальку в пример приводит: вот все бы так к «железу радели». Радетель, колесо спустило - не сменит, само свалится, легче бортировать. Тащится на диске, лохмотья в разные стороны, а скажи ему, вскинется, губы тонкие сожмет, презрительно скажет: «Кто едет, тот и правит. На Урале железа хватит». Механик Пичугин кипит, а Валька будто крылья распрямляет, с обидой: «Привык, дармоед, на нашей шее ехать. Совхоз не лаптями торгует, едь в снабжение и доставай колесо». С другого боку зайти: Антону бы сейчас быть ниже травы, а его директор в начальство выдвинул, и Антон даже не поотказывался. Это надо понимать как всем вызов? «Дурак, ой, дура-ак. - бранит себя Антон, - погонялом у директора стал. Буреной из молодых да ранний, не промах, заметил, что я машины бояться стал, - Антон сел, стал смотреть из-под руки на реку. - Кино было про летчика, немцы подбили его, он и затрусили. Разве я ловчил на следствии? Все сказал, как было. Да, гнал машину. Да, устал и дремал немного. Да, видел Вальку, даже ведро у него в руке видел. Как последний идиот иду да баф Пушкиных с перин поднимаю!»

Пришел Антон в гараж, обошел свою машину. Семь месяцев стоит. Весной Колька Макаров неделю ходил за директором Буренным - не отдал ему машину директор. Другие мужики директора спрашивали, уж не экспонат ли в музее машина Антона Пешкова будет. В кабину сел, повернул ключ в замке зажигания. Надо же, аккумулятор крутил двигатель! «Нет, ребята, машину я вам не отдаю!»

На станции лежала соль. Груз бы не очень спешный, но груз надежный. Долго ли кинуть тонны четыре...

На заправку вырулил, заправщица отказывается заправлять. Кажи, говорит, путевой лист. Уговорил, заправила. У моста стояла пожарная машина, Кольки Макарова не было. Уж притормозил, имея намерение вытащить машину, да проехал мимо.

У поста ГАИ голосовала седая старуха с двумя чемоданами старинной работы.

Притормаживает и слышит:

- Да сломить бы тебе голова! Да чтоб колеса твои...

Посадил. Старуха рада-радешенька.

- Ой ты, золотой человек! Другой дак лешего два остановитца, а ты - не успела руку поднять. На нутре как ёкнуло: золотой мужик!

- Ты куда чемоданищи такие наторкала? - спрашивает и смеётся про себя.
- Да к дочери. В Ленинград город еду, милок. С Килуухи я, Фёклой звать.
Стал спрашивать Антон про шофера Васю Белого, прыскает со смеху старуха:
- Да он цыгана чернее черного!

Затолкала под себя шаль, уладилась.

- Преж у нас поговаривали: «Расскажи, Тимоха, быль, как упал с клети Горбый». Мужика одного Горбылем кликали: горбатый был. Дак вот, хватил Васю инфаркт, отъездился наш Вася Белый. Пошел он раз на охоту. Видит, на сосне поляш сидит, а под сосной заяц прилег. Которого и стрелять. Стрельнул поляща, тот упал да носиком зайцу в темечко, и заяц жив не бывал. Тащит Вася домой поляша да зайца, одним, бает, выстрелом убил.

Веселая изладилась пассажирка, новостей у неё - слушать не переслушать.

Достала кулек с дешевыми конфетами - Антона угощает.

- А вот интерес у меня такой: бают, в вашей стороне этой зимой мужик мужика заехал. Из-за бабы. Будто баба продавщик работает, а продавцы - бабы пронырливые, не поделили. Правда ли?

- Правда, - говорит Антон Пешков. - Оправдали мужика. Прокурору быка годовалого ночью свел, тот и замазал дело.

- Это надо же? Вот те и неподкупные у нас суды! Конечно, быка сунуть... А правды не сышешь! Нет бы в тюрьму, чтоб другим неповадно было, вывернулся, паразит. Да и бабы-то нынче хороши. Вот сноха у Васи Белого, кошка да и только. До свадьбы с кем только не спала, уж прибрана, уж одета, уж в контору за стол посадил Вася-то - леший ведь сорвал... А слышь, тот мужик-то что нынче поделывает?

- Шоферит. За солью поехал сегодня.

- А-аа. Быка, значит, сунул прокурору... Я вот тоже не от хорошей жизни еду. У моей старшей девки внука есть. Прошлый год свадьбу спровоцировали, сколько денежек у меня было - отдала. В фатере теснотища, а мужик-то у внуки этот... который уколы делает...

- Врач?

- Нет, обратно врачу получается, который гол как сокол, шальным живёт. И зовет меня девка с дитем поводиться, вот и еду. Дикий вы народ, мужики. Неотесанный. Своим умом прикину - перемахнулись, по стакану выпили, помирились, а бабы - злое семя. Много-го зла от них исходит, хотя и польза от них бывает. Вот та продавщица мужиков рассорила, а ведь и не жалеет поди. Коль свой люб был, прикачнулась бы к другому? Нет, милок, непутящий свой был. Мы ведь желаемое выдаем за настоящее, а копни нас - ведьма в каждой спряталась.

- Я этот мужик.

У старухи выскользнула изо рта конфета.

- Врака. Фу, не пугай боле... Стал бы сам на себя наговаривать... Вот и Вася Белый такой же баламут. Все вы, милок, шофера.

- Не люди, что ли?

- Люди-то люди... Шофера.

Летят навстречу березы. Знакомые повороты, дорожные указатели.

Сигналит встречная машина, номерные знаки Петя Малинина. Шофер поднял руку. Не слышит Антон Пешков, догадывается, что кричит хороший знакомый Петя Малинин: «Привет, боцман!» И чувство признательности схватило грудь, и разлилась теплота по всему телу. Казалось, будто все мелочи, что стоят между людьми крепкими перегородками, исчезли сами собой. Это было не праздное приветствие - это Петя Малинин обнажил сердце и достал из него дорогое слово. Знал старый друг, что Антон изнывает от потребности в добром взгляде, в добром слове.

- Ты не спи, мать, не спи! Что там еще говорят?

ЕСТЬ В ТОТЬМЕ ТАКОЙ ЧЕЛОВЕК

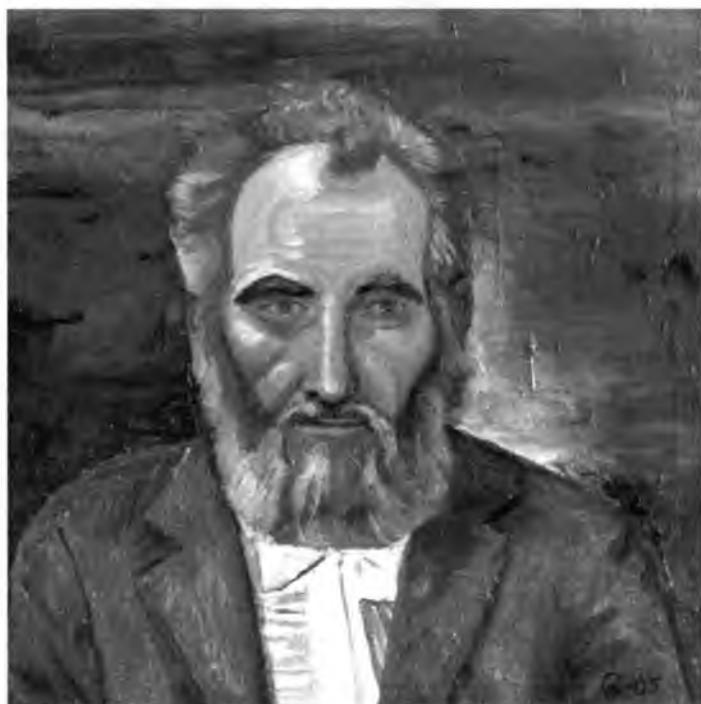
О творчестве художника Николая САЖИНА

Творчество Николая Сажина многие годы волнует зрителей. В его живописи - любовь к тихим поэтическим уголкам родной земли, трепетные интонации чудного северного пейзажа, что наполняли творчество художников начала XX века Феодосия Вахрушова и Анны Каринской.

Родился Николай 10 июля 1936 года в деревне Фоминской Тотемского района Вологодской области. Его детские годы пришлись на трудную послевоенную пору. Ему хотелось запечатлеть красоту неброской северной природы, навсегда сохранить ее в своем сердце. И хоть с раннего детства его тянуло к рисованию и не покидала мечта стать художником, ему пришлось пройти сложный путь, прежде чем он смог освободиться для творчества.

«В те годы некогда было думать об увлечении, - вспоминает художник. - Работал в колхозе учетчиком, разносил почту. Потом уехал на целину. Заглянул там однажды в художественную мастерскую: хотелось посмотреть, как и над чем работают художники. Свои рисунки показал. Посоветовали заняться рисованием всерьез. Воспрянул духом и впервые взял в руки кисть. Живопись привлекла».

Николай Прокопьевич сменил много профессий. Немало времени понадобилось ему, чтобы подняться до уровня самостоятельной работы в искусстве. Большую роль в этом сыграла учеба в Московском заочном народном университете искусств имени

АВТОПОРТРЕТ. 2005. Холст, масло

Н.К. Крупской и, конечно, неоднократные поездки на пленэр, работа рядом с профессионалами. Запомнилось общение с коллегами на творческих дачах Союза художников «Старая Ладога» и «Горячий Ключ».

С 1972 года работы Сажина выставляются на показах самодеятельных художников. За одну из первых живописных работ «Лесоруб» (1972), портрет молодого парня, которая экспонировалась на Всероссийском смотре сельской художественной самодеятельности, художник был удостоен звания лауреата и награжден

СОНДУГСКОЕ ОЗЕРО. 1996. Холст, масло

дипломом второй степени. Потом были «Настасья» (1975), исполненный с теплотой портрет старой крестьянки-труженицы, и картина праздничного труда деревни «Пора сенокосная» (1975), которые также были отмечены дипломами в Москве.

Спустя несколько лет художник вновь возвращается к образу старушки-колхозницы и пишет портрет своей бабушки («Наталья», 1981), где стремится передать характер женщины-северянки. Доброе, морщинистое лицо, крепко сжатый рот, слегка прищуренные глаза, чувствуется, прожита большая и трудная жизнь. За внешней простотой образа скрывается высокая духовность русской крестьянки, щедрость ее сердца, печаль и сила характера.

В 1980 году в Тотемском краевед-

ческом музее состоялась первая персональная выставка Сажина. Наряду с пейзажами на выставке было представлено и несколько живописных портретов. На них изображены реальные люди, хорошо знакомые художнику, прожившие долгую жизнь в деревне и отдавшие свой труд земле. Таковы наполненные добротой и мудростью портреты старых колхозников «Аристарх» (1976) и «Старожил» (1980), ставшие прообразом картины «Сондужские старики», исполненной позднее, в 1984 году.

В ранних и далеко еще не совершенных произведениях Сажин изображает свои корни, природу отчего края, людей своей деревни. Каждый человек на его полотнах конкретен, достаточно индивидуален и выразителен. К примеру, ближайший друг

Сажина, художник Н.В. Казаринов («Лесоруб»), или старый колхозник из Сондуги Н.А. Цибин («Старожил»). И, может быть, потому эти картины ему особенно дороги. Портреты, выполненные Николаем Сажиным, различны по своему живописному и образному решению. Но общее для всех работ - натурная естественность и психологическая характеристика.

Живопись Николая Сажина почти сразу была замечена художниками и зрителями на областных выставках самодеятельных художников. Большую роль в этом сыграл профессиональный взгляд Николая Константиновича Воздвиженского - художника-методиста областного Дома народного творчества (ныне ОНМЦ). Он представлял картины Сажина на областных и республиканских выставках, поддержал его и вывел на творческий путь. Собственно, в 1970-е годы в Тотьме сложилась группа художников-непрофессионалов, среди которых успешно выступали Георгий Попов и Станислав Зайцев. Они работали интересно и, несомненно, могли влиять на живопись Сажина. Несмотря на это, он сумел сохранить свою авторскую манеру.

В 1968 году Сажин с семьей переезжает в Тотьму и в 1970 году начинает работать в художественно-оформительской мастерской, в создание которой вложил немало своих душевых сил, энергии и знаний. Благодаря ему в творчески сплоченном коллективе художников, среди которых были нынешний директор Петров-

ПОРТРЕТ ЖЕНЫ. 2005. Холст, масло

ской ремесленной школы Н.В. Казаринов, В.П.Хворост, Н.П. Упадышев и молодой, ныне известный живописец Александр Пестерев, у многих появилась возможность расти и развиваться. Затем к работе оформителя привлеклась и общественная деятельность. Сажин возглавил городской клуб самодеятельных художников и мастеров декоративно-прикладного искусства «Тотьма», организованный в начале 1980-х годов при местном краеведческом музее. Основной творческий костяк клуба составили его коллеги по художественной мастерской. Приходилось много заниматься народным искусством, самому ездить по деревням и выискивать самобытных умельцев. Дело необходимое, но сложное. Сложно было с перевозкой и монтажом выставок, трудно с крас-

ками и другими материалами. Но художник говорил себе и товарищам: «Ничего, ничего. Все хорошо будет...», - и работал. Работал творчески.

Почти сразу после открытия клуба была организована районная передвижная выставка картин, за ней последовал ряд выставок, экспонированных как в нашей области, так и в Москве.

Постепенно расширяется жанровый диапазон мастера. Он работает в пейзаже, натюрморте, обращается к бытовому жанру. Творчество этого периода отличают повествовательность сюжетов, сдержанность колорита, эмоциональный настрой. Изображенная им природа тиха и самоуглубленна. Отказываясь от цветовых эффектов и пользуясь подчеркнуто скромной палитрой, художник достигает порой впечатления возвышенного и трогательного. Характер интонаций его пейзажей таков, что воспринимаются они в большинстве своем как нечто сугубо личное, лирическое, наполненное звучащим миром окружающей природы.

Пейзажи «Проталины», «Золотой вечер», «Деревня Семеновская», «Пришла весна», «Липа в Кузнецово» и другие волнуют зрителя, ведь это - давно знакомые и полюбившиеся уголки тотемской земли. Всё это - родные края. Всё мило, всё сердцу дорого. Живописцу впервые удается подойти к решению одной из основных задач изобразительного творчества - передать образ эмоционального состояния природы.

Все чаще внимание художника привлекают скромные мотивы жизни природы. Например, в пейзаже «Избушка первой учительницы» (1981) перед нами предстает маленький домик, «ветхая сараюшка» с покосившейся крышей.

Обращаясь к образу избы, Сажин пытается представить обстановку скромного крестьянского быта («Кухня», 1997; «В заброшенном доме», 2001). В его живописных произведениях дом предстает как неотъемлемая часть жизни и судьбы человека. Стা-

рый покосившийся сруб, когда-то в нем кипела жизнь... Теперь - оставленный, покинутый, он отстраненно взирает на мир пустыми окнами. А если и теплится в нем жизнь, то уже не та, что раньше («Дом Кускова», 1986; «Памятник погившему дому», 1991).

Зрительная память, наблюдательность, никогда не умирающее любопытство - эти черты особенно свойственны Сажину как художнику. Чувствуется его умение подметить в родной природе всё неповторимое, новое. Так появилась серия произведений под названием «Деревья». В ней с любовью и грустью художник через пластику формы, фактуру стволов задает ритмическую линию всему изображению («Старые ивы», «Ива», «Дупло», 1995).

Особая тема в творчестве Н.П. Сажина - разрушение и гибель деревень. В цикле «Заброшенная деревня» выражена боль не за одну погибшую деревню, от которой только и осталось, что гниющий сруб, столбы, линии электропередачи, уходящие в никуда, а за всю уходящую народную культуру. Потому и звучит в его полотнах трагическая нота («Забытая деревня», 1988; «Здесь была деревня», 1992). Та же интонация в пейзаже «Все уехали» (1993). Жильцы дома, возможно, были вынуждены покинуть его, а дом остался сиротой. Открытые покосившиеся входные ворота, развалившийся забор, покосившиеся доски сарая - удручающая картина. И даже сама природа: ветер, дождь, снег - усиливает впечатление... Работы этой серии стали своего рода данью автора деревне за ее слезы и тяжкий труд, за ее горькое одиночество.

Художник очень любит деревню. Это естественно, так как он родился и вырос в сельской местности. Вместе с деревней переживал все перемены и в 1990-х годах вновь возвратился на село. Теперь - чтобы творить! Сондуга - медвежий угол в Тотемском районе, эта деревня стала одной из самых ярких страниц в искусстве Сажина. Семья Сажиных долго жила в деревне Никитинской, в простонаро-

дье - Конец. Дорога здесь заканчивается, и далее тянется на десятки километров сплошной лес да болота. Это особый, удивительный мир. Зимой дороги заносит, и деревня становится отрезанной от всего мира. А в 1940-е годы здесь было много людно, были и школа, и медпункт, и клуб.

Теперь главной темой многих его произведений становится бескрайние просторы («Сондужские дали», 2003), холмы и поля, рассеченные перелесками и проселками, деревеньки на взгорках («Сондужский пейзаж», 2003), старый храм на горе («Церковь Константина и Елены в Сондуге», 1997). Да еще река Сондуга и озеро Сондужское, малообжитое, нелюдимое, а оттого таинственное и загадочное («Сондужское озеро», 1996; «Река Сондуга», 2005).

Художник любуется родной природой, она - источник его вдохновения. Щедрость земли передана в натюрмортах «Красная рябина» (1998), «Маки» (1997), «Белые грибы» (2002). Простой мотив в пейзажах «Сосна у Никольска» (2004), «Стог сена» (1995), «Дождливый день» (1995) приобретает высокое поэтическое звучание. Сдержанно и мягко передает он свое настроение в пейзажах «Ярославиха» (2002), «Деревня Верещагино» (2004), светло и торжественно изображает некогда грандиозный архитектурный ансамбль «Спасо-Суморин монастырь» (2002), с грустью смотрит на разрушающийся храм «Купол Христорождественской церкви в Сондуге» (2004).

СТАРЫЕ ИВЫ. 1995. Холст, масло

Живопись Николая Сажина наполнена сердечностью и обаянием личности мастера, в большинстве его полотен чувствуется мажорное настроение. Мир, окружающий художника, - изменчивый: то дышащий покоем и уютом, то тревожный и волнующий, но всегда глубоко и лично переживаемый. Характерная особенность дара Сажина - задушевность, а не броскость; скромными средствами ему удается передать всю красоту и прелест северного русского пейзажа.

Художников-единомышленников Сажин нашёл в областном творческо-выставочном объединении «Радуга», инициатором создания которого в 1995 году выступил художник Юрий Коробов при поддержке известных вологодских мастеров Георгия Калинина, Генриха Асафова, Виктора Седова, Николая Мишусты и других.

Сажин - постоянный участник выездных пленэрлов Союза художников в городах и районах области, активный экспонент всех выставок объеди-

нения «Радуга» на Вологодчине и за ее пределами.

В своем творчестве Сажин не ограничивается изображением природы, он постоянно обращается к образу родного города, пишет Тотьму и ее окрестности и в ранние летние часы («Утро над Тотьмой», 2002), и в дни золотого листопада («Осень», 2003).

«Всё больше хочется писать Тотьму, её старину, прекрасные соборы, деревню, природу. Старые здания и постройки с их интересной архитектурой исчезают, на смену им идут типовые каменные коробки. А на полотнах неповторимая прелесть деревянного города сохранится для потомков», - говорит художник.

Тотьме посвящена серия работ под названием «Наш город», созданная в 1986-1987 годах, где опять-таки внимание автора нацелено на изображение состояния природы на фоне городского ландшафта. Художника привлекают панорамные виды и живописные уголки этого стариинного, самобытного городка.

Лирические интонации, звучащие в произведениях Сажина, во многом сродни поэзии Николая Рубцова. Их соединила тотемская земля, на которой Сажин родился и о которой про никновенно писал Николай Рубцов: «тихая моя родина», «край лесов и болот». У них много общего, начиная с имени: военное детство, сиротство, любовь к творчеству и родной земле.

Рубцовские мотивы в пейзажном творчестве Сажина в первую очередь связаны с Тотьмой и её окрестностями, в частности, - со Спасо-Сумориным монастырем, на территории которого располагался лесотехнический техникум, где Рубцов учился: там и дорога, по которой ходил поэт, поэтому одно из произведений художника так и называется «Рубцовская тропинка» (2005). Художник создает образ тотемской земли, как бы увиденной глазами поэта: «Деревня Никола», «Толши ма», «Предтеча». Ряд произведений, выполненных на летнем пленэре 2005 года в Тотьме, также посвящен памяти Н.М. Рубцова.

Нельзя не отметить, что с каждым

годом растет мастерство художника. Поражают его целеустремленность, большое трудолюбие и неустанный работы над собой. Залог успеха художника - глубокая убежденность в необходимости своего труда, неуспокоенность, требовательность к себе. Сегодня Сажин - маститый художник, профессиональный живописец, член Союза художников России; достиг он этого упорством в работе. Александр Васильевич Пантелеев выделял его среди других художников-любителей, Владимир Николаевич Корбаков не раз ободрял Сажина, с теплотой отзывааясь о его творчестве: «Он пришел из гуши народа, из самодеятельности. Но овладел искусством художника профессионально, достиг высоких результатов. Тому способствовали, конечно, сама по себе живописная тотемская земля, помочь других художников и, безусловно, врожденный талант». Все это в конце концов и помогло ему стать полноправным членом большого интересного творческого коллектива художников-вологжан.

Сажин - человек сдержаненный и немногословный, но за внешней замкнутостью спрятаны необычайная доброта и искренность. За это его любят все, кто знает. Он не перестает удивлять и радовать тотьмичей новыми работами. Каждая его выставка отражает очередной творческий этап жизненной биографии художника. В августе 2005 года в Тотемском музейном объединении состоялась персональная выставка Николая Сажина - «Дар любимому городу», посвященная 90-летию создания музея. По окончании выставки художник подарил Тотемскому музеюному объединению семьдесят одно живописное полотно. Более ста картин Н.П. Сажина хранится в фондах музея, сотрудники которого имеют возможность экспонировать его произведения, популяризировать творчество художника.

Среди произведений, созданных за последние годы, особенно выделяется «Портрет жены» (2005). Те, кто знаком с Анфией Ивановной Сажиной, отмечают схожесть характеров супру-

гов, их доброту и гостеприимство. «Моя хозяйка» - так с любовью величает ее художник. Простая женщина, а какой свет от нее идет, какая мудрость жизни! Она наделена поэтическим даром, и, возможно, если бы судьба её сложилась несколько иначе, во многом могла бы преуспеть. Природная мудрость позволила ей разглядеть талант мужа, и она сделала всё, лишь бы он учился. На портрете Анфия Ивановна изображена у себя дома, за столом, с чашкой горячего чая, с пирогами, в ярком цветастом платье. Образ хозяйки, музы художника, получился очень выразительным. Смотришь на портрет и вспоминаешь слова, сказанные ею однажды: «Я иногда стихи пишу. Так просто, для себя только. Вспомнится что-то дорогое, вроде бы забытое, далекое. Всматрюсь в ту даль, и сочиняется...»

Интересен по композиции автопортрет, выполненный художником в 2000 году. Автор изобразил себя

стоящим на фоне расписанного поставца с пышными розанами. Необычный ракурс создает впечатление, что от портрета веет стариной и самобытностью. «Автопортрет» 2005 года прост по композиции, сдержан по колориту. Образ художника более аскетичный, близок к психологическому портрету, хотя и не лишен декоративности.

Прямо скажем, далеко не все произведения Сажина удачны и одинаково высоки по своим достоинствам. Но всё же большинство его работ богато живыми наблюдениями и отличается искренним, взволнованным чувством. Есть в них особое, яркое видение мира. Он болеет за судьбу своей земли, воспевает родной тотемский край. И счастье для его земляков, что есть в Тотьме такой человек, который запечатлевает красоту этого старинного русского города!

Марианна МУРАШЕВА

БЕРЕЗЫ. 1996. Холст, масло

2 июня исполнилось 70 лет со дня рождения известного вологодского писателя Василия Александровича Оботурова.

К сожалению, он не дожил до своего юбилея, скончался 27 апреля. Светлой памяти В.А. Оботурова посвящается эта публикация.

ВАСИЛИЙ ОБОТУРОВ

ПО ОГНЕННОМУ ЗНАКУ

Фронтовая эпопея Сергея Орлова

1.

- Говорит Москва! Говорит Москва...

В тот день, 22 июня 1941 года, столица сообщила скорбную весть о внезапном нападении фашистской Германии.

Полнозвучный бас Левитана прогремел сразу на всю необъятную страну, взвывая к долгу и мужеству ее граждан. Потянулись непривычные очереди - в военкоматы. В них стояли бы valые солдаты и безусые юнцы. Стояли, чтобы вскоре надеть походные щинели, погрузиться в вагоны и - в пекло, навстречу грозной опасности. И, объединяя их порыв, звучала суровая и мужественная песня, родившаяся тогда же, в самые первые дни войны:

*Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой
С фашистской силой темною,
С проклятою ордой.*

Сразу осознанная как освободительная и Отечественная, война подняла на защиту Родины. Нужно ли говорить, что сразу всей своей тяжестью война легла прежде всего на плечи двадцатилетних.

Родившиеся вскоре после гражданской войны, совсем молодые люди, они были свидетелями коренного пе-

релома в истории - ими начиналось новое общество в его первом поколении, не знавшем угнетения и эксплуатации. Они чувствовали себя необходимыми в новом мире и потому обладали азартной активностью. Весь жаркий пыл молодости они были готовы обратить и на благо строительства невиданного общества, и на охрану созидающего мирного труда.

«Юноши военного призыва тех лет психологически были готовы к смертельной схватке с фашизмом». Они ощущали свою судьбу сознательно. Для них «идеалы юности отцов, совершивших революцию, нисколько не померкли после того, как на их долю выпали сурьёзные испытания»¹.

Еще только вступающие в жизнь, доверчиво открытые навстречу добру, любви и свету, не познавшие радостей приобщения к созидающему труду старших, вчерашние школьники шагнули на передовую, не зная сомнений. Они пошли навстречу смерти, понимая опасность, которая им грозила, сознавая святую цель, ради которой надо рисковать жизнью.

Движения души, владевшие всеми помыслами молодых фронтовиков, были не рефлексивными, но деятельными. Они видели сожженные села и разрушенные города, познали горечь отступления и боль за поруганных. Мстить врагу всеми силами и сверх

¹ ОРЛОВ С. Наедине с тобою. М., Современник, 1978, стр. 104-105.

сил - другого выбора для них и быть не могло. Как бы трудно ни давалась главная цель, они последовательно бились за нее.

Подняться в атаку и пережить напряженную схватку с врагом стоит немалых душевных и физических сил, и таких моментов немало на счету у любого солдата. А длительные труды да рытье окопов и возведение оборонительных сооружений под огнем и бомбёжкой врага, а похороны павших друзей-однополчан... Такова обыденность солдатского существования возле самой смерти, на переднем крае, - из дня в день, из года в год.

Ежедневный изнурительный труд и преодоление страха смерти - во имя жизни, так необходимой родине и близким, - ведь только живой солдат способен принести избавление от нашествия фашистской нечиисти. Заметим, противоречие жизни и смерти - видимое, хотя это и не снимает трагического смысла войны. А за видимым противоречием - такое реальное свойство целого поколения молодых защитников родины, как нравственная цельность.

Говоря о героях своего романа «Молодая гвардия», Александр Фадеев отмечал как самое главное: «В характере этих юношей и девушек, в большинстве своем отдавших жизнь за Родину, меня вдохновила та необыкновенная духовная цельность и моральная чистота, которые могут быть свойственны только людям, облагороженным подлинно великой идеей»¹. Таково было целое поколение воюющего народа, и таким запечатлели его в поэзии молодые поэты-фронтовики.

«Сороковые-фронтовые» оставили неизгладимый след в истории нашего Отечества, в каждой судьбе. А что касается судеб поэтических, тут мы видим формирование множества поэтов. «Было бы неверным сказать, - справедливо писал Михаил Дудин, - что Великая Отечественная война дала нашей поэзии блестательную

плеяду ровесников Сергея Орлова, таких как Сергей Наровчатов, Семен Гудзенко, Георгий Суворов, Александр Межиров, Мустай Карим, Кайсын Кулиев, Михаил Луконин. Нет, они стали поэтами вопреки войне...»². В боевой обстановке ничем не выделенные из среды своих однополчан, они тогда были известны в узком кругу фронтового братства, слава пришла к ним позднее.

Оставив детство и юность за мирным порогом, по словам их сверстника Юрия Бондарева, «мальчики эти, не имея опыта жизненного, за четыре года накопили до предела, до перенасыщенности опыт душевный»³. Их формирование началось в суровых фронтовых условиях, когда «проклятая война и души и тела топтала» (А. Межиров). Тогда-то «вопреки войне» и определился строй гражданской лиры молодых поэтов-фронтовиков. Их различия свидетельствуют о неистощимой талантливости нашего народа, но и сходство их - разительно.

Исход любой войны, как известно, зависит от ответственности целого поколения сражающегося народа, а жизнь в поэзии, казалось бы, - дело индивидуальной совести писателя. Но и в литературу молодые писатели, вернувшись с переднего края, привнесли чувство коллективной ответственности. Не потому ли, когда говорят о поколениях в искусстве, - о любом другом, кроме фронтового, - это выглядит натяжкой?.. Только они, писатели-солдаты, целым поколением воевали на фронте и, сохранив единство, вошли в литературу, по праву занимая сейчас главные позиции.

С точки зрения будущего историка, как представляет себе Юрий Бондарев, нелегко будет понять определение «писатели-солдаты», заключающее в себе взаимоисключающие, казалось бы, критерии. Сам фронтовик и большой писатель, видя в этом «противоречии» единство, скрепленное

¹ ФАДЕЕВ А. За тридцать лет. М., Сов. писатель, 1957, стр. 322.

² ДУДИН М. Цикламены на цоколе. М., Сов. Россия, 1967, стр. 64-65.

³ БОНДАРЕВ Ю. Поиск истины. М., Современник, 1976, стр. 152.

гуманизмом высшей пробы, он пишет:

«Неужели эти люди самой мирной профессии, которая всегда вызывает представление о постоянной тишине, книжных шкафах, письменном столе, безмятежно мирном свете настольной лампы, не гаснущей за полночь, эти люди, как один, с решимостью стали солдатами? И неужели пальцы их, привыкшие с любовью держать книгу, в начале сороковых годов XX века с ненавистью сжимали пулеметные гашетки, твердую ложку автомата, обгрызенный карандаш над потертым, обмытым дождями и темным от окопной грязи блокнотом?..

Да, эти люди, сама духовная сущность которых - мечтать, думать о счастье людей, делать их лучше, чище, благороднее, защищали это счастье, убивая смерть во имя жизни.

Многие из них не вернулись после мая 1945 года...»¹.

Не вернулись многие, а для тех, кто остался жив, война стала и вехой, и мерой народного подвига и в чем-то очень существенном определила само поэтическое зрение. «- Я все вижу через блокаду, у меня другого видения, наверное, и не может быть...»² - говорил Михаил Дудин в одном из своих интервью. Нет, не случайны и слова Сергея Орлова, сказанные еще в конце войны: «Я, может быть, какой-нибудь эпитет - и тот нашел в воронке под огнем».

«Общность жизненного опыта отнюдь не стерла своеобразие художественной наблюдательности каждого из поэтов», - писал П. Выходцев. По словам исследователя, поэты-фронтовики «стремились не только показать пути формирования молодого героя в жестоких испытаниях, но и передать в чертах людей своего поколения коренные качества советского человека»³. На этом пути они достигли и зна-

чительных достижений, и выразительного многообразия.

Стихи, «добытые» на войне молодыми поэтами-фронтовиками в ратном труде вместе со своими сверстниками, стали выражением их мироощущения. В этом отношении исчезает противоположность понятий «личное» и «народное», - так бывает в периоды огромных национальных потрясений.

«Что такое народ, народность, народное мировоззрение?» - задавался вопросом Л.Н. Толстой и, снимая все теоретические домыслы, возвращался в ответе к первоначальному исходному значению, в свою очередь и его полемически осмысливая: «Это не что иное, как мое мнение с прибавлением моего предположения о том, что это мое мнение разделяется большинством русских людей»⁴.

В обычных условиях такие мнения с неизбежностью очень значительно расходятся между собой: Лев Толстой не случайно издевается над субъективизмом теоретиков, чуждых народу. На войне Отечественной одно бесспорное мнение «разделяется большинством русских людей», - и это стало мощным источником, питающим народность поэзии 1941-1945 годов. Более того, сама память о войне становится для поэтов-фронтовиков мерилом совести перед живыми и павшими, а поэт - звеном между ними.

Знакомую для многих окопников ситуацию воссоздает поэт Владимир Жуков в стихотворении «Осколок». Он о себе напоминает поэту уже более тридцати лет, этот «осумковавшийся» в живом теле осколок. Пусть он, по мнению поэта, «пустяковый», и война «полузабылась», - а ведь все могло быть совершенно иначе, - осколок становится символом судьбы поколения и самого поэта. Он - и с теми, кто погиб, и с теми, кто живет ныне.

*Ужель и правда: вместо звеньев
до срока рухнувших связных
кому-то надо в поколенье
живь среди мертвых и живых?*

¹ БОНДАРЕВ Ю. Поиск истины, стр. 174.

² ПОМАЗНЕВА В. Полюсы Михаила Дудина. Лит. газета, 1978, 23 августа.

³ ВЫХОДЦЕВ П. Поэты и время. М., Худож. литература. Л., 1967, с. 238.

⁴ ТОЛСТОЙ Л. Н. Собр. соч. в 20 томах. М., Худож. литература. 1965, т. 17, с. 533.

С каждым годом редеют ряды тех, кому выпало много или мало «жить среди мертвых и живых» одновременно, утверждая в поэзии подвиг своих юных сверстников и вечную связь поколений.

Один из них - Сергей Сергеевич Орлов (1921-1977), русский поэт-танкист. Он «был символом своего поколения, огненной заглавной буквой книги о его судьбе»¹, - пишет Николай Шундик. Мнение это обзывающее, но бесспорно подтвержденное многими фронтовиками. А значит, и личность Сергея Орлова, воплотившаяся в его стихах, достойна самого пристального и уважительного внимания.

2.

Фронтовая страница жизненного пути Сергея Орлова почти легендарна, и творимой легендой прорисовывается судьба его стихов военной поры...

...Как и многие, двадцатилетний студент-филолог добровольцем уходит на фронт.

По следам горячих событий складывается стихотворение «Октябрь 1941 года». В нем С. Орлов выражает уверенность в своем предназначении: «Когда-нибудь я расскажу об этом, о времени жестоком, о войне». Конечно же, свой личный удел не дано знать никому, но «пусть я миную смертные тенета», - высказывает свою надежду молодой поэт. Он готов принять во имя Родины и смертный исход, но верит, верит, что через года «придут другие люди, легка им будет молодая жизнь», но и они будут обязаны знать и помнить о жертвах поколения сороковых: «Да будет проклят тот, кто позабудет, что нашей кровью был залит фашизм!» Конечно, риторика здесь формально не преодолена, но в ней точно выражено умонастроение фронтовиков, целого поколения и его самого, молодого поэта:

А я желаю для себя немного:
Лиши мужества, чтобы идти вперед,

И чтобы дошел по всем
путям-дорогам
К далеким дням вот этот
мой блокнот...

И он дошел, этот блокнот в мягкой зеленой обложке, сшитый сверху двумя скрепками, заполненный торопливыми строчками, которые писались карандашом. Как обычно, есть в нем запись (при этом дважды повторенная), сообщающая единственно обязательный адрес, адрес матери поэта - Екатерины Яковлевны - город Белозерск...

Молодому человеку, оказавшемуся далеко от отчего края, от своих родных, в непривычных для него суровых условиях так естественно обратиться памятью к недавнему прошлому, уютному, тихому, ласковому. И у Сергея Орлова в первые месяцы войны сложилось немало таких стихотворений, отражающих его настроения, созвучных переживаниям его сверстников на боевых путях.

Вот вспомнилось: «Как на родине?» - и началось стихотворение, и потекло неторопливо, развертывая ленту памяти: «...Осень. В скирдах рожь на полях, по-над золотом просек журавли в облаках...». Еще видится за стихами вдруг загрустивший озорной мальчишка-подросток, которому дано было поэтически видеть мир и облечь свои представления в звонкие, сочные образы. И тут он припомнит, что под валенками «снежок, как капуста, захрустит на ходу».

Но примечательно, что появляются метафоры, рожденные военной обстановкой: «Знамя алой рябины вынес ввысь косогор...». Еще бы, ведь «край любимый в тревоге, слезы в тихом дому» и «дали в рыжем дыму» потонули. И так необходимо складывается концовка, предопределяя едва ли не самый излюбленный на всем пути его творчества поэтический образ С. Орлова: «Как знамена, рябины нас зовут на войну».

Через год снова припомнилась, как, наверное, уже не однажды, та

¹ ШУНДИК Н. Неизбежность второго открытия. Наш современник, 1979, № 8, с. 94.

первая военная осень («Осень»). Крик далеких журавлей ожил в памяти, и представилось, как «погреться у костров рябины сошлись избушки деревень». Настроение сливается с обстановкой и в ней находит свое выражение: «Тоска, дожди, туман и слякоть», и даже ветра «как будто мир сошлись оплакать». И это как нельзя более соответствует минуте прощания, когда уже встал на путях красноватый эшелон, прощальные платки дымками и «мелькают в глубине вагонов шинели серые, штыки».

Война в ту пору захватила юношу всего целиком, и, наверное, казалось, что, кроме непривычных боевых будней, и нет ничего на свете, даже черты самой войны поначалу не различались. И только, может быть, долго маячил один образ, как ниточка, связывающая с бытым, - женщина у переезда, что стоит, «подняв ко рту конец платка», в глазах которой - «благословение и древняя, как мир, тоска». И естественно рождается традиционное для русской поэзии олицетворение:

Ой вы, дороги верстовые
И деревеньки по холмам!
Не ты ли это, мать Россия,
Глядишь вослед своим сынам!

К этому времени Сергей Орлов уже освоился во фронтовой обстановке, побывал в боях, пережил первое ранение. Поздней осенью 1942 года юноша направлен в Челябинск, в танковую школу, отметив свой путь на восток короткими стихами: «Через края сосновых станций, спокойных рек, седых берез невидимую нить пространства мотал локтями паровоз...». О той поре в жизни поэта - немного свидетельств, но одно из них очень интересно.

«В холодном Челябинске, в запасном полку,- ах, какая зима была, как все обледенело! - в сорок первом, сорок втором году увидел я эту книжку

с красной фронтовой огненной обложкой цвета пожара. Она и называлась «Фронт»... Книжка Сергея Орлова, вышедшая тогда в Челябинске...

Мы были где-то рядом, в одной казарме. Может быть, даже на одном этаже, но в разных ротах. Я бы мог застать его там. Я мог бы даже встретить его там - одним из этих солдат в шлемах.

Мы были все одинаковы, в холодных танковых шлемах, в полушибаках, у кого они были, в валенках и полушибаках, вымазанных в тавоте и газойле.

Когда я приехал, он был еще в полку, но когда книжка вышла, он уже отправился с маршевой ротой. Кажется, командиром взвода танков».

Так пишет Василий Субботин¹, немногословно показывая обстановку, в которой проходила учеба будущих танкистов. Примечательно здесь, однако, упоминание книги стихов С. Орлова «Фронт», о которой, как правило, никто не говорит в статьях о творчестве поэта, и первой его книгой считается «Третья скорость». Как же так?..

А книга «Фронт» действительно была, и подготовили ее для издания в Челябинске вдвоем поэт- дальневосточник С. Тельканов² и С. Орлов. Вышла она в 1942 году в «Челябиже» тиражом десять тысяч экземпляров, крохотная, на двадцати четырех страницах. Конечно, теперь она уже - библиографическая редкость, и удивительно ли, что в связи с 1942 годом и этой книжкой Субботин упоминает стихотворение «Его зарыли в шар земной...», которое сам Орлов в прижизненных изданиях отмечал датой «июнь 1944». Здесь, видимо, произошла у Субботина своего рода аберрация памяти, впрочем, вполне простительная и объяснимая. Не исключено также, что и Сергей Орлов той своей книжки просто не видел...

И вот молодой танкист-поэт снова под Ленинградом, на Волховском

¹ СУББОТИН В. Силуэты. М., 1973, стр. 89.

² Позже С. Тельканов опубликовал в Хабаровске книги стихов «Пути-дороги» (1948), «Знамя полка», поэма (1951), «Слово к друзьям» (1953).

фронте. Начинается жизнь «от атаки до атаки», в которой танкисты, люди в ребристых кирзовых шлемах и черных комбинезонах, накрепко связаны круговой порукой любви к Родине и ненависти к врагу. Иначе - не выжить. Дорог здесь мало, кругом болота, знаменитые Синявинские болота, танки проваливаются то в хляби непролазные, то в воронки... Грохот стоит в танке, от дыма и пороховой гари друг друга не видно, но есть уверенность - фронтовые побратимы рядом.

Молодой танкист-лейтенант жил общими для всех воинскими заботами, лишь одно отличало его: он не расставался с толстой ученической тетрадью, в которую мало-помалу записывались стихи, - но и эти стихи скоро стали общим достоянием однополчан. Будучи корреспондентом армейской газеты, на Волховском фронте с Орловым познакомился Дмитрий Хренков. Он вспоминает:

«Небольшая рощица, вдоль и попрек исхлестанная артиллерийским огнем, просматривалась нас kvозь. Голые, с сорванными верхушками деревья напоминали театральные декорации.

Командиров танков мы не застали на месте. Вместе с механиками-водителями в эти короткие часы, оставшиеся до боя, они ползали по переднему краю, высматривали дорогу, по которой завтра предстояло повести машины...»¹.

Утром танкисты пошли в бой, а вечером хоронили погибших товарищ. Сергея Орлова Дмитрий Хренков встретил только на другой день утром. Танкисты снова готовили машины к выходу на исходные позиции, и все-таки корреспондент увидел командира танка, его «простое открытое лицо русского паренька, перепач-

канное то ли маслом, то ли сажей, с широким лбом, на котором прикипела прядь светлых, чуть с рыжинкой волос»². Тогда же Хренков услышал впервые стихи Орлова: «Мы ребят хоронили в вечерний час...» («Карбусель»), - стихи о неотболевшем, о вчерашнем.

Они и рождались, стихи поэта-танкиста, в обжигающей близости с огнем и смертью, в трагических буднях войны, - потому они и вызывали живейший интерес фронтовых друзей. Но молодой поэт обладал и недюжинным талантом - это одним из первых оценил сотрудник армейской газеты, известный в Ленинграде критик Л. И. Левин. Талант, доставшийся скромному и совестливому пареньку с Белоозерья, обладающему солдатским мужеством и выдержанкой, брошенный в гущу фронтовой жизни, - он должен был отчеканить неумирающие строчки, должен был!

Уже тогда стихи молодого танкиста обращают на себя внимание. Как-то встретились фронтовики с гостями, поэтами из Ленинграда, и один из них, поэт Александр Прокофьев (в ту пору - подполковник), рассказывал:

- Вчера мы заезжали в один тяжелый танковый полк. Народ там - молодец к молодцу. Биты и стреляны. Видели мы там одного лейтенантика, розовощекого, застенчивого и в высшей степени интеллигентного. В мирное время такой человек мухи не обидит... Удивительно, как меняется человек на войне! Поразил нас этот лейтенант и своими стихами. Талантливые, душевые, очень искренние. Дай Бог ему выжить - он может хорошо рассказать об этой трудной войне...

О встрече двух поэтов, пока не известного и уже знаменитого, позже ставших близкими, писал Иван Кур-

¹ ХРЕНКОВ Д. Сергей Орлов. Лениздат, 1964, с. 4 (С тех пор и до последних дней поэта журналист, издатель и критик Дмитрий Хренков сберег с ним дружеские связи, почему и первая книга о Сергее Орлове, написанная им, до сих пор сохраняет свое значение, я бы сказал, значение документального свидетельства. Позже, в 1981 году, Хренков, уже будучи главным редактором журнала «Нева», издал значительно расширенное издание своей книги (М., «Современник»). Мне довелось быть официальным рецензентом рукописи этой книги).

² ХРЕНКОВ Д. Сергей Орлов, с.5.

чавов, припоминая и другой, весьма примечательный эпизод. Беспокоясь за жизнь поэта Орлова, друзья хотели устроить его в редакцию армейской газеты, - там все-таки меньше опасности.

«Ходатая строго отчитал командующий бронетанковыми войсками.

- Как вы можете об этом даже заикаться! - вскипал генерал. - Лейтенант командует взводом тяжелых танков «КВ» в полку РГК - кто же отдаст его вам накануне крупной наступательной операции! Да и пожелает ли он сменить свою машину на ваш скрипучий письменный стол?...»¹.

И сам Сергей Орлов, наверное, считал так же. Во всяком случае, он всю войну провел на переднем крае и не оставил боевой машины, а стихами писал об этом так:

*Хочу, чтобы меня вело
По всем высотам вдохновенья
Мое прямое ремесло -
Танкиста и бойца уменье.*

...Нет, не случайно во фронтовом блокноте соседствуют стихи и на его последней странице - схема основных узлов и систем управления танком. На ней отмечены приборная доска и рация, и слова написаны: стартерный аккумулятор, прицел, тумблер, вариметр - слова, за которыми и кроется «танкиста и бойца уменье...».

Уменье это не раз выручало поэта-танкиста. В большом наступлении у Синявина танковый полк нес большие потери. Машина, которой командовал Сергей Орлов, тоже была подбита и остановилась на виду позиций врага. Не имея связи с полком, танкисты как могли вели ремонт, две недели не вылезая из танка. Наконец развернулись и «на прощание» успели ударить по врагу. А когда отыскали свою часть, узнали, что их и в живых уже не числят...

Другой случай, о котором тоже рассказывает Иван Курчавов, зналший Орлова на фронте и позже встречав-

шийся с ним, оказался драматичнее. Шли бои под Новгородом, совместными усилиями танков и пехоты была захвачена деревня Гора, открывавшая возможность блокировать железную дорогу. Танк Орлова, избегая прицельного огня, неожиданно атакует врага в лоб. Препятствий нет, но впереди снежная крепость, где укрылись фашисты, а в стороне солдаты в масках латах пушку волокут.

«Сгубила меня, можно сказать, интеллигентская осторожность, - с улыбкой говорит Сергей. - Мне показалось, что это наши... Ударю из танка, а вдруг у пушки - свои ребята. Не лучше ли подождать?.. «Свои ребята» ударили по танку прямой наводкой. Я получил сразу три ранения: в руку, ногу и в грудь. Последний осколок шел прямо в сердце, но помешала... медаль «За оборону Ленинграда». Комсомольский билет был пробит, медаль изуродована, но осколок потерял свою силу и застрял между гимнастеркой и грудью. В танке произошел взрыв, машина загорелась. Мы через борт скатились в рыхлый снег. У меня начался световой шок, и я подумал уже, что ослеп навсегда: день солнечный, яркий, а я ничего не вижу. Обгорелая кожа свисала с лица ключьями, веки слиплись. А фашисты бьют, бьют, не давая возможности поднять голову. Ползу по следу гусеницы и мало что соображаю. На мое счастье рядом оказалась девчушка из пехоты...».

Позже, в 1947 году Василий Субботин встретил Сергея Орлова в Москве. Он припоминает: «С каким недоумением иной раз, как удивленно, покачивая головой, смотрит он на свои сожженные, изуродованные руки.

«Мать честная! Как же это?!»

Я всегда вижу его в одной позе, всегда вижу его так.

Танкист, ни разу не написавший в своих стихах, что он горел в танке².

И все-таки стихи об этом Сергей Орлов написал тогда же, в 1943 году, только узнали мы их лишь недавно.

¹ КУРЧАВОВ И. Второе рождение. - Правда, 1974, 25 августа.

² СУББОТИН В. Силуэты. М., СП, 1974, стр. 90.

*В небе клубы дыма плыли,
Пламя прядало шурша.
Ни одна, когда отбили,
Нас не встретила душа.*

Шли солдаты «по угрюмой и пустынной», такой обычной русской деревне, ничем не примечательной, но поэту она запомнилась, хотя «забыл ее бы просто я - деревню на бугре, если бы не привелось мне за деревню гореть». Нет, это осталось памятным:

*Рыжим кочетом над башней
Встало пламя на дыбы...
Как я полз по снежной пашне
До окраинной избы!
Опаленным ртом хватая
Снега ржавого куски,
Пистолет не выпуская
Из дымящейся руки...*

Нет, во всех деталях не расскажешь об этом, «да и не к чему», - обмолвится поэт. Ему дорого то, что за него «ребята честно расквитались там с врагом», что «осталась не сожженной деревенька вдоль бугра на земле освобожденной»...

Благодарной памятью поэта рождено по этому драматическому поводу и еще одно стихотворение. О том, как девушка-сестра из пехотного подразделения, не думая о себе, спасла его, раненого танкиста.

Фронтовой путь поэта кончился госпиталем с труднейшими операциями по пересадке кожи на лице, с серьезными опасениями за зрение и непоправимымувечьем правой руки.

Правда о войне открывается только через личное участие в ней. Такую мысль проводил А. Фадеев, выступая в июле 1942 года на заседании президиума Союза писателей и военной комиссии: «Если ты все это пережил, преодолел, тогда ты об этом расскажешь, и это поможет тебе рассказать,

как это делали миллионы и миллионы рядовых наших советских людей»¹. И действительно, первые, самые горячие книги рождались там, на переднем крае. Достаточно назвать стихи, поэмы, книги А. Твардовского, К. Симонова, А. Яшина.

Поэты, чья репутация сложилась в тридцатые годы, сразу активно принялись за работу в новой обстановке. Но и самые молодые, еще безвестные или едва заявившие о себе в литературе поэты - солдаты, танкисты, лейтенанты великой войны - сознавали исключительность своего положения. «Мы получили материал, над которым будем работать всю жизнь»², - провидчески писал молодой С. Наровчатов в одном из своих писем с фронта.

Их пока еще очень мало знали в годы Великой Отечественной войны - поэтов фронтового поколения. Имея за плечами первые книжки, шли на фронт Михаил Дудин, Вадим Шеффнер, Алексей Лебедев, Мустай Карим. Уже в ходе войны дебютировал Семен Гудзенко книгой «Однополчане». Как мы помним, Сергей Орлов в 1942 году совместно с Телькановым выпустил в Челябинске сборничек «Фронт».

Лирическая летопись войны до поры до времени складывалась во фронтовых блокнотах, ожидая своего часа. Лишь немногое из нее публиковалось в армейской печати, еще меньше попадало в столичные журналы. И все-таки уже в 1945 году Николай Тихонов в безбрежном море поэзии различил «голоса поколения, которому принадлежит будущее»³.

Одной из первых ласточек, за которыми приходит весна, стала книга Сергея Орлова «Третья скорость», опубликованная Лениздатом в 1946 году. Редактором ее был Михаил Дудин - обоих поэтов долгие годы связывали добрые дружеские отношения. Она уже давно стала библиографической редкостью, эта небольшая книжечка.

¹ Литературная газета, 1970, 6 мая.

² Свидание с юностью. Публ. А. Туркова. - Дружба народов., 1975, № 4, стр. 25.

³ ТИХОНОВ Н. Перед новым подъемом. Советская литература в 1944-1945 гг. Изд. Литературной газеты. М., 1945, с. 49.

...На белом когда-то фоне ее обложки - дымчатое пятно, в просвете которого изображен силуэт мчащегося танка... Припомним, третья скорость, как однажды пояснял М. Дудин, «это значит боевая скорость танка»¹. И вся эта книжка - о фронтовой юности, что хорошо почувствовал художник М. Седиков и отразил в крохотных заставках к четырем разделам сборника: заграддения из столбов и колючей проволоки возле разбитого снарядами дерева; солдат, присевший у костра под веткой; два домишко возле леса и колодезный журавль; солдат, идущий мимо изгороди полевой дорожкой, и крыши под деревьями на краю деревни...

Не побоюсь утверждать, что «Третья скорость» - лучшая из поэтических книг, вынесенных с фронта. Но война долго оставалась для С. Орлова ведущей темой (не по количеству стихов, а по их уровню). Уже в книге поэта «Поход продолжается» (1948) в разделе «Смотровая щель», составившем треть сборника, из двадцати четырех фронтовых стихотворений шестнадцать опубликованы впервые.

Стихи С. Орлова, то реалистические сниженные в бытовых подробностях, то романтически возвышенные, возрождающие «лад баллад», сильно и точно выражали мироощущение человека на войне, его волю к победе. И книги поэта не оказались незамеченными, их оценили тогда же. «В стихах Орлова, может быть, больше, чем в стихах других поэтов-фронтовиков, живет правда о буднях войны, о рядовых ее участниках»², - говорил В. Саянов на секции ленинградских поэтов, подводя итоги 1949 поэтического года.

Мы уже давно привыкли к фронтовой лирике С. Орлова, но произошло удивительное явление: после смерти поэта стихи из фронтовых блокнотов приходят к нам снова и снова, -

их опубликовано уже несколько десятков. Приходят они, по словам Сергея Викулова, «словно бы запоздало демобилизованные солдаты, в танкистских промасленных шлемах, в помятых полевых погонах, в тяжелых кирзачах»³. Поэты уходят - песни остаются...

Сам Сергей Орлов фронтовой поре придавал исключительное значение, считая, что его жизненный путь начался Великой Отечественной войной, как и С. Наровчатова и С. Викулова. Он говорил: «Эта пора определила наши идеино-эстетические позиции, которым мы остались верны и теперь»⁴. Тем важнее необходимость подробно рассмотреть его стихи военной поры. Ведь характер и талант поэта сложились там, на полях суровых испытаний, в те годы, когда величайший вопрос искусства всех времен и народов - жизнь и смерть - решался с невиданной трагичностью, в судьбах миллионов.

Новые, уже посмертные публикации - многочисленные в журналах и книга «Костры» («Советский писатель», 1979) - не дают оснований для коренного пересмотра фронтового пути поэта. Вероятно, сам, готовя к печати стихи из старых блокнотов, С. Орлов доработал бы многие из них. (А впрочем, кто знает, - ведь, скажем, стихи из книги «Третья скорость» поэт почти не правил позже, оставил их в первозданном виде). Несомненно, что целый ряд стихотворений поэт публиковал в трудные послевоенные годы по причине их тяжелого трагизма. Возможно, что иные остались лежать в блокнотах ввиду несовпадения представлений поэта о некоторых явлениях жизни с общепринятыми в ту пору...

Теперь, опубликованная полнее, чем в былые годы, лирика Сергея Орлова военных лет представляется гораздо значительнее, и появилась воз-

¹ ДУДИН М. Цикламены на цоколе. М., Сов. Россия, 1967, с. 66.

² ХРЕНКОВ Д. Виссарион Саянов. Путь поэта. Л., СП, 1972, стр. 174.

³ Наш современник, 1978, № 8, стр. 18.

⁴ Говорят лауреаты Государственных премий РСФСР. Интервью. - Литературная газета, 1975, 7 января, стр. 4.

можность взглянуть на нее в целом, включая также и тему возвращения. Это стихи, написанные по следам сурьных событий, в горячих боевых буднях, или произведения, созданные сразу после демобилизации, когда поэт еще не мог отрешиться от недавних впечатлений, непосредственных переживаний. В принципе, те и другие не отличаются ничем существенно - здесь дистанции во времени пока нет.

3.

На фронте Сергею Орлову не приходилось учиться отражать современность: он жил как все, обыкновенной солдатской жизнью, в которой было «сегодня» и могло не быть «завтра». Здесь «поэзия насыщалась жизнью, она брала детали, слова, образы с дороги, которой шли миллионы»¹, - пишет А. Абрамов, тем самым определя одну из существенных предпосылок складывания народности во фронтовой поэзии. Справедливо это и в отношении Сергея Орлова.

Жизнь заставляла юношу-поэта по-особому переживать и осмысливать грандиозность масштабов происходящего, в которых поначалу, может быть, человек и чувствует себя растерянным и потерянным. Однако мало-помалу познается строгая обыденность войны, фронтовой работы, которая мыслится как жестокая необходимость.

*Поутру, по огненному знаку,
Пять машин «КВ» ушло в атаку.
Стало черным небо голубое.
В полдень приползли из боя двое.
Ключьями с лица свисала кожа.
Руки их на головни похожи.
Влили водки им во рты ребята,
На руках снесли до медсанбата.
Молча у носилок постояли
И ушли туда, где танки ждали.*

Спокоен голос поэта, деланно спокоен, только за натуралистичностью

деталей - и боль, и, может быть, недоумение, которое хочется скрыть под маской бывшего фронтовика. Но ведь даже самое невероятное, бесконечно повторяясь, неизбежно становится будничным и привычным.

Подобные настроения характерны и для других молодых поэтов-фронтовиков.

Эти стихи Семена Гудзенко теперь широко известны:

*Бой был коротким.
А потом
Глушили водку ледянью,
и выковыривал ножом
из-под ногтей
я кровь чужую.*

(«Перед атакой»)

А вот как писал Сергей Наровчатов:

*У заваленной трупами щели.
Еле свыкшись, что бой затих.
Отереть о полу шинели
Порыжелый от крови штык...*

(«Стихи о солдатской дружбе»)

Несвойственный советской поэзии натурализм закономерен как неизбежная реакция на неожиданность облика войны, которая большинству (хотя и не всем) представлялась победным маршем. Алексей Сурков позже объяснял: «Воспитанники «облегченной» военной доктрины оказались лицом к лицу с величайшим бедствием стремительного отступления вглубь страны, с окружениями, с круглосуточными бомбежками с воздуха, с бесконечными танковыми клещами, со всеми несчастьями первого военного полугодия»². Он же, Сурков, обобщая первые шаги фронтовой поэзии, уже в июле 1943 года говорил, что война «учила и научила реалистическому отношению к событиям, реалистическому отношению к тому, что происходит каждый день там, где история делает свои основные шаги. Война научила нас говорить тогда,

¹ АБРАМОВ А. Лирика и эпос Великой Отечественной войны. СП., М., 1972, стр. 91.

² СУРКОВ А. Великая Отечественная война в литературе.- Вопросы литературы, 1967, № 6, стр. 20.

когда это нужно и когда это вызвано самим характером развивающейся борьбы, прямо и жестко»¹.

Слова старшего товарища по перу полностью относятся и к Сергею Орлову. Уже один из первых рецензентов «Третьей скорости» - П. Антокольский, очень благожелательно оценивший книгу, отмечал, что она «полна четких, точно угаданных подробностей»². Это совершенно справедливо, с одной только поправкой, - подробности, которые показывают ратный труд и человека на войне, не «угаданы», - их поэт видел, знал по себе.

Романтически настроенным юношам, что насмотрелись не в меру «героических» фильмов, война порою представляется как непрерывная серия подвигов в разведке или в удалых штыковых атаках, как мощные артудары, не оставляющие камня на камне от укреплений врага, как неудержимый написк боевых машин, под прикрытием которых благодушествует наша пехота и от которых в ужасе разбегаются враги, бросая оружие и оставляя свои позиции... Да, на войне есть место подвигам, но бывает и так, что батальон вдруг останется без подкреплений на захваченном «пятачке», обреченный на гибель, а другой попадет вдруг нечаянно под огонь своих батарей, своевременно не скорректированный. Всякое бывает, непостоянна судьба солдата в переменчивой фронтовой обстановке, но война - прежде всего работа... и ежедневное существование в обстоятельствах, определяемых в силу той или иной ситуации, в боевых операциях.

Лирическая эпопея Сергея Орлова складывается в разных формах и с разных сторон открывает ратный труд человека. Иногда это - репортажное, последовательное описание событий, свидетелем и участником которых был сам поэт. В других случаях рождаются стихи, в основе которых лежит переживание случившегося, и

детали становятся опорой, способом развития поэтической мысли.

Воевать поэту-танкисту пришлось среди озер и болот, «в краю суровом, невеселом, где каждый метр сухой земли напичкан до отказа толом, чтоб танки шагу не прошли» («Здесь все озера да болота...», 1943). Боевая работа ведется в «полевых условиях», и потому естественно, что природа оказывается не только фоном, но, так сказать, и участником событий и средством выражения тех или иных настроений.

Труд на войне - уже сам по себе противоречие: он связан с разрушением ценностей и с необходимостью созидать. Об этом - «Стихи о переправе» С. Орлова. В первой части (две строфы) поэт не нашел своеобразия, но вторая - интересна в контрасте, который мог бы показаться рассудочным, если б не предметность реальной картины.

*Разбиты взрывом гордые мосты,
Стальные фермы
над водой ржавеют,
И лишь быки упрямо с высоты
Глядятся в Днепр,
над волнами темнея.*

А рядом легла на воде переправа: «Настил дощатый, сбитый топором, перила невысокие шершавы». Да, мирным строителям было нелегко «из камня класть быки, стальные фермы возносить над ними». Но прав поэт, знающий воинскую работу, что «этот мостик, шаткий и простой» построить ночью под огнем врага было нескованно тяжелее.

Раздумья С. Орлова определяются не только видимой конкретностью впечатлений, приходят мысли и более отвлеченного характера. О бессмысленности труда человека, пред назначенного на дело убийства, думает поэт в стихотворении «Зачем руда сто тысяч лет...» (1942). Он вспоминает труд рудокопов, добывших руду,

¹ Советские писатели на фронтах Великой Отечественной войны. Литературное наследство, т. 78, кн. 1. Наука. М., 1966, стр. 355.

² АНТОКОЛЬСКИЙ П. Стихи танкиста. - Комсомольская правда, 1947, 10 октября.

литейщиков, выплавивших металл, токарей, выточивших снаряд, и вот - взрыв - и грудь солдата пробита осколком. И рождается горький, неумолимый вопрос: «Зачем руда далекий путь прошла, чтоб мне лежать убитым?». Стоило ли ради такой цели предпринимать титанические трудовые усилия...

Сущность войны с одной из ее характерных сторон Сергей Орлов открывает с убедительной достоверностью. В самом деле, если Первая мировая война обошлась человечеству в 260 миллиардов долларов, то Вторая уже - в 3300 миллиардов, - есть о чем задуматься. Однако война несет не только разрушение материальных ценностей, но и огромные потери людских ресурсов. Если в Первой мировой войне приняли участие на обеих воюющих сторонах 70 миллионов человек, то во Второй - уже 110 миллионов. Как подсчитали специалисты, людские потери только европейских стран (убитыми и умершими от ран и болезней) составили в Первой мировой войне 9 миллионов 59 тысяч человек, а во Второй мировой войне (включая уничтоженных в фашистских лагерях смерти) - 50 миллионов человек. Очень впечатляющие цифры, но что же кроется за ними?..

Существование человека на войне всегда под угрозой, на грани жизни и смерти. Стихотворение Орлова «Да, не поле перейти...», правда, написанное уже вскоре после войны, резко прочерчивает эту неумолимую грань. В самом деле: «...если в поле гром снарядов на пути и огонь на суходоле», невольно солдат станет прикидывать свои шансы и подумает:

*Если поле перейду,
Будет жизнь прожить нетрудно...*

Стихи Сергея Орлова дают попытать, как ковалась победа. В привычной для воинов смене событий - оборона и наступление, разовые атаки и массовые марши - решался исход войны. Изображение масштабных событий - это компетенция прозы, а поэта С. Орлова занимает человек с него кон-

кретным делом в той или иной обстановке.

С ссылкой на дату, «Это было 19 марта 1943 года», по-репортажному названо одно из стихотворений (кстати, такие названия нередки в лирике С. Орлова). И в репортажно последовательной передаче описывается ход событий, начиная с погоды и обстановки: «Был март, И снег ложился мокрый на сосны мачтовые, на весь приозерный дикий округ...». В таких условиях, на этом фоне и станет развертываться боевая операция.

«С пяти до десяти была артподготовка», - с информационной деловитостью, как в отчете о проведенных боевых действиях, сообщает поэт. Немногие детали дадут понять смысл строгих сухих слов: «сосны срезав», била артиллерия по переднему краю врага «огнем, свинцом, железом», - а сосны-то мачтовые...

Природа пока пассивна, и вот сигнал атаки (который, кстати, «прозвучал открытым текстом в шлемофонах», - опять деловая информация), и тогда «лес разверзся, зарычал и двинул вдаль слонов по склонам». Уже как бы сама поруганная врагом природа выступает против фашистов, и метафора (слоны - танки) усиливает это впечатление.

Собственно атака описана в одной строфе, в которой С. Орлов успел сказать и о танках-слонах («белы, приземисты и злы»), которые, «ломая тяжкие стволы», лезут на высоты, оберегая пока следующую за ними пехоту. Природа в союзе с воинами-освободителями... И ей приходится, как и им тоже, тяжко, - показывает это поэт глазами командира танка:

*...сожженная дотла,
Земля лежала правдой страшной...*

*На ней святая кровь друзей.
И командир, смежив ресницы,
Подумал горько, что на ней
И колос, может, не родится.*

Ощущением трагизма жизни на войне наполнено стихотворение «Весна» (1943). В нем цветение природы,

торжество жизни остро контрастирует с противоестественностью смерти. Это как два мира в противоположении.

С одной стороны:

Вокруг весна беспутная летела,
От нетерпенья жгучего дрожа,
И даже медь на гильзах зеленела
И прорастали бревна в блиндажах.

А вот другая проекция:

Где и весна и зелень - ни при чем.

В концовке противоположности синтезируются в едином образе: погибшему «теперь ни осени, ни лета не увидать над самой головой», поскольку война враждебна человеку и природе. В других случаях дыхание стиха ровнее, настроение - оптимистичнее, или, по крайней мере, спокойнее.

Фронтовая работа на фоне природы и в сопоставимых образах воссоздается в стихотворении Сергея Орлова «Ночные бомбардировщики» (1945). «Какая ночь! - восклицает поэт и вслушивается. - Шумят, поют березы, и даже слышно, как вверху прошли рожающие клинья бомбовозов над темными просторами земли». Отметит он и «аэростаты с рыбьими хвостами», что «закинуты до самых облаков». Здесь природа - только фон, а нередко она оказывается у С. Орлова активным участником событий.

Торжество жизни против войны, несущей уничтожение и смерть, заявлено в стихотворении «Береза» (1944) - о деревце, что стоит в полымя боя, когда «вся была снарядами изрыта черная, чугунная земля», когда «расплавленный металл, будто бы коса

траву осоку, убивал деревья наповал». И здесь тонкая береза, «белая, лущистая, босая» воспринимается как «вечной жизни свет и торжество». Живое торжествует над смертью... Но едва ли не один-единственный раз воинскую работу Сергей Орлов сопоставил с мирной, а не противопоставил ей.

...Вот свечерело, и соловьи за свое песенное дело берутся, а солдаты, прикрыв угарные башни, валятся в траву, «прокопченные дымом, потные, будто с пахоты плугари». И как обыденно, мирно сказано: «Хорошо машины работали от зари до другой зари». И хотя на броне не ржавчина, а кровь, и не плуги подвешены на машины, а орудия укреплены, наверное, потому что запах клевера знакомо взбудоражил, С. Орлов признается: «Все мне кажется - плугом взорвана за дорогую целину». Только вот «трактористы»-то в солдатских гимнастерках с орденами... («Сумрак сел. Соловьи в кустарниках...», 1945). Но так спокойно мог написать стихотворение С. Орлов, когда уже кончалась воинская страда, - на нем лежит ответ спокойствия и мира.

Мирный облик войны, повторяю, у Сергея Орлова - редкость. А вот в природе долго ему будет видеться метельное и тревожное. Так, солдату, что пришел в места былых боев («Подо Мгою», 1945), которые теперь «в тиши и туманах лежат», видится, как ветер огнем над лесами взмахивает, как ели идут в атаку «в тяжелых зеленых шинелях», как «в бинтах умирают березы» и «флагом багряным рябины над дотом горят на бугру». Где тут мирное - и не сыскать, так привычно военному воспринимается мирный пейзаж, и поэт оговорился не случайно, что «память была ни при чем...» И все-таки, память-память! Она еще заговорит и долго не даст солдату успокоения.

Оботуров Василий Александрович, писатель, литературный критик, родился 2 июня 1938 г. в Вологде. В 1960 г. закончил Вологодский государственный педагогический институт по специальности «история, русский язык и литература», получив квалификацию учителя средней школы.

С 1960 г. работал литературным сотрудником редакции газеты «Никольский коммунар», вторым секретарем Никольского райкома ВЛКСМ Вологодской области, исполняющим обязанности директора и учителем русского языка Полежаевской восьмилетней школы Никольского района Вологодской области, заведующим отделом писем и массовой работы в редакции газеты «Авангард» Никольского района, заместителем редактора газеты «Маяк» Вологодского района.

С 1967 по 1969 г. - редактор газеты «Вологодский комсомолец». В 1971 г. с отличием закончил отделение работников печати, радиовещания и телевидения Высшей партийной школы при ЦК КПСС и назначен заведующим отделом строительства и транспорта вологодской областной газеты «Красный Север».

С 1974 по 1976 г. работал заведующим отделением Северо-Западного книжного издательства. С 1980 по 1985 г., а также с 1990 по 1993 г. являлся ответствен-

ным секретарем Вологодской писательской организации.

Лауреат Всероссийской литературной премии «Звезда полей» им. Н. Рубцова (1999). Автор монографий о С. Викулове, А. Яшине, С. Орлове, Н. Рубцове, В. Железняке-Белецком, а также многочисленных статей о русской литературе второй половины XX в., вологодских писателях.

Издания: **На земле живу.** Очерк творчества поэта Сергея Викулова. - Вологда: Сев.-Зап. кн. изд-во. Вологодское отделение. 1973; **Степень родства, или О традициях, творящих поэтический облик современности.** М.: «Современник», 1977; **Неповторимое, как чудо.** Очерк творчества Александра Яшина. Архангельск, Сев.-Зап. кн. изд-во, 1978 г.; **Костры на ветру: Поэзия С. Орлова.** - Архангельск: Вологда: Сев.-Зап. кн. изд-во. Вологодское отделение, 1982; **Сергей Викулов. Страницы жизни, страницы творчества.** - М.: Современник, 1983; **Искреннее слово. Страницы жизни и поэтический мир Николая Рубцова.** Очерк. - М.: Сов. писатель, 1987; **В буднях: Вологда литературная за 25 лет.** [Фотоальбом / О. Кононенко, А. Кузнецов]. - Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1988; **Заложники** (По поводу крестьянской трилогии Василия Белова «Час шестой»). Вологда, 2003; Составитель: **Сильнее судьбы.** В.С. Железняк-Белецкий. Вологда, 1995.

ДЛЯ ЛЮДЕЙ НА ВСЕЙ ПЛАНЕТЕ

Детские стихи

**КАПИТОЛИНА
БОЛЬШАКОВА**

Капитолина Кирилловна Большаякова родилась в деревне Клыгино Грязовецкого района Вологодской области. В 1941 году закончила восемь классов, пошла на курсы медсестер. В 1942 году ушла добровольцем на фронт. В армии прослужила три года. В настоящее время К.К. Большаякова живет в Вологде. Она - автор ряда поэтических сборников, печаталась в областных периодических изданиях и альманахах.

ОТКУДА ПРИШЕЛ ХЛЕБ

Был к обеду подан хлеб.
Но его не кушал Глеб.
Свой кусочек под столом
Тихо спрятал под ковром.
Няня знает всё на свете.
Слушать няню любят дети.
Вместе с ними слушал Глеб,
Сколько мук наш добрый хлеб
Испытал в своем пути,
Чтобы к нам на стол прийти.
Землю солнышко согреет,
На полях зерно посеют.
Если май бросает в дрожь -
Будет хлебушек хороший.
В разговор вступает Коля:
- Я в деревне видел поле.
От тропы до горизонта
Было поле морем жёлтым.
Под лазурною фатой
Гнулся колос налитой.
Помню, дедушка дивился:
- Хлеб богатый уродился!
Я подумал, шутит дед.
Тут колосья - хлеба нет.
Брат у Коли комбайнер.
А у Васи брат - шофер.

На уборку урожая
Как на праздник выезжали.
Бой за хлеб - нелёгкий бой.
Шум машины. Пыль и зной.
От штурвала на ладонях,
Как железные, мозоли.
Комбинезон сырой от пота,
Искучаться бы охота.
На уборке дорог час.
Не до отдыха сейчас.
На току зерна гора!
В путь, на мельницу пора.
Там в минуту сапоги
Побелеют от муки.
Зерна мелют жернова,
А внизу из рукава
Наполняются мешки,

Так и пахнут от муки.
А про хлебокомбинат
Стал рассказывать Игнат:
- Мама - главный тестовод.
От неё весь хлеб идёт.
В светлом цехе хлебопёки,
От жары румяны щёки.
Тестомесы тесто месят.
Тесторезы делят, взвесят.
Друг за дружкой едут формы,
Получают теста норму.
Формы с тестом едут в печь.
Чтобы жаром хлеб испечь.
Испечётся хлеб духмяный
С верхней корочкой румянной.
С корочкой поджаристой.
Кушайте, пожалуйста!

Все узнали вместе с Глебом,
Как длинна дорога хлеба.
Сколько вложено труда,
Чтобы хлеб пришел сюда.
Не страшны любые беды,
Если подан хлеб к обеду.
Для людей на всей планете
Хлеб - богатство! Так-то, дети.

ПЕРВЫЙ РАЗГОВОР

Вся родня пришла послушать.
Изумленная стоит.
В жизни первый раз Андрюша
Из кроватки говорит.
Об одном мы все жалеем:
Ничего нельзя понять,
Может, надо для Андрея
Переводчика нанять?

ХЛОПОТУНЬЯ

В кухне доченька-хозяйка
Хлопотала спозаранку.
Все на полках убрала,
Свой порядок навела.
Где у мамы были ложки,
Спать устроились матрешки.
Где всегда стояли чашки,
Закачались неваляшки.
Вся посуда под столом.
А в шкафу - игрушkin дом.

ПО ЛУЖАМ

Светятся лужи
На каждом шагу.
Жаль, что побегать
По ним не могу.

Если бы папа
Меня не держал,
Я бы по лужам
Давно побежал.

Вырасту с папу,
Ему я скажу:
«Бегай по лужам,
Ведь я не держу».

В МАГАЗИНЕ

В нашем доме магазин!
Я хожу туда один.
Магазин «Универсам» -
Выбирай покупки сам.
Ходят люди в магазине,
А в руках у них корзины.
Я там был уже раз шесть,
Там мороженое есть!

РОМАШКИ ДЛЯ МАМЫ

Прибежала в поле Гая,
А за ней подружка Валя.
Собирают васильки
Да плетут себе венки.

Скачет к ним на палке Сашка
И кричит: «Нужны ромашки!
Нынче воскресенье,
Мамин день рождения!»

НЕ ЗАБУДУ ПРО ДЕДОВ

Прадед мой солдатом был.
Он врага в Карпатах бил.
Дед в Берлине побывал,
Пехотинцем воевал.

У него ранений пять.
Орденов не сосчитать!
А вот я ученым буду,
Но про дедов не забуду.

Расскажу про них ребятам,
Как за Родину когда-то
Воевали старики,
Не склонив свои штыки!

Если снова грянет бой,
Папа, мы пойдем с тобой!
Только маме ни гу-гу,
Слезы видеть не могу!

СЕРЕБРИСТЫЙ РУЧЕЕК

Серебристый ручеек
Пробирался вдоль дорог.

Прополз ал змеей под снег,
Ускорял весенний бег.
Он на солнышке смел
И от радости звенел.
Всех прохожих убеждал,
Что весну под снегом ждал,
Что устал в тиши лежать,
В дальний путь решил бежать.
Он не знал, что вечерком
Вновь покроется ледком.

НЕПОСЛУШНЫЙ ЗАЙКА

Этот зайка,
Длинны уши,
Маму снова не послушал.
Делал все,
Как хочет сам:
Не таился по кустам.
Думал, он умнее папы!
И попался волку в лапы.
Просто чудом
Жив остался,
Ну, а с хвостиком
Рассстался.
То-то было
Зайке страсти,

Хвост остался
В волчьей пасти!

ПЕРВЫЙ ПРАЗДНИК

На Катиной головке
Уселся бантик ловко,
Розовый, пригожий,
На бабочку похожий.

Ветерок колышет -
Бантик словно дышит,
Нынче годик минул
Нашей Кате милой!

ШАПКА ПОМЕШАЛА

Хоть Андрейка маленький,
Надевает валенки,
Варежки и шапку.
Взял свою лопатку.
На дворе белым-белое.
Много снегу намело.
Раскидал бы снег лопаткой.
Да ему мешает шапка.
Может, шапка велика?
Или мал Андрей пока?

ФОТО ИГОРЯ АКСЕНОВСКОГО

...И ПУТЬ НЕ КОНЧАЕТСЯ!

**НИКОЛАЙ
ДРУЖИНИНСКИЙ**

Исполняется 60 лет со дня рождения поэта Николая Васильевича Дружининского. Имя поэта хорошо известно любителям поэзии. Его стихотворение «Слушай, теща...» стало популярной песней, которую исполнил Ю. Богатиков и ансамбль «Песняры». Поэтические книги Н. Дружининского издавались как в «Северо-Западном книжном издательстве», так и в центральных. Он лауреат Всесоюзных литературных конкурсов им. М. Горького и Н. Островского. Стихи поэта отличают своеобразная интонация, образность, любовь к русскому слову, фольклорная насыщенность. В 1993 году поэт скоропостижно скончался, похоронен в Вологде. В настоящей публикации представлены стихи и поэма Н. Дружининского, а также эссе, которое было подготовлено как вступительное слово для книги «Чибис в поле кричит» в московском издательстве «Молодая гвардия».

КТО-ТО ВСПОМНИТ ПОТОМ

(Песня)

Я вот завтра проснусь,
Шевельнутся деревья...
Будет сизый туман
Обнимать берега.
И со мною проснется,
Скрипнет дверью деревня.
И покажется мне,
Что я прожил века.

Я пойду по траве,
След оставив неровный.
Будет стадо пастись
И гудеть пароход.
И в заречном лесу
Запах хвои здоровый
Будет звать меня вдаль.
Где вскипает восход.

Будет ветер шептать
Древнерусские были...
Опустелый амбар,
Серый старенький дом.
Ничего мы с тобой,
Ничего не забыли!
Все, что было у нас,
Кто-то вспомнит потом.

Помню праздник больцой:
Мать вернулась из города,
Из котомки достала
Белый, в крапинках хлеб.
Этот хлеб городской
Стоил матери дорого.
Я на черном ломте
Возмужал и окреп.

Я окреп не затем,
Чтоб собой любоваться.
Чтобы силу и удачу свою -
Наказ.
Я окреп для людей.
Чтобы с ними оставаться.
Боль и радость делить
В свой отмеренный час.

Я тревожно иду,
След оставив неровный,
И на запад гляжу.

И гляжу на восток.
Русь - равнина моя!
Запах хвои здоровый
Никогда, никогда
Я не стану жесток.

Настоящие люди
Очень часто встречаются,
И всегда предо мной
Серый старенький дом.
Есть любовь, есть и нежность.
И путь не кончается.
Все, что было у нас,
Кто-то вспомнит потом.

Над застылым болотом в ту
осеннюю пору
Все кричал одичало
белогрудый кулик...
Умерла моя милая бабушка скоро.
Не успела последний
доткать половик.

В пожелтелом углу, помню,
тихо лежала.
Под большою иконой.
В еловом гробу.
Что дала она миру?
Детей нарожала.
Воспитала внучат,
не бранясь на судьбу.
Что дала она миру?

Нелегко мне ответить...
Я губами к платку ее молча приник.
Умерла моя бабушка.
Нету на свете!
...Не успела последний
доткать половик.

Город Тотьма. Тополя, угоры
Да церквишки крестик вдалеке.
Я приеду, может, очень скоро
На «Заре» по Сухоне-реке.
Разбредутся тучи на рассвете
И растают на исходе дня.
Здесь меня по-доброму приветят,
Встретят здесь по-доброму меня.
Мы уедем с песнями, с баяном
К речке Еденьге, на бережок,
Где над бором в мареве туманном
Ястреб что-то молча стережет.

Он кружит пообочь, не над нами.
Он молчит, он что-то бережет...
И под звуки вальса «Над волнами»
Сядем мы в траву, на бережок.
И пойдут старинные рассказы
Про поездки тотемских купцов.
А потом мы все замолкнем разом,
Не найдя каких-то верных слов.
Может быть, единственного слова,
Чтоб душа вдруг вспыхнула - чиста!
Тотьма - это молодость Рубцова,
Больше, чем понятие «места»...
Мы опять поднимемся с баяном,
В скользком ромашковый лужок.
Может, ястреб в мареве туманном
Чье-то счастье молча стережет?..

ОКНА ДЕТСТВА

Ах, волос темно-русых волокна...
Мама встала. Ушла на работу.
А седые морозные окна
Принимали зари позолоту.
Резкий ветер завалины рушил,
Налетал на застывшие ивы.
Я сидел у окошка и слушал,
Жутковатые слышал мотивы...
Но потом приходила старушка
С чугунком. И варила картошку.
И шутила: «Ну, Колька-Коляшка,
Собирайся! Пойдем по морошку!»
Помнил лето я, помнил морошку.
Солнце тускло мерцало над бором,
Брал я в руки малютку-гармошку
И упрямо играл переборы.

Ах, волос темно-русых волокна!
Мамы нет. И безмолвна квартира.
Спит жена... А морозные окна
Светят мне из далекого мира.

ВОКЗАЛЬНЫЕ БЕРЕЗЫ

Опасная резкая дума
Вовеки во мне не умрет!
Сквозь лаву вокзального шума
Плынет незнакомый народ.

Нетрудно с дороги нам сбиться.
Презрев постоянство свое.
И я, перелетая птица,
Другое построю жилье...

Пусть встреча моя запоздала.
Мне прежней тебя не вернуть.
Уеду, уеду с вокзала
В запретный, отчаянный путь!

И стисну я зубы до боли,
И чтобы не выказать слез,
Я старую песню про волю
Спою у вокзальных берез.

В кармане затасканный адрес.
Кругом незнакомый народ.
Опасная резкая радость
Вовеки во мне не умрет!

Дождь стучит по окошку -
И сливаются капли,
и срываются капли,
Словно жизнь наша.
Так ли?
Все ты знаешь...
Но что же

вдруг взглянули немило?
Ведь не первой порошей
нам тропу запуржило,
Ведь не с первой потерей
мы с тобою знакомы,
Ведь по-прежнему верим свято
отчemu domu.
Только дождь по окошку.
Только капли да капли.
Развернуть, как гармошку,
жизнь!
Ведь мы не ослабли.

Неужели мы подчалили к закату?
Неужели иссякают наши силы?
Неужели мы проехали Россию?
Неужели так дороженька поката?

Год от года мы взрослеем,
вырастаем.
Год от года мы сильней
планету любим.
Год от года мы рассказываем людям,
Как в дорогах поумнели и устали.

Неужели зря растрачиваем силы,
Задаем друг другу хитрые вопросы?
Неужели мы проехали Россию?
Волгу-матушку. Поля.
И жгучи росы?

За закатом, у притихшего лесочка,
За рекою, где вчера еще косили.
Затерялась ослепительная точка
Далеко... На самом краешке России!

РАССВЕТЫ

**Цыганскому поэту
Николаю САТКЕВИЧУ**

Эх, буланые-залетные...
Чу! Напевы ли бродяжные?
Здесь рассветы заболотные
Нам сулят дороги важные.

Чуешь, верес к долу клонится?
Чуешь, ветер бором катится?
Слышишь, мчится Волгой вольница!
(Кто о ней теперь спохватится...)

Самолет вонзился в облако,
А за ним - дорога белая.
И луна совсем не далеко,
Словно репа переспелая.

Моя легкость не от легкости -
Душу всю любому высказать.
Моя легкость от неловкости -
Всю беду свою не высказать!

Чуешь, ветер бором катится?
Ветра музыка со всхлипами.
...Ты стоишь в зеленом платьице
У поленница под липами.

ПОСТОЯНСТВО

Лирическая поэма

**И спокойно думать, что на свете,
Кроме жизни, ничего не надо.**

Наталья СИДОРОВА

1

Все собаки в округе знакомы,
Как завидят - хвосты завитком,
Провожают до старого дома...
Старый дом им ведь тоже знаком.
Я иду. Провожайте, собаки!
Вам не скучно меня провожать.
На крылечке в сыром полумраке
Дверь откроет

встревоженно мать.
Всю-то жизнь

на рассвете вставала.
Сколько дел... Кто их все перечтет?
Вот висят на шесте одеяла,
Пусть их солнышко чуть припечет.
И в поленнице дров убывает,
А в райтопе сейчас ни бревна.
Жизни легкой нигде не бывает,
В это праведно верит она.
Вот уже созревает клубника.
Дочка скоро приедет... Поест.

И на кладбище надо, поди-ка,
Красить деда обветренный крест.
...Эх, собаки, вы что, очумели?
Порезвитесь у дома потом.
На прощанье пошарю в портфеле,
Дам за дружбу вам целый батон.
Ну, до завтра! Гуляйте да лайте.
Чу, шаги? У калиточки мать.
Ну бегите, бегите... Давайте!..
- Здравствуй, мама.

Пришел ночевать.

2

Несмышеной телушкой лед
лизала речушка,
В полынях колотилась. Ледолом.
Ледоход.
Горностай настораживал
острое ушко
И глядел, не мигая,
на лиловый восход.
Вышивали следы на снегу
трясогузки.
Плакал чибис, взлетая
над пашнями вновь.
Косачи на полянах
сражались по-русски
И взалом выгибали
кровавую бровь...

Любы детства картины.
Память их преподносит.
Улыбается мама. Я у печки стою.
Заалела рябина...
Близко, верное, осень.
Слишком коротко лето в нашем
мглистом краю.

Я гляжу на огонь...
Пламя точит поленья -
Стайкой змеек шипучих
ныряет под свод...
В старой батькиной печке
не одно поколенье
От простуды спаслось
в тот нерадостный год.
Да, война позади. Но везде голодуха.
И хрустела дуранда
у ребят на зубах.
Набивали макухой синюшное брюхо,
Продержкались на ягодах
и на грибах.
Помню, мы, ребятня,
забрались на рябину.

Как дрозды, общипали
в какой-нибудь час.
Бабка Марья Смирнова
схватила тычину,
Согнала молчаливо с рябинушки нас.
То, что все голодали,

разве мы понимали -
Продолженье одной из военных эпох!
И объездчику в руки порой попадали
За колхозный зеленый

и сладкий горох.
Ели дягиль, осоки молочные корни,
Вербы цветут и траву-лебеду.
«Всяк цветок для людей.
Ты, Колюша, запомни!» -
Мне заметила бабушка
в нашем саду.

Я гляжу на огонь...
Вижу речку, плотину...
Брезжит серый и зыбкий
за окнами свет.
Я гляжу на огонь.
И другую картину
Моя память выносит
из прожитых лет:
Пьет из проруби лошадь,
раздувает бока.
Месяц - белой подковою в проруби.
Над деревней,
над лесом белы облака.
Шевельнулись под крышею голуби.
Шумно фыркает лошадь,
видит месяц в воде,
Ловит месяц губами черными.
У хозяина в бороде -

льдинки круглые, золоченые
Я стою рядом с дядькой.
Морозит слегка.
Кличет дядька буланую Шкаликом.
Шумно фыркает Шкалик,
раздувает бока.
Я стою да играю фонариком.
Зимний лес молчалив,
как хворающий дед.
Вот рванулся буланый лядинами.
Зазвенели полозья.

Взметнулся рассвет
Отбеленными тенями длинными...
Тонко галки кричат.
Звонкий воздух - стальной.
На ветрах плавно птицы колышутся.

Ярким взрывом рассвет -
над застылой страной!

Звук далекого поезда слышится
В ту зовущую даль,
где мой поезд шумит,
Я уехать хочу. Пусть на Шкалике!
...Но конек семенил меж
приречных ракит.
Вот наш дом.
Снегири на завалинке.
Я гляжу на огонь.
Угли - желтые пчелы -
Перед устрем устало
гудят от жары.
Печь протоплена. Все...
Пироги испечены.
На столе самовар выпускает пары.

3

Фотографии...
Фотографии...
Кусочки моей биографии.
Да, наверное, так... И наступала пора
Пролистать их ревниво и строго.
Мы сегодня живем,
вспоминая вчера.
Но вчерашние живы дороги.
Все дороги сошлися...
И затихли слова.
Обозначилось время
дрожащей каемкой.
У завалины вновь зеленеет трава...
Я сижу с тонконогой девочкой.
А над нами кружится черемухи цвет.
Обсыпает мою дорогую невесту.
Ей семнадцать.
И мне уж достаточно лет,
Ведь не зря же вручили
на службу повестку.
Мы о чем говорим?
Разве вспомнишь сейчас.
Жизнь готовила нам
не из легких вопросы.
Но, запомнив навек синий цвет ее глаз,
Я ответил: «Наверно... в матросы».
И уехал, тепло в своем сердце
храня.
Моряки и в жестокие штормы
не тонут,
Но сказала тогда,
что не любит меня.
Я бы с берега бросился
в сумрачный омут!
Вдруг прислали письмо,
мол, она не верна
И волна поднялась, на меня набегая.

Поворот - фордевинд! -
а навстречу волна.
И другая волна. Да, другая...
Мой товарищ Володя писать
был горазд.
Был он призван служить
из старинной Калуги,
Песни пел под гитару
и страшно был рад,
Если письма читал от подруги.
Пусть бушует, клокочет
взъерошенный вал!
Стерпит все старшина
Черноморского флота.
Но однажды я видел,
как друг мой рыдал,
Разорвав пополам ее девичье фото...
Фотографии.
Фотографии.
Кусочки моей биографии.
Не только моей биографии...
Да, наверное, так. И наступала пора
Пролистать их ревниво и строго.
Мы сегодня живем, вспоминая вчера.
А вчера живы дороги!
Все дороги сошлись.
И шумят лишь трава...
Обозначилось время.
И жизни пространство.
У тревожной Земли
есть простые слова.
И одно среди них - постоянство!
Постоянство...
А есть ли оно на Земле?
Я спросил у бродяги,
ответил он: «Воля».
Я спросил у друзей на большом корабле,
И они мне: «Море».
Постоянство...
А есть ли оно на Земле?
Я спросил у подруги -
пожала плечами.
Млечный Путь над Землею
мерцает во мгле,
И кому-то не спится ночами.
Да, кому-то не спится!
Юнцу?
Старику?
А быть может, не спится
краснофлотцу Володе?
Он обязан понять на своем на веку:
Кто он есть в своем русском народе.
Прадед, дед и отец возводили дома,
Трудно жили. Да были они не капризы.

*И растили детей. Им хватало ума
Для понятия смысла
единственной жизни.
Постоянство...
Качается алый рассвет!
Нет рассветов придуманных,
призрачных, мнимых.
Человек на Земле
постоянством согрет,
Постоянством детей, и друзей,
и любимых.*

*«В одну реку - и дважды! -
никто не войдет...», -
Я учителя слушал, но думалось:
«Странно!
Да, конечно, другая вода притечет,
А река-то, река - постоянна».*

*Постоянство любви
потрясенных эпох.
Но бывает еще постоянство иное:
Постоянство давать слабосильным
под вздох,
Постоянство потешиться
чье-то виною.
Постоянство.
Да разве хотел я о том!
Постоянство свое даже у листопада.
И летит, и колышется лист
за листом...
А какая от жизни нужна
мне награда?
Вижу сложную жизнь,
вижу звезд синеву.
Милый Север! Спасибо за то,
что живу.*

ЗЕМНОЕ И НЕБЕСНОЕ ГРАЖДАНСТВО

Я шагаю заросшей дорожкой. Шагаю туда, где родился. То уже теперь и не дорожка, а обыкновенная лесная тропинка, в распадках перетянутая седыми липучими сетками паутин, в глинистых нагорках поперек подрытая кротами.

Теперь здесь не ходят. Построен насыпной большак от райцентра до усадьбы совхоза. Заросли лесные поляны с названиями Рогозинино и Лытавино. Я знал эти поляны, жевавшие зверобоем и цветочками калгана, поповником и широколистой манжеткой.

Поляны... А тут были деревни. Существует поверье, что Рогозинино и Лытавино сожгли казанские татары, остатки этих деревень разграбила и разорила беж, то есть беглые лихие люди.

Память, моя память уносит меня в далекое и светлое детство... Полдень. Солнышко над лесом. Первые пахучие мартовские проталины на буграх. Выскочил из избы пятилетний мальчишка, подбежал к проталине, оглянулся по сторонам, сопнул стоптанные серые валеночки - и давай приплясывать босиком на сырой, парящей прошлогодней траве.

Радостно колотится сердце у мальчишки, но холодна еще проталина, обжигает розовые пятки. Натянул мальчишка валенки, скинул на про-

талину фуфайлонку, свернулся калачиком на ней, повернул лицо к солнышку - и греется, греется... Кричат над полем грачи, на березе оттаскивают и без того тонкий серебряный голос синицы, бренчит рассыпчато-глухо о колодезное ведро цепь, а из колеблющегося воздушно пространства заснеженного поля доносится до деревни тревожно-призывное: «Чьи вы?! Чьи вы!!! Чьи вы!!!».

Хорошо маленькому человеку. Привольно. Весь добрый мир перед ним нараспашку. Даже птицы чибисы признают его!

В лесной деревенъке Неклюдове на Вологодчине, где я родился, еще и сегодня старые и молодые люди знают и помнят, кто кому родня. И в каком колене. Летом в Неклюдовеправляли два праздника: Иванов и Прокофьев день. К моей бабушке Надежде (Надежде Петровне Ласточкиной) из других деревень приходили всевозможные гости. И старые, и молодые. На столе красовались щи из гуся, говяжий студень, яичница, яблоки-дички из своего сада, темно-бордовое соловьевое пиво...

Отстолует, отпирует одна компания - приходит новая. Дядя Витя играл на узорчатой хромке. Таков был заведен порядок.

Если вдруг появлялся на пороге

незнакомый человек, то бабушка ласково его спрашивала: «Чьих будешь?» Гость отвечал, откуда он, и бабушка Надежа, моментально перебрав в цепкой памяти всех жителей его деревни, неизменно находила дальних родственников, связанных происхождением с новым гостем.

...«Чьи вы?! - Чьи вы!! Чьи вы!!!»

В те послевоенные годы частенько к нам наведывался дурачок Костя Вязовской. Отец кормил его горячей картошкой и солеными огурцами. Поил чаем с сахарином. Сахар в магазинчике не продавали, сахар для нас был большим лакомством.

После еды Костя садился на высокий дверной порог и закуривал козью ножку. Выпыхивая дымок, он жаловался отцу, что его нынешней осенью обманул Соломон, наш сосед. (Настоящее Соломоново имя было Александр Бровилов). Дедко Соломон, маленький, с жидкой белой бороденкой, говорил негромко, но убежденно, ходил неторопливо и всегда щурил правый подслеповатый глаз, словно кому-то подмигивал. Шептались, что толстой бабке Настасье он давал на день по три спичины: одну для растопки печи, две для самовара, который бабка Настасья кипятила в обед и вечером. Соломона считали скучерднем. Сказывали, что при раскучивании он был не больно на руку чист.

Костя помогал Соломуону копать картошку, а тот заместо куска сахара положил к чаю дурачку аккуратно обрезанную луковицу.

Костя тряс головой, разводил руками и горевал:

- Испил, значится, я стакан чаю. Испил другой! Горький-горький лук! Соломуону любо, скалится он... Худой, не наш он человек!!!

Мне становится жаль Костю-дурачка. Но была какая-то неясная обида на него. Я подбегал к Косте и сильно хлопал ладошкой по его голым коленкам. Штаны на коленках у Кости всегда были рваные. Я хлопал ладошкой по острым Костиным коленкам и быстро отпрыгивал назад.

Костя, осклабившись, замахивался на меня широченной крючкастой пятерней и визгливо вопил:

- Ко-о-лька-а!!!

Я снова подкрадывался, подпрыгивал к нему, снова хлопал по коленкам и кричал в тон его высокого голоса:

- Ко-остя-а!!!

Мы прекрасно понимали друг друга. Но наше безгрешное занятие внезапно прерывала проснувшаяся бабушка Надежа. Она с печки отчаянно взывала:

- О Господи! Царица небесная! Нельзя нигде голову приклонять... Дома - суетня, и тут содом и гомерра!.. Хватит вам, головесы толстосоплие?!

Мы с Костей затихали. Костя торопливо вставал с порога, кланялся на божницу, толкал тяжелую дверь и растворялся в белом знобком тумане. Костя был одинок. Он бродяжничал по деревням. Многие его жалели.

«...Чьи вы?! Чьи вы!! Чьи вы!!!»

Знакомые лица своей чередой неспешно проходят по тропинкам моей памяти... Известен такой факт. Отвечая В.Г. Белинскому на его гневное письмо по поводу «Выбранных мест», Н.В. Гоголь говорил: «...Общество образуется само особой, общество слагается из единиц. Надобно, чтобы каждая единица исполнила должность свою. ...Нужно вспомнить человеку, что он вовсе не материальная скотина, но высокий гражданин высокого небесного гражданства. Покуда он хоть сколько-нибудь не будет жить жизнью небесного гражданина, до тех пор не придет в порядок и земное гражданство».

Земное и небесное гражданство по сути своей единокровны и единодуховны. Намеренное противопоставление одного другому - удел людей, не до конца понявших свое жизненное предназначение. Любой человек на Земле обязан «исполнить» должность свою... «Не зря, хотя и с долей иронии, в народе говорят: «На Бога надейся, да сам не плошай!»

Добрые искры земного человеческого огня летят к звездам. Открывая свою книгу «Чибис в поле кричит», хочется привести верные и вещие слова русского поэта Ольги Фокиной:

Храны огонь родного очага!

И не позарься на костры чужие! -
Таким законом наши предки жили
И завещали нам через века:

Храны огонь родного очага!

Николай ДРУЖИНИНСКИЙ

КОГДА ЗАМИРАЕТ ЛЮБАЯ БЫЛИНКА...

**АЛЕКСАНДР
ДУБИНИН**

Александр Михайлович Дубинин родился в посёлке Несвайское под Вологдой. Учился в Ярославском художественном училище. После армии участвовал в молодёжных художественных выставках. Стихи начал писать в двадцать шесть лет, но именно они стали основным занятием в жизни. Автор ряда книг стихов, публикаций в журналах «Автограф» и «Вологодский ЛАД». Печатался в районной и областной прессе.

Птицы по России закричали,
Окликая раннюю весну.
Капли веселее застучали.
Луч пробился к тёмному окну.

И поверил каждый в эту малость,
Сердцу отвечая своему.
Детская, навязчивая радость
Не по силам стала одному.

Боль отошла. Весеннюю разрухой
Была земля тогда полна.
И я опять воспрянул духом,
Вдруг окунувшись в сутолоку дня.

Я трогал зелень тонких веток
И вспоминал, чем жизнь красна.
Бурьян, как в детстве,
пахнул летом.
Хотя не кончилась весна.

Весна, как тысяча событий.
Одновременно. Все сейчас!
Спешит ручей, и сохнут плиты,
И на тропинке лед и грязь.

А дома новые заботы:
Проветрить комнаты. Балкон
И окна на лето открыты,
И мусор выброшен уж вон!

И целый день - воспоминанье.
Закрыты окна. Вымыт пол.
И отдохваешь от сознанья:
Весна. Все заново обрел!

ВОРОНЫ ТОРЖЕСТВА
Без начала, без предела
Окунусь в стихию дня,
Чтобы капля обалдела
Налетела на меня!

Чтобы хриплый грай вороний
Говорил мне: «Жизнь жива!»

Я - сегодня посторонний.
Здесь вороньи торжества.

Да и мне какое дело
До людского воронья!
Стая снова прилетела
И притихла без меня.

ПУТЬ

Не весь еще пройден был путь
одинокий.
Наивно таинственный от взглядов людей...
Однако ответствуй:
«Во имя чего ты
До свету пустился?»
О, путь без огней!

Когда замирает любая былинка,
А куст шевелится, и ширится мгла,
Душа, обмирая, уже не боится, -
Ведь всё ей знакомо, как путь до села...

Однако скажи мне: какая причина,
Что в путь ты пустился и в вёдро,
и в дождь?
Молчит, затаившись, ночная долина,

Лишь слышно в дороге:
«Куда ты идешь?»

ЗВЕЗДНЫЙ ЧАС

Гляди, гляди туда, в природу.
Что там мерцает на стерне,
И что за блажь,
Кому в угоду
Закат пылает в том окне?

И почему потом так тускло,
Уныло,
Пепельно вокруг?
Там ночь спешит,
Всё вводит в русло
И завершает жизни круг.
Но нам еще дано заметить,
Как наступает звездный час.
Поток шумит,
И звезды слепят,
И вечность обнимает нас.

БОЖЬИМ ИМЕНАМ

Васильки расплющут на глине,
Будто в вечной мерзлоте.

Хлеб наш днесь на той же льдине:
В белой снежной сухоте.

Хлебу-стеблю, великану
Ближе к солнцу, к облакам,
К суховою-хулигану...
Пей, гуляй по кабакам!

Дождь да град. Свалялось поле.
Разгулялись на беду.
О свободе да о воле...
Еши, бродяга, лебеду!

Запивай судьбу водою
Из заросшего ручья.
Будь послушным - «удостою»...
А строптивому - свеча.

Родину скатал в яйцо,
Не тяжелее от него котомка,
И оставил отчее крыльце,
Вдали махнул...

Куда? Насколько?

Так иду. Не ближе окоём
И дорога не короче.
Всюду дома. Всюду дом.
Всюду небо у обочин.

Видно, Богом я любим.
Вечно юный. Вечно сущий.
Я от Бога пилигрим,
А не просто пыль гребущий.

В жгут свивая облака,
Пыль винтом. Растрёпана ворона.
Град сечёт наверняка

С высоты небесного амвона.
Отдышился. Светел день.
Дух высок и солнышко не имеет.
Шевелиться вроде бы не лень.
Добрedly.
А Бог меня признает...

НОВЫЙ ГОРОД

Освещённая далью дорога.
Лёд, и снег ноздреватый, и дым.
Мёрзнет девочка-недотрога
И цыганка.
Которой за тысячу зим.
И весна, как разбухшая капля
В мироздании встречных чудес.
Мёрзнет девочки тонкая талия.
Как влюблённый, шатается лес.

И взлетают деревья упрямо.
Хлопча, оседает на лёд
Прогремевшая чёрная стая,
Потерявшая времени счёт.

И, оглохишему, сон прогоняя,
Мысль внезапная: «Жизнь впереди!»
И сползает кора ледяная
С берегов, и торчит из воды.

А дорога летит, надвигаясь,
Но никто не глядит на неё.
А цыганка: «Давай погадаю,
Погадаю на счастье твоё!»

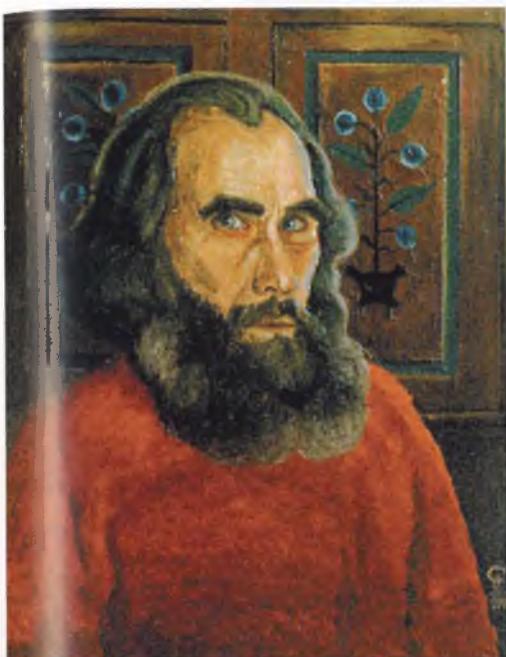
Нет, цыганка, в пути остановка.
Ты не знаешь о ней. Извини.
Пахнет ветром и стужей обновка.
Новый город. Вон, видишь, огни!

РИСУНКИ ТАМАРЫ НУЙЯ

Николай САЖИН

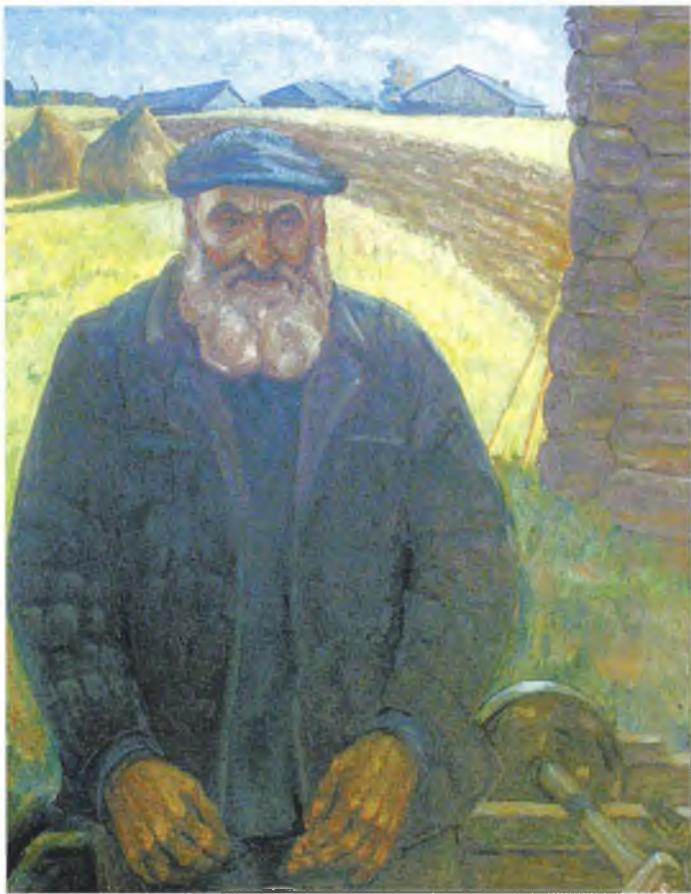
живопись

АВТОПОРТРЕТ. 2000. Холст, масло

ОСЕННЯЯ МЕЛОДИЯ. 2006. Холст, масло

СТАРОЖИЛ. 1980. Холст, масло.
Тотемское музейное объединение

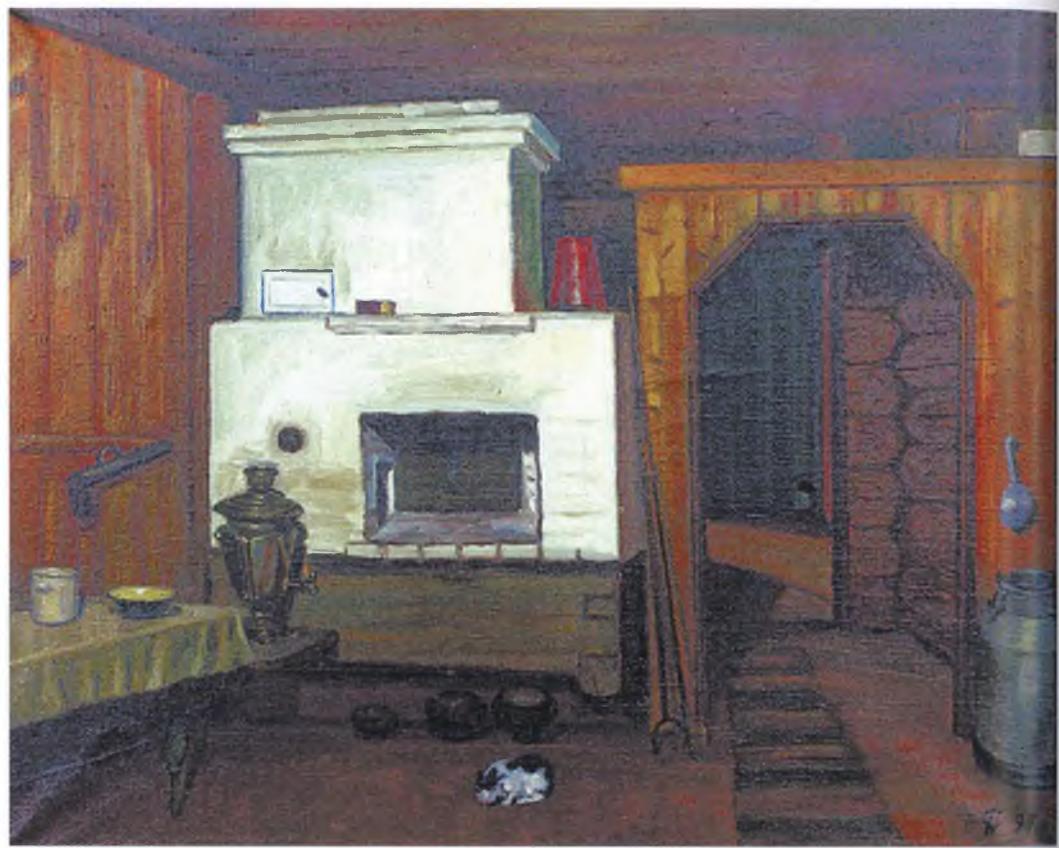
НАТАЛЬЯ. 1981. Холст, масло. Тотемское музейное объединение

В ЗАБРОШЕННОМ ДОМЕ. 2001. Холст, масло. Тотемское музейное объединение

ЛИПА В КУЗНЕЦОВЕ. 1997. Холст, масло. Тотемское музейное объединение

КУХНЯ. 1997. Холст, масло. Тотемское музейное объединение

ТОТЬМА. 2001. Холст, масло

АРКА СПАСО-СУМОРИНА МОНАСТЫРЯ. 2005. Холст, масло

ЯРОСЛАВИХА. 2002. Холст, масло. Тотемское музейное объединение

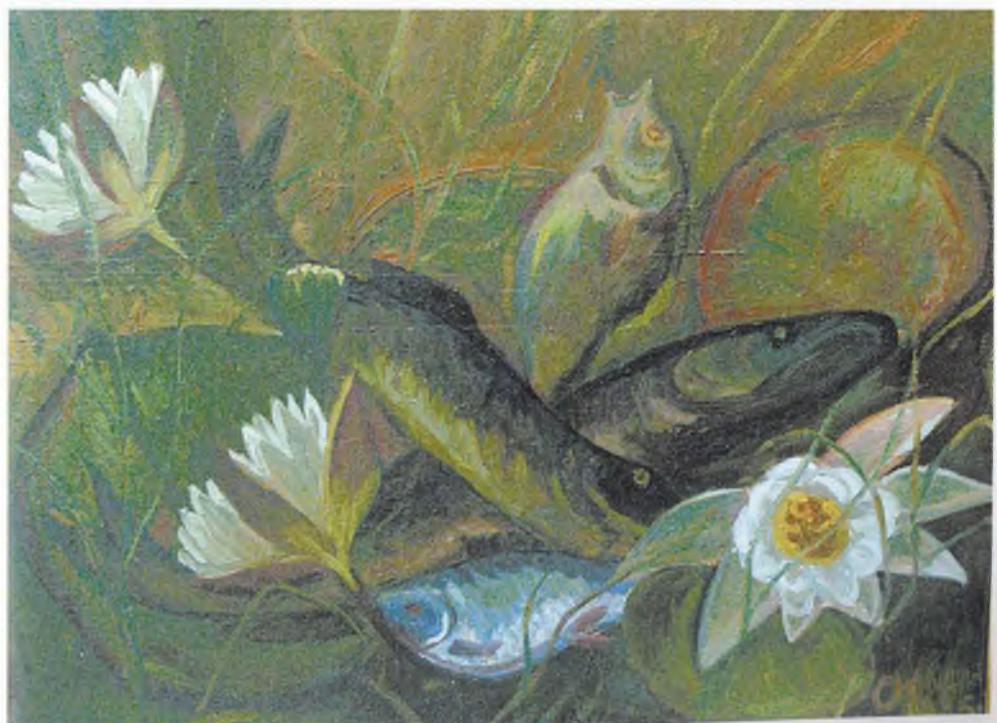
КРАСНАЯ РЯБИНА. 1998.
Холст, масло. Тотемское
музейное объединение

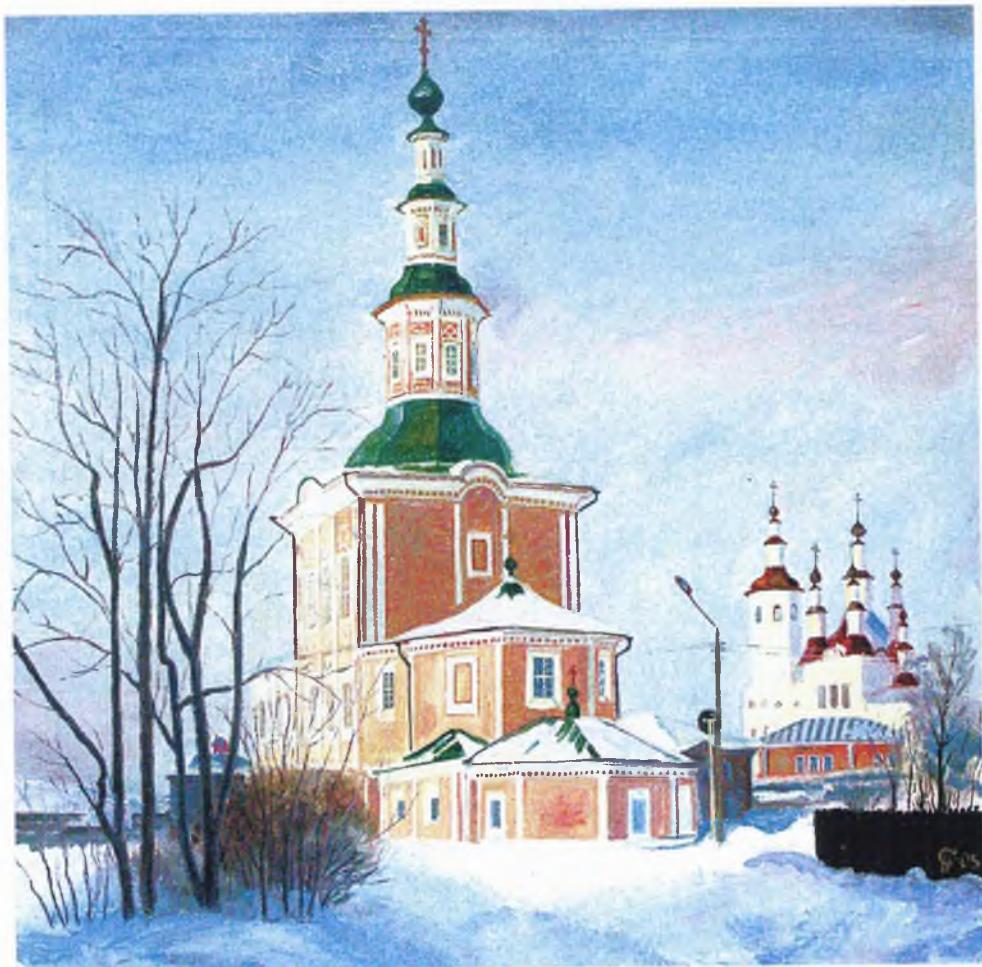
ПРОТАЛИНЫ. 1983. Холст, масло. Тотемское музейное объединение

ЗОЛОТОЙ ВЕЧЕР. 1984. Картон, масло. Тотемское музейное объединение

ОЗЕРНАЯ РЫБА. 1985. Холст, масло. Тотемское музейное объединение

ЦЕРКОВЬ РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА. 2005. Холст, масло. Тотемское музейное объединение

БОГОРОДСКАЯ ЦЕРКОВЬ НА КОЧЕВАРЕ. 2006. ДВП, масло

Я НЕДАРОМ ПРОЖИЛ ЭТИ ГОДЫ

**АЛЕКСЕЙ
ИВИН**

Алексей Николаевич Ивин родился в 1953 году в Вологодской области.

Окончил Литературный институт им. А.М. Горького. Работал в МО СП, в журналах «Сельская молодежь» и «Наш современник»; публиковался в журналах «Памир», «Октябрь», «Литературная учеба», «Литературной газете» и др. В 1992 году вологодский журнал «Лад» опубликовал рассказ А. Ивина. Сейчас живет в городе Киржач Владимирской области.

*В час Куинджи, под шепотом ночных
Сонных лип и акаций пахучих
Не спеша пробираются тучи
По серебряным тропам Луны.
Пыль влажна под босою ступней,
Тень ограды легла на дорогу,
Ноги сами стремятся к оврагу,
Привиденья встают за спиной.*

*Пока в небе висят, не качнутся
Оловянные эти часы,
Я хотел бы упиться росы
Или даже на крыше очнуться.
Белой тенью края тишину,
Мотылек пролетел над крапивой.
Если б всех вас сослать на Луну,
О, какой бы я был здесь счастливый!*

*Как грустно одному - бревно
не распишить,
Обнявшись не поспать,
в холодный вечер не
Посплетничать за тортом,
с досады не вспылить
И утром не узнать, что видели во сне.*

*Потом на службу не пойти
к отцу и тестю
(Они начальники),
от мудрых «рулевых».
В обед не съесть супчи и шесть
сосисок в тесте
С товарищем (каким-то из родных).*

*И в шесть ноль-ноль домой,
от недостатка плоти
Её соединить двудольную, в одну,
Идешь, бывало, так, идем, идут,
идёте
И славите великую страну.*

*Зачем? Зачем? Зачем приходим
в этот дол?
Не ясно никому: не спасся
ни единий.*

Все умерли живьем,
всех сатана увел
из тьмы живых веков во тьму
его кончины.
Сто лет ли проживи, два дня,
сего дня, миг -
из тьмы веков во тьму,
как этот снег сегодня,
Лишь промелькнешь в глазах
заведомо чужих,
не узнан, не любим, не духов,
не природный.
Кто знает, что тогда тот думал
трилобит,
что ныне на моем столе
окаменелый?
И почему теперь то море
не штормит?
И где состав того, в котором
все мы целы?
Я был глаза и слух,
когда черней чернил
стояла ночь, как черт,
и вдруг обозначал он
Зарницей рубежи, которые чертил.
как если б великан огнь
высекал кресалом.
Он не был или был?
Он призрак или явь?
Куда от искры той девались
духи ночи?
Зачем тревожить нас,
зачем пускаться вплавь
По океану бед за миражом удачи?
И вот прошло с тех пор
пятнадцать тысяч дней,
таких же, как и та ночь августа
и зова,
Ни разу тех зарниц,
обманчивых огней,
Молчаньем обложным
не упивался снова.
Что стало с тем огнем?
Не мог исчезнуть он,
как лапти и стрельцы,
как зевсы и химеры,
И трепет той души не перерожден,
и тот же ток течет
такой же атмосферы.
Я не хочу дарить безумному скопцу,
из ничего в ничто
просеявшему время,
Ни грана тех семян,
что моему отцу
Сквозь решето судьбы отпущено
со всеми.

Вы можете прожить
еще хоть миллион
веков, на Эверест -
обедать в авиетке,
Я не пойму, зачем,
зачем я был рожден
Со всеми вместе
в золоченой клетке!

ВЕТЕР

Как шерсть овец, по небу колеся,
Свалявшиеся тучи ветер гонит.
Кто прежде часто видел небеса,
Теперь во храме кротко
шую клонит.
Вкушать обманчивость слетелись
мы на свет
Вина и хлеба к муравьям и мушкам.
Но ветра свист -
вот истинный привет
От неба мужественным душам.
О чем бубнит тот гнусный трупоед
В свечном угare? Выгляни наружу:
Там ветер лепит снегом и поет,
До ангелов прознавливая душу.
И так уйти от люда до зверей
Достойно правому
по этой снеговерти,
Пусть даже здесь,
в пространстве без дверей,
Земля и воля не спасут от смерти.

НАПОЛОВИНУ

Жизнь поэтов у всех на устах.
А меня, видно, боги забыли:
Если верил - испытывал страх.
Если жил - пустоту и бессилье.

Мне рабочий, дыша перегаром,
Клад помельче каменья в мешок,
И торил я к придуркам и барам
Путь наверх, чтобы встретить
смешок

«Нам оттудов, с-под низу, не надо.
Брось оружье. Мы мирные, ить», -
И, как грешника в дантовом аде,
Хвать багром меня, чтоб утопить.

Как мне быть? Без греха улечу я
Как мне быть? А с грехами сопьюсь
И швырял я в рабов и буржуев
Из мешка свой кармический груз.

Круговая моя оборона
Так нелепа, что, «орбит» жуя,
Не пойти ль по окружности склона
Прямо в сумрачный лес бытия?

И катился мой обруч от бочки,
Погромыхивал обод колес,
Пел подшипник, а вот полусь
Все шаталась, шаталась...

НАПУТСТВИЕ

Есть жизнь - милее схем, и ум -
отважней службы.
Но телу хорошо, куда тропа ведет,
Когда ни жизнь, ни ум нам
попросту не нужны,
А только встречный кто
да новый поворот.

Устанешь - так приляг.
проголодался - скучай
Что Бог пошлет,
а Он благоволит тому,
Кто ищет света звезд
и под дырявой крышей -
Не злата дураков
у времени в плена.

Не отомстят они свободному,
не смогут:
Пора на службу им.
И вам пора в дорогу.

КОРОТКАЯ НОЧЬ НА СУХОНЕ

У самой короткой ночи - самая
длинная скука.
Небосвод голубой и сиреневый.
и такая кругом тишина,
Что даже собаки лают нехотя
друг на друга
И полет мотыльковый -
как обещание сна.
Им в вечной тоске живется,
нашим аборигенам,
Моим землякам, от которых
моя зевота до слез,
В Тотемском районе,
славном и офиженном
Землепроходцами, основавшими
некогда Форт-Росс.

Да лучшие бы мне в Тобаго,
в Фассовано-Буркино бы,

В Гренландию бы к тюленям.
на остров Елены Святой,
Да лучшие бы в Крестах,
в Бутырке я эту неделю пробыл,
Чем слушать, что каждый вечер
бормочет мне козодой,
Чем слушать кошачьи драки,
да гавканье песней своры,
Да комаров гуденье,
да иволгинных фиоритур
(Простите мою небрежность!),
да лодочные моторы,
Да смех гулен поселковых,
этих чувственных дур.

Внизу - туманная дымка,
вверху - голубая чаша,
Только след реактивный,
как трещина - поперек.
И думаешь: Господи Боже!
Вот она, жизнь-то наша!
Мне уже скоро сорок,
а я ничего не сберег.
Мимо холодные воды
катит река Сухона,
Правильнее - Сухона,
отстойник всех ЦБК.
Поживу пока, понадеюсь.
Умирать пока нет резона.
Однако и жизнь такая - не жизнь
и не смерть. Пока.

Я недаром прожил эти годы.
Я извлек бесполезный урок:
Одинокий достоин свободы
И свободный вполне одинок.

Я в любви бы купался, как в море,
И на сильной волне устоял.
Но не вынесет женщина бури.
А покоя не вынесу я.

На последних пределах замещен.
Хладнокровен, как Аменхотеп,
Я искал исключительных женщин,
Но семейный отыскивал склеп.

Если. Господи. Ты не в обиде
На охальника, милость яви:
Я свободен, увы, я свободен,
Одинок и достоин любви.

СРЕДИ УЗКОЙ ЛИСТВЫ ИВНЯКА

**АНДРЕЙ
КЛИМОВ**

Андрей Николаевич Климов родился 8 мая 1963 года в городе Красавино Вологодской области. Закончил школу рабочей молодежи. Работал разнорабочим, заготовщиком упаковочных материалов, слесарем-ремонтником.

Стихи публиковались в областных газетах, альманахах «Истоки», «Парус», «Великий Устюг», журналах «Мурзилка», «Север», «Автограф» (Вологда), коллективных сборниках. Автор поэтических книг: «Полосатый мир» (Вологда), «Земные звезды» (Красавино), «Под русским солнцем» (Великий Устюг).

НА ДРЕСВИНСКОМ УГОРЕ

На Дресвинском угore - не горе,
На Дресвинском угore метель.
С ней все утро отчаянно спорит -
Размахавшись - еристиая ель.

Что же вместе им там не хватает
И о чём у них яростный спор?
Но упрямо всю правду скрывает
От меня седовласый угор.

Я, внизу не дождавшись ответа,
По дороге наверх поднимусь.
И замру... И ослепну от света,
Вдруг увидев метельную Русь.

И промолвлю с надеждою зыбкой,
Ощутив на груди своей крест:
- Может, в Библию вкрадалась ошибка
И Христос... Он из этих вот мест...

МАЛОДВИНЬЕ

Снова утром брожу,
Как и прежде бывало, один я
По сырому песку
Среди узкой листвы ивняка.
И вдыхаю в себя
Свежий воздух лугов Малодвина
С ароматом цветов,
Не упавших под ноги пока.
Что же надо душе?
Что ее постоянно тревожит?
Не найти мне ответ
И в застывшей в кустах тишине...
Но на этой земле
Я отнюдь не случайный прохожий,
И все боли ее
Откликаются эхом во мне.
Я живой, я живу
И все жду, как другие, удачи.
Только мне одному
Среди диких кустов тяжело.
Когда юный рассвет,
Как ребенок детдомовский, плачет
От бессилья упав
На оглохшее за ночь
Село.

ЗЕЛЕНОЕ СОЛНЦЕ

О, сколько зеленого солнца
В разбуженном ветром лесу!
Оно на березах смеется
И греет на травах росу.

Оно и в бору, и в болоте,
Оно зеленеет на пнях.
И даже его вы найдете
Лежащим босым на камнях.

Но если в лесу кто-то не был,
Скажу ему так: «Ну и что?
Есть солнце над городом в небе...»
Есть солнце! Но это не то...

ОДИНОКАЯ ГРОЗА

Я курю. Тихо радуюсь лету.
Всюду ночь. И покой должен быть.
Но вдали туча мнет сигарету
И не может никак прикурить.
И ворчит она с неба сердито,
И все ищет поддержки мужской...
Я курю. Моя дверь не закрыта.
Но не надо мне гостьи такой.
Я не рад сейчас пьяной погоде:
Против разум и сердце мое.
Эта туча пусть мимо проходит.
Если жду - то я жду не ее...

ПРОЩАНИЕ

Снег летит и летит
Прямо с неба на голые чащи,
На истоптанный плес
И немые размывы реки.
Еще несколько дней
Нам грустить до зимы настоящей,
Еще несколько дней
Осень будет трепать ивняки.
А потом сберет
Небогатые, право, пожистки
И уйдет поутру
В незнакомую серую даль.
И оттуда пошлет нам
В конвертах цветные открытки,
Чтобы белой зимой
У нас в доме желтела печаль.
Нам не надо ее,
Нам надолго своей еще хватит:
На суровой земле
Не становится жизнь веселей.
Снег летит и летит...
Но пока эти хрупкие рати

Погибают с тоской
На осенних просторах
Полей.

ВЕТЕР

Как хорошо... О, Боже! Боже!
Сидеть в потемках у реки,
Когда ветрище не тревожит
Вокруг густые ивняки.

Когда он нервно не хохочет,
Не рвется к пламени костра,
И я один в разливах ночи
Тону до самого утра.

А утром... Мы с ним разминемся:
Для игр он выберет лесок.
А я увижу, как на солнце
Дрожит и плачет поплавок...

ТЫ И ЛЮБИШЬ НЕ ТАК...

Тебя часто зовет высота,
Ты, наверное, все же оттуда:
В твоем сердце
Живет красота
Неизвестного гордого люда.
Ты грустишь, ты и любишь не так,
Как другие...
Не так ты и дышишь.
Тебе душно
Под прочною крышей, -
Надо в крыше дыру.
Хоть с кулак...
Чтобы видеть в нее огоньки,
Чтобы видеть звезду над болотом,
И как дремлют дома у реки
Над истлевшим в земле
Звездолетом...

ПЕРЕД СНЕГОПАДОМ

Всем зимой я желаю удачи,
И тепла, и поменьше невзгод.
Тихий день. Тучка в небе рыбачит,
Пробурив неулыбчивый лед.
Пробурив его там, над домами.
Видно, ей захотелось ухи...
...Снег скрипит и скрипит
под ногами.
Он не слышит моей чепухи!
Но я все же желаю удачи
Тем, кто очень нуждается в ней.
И надеюсь, что небо не спрячет
Серебристых своих окуней...

В ЧИСТОМ ПОЛЕ

Как хотелось тебя приласкать,
Оградить от назойливой выюги!
Но ты спрятала сердце опять
Под надежные кольца кольчуги.
Ты себя защищаешь сама.
И никто тебе рядом не нужен.
Ах, зачем в чистом поле зима
Узкоглазым татарином кружит?
Ах, зачем она прямо с коня
Всюду мечет холодные стрелы?
И, смеясь, обвиняет меня
В том, что ласки мои неумелы?
Ах, давай лучше в дом мой уйдем
И затопим в нем теплую печку..
И кольчуга, надежная днем,
Вдруг рассыпается вся по колечку!..

Мы не будем на выюгу шуметь,
Что застонет, заплачет
над крышей.
...Никогда, слышь, родная, зиме
Я не дам твоё сердце услышать...

РАССВЕТ

Я шел на берег речки вдоль болота
И все смотрел с тревогой, как вдали
Без помощи других упорно кто-то
Отталкивает солнце от земли!..

Он, для страны стараясь,
надорвется
И будет неизвестным для страны.
...А все же хорошо дарить
всем солнце,
Отмытое до яркой желтизны!

ФОТО ИГОРЯ АКСЕНОВСКОГО

ДУША ЗАКУРЛЫЧЕТ ОТ СЧАСТЬЯ...

**ЮРИЙ
МАКСИН**

Фото Александра Торопова

Юрий Михайлович Максин родился в 1954 году в деревне Плосково Череповецкого района. В настоящее время живет и работает в городе Устюжне Вологодской области. Автор пяти поэтических сборников, последний из которых - «Навеки твой...» вышел в 2006 году в Москве, в издательстве журнала «Юность». Стихи Юрия Максина публиковались в журналах «Москва», «Наш современник», «Роман-газета. XXI век», «Встреча», «Юность», «Север», «Русская провинция», «Невский альманах», «Литературная Россия» и других.

Я брожу по ночной
нелюдимой земле,
где витают родимые тени.
Никого не зову в обнимающей мгле -
неприкаянной памяти пленник...

Им слова не нужны. Все, что думал
сказать,
тени чуют, без слов понимают.
Ах, как хочется тени родные
обнять!..

Но они, поманив, исчезают.

ДРУГИЕ ГОРОДА

Я бывал в городах,
незнакомых совсем.
Я бывал в городах, возведенных
во сне.
В тех старинных, почти
деревянных -
избяных, слюдяных, филигранных.

Кто сплетал кружева этих улиц,
мостов?!

Я их трогал руками,
был плакать готов.
Так все крепко, надежно
и пахнет судьбой
не украденной,
не подмененной - родной.

Слобода кузнецов,
слобода рыбарей...
Лента башен и стен, и княгиня на ней,
осиянная светом, как Божия Мать,
ей далёко видать и далёко сиять.

Я бывал в городах,
я бродил невидим,
словно тень, словно тать,
а хотел быть своим.
Я кричал и метался во снах,
как в бреду,
думал, снова дороги сюда не найду...

Мне в тяжелые дни, чтобы жить,
чтобы жить,

посылает судьба путеводную нить,
чтоб, восстав ото сна, я и верил,
и знал -
это в русском раю я во снах побывал.

Юрию ПОЯСОВУ

«На кровь влияет геохимия
ландшафта,
где ты рожден, имеешь
место жить...»

О, как, ученый друг,
бываешь прав ты!
Я даже не пытаюсь возразить.

На кровь влияет снег
и вольный ветер,
влияют горы, воды, города...
Влияет все,
чем Бог народ отметил,
и даже то, что Он же недодал.

А мы живем и чуя, и не чуя
пригляд Всевышнего,
родных просторов новь.
О, Господи! Сколь долго сберегу я
к многострадальной родине любовь?..

Кому-то кирпичные стены
создали желанный уют.
А мне деревенские гены
в спокойствии жить не дают.

Гремишь ли разорванной цепью,
кричишь ли, хлебнувши вина,
душа, словно птица над степью,
как в прежние годы, - волна.

Как в прежние чудные годы,
когда механический век
еще не поставил заводы
на русла и промыслы рек.

Ах, милая наша природа,
порода счастливых людей!
Все стерли жестокие годы,
все высушил век-суховей...

Душа закурлычет от счастья,
коль свидеться ей суждено
по Божеской милости- власти
со всем, что исчезло давно...

КЛЮЧИ

Не ищи причин, не ищи.
Не исправить прошлого ввек.
Надо бросить в речку ключи,
просто я - другой человек.

Я и сам их в речку бросал.
Но, пока я шел-голосил,
кто-то их со дна доставал
и наутро мне приносил.

Не о тех ключах разговор,
не о том, где был и что врал.
Просто тот - законченный вор,
кто чужое счастье украл.

Я оплатил свободу до утра
в гостиничной убогой одиночке.
Иссякла кровь уставшего пера.
Так я дошел до тихой синей точки.

Рассвет забрезжил. Спали фонари.
Они всю ночь отчаянно светили.
Их с вечера зачем-то напрягли
и только утром разом погасили.

А я смотрел на точку, что росла
и превращалась в синее
пространство.
Исчезла грань листа, потом стола.
Так я сменил и время.
и гражданско...

Я стал ничей, нигде и никогда.
Какой-то звук пытался
достучаться.
Я оплатил свободу навсегда,
и не хотелось в рабство
возвращаться.

ЧАЙКА

Нахмурились синие воды,
их ветер порывом смутил.
Надрывный гудок парохода
прощающихся торопил.

Красивая чайка взлетела,
когда отдалялись земля,
и девочка в платыше белом,
и мать, и отец, и друзья...

Без звука душа закричала,
когда их из глаз потеряла.

Меня у другого причала
никто не любил и не ждал.

Лишь чайка, бывало, кружила
над новым, случайным, жильем,
как будто мне весть приносила
о тех, кого любим и ждем.

ПИСЬМА

Ты открываешь письма,
что в них - еще не знаешь.
Целые книги писем -
правда в них есть и ложь...
Это всего лишь письма,
которые ты читаешь.
Это всего лишь письма,
которые ты прочтешь.
В чых-то безумных строчках
сразу себя узнала.
Чьей-то чужой печали
в сердце вошла стрела...
Это всего лишь письма,
которые ты читала.
Это всего лишь письма,
которые ты прочла.
Завтра, а может, позже
станет судьба яснее.
Годы прошли в разлуке,
счастья - на медный гроши...
Это всего лишь письма,
которые душу греют.
Это всего лишь письма,
ты их не раз прочтешь.
Письма! Письма!
Это всего лишь письма!

Душа моя! Снег бел и тёмны ели.
Два дня в трубе нещадно ветер выл.
В метель ко мне две птахи
запетели,
сегодня их, залетных,
след простили...

Один стою в широком белом поле,

где ни души, где даль чиста,
и тиши.
И я гляжу за горизонт до боли,
откуда ты, быть может,
прилетишь.

**Скажи мне, кудесник,
любимец богов,
Что сбудется в жизни со мною?**
А.С. ПУШКИН

«Скажи мне, кудесник,
за что среди дня
тоска, как змея, укусила меня?».

«Не знаю, за что, -
мне кудесник сказал, -
я видел, как ты на дорогу упал,
как черные птицы слетались
на пир.
Но ты не покинул
истерзанный мир.

Ты встал, отряхнулся
и дальше пошел...
А счастья ты, точно,
пока не нашел».

«Как знаешь, кудесник, -
ему я сказал, -
жизнь стала похожа
на шумный вокзал.

Приходят, уходят, а сердце
как плод,
который кусают, а кто-то сорвет.
В такие минуты живу чуть живой
и бьюсь об дорогу шальной головой.
Но, если поднялся, я снова иду
и, слышишь, кудесник,
я счастье найду!»

МЫ - ЧАСТЬ РОССИИ...

БОРИС ОРЛОВ

Борис Александрович Орлов родился в 1955 году в деревне Живетьево Ярославской области. окончил Высшее военно-морское инженерное училище им. Ф.Э. Дзержинского (1977) и Литературный институт им. А.М. Горького (1985). Тридцать три года прослужил на Военно-морском флоте, пройдя путь от курсанта до капитана 1-го ранга. Офицерскую службу начинал на атомных подводных лодках Северного флота. Публиковался в журналах «Нева», «Звезда», «Юность», «Наш современник», «Огонёк», «Молодая гвардия» и др. Стихи и статьи о его творчестве публиковались в США, Англии, Китае, Японии и других зарубежных странах. Лауреат премий «Золотой кортик», имени К. Симонова и В. Пикуля. Автор 13 книг стихов. Секретарь правления Союза писателей России.

Сергею Хомутову

Пляшут на мокрых лугах журавли,
Плещутся юные грозы.
Ландыш - слезы весенней земли,
Радости светлые слезы.

Кроны деревьев, как пламя свечи,
В небе колышутся нежно.
Ландыш - в белых одеждах врачи.
Вестники вечной надежды.

Сердце ожило. И сумрак погас.
Роща - святая обитель.
Светится возле заплаканных глаз
Ландыш - мой ангел-хранитель.

Июль. Мухобойка на стуле
И липкая лента в окне.
Воркует голубка. От тюля
Узоры дрожат на стене.

Синеет окно, как заплатка.
Букет васильков пред лицом.
И дремлется чутко и сладко
Под шелест листвы над крыльцом.

Пологая крыша сарая,
Котенок прилег на краю.
Не надо придумывать рая
Живущим в июльском раю.

**Памяти русского императора
Николая I**

Голодным - хлеб и русский квас.
Бездомным отворите двери.
В Нагорной проповеди нас
Христос учил любви и вере.

Над Иорданом день погас,
Как над Мологой и Тунгуской.
Христос - рус и голубоглаз,
Он - добр и справедлив.
Он - русский?!

Восходит русская звезда
На небосклон в преддверье чуда.
Но в кресло слева от Христа

Всегда стремится сесть Иуда.

Наш путь - к духовной чистоте,
С него не уведут химеры...

Мы под крестом и на кресте
Не отрекаемся от веры!

РУССКИЕ

Нас не поставить силой на колени.
Но можно обмануть.
Мы часто побеждаем

отступленьем.

И в этом суть!

Мы только Богу в храмах
бьем поклоны,
Даем гонимым хлеб и кров.
Для русских пятая колонна
Опаснее других врагов.

И жизнь не в жизнь.
Ее уклад разрушен.
А смысл существования нелеп:
Мы незаметно губим
наши души
В борьбе за хлеб насущный...
Горек хлеб!

Теряем веру -
обострились грани
Проблем.
Не замечаем свет в окне.
Мы гибнем на войне
за выживанье -
Гражданской
необъявленной войне.

Рассадник ревности и сплетен -
районный центр. Он не заметен
на карте мира - мал масштаб.
Село - один сплошной ухаб,
а выше всех удельный князь
Споткнешься - вляпаешься в грязь.
Здесь свой уклад и свой акцент,
И все же люблю районный центр...

От темноты сойдешь с ума,
Сон тяжелей наркоза.
Крадется черная зима
Без снега и мороза.

Дверной глазок. Недобрый взгляд,
Чужие силуэты.

И, как фонарики, горят
В подъезде сигареты.

И черен день. И ночь черна.
И чернота не гаснет.

На мир тревожней из окна
Смотреть... но безопасней.

Винят сосед соседа, брата брат.
Правители пускаются
в витийство.

Безгрешных нет.

И каждый виноват,
Когда вокруг свершаются убийства.

Затоптаны поля, поломан лес,
Не отличить в дыму позор
от славы.

Война - огонь, спустившийся с небес,
Карающий и правых, и неправых.

Ты нищий... Но отстаиваешь пылко
Идеи, где зеленая тоска.
И даже джинн пытается

в бутылку

Залезть, а не взлететь под облака.

Твердишь, что атмосфера -
деловая,
А раньше ты такого не знал.
Но джиннов без прописки разливает
В стекло ликеро-водочный подвал...

Юрию Шестакову

Битва за веру. Ручьями
Льется кровь... Шепот молитв.
Сотня монахов с мечами
В первой шеренге стоит.

Крепче и камня, и стали
Вера... Я верой клянусь!
Черною сотней назвали
Тех, кто сражался за Русь.

В битвах не ведали страха.
Вижу сквозь отзвуки гроз
Черные рясы монахов -
Смотрят с хоругвей Христос.

...В наших каютах и кельях
Молится Родина-мать.
В рясах и флотских шинелях
Нам за Россию стоять!

НАШ КОРАБЛЬ

Россия, не зная курса,
Плынет себе наугад.
Как первый отсек от «Курска»,
Оторван Калининград.

Не просвещен, не обучен
Вовремя наш экипаж.
И по борьбе за живучесть
Не проведен инструктаж.

Гибнем в подъездах и в штреках -
Страшен кровавый след.
Но «Осмотреться в отсеках!»
Сверху команды нет.

Взрывчатка, ножи и пули -
Топит Россию братва.
Словно винты, погнулись
Курильские острова.

Омыла нерпа в море ласты
Семидесятой широтой.
Цистерны главного балласта
Пустили воду на постой.

В центральном свято, словно в храме.
Лениво вертятся рули.

Декоративными цветами
Табло в отсеках зацвели.

Наш мир безмолвием озвучен.
Спит черным космосом вода.
И астероидно тучей
Плынут над нами глыбы льда.

В отсеках - день, в подлодке - лето.
Моря - начало всех начал,
Но, как замерзшая планета,
Нас встретит холдом причал.

Экипажу атомной подводной лодки «Волгоград»
Нам под волнами шар земной
послушен,
В реакторе беснуется уран.
Уходит от причала наша суза
И курс берет в открытый океан.

Подводников возвышенные лица...
Но где мы, неизвестно матерям.
Мы - часть России,
мы несем границу
Страны по океанам и морям.

То солнцем обожжен, то вновь
простужен
Над зыбкими волнами горизонт.
Для государства субмарины - суза,
Россия там, где наш
подводный флот.

И ТАК НА СЕРДЦЕ СТАЛО ЧИСТО!..

В декабре 2005 года состоялся многим вологжанам памятный выездной секретариат правления Союза писателей России, посвященный 70-летию со дня рождения Николая Рубцова. С него начались рубцовские торжества, которые прошли по всей стране и выявили интересную закономерность: оказывается, тяга к истинной поэзии в нашем обществе среди российских читателей вновь оказалась востребованной и весьма активной. Среди тех, кто приехал в те декабрьские дни в Вологду, был и поэт из городка Тосно под Петербургом Николай Рачков. Вместе со своими товарищами, среди которых можно назвать известные в современной литературе имена - Егора Исаева, Николая Зиновьева, Геннадия Иванова, Надежды Мирошниченко, Геннадия Красникова и других, он впервые для себя открыл красоты Вологодчины и почувствовал открытые для добра души вологжан. Теплый прием в Вологде гостей просто поразил, и впечатления от этих дней оказались на их творчестве. Это самый лучший итог такого рода мероприятий. В только что вышедшей в Санкт-Петербурге новой книге Николая Рачкова «Ивы над омутом» опубликован его вологодский цикл стихов. Также специально для журнала «Вологодский ЛАД» он прислал и свои новые произведения.

*Я вижу ясно и поныне
Все то, что я не позабыл:
И берег речки в красной глине,
И росчерк ласточкиных крыл.*

*И поле, пахнущее хлебом,
И голубую лебеду.
А это я под теплым небом,
Белесый, маленький, иду.*

*Вот клевер в бархатной сорочке,
Вот черный жук, вот стрекоза...
Всё разгляджу до малой кочки.
Хоть завяжите мне глаза.*

В ИЗБЕ

- Смотри, потемнели в углу образа,
Смотри, покачнулась божница...
- Ты прав, где-то близко,
наверно, гроза,
И может любое случиться.

- Дегтярная, страшная туча сюда
Идёт напролом громыхая.
Спасётся ль от Божьего кто-то суда?..
- И вправду погода плохая.

- Да это же смерч, он уже недалёк,
По брёвнышку всё раскидает!..
- Уймись, у лампадки
зажги фитилёк,
Чего на Руси не бывает...

**НИКОЛАЙ
РАЧКОВ**

Николай Борисович Рачков является одним из ведущих поэтов современной России. Много и успешно издается в последние годы. Он - лауреат Всероссийской премии «Ладога» имени Александра Прокофьева, Большой литературной премии России и некоторых других. Известный литературный критик Валентин Курбатов недавно писал, что творчество Николая Рачкова продолжает лучшие традиции отечественной поэзии. Его строки дышат свежестью полей и снегов, в них запечатлены наши дали, глубина неба, синь озер и рек.

Живет в городе Тосно
Ленинградской области.

ПРИТЧА

Может, это придумка - не боле.
Вышла древняя бабка на свет
И взглянула на русское поле:
Что такое? А полюшка нет.

Удивилась. И слабую свечку
Подняла чуть не к самой звезде.
Посмотрела на синюю речку:
Что такое? А реченька где?

Бабка вышла, конечно, из Леты.
Если хочешь, возьми и проверь.
Оглянулась: ах, батюшки-светы,
Тут погост был. И где он теперь?

Кобылицами ржут магнитолы,
Всюду моники вместо марусь.
Это что же, неужто монголы
Возвернулись с Мамаем на Русь?

Где же ты, молодецкая сила?
Но ни песен родных, ни знамён.
...И плиту над собой затворила -
До иных, до победных, времён.

В ФЕРАПОНТОВЕ

Вот они, эти звездные выси,
Вот он, песенный северный край,
Где волшебный москвич Дионисий
Сотворил нам лазоревый рай!
Крепь святая в деянии смелом.
...Выпал снег и смиренно застыл.
На холме, как на облаке белом,
Белый-белый стоит монастырь.
Здесь поникнет
встревоженным лицом.
Кто к страданиям ближнего глух.
Здесь судимый неправдою Никон
Утишал свой неистовый дух.
Жизнь свою прозревая отсюда.
О добрे забываешь и зле,
Потому что повторного чуда
Не увидишь на Божьей земле.

БАТЮШКОВ

В Спасо-Прилуцком монастыре
Батюшков спит, поэт.
Пушкин ему подражал на заре
Звонких лицеистских лет.

Пушкин его обожал, а он
Сходил, тревожась, с ума.

В мир ирреальный был погружён,
Душу когтила тьма.

Философ и чудного дара певец,
Любивший покой и тишину,
В трех войнах участвовал он,
храбрец,
Лейпциг брал и Париж.

Он много замыслил, да всё дела,
Да всё проклятый недуг.
Италия, право же, и мила,
Но нету милей Прилук.

Он был на Олимпе и был в аду,
Увы, такова стезя.
Такое порой бормотал в бреду,
Помыслить о чем нельзя.

Он знал: поэзия - тяжкий труд.
Он чувствовал свет строки.
«Какой же янес волшебный сосуд
Да вот разбил в черепки...»

«Всё дрянь... Пустяки... -
о своих стихах.
Ничтожно, мой милый друг...»
И чтобы прогнать
нараставший страх,
Всё чаще курил чубук.

Забытый, как караул на часах,
Рассудок его изнемог.
И стал проживать он на небесах,
Воздушный избрал чертог.

Посмотрит оттуда -
виски в серебре,
Расшипый тряхнет кисет:
- А чья там могилка в монастыре?
- Поэт почивает, поэт...

НИКОЛАЙ РУБЦОВ

1.

Ты стоишь с чемоданчиком
в зябком сиротском пальтишке.
Ты на пристань глядишь:
скоро ль твой прогудит пароход?
А на Вологде лёд.
А в стране нарасхват твои книжки.
Ты ушёл, а тебя
так тепло вспоминает народ.

Всю родимую Русь,
все её и печали, и драмы,

И её красоту
в одинокой душе ты сберёг.
Ты воспел небеса,
ты оплакал разбитые храмы.
И воскресли они,
и сияют, как жемчуг серёг.

Ты ушёл... Ну а песни,
как яркие сплохи света,
как купавны цветут
и на этом, и том берегу.
Видно, Бог взлюбил
и призвал тебя срочно на небо.
Твой уход я иначе
никак объяснить не могу...

2.

Не поднесёшь к глазам ладонь:
Кто нынче в гости?
Не прозвенит твоя гармонь
На сём погoste.

Лежишь на кладбище глухом,
Где так уныло.
Среди двух сосенок твой дом -
Твоя могила.

Кресты, кресты, кресты окрест
В сплошном порядке.
И мраморный тяжелый крест
В твоей оградке.

Мы замерли, понурив взгляд,
Немой толпою.
И словно каждый виноват
Перед тобою.

Кого ведёт полей звезда,
Таких немного.
И участь нелегка, когда
Талант от Бога.

Познал. Отчизну возлюбя,
Ты в сердцу муку...
«Россия, Русь! Храни себя...» -
От сына к внуку.

Нас победить ни боль, ни грусть
Уже не в силах!..
Вот на каких святая Русь
Стоит могилах!

Вадиму ДЕМЕНТЬЕВУ

Вадим, Вадим, я просто потрясён
Твоей земли приветно-нежной
лаской.
Каких полей блестит осенний сон,
Укутан лес какою снежной сказкой!

Скрываются в серебряной дали
Старинные деревни и угоры.
Встают в просторе,
как из-под земли,
По сторонам часовни и соборы.

Нет, Божий дух в народе не исчез,
Хотя о нём и думаем с тревогой.
Какое единение небес
И с озером, и с полем, и с дорогой!

С уснувшую ладьёй на берегу,
С поленницей у нового забора...
Я ни единой строчкой не согну,
Когда воскликну: вот она, опора!

Опора неизбывная, Вадим,
Всему тому, что называем сущим,
На чём стоим,
Чего не отдадим
Врагу ни в настоящем,
ни в грядущем.

Опять над речкой золотисто
Всех прежде зацвела ольха.
И так на сердце стало чисто,
Как от рубцовского стиха!

И веточку достав ручонкой,
Прижав её к щеке сухой,
Себя припомнила девчонкой
Старушка под родной ольхой...

Я рвал разнотравье,
Я рвал разноцветье,
И руки до боли, до ссадины жёг.
И это дурманное великолепье
Закладывал туго
в дерюжный мешок.

Во двор приносил:
«Будь сыта и здорова,
Пони нашу семью парным молоком!..»

И нежно мне руки лизала корова
Шершавым своим
шерстяным языком.

Другого в деревне
и не было средства.
Чтоб выжить, -
и это всё знаете вы.
Вот так моя кровь
Перемещена с детства
С зеленою кровью цветов и травы.

БРОНЗОВОМУ СОЛДАТУ В ТАЛЛИНЕ

И это «благодарные потомки»?
Сжимается продажное кольцо.
Ретивые эстонские подонки
Плюют солдату русскому в лицо.
А он стоит - не отмахнется
каской.
Он мир спасал. Он от войны устал.
Измазали шинель поганой
краской,
Изгадили цинично пьедестал.
«Долой его!» -
кричат на исполина...
А от живого - драли до Берлина.

По небу полуночи Ангел летел...
М. ЛЕРМОНТОВ

Звякнет под вечер ведро у колодца,
Птица зальётся
средь тёмных ракит.
Так же нам плачется,
так же смеётся,
Жизнь продолжается -
Ангел летит.

Это не важно, зима или лето,
Если, не ставшее злым от обид,
Сердце полно и тепла, и привета,
Света полно - значит, Ангел летит.

Aх, прочитать бы среди полуночи
Что напорочит нам
Млечный путь!

Вспыхнут от счастья небесные очи,
Губы к губам - это Ангел летит.

Только б с душою душа
подружилась,
Веря в то, что есть высший удел.
Только Земля бы привычно кружилась,
Только бы Ангел летел и летел...

ФОТО ИГОРЯ АКСЕНОВСКОГО

...НЕЖНОСТИ НАШЕЙ ЗВЕЗДЫ

**НАТАЛИЯ
СИДОРОВА**

Наталия Петровна Сидорова живет в Вологде, член Союза писателей России, автор нескольких сборников лирических стихотворений. Стихи публиковались также в литературных альманахах и периодических изданиях.

Осенний дождь мне шепчет
о печали.
Счастливых дней нам
не вернуть назад.
Испуганно деревья замолчали,
И птицы позабыли старый сад.

Померкла синева над головою,
Застыли руки, сжатые в мольбе,
Засыпанные мертвого листвою,
Дорожки сада грезят о тебе.

Совсем недавно музыка живая
Встречала нас, стрекозами звена.
Осенний дождь, твои следы смывая,
Печалью выстилает голос дня.

Прощальных слов еще
впитают звуки,
Еще душа у нежности в плена...
Осенний дождь погасит
боль разлуки,
Осенний дождь подарит тишину.

Светлы осенние равнины,
Высок прощальный птичий крик.
И одинокий лист рябины
К стеклу холодному приник.

Так было и всегда так будет -
Цветет и умирает сад.
Так отчего же сердце студит,
Знобит предчувствием утрат?

Светлы осенние равнины.
Простор небес необозрим,
Но этот тонкий лист рябины
Неповторим, неповторим!

Ни врагом, ни другом ты мне
не был.
Так зачем под грохот майских гроз
Всё, чем ликовало наше небо,
Ты, смеясь, в глазах своих унес?

Мечутся отчаянно, печально
Ночи, потерявшие покой,
Словно крылья бабочки, случайно
Сломанные детскую рукой.

Выстрадаю утра светлоокость,
Вытерплю, покорная судьбе.
За твою беспечную жестокость
Вымолю прощение тебе.

Где лилии светились бледно
На темной замершей воде,
Там луч дневной исчез бесследно,
Вздохнув об утренней звезде.

Где юность с ясными глазами
Босой бродила по росе,
Там память будит голосами
Тоску о гаснущей красе.

Где замирает вдруг движенье
Живой немеркнущей души.
Где вспыхнет новым продолженьем,
В какой глуби, в какой тиши?..

Я не знаю, откуда слетают
чудесные звуки,
Словно вызов судьбе.
Покачнулась земля
от предчувствия счастья и муки -
Это сны о тебе.

Тишина ли поет,
иль рождается нежное слово
От любви огневой.
Замирает душа,
и заря зацветает лилово
Над твоей головой...

Пролетят наши дни,
золотые от солнца и пыли,
Поседеет луна...
Но звенит под рукой,
чтобы мы ничего не забыли,
Дорогая струна.

Случайная встреча в аллее -
Печальная память любви.
Наверное, снега белее
На миг стали щеки мои.

Чуть вздрогнули спящие ветви.
Осыпали нас серебром.
И шелест обычных приветствий
Звучал, как раскатистый гром.

Но взглядом уже не согреться,
И в воздухе стынут слова,
Озябшего бедного сердца
Дыханьем касаясь едва.

А помнишь, нам было теплее
В лучах исступленной весны?..
Зачем эта встреча в аллее
Встревожила зимние сны!

За калиткой заглохшего сада
Тонут тени в глубоком снегу.
Там когда-то была я так рада
Поклониться цветам на лугу.

Равнодушно в холодную дрему
Осыпается иней с ветвей...
А в душистой прохладе черемух
Столько счастья сулил соловей!

Неужель это здесь над туманом
Для меня поднималась звезда,
Утешая беспечным обманом,
Будто я не уйду никогда?..

Мою любовь пусть воспевает ветер,
Весна ласкает солнечным лучом.
Смотри, как день неповторимо
светел!
Не сокрушайся ни о чем.

Цветущий сад для нас и свеж,
и молод.
Спеша к тебе, сюда я прихожу.
Скажи, зачем таишь сомнений холод?
Я лишь тобою дорожу.

Ищу в словах бессильных утешенье,
Когда я твой печальный взгляд
ловлю.
Но разве можно выразить
в мгновенье,
Как бесконечно я люблю!

ВЕЕР
Мой веер чудесный -
заботливый друг.

ФОТО АЛЕКСЕЯ КИРИЛЛОВСКОГО

КТО ТАКОЙ ЯШИН?

В Никольске отметили день рождения своего земляка, замечательного писателя, поэта, прозаика, классика русской литературы XX века Александра Яшина

Давно теперь уже, во времена моей молодости, в том самом веке социалистическо-атеистического устройства Российского государства, многие из нашего общества были людьми образованными, жившими высокими интересами культуры - литературы, музыки, живописи. Следили за литературным процессом, доставали и читали интересные книги, выписывали художественные журналы, ходили на концерты в консерваторию, в другие концертные залы, посещали выставки, поэтические вечера, делились впечатлениями друг с другом. А кто был религиозным, так и в церковь ходил, конечно, скрывая это. Как-то научились приспосабливаться: сколько раз я сама за свечным ящиком оформляла требы на вымышленные адреса...

Многие хорошие книги издавались огромными тиражами, и всё-таки их не хватало всем. Книгу надо было не просто купить, а достать. Образно говоря, напаст на неё в магазине или привезти из командировки, из какого-нибудь провинциального отдалённого городка. Зато по цене книги были довольно-таки доступны.

И выращивали эту нашу советскую интеллигенцию наши учителя.

Учась в школе, я ещё застала учителей, что называется, старого образца. Всегда подтянутых, скромно, строго и чисто одетых в избранную каждым, почти форменную одежду. Помню, как всегда приходила к нам Екатерина Алексеевна, учитель русского языка и литературы, тоненькая в тёмном костюме: прямая юбка и пиджак с вырывающимся наверху белым воротничком. А на голове пушистые вьющиеся волосы короткой стрижки - как венчик или нимб. Екатерина Алексеевна после опроса, проверки

домашнего задания, всяких тренировок в правописании вдруг преображалась, словно подводила черту под частью прошедшего урока, и начинала свой праздник - объяснение нового материала. О суффиксах, склонениях и спряжениях, падежах, исключениях из правил она рассказывала, держа кусочек мела в руках, так торжественно, так интересно, словно она сама впервые обо всём этом только что узнала, словно сама только что делала одно открытие за другим и решила по доброте своей поделиться с нами. А сколько слёз было пролито из-за Герасима с его Муму, как горячо сочувствовали Дубровскому, как томилось сердце в сопереживании Татьяне Лариной! Конечно, ещё подетски, неопытно. Постигая уроки жизни на чтении нашей великой художественной литературы, но втайне надеясь, что это только в книгах написано, а у тебя-то в жизни всё будет по-другому: победоносно, без ошибок...

А учительница географии! Через сколько океанов мы проплыли вместе с ней, наблюдая за извержениями вулканов, гейзеров, по скользким рекам, дорогам путешествовали, на какие только горы не взбирались и в какие только бездны не спускались! Передавала она нам и шутки из своего учения: как лучше запомнить названия. Вроде: «В сумке Ява, а на Борнео целый бес», - что означало названия островов Суматра, Ява, Борнео и Целебес. Помогло, запомнилось... Так же, шуткой, заучивались и исключения из правил русского языка: уж, замуж, невтерпёж.

Учителя, над которыми мы порой подтрунивали между собой (всегда найдётся, кто задаёт тон пренебрежения), которых порой побаивались (по-

чи всегда есть ощущение, что ты что-то не выучил, не знаешь), но больше молча преклонялись перед их безусловным авторитетом...

Так вот, во времена моей молодости зашла я как-то к своей подружке, жившей в старинном двухэтажном особняке с мезонином, который когда-то целиком принадлежал её дедушке.

Сейчас уже всех потомков бывших жильцов выселили на окраину. Теперь все эти оставшиеся старинные уютные домики Замоскворечья, «домики старой Москвы», превратились в выложеные коробки, похожие на безжизненную декорацию, несмотря на то, что в них расположились всякие офисы, фирмы, конторы, новейшие трактиры и магазины. Нутро-то их, суть их, вынуто. Вынужденно, как памятники архитектуры, их пока не удалось снести, но вместо реставрации произошла времененная синтетическая реанимация. Дедушка в царское время был главным врачом в клинике, расположенной через дорогу. В советское время весь дом был превращён в обычную многосемейную коммуналку - одно из самых грустных явлений нашей жизни: ведь даже звери заводят отдельную нору каждый. Даже монахи, ничего не имея, имеют отдельную келью... Бывали соседи - наказание, испытание. Но бывало в те времена, что и с соседями жили дружно. Вот и тут подобралась интеллигенция. Мама моей подруги работала концертмейстером в Институте имени Гнесиных, работала с певцами и давала ещё дома уроки музыки. Они занимали две комнаты, одна из которых была довольно большой, и в ней ещё сохранились при входе по бокам у дверей небольшие колонны. Кроме старинной дедушкиной мебели, в дальнем углу комнаты за ширмой стоял диковинный старинный умывальник - настоящий Майдодыр, как его рисовали в детских книгах.

Когда в одной комнате мы с подругой решили все наши неотложно-важные вопросы, я постучалась, чтобы поздороваться с мамой Лиды, в другую

комнату-залу, откуда слышались звуки рояля. Играла незнакомая женщина таких же лет, как и Лидина мама, Евгения Александровна. На небольшом круглом столе стояли парадные чашки, вазочки с вареньем, конфетами, печенье... Помню, что стол был накрыт просто и празднично. Неяркий свет из тканевого абажура с шёлковыми кистями кругом освещал белую скатерть и всё стоявшее на ней. Евгения Александровна сидела за столом и слушала игру подруги. Прислонив палец к губам, дала понять, чтобы я не мешала и не говорила. Я села. Музыка была чистой, прозрачной, мелодичной. Такую можно услышать только на живом инструменте в домашнем музенировании, когда звуки ведут между собой диалог, разговор на музыкальном языке. Но вот он затих, и мы поздоровались. Евгения Александровна пригласила нас с Лидой выпить по чашке чаю. «А какой сегодня день? Что вы празднуете?» - спросила я. «Сегодня день рождения Моцарта», - просто ответила Евгения Александровна. Я как-то не удивилась, хоть и не ожидала, что можно праздновать дома день рождения того, кого уже нет, да и не родственника... Но Моцарт присутствовал своей музыкой. И был, может быть, больше, чем родственник... Мы пили чай, и Евгения Александровна рассказывала мне, что в юности она особенно любила героическую, тревожную музыку, Бетховена например, а с возрастом стал ближе Моцарт - своей радостью, светлостью своей... Потом она села к роялю, и они вместе с приятельницей в четыре руки стали играть, читая с листа, симфонию. Странным всё же показался мне в тот день ответ Лидиной мамы, но позже, уже достигнув возраста самой Евгении Александровны, я не однажды вспоминала это чудо. Тихая тогда улица в центре Москвы - Большая Полянка, маленький с мезонином старинный домик, коммунальная квартира, и в углу её, в одной из дедовских комнат, неярко освещённой, два педагога-музыкантаправляют день рождения Моцарта. Не юбилей, а просто

очередной день рождения. И подарки получают от самого Моцарта, его музыки, той, пусть и не блестяще исполненной, но зато живой, от живого инструмента, и только листай и читай ноты - какую хочешь сонату, пьесу, симфонию. Беседуй с ним через триста лет - подумать только!.. Это и вправду похоже на разговор с самим композитором. И такое понимание, такое единение душ! И стол накрыт, пусть скромно. На стене чудный портрет в белом парике - самый известный - Вольфганга Амадея Моцарта - подписано, и даты стоят: 1756-1791. И не отмечают, как сказали бы сейчас, а именно празднуют, не дожидаясь круглой даты, когда «сверху» укажут и проведут положенное чествование. И есть у этих двух женщин на это и время, и желание, и радость. И никто об этом не знает - ни радио, ни телевидение, ни пресса, ни весь мир... Знают они, Моцарт и Бог. И соединены они в этот момент таинственным, именно родственным общением.

Вспомнила я об этом и сейчас, когда побывала в далёком даже от Волог-

ды городе Никольске, где отмечали официально, а где и праздновали почти по-домашнему день рождения своего земляка, замечательного писателя, поэта, прозаика, классика русской литературы XX века Александра Яшина. В новом двухэтажном Доме культуры, который через двадцать лет после начала строительства, прерванного сменой социального переустройства государства, наконец достроили, шли выступления детей, выступления артистов, официальные приветствия... Серьёзно, по-доброму с портрета на сцене смотрел на всех присутствующих Александр Яшин.

А перед этим я встречалась с учителями, с учениками-читателями детской районной библиотеки. Нас было не так много числом, но радость от того, что мы не обсуждаем, сколько что стоит, на сколько подорожало или на сколько ещё вот-вот подорожают бензин, продукты и всё остальное, радость эта поселилась в нас. Все эти повседневные страхи и заботы отсеклись сами собой. Радость, что мы не обсуждаем, за кого голосовать: там

как раз проходили повторные выборы главы района, выбирали из начальника милиции и военкома... Не интересовало нас и то, что там показывают в сто первой серии очередного сериала и чем он кончается, что там в Америке, Ираке, Брюсселе, Тибете... Мы ушли от всего этого, пусть и на время. Порой священники вразумляют нас, укоряют: «Вас интересует, что там за тысячи километров делается, а что у вас в сердце, в душе - не знаете, и дела нет, а это главное». И вот мы, благодаря поэзии Александра Яшина, заглянули и в своё собственное сердце. Нас интересовала только поэзия, только состояние наших взрослых и детских душ.

Мы говорили о поэзии Александра Яшина, о том, что он сохранил веру своих предков, уйдя из жизни по-христиански, что он выстоял не только среди хищнического чиновниччьего произвола, враждебности и равнодушия, но и среди лжи и псевдонаучного материализма. Что он вслед за Евангелием учил: «Спешите делать добрые дела!» С таким призывом, исходя из своего личного жизненного опыта и стихотворение написал. Призывал всех быть неравнодушными: «Спеши на выручку, других зови, - Пусть не найдётся душ глухих и жёстких! Без этого к чему слова любви О родине, О речках, О берёзках?!» Верили: «Станут мои земляки сердечней, Нет, не беспечней, Но человечней, Непримиримы к любым недугам, Будут горой стоять друг за друга». Рассказывая о своём детстве, учил стоять за правду: «И учил бы, пусть не умело, Босоногих своих друзей, Как стоять за правое дело, Вызывать из беды людей. Не давал бы своих в обиду, А друзья у крыльца гурьбой Утром ждали бы: Скоро ль выйду И когда поведу их в бой». Таким человеком он и вырос и своим творчеством именно так - с любовью, преданно и верно - служил людям и Отечеству. Учил отстаивать совесть, честь: «В несметном нашем богатстве Слова драгоценные есть: Отечество, Верность, Братство. А есть ещё: Совесть, Честь...» И дети понимали, что несметное наше богат-

ство не только газ и нефть, которые мы продаём в несметном количестве за доллары, а нечто большее, высшее: СЛОВО. И что, по глубокому убеждению Яшина, если бы мы понимали силу Слов, то всё было бы по-другому в мире: «Ах, если бы все понимали, Что это не просто слова, каких бы мы бед избежали. И это не просто слова!»

В самой сердцевине атеистической эпохи его ум и душа возмутились: «Скучный и злой, наверное, был Тот, кто, надев мундир, Мёртвой природою окрестил Весь этот добрый мир». И, опровергая это, Яшин отстаивал: «Он и в другом убедить спешил, Чувства и честь глуша. Будто бы нет у людей души... Есть у меня душа». И душа эта - сложный и тонкий инструмент:

А душа у меня есть.
И у неё своё зрение,
и свой слух,
и память,
и свой сказочно богатый мир,
а это целая держава,
в которой царит воображение
да желание добра и правды. (...)

Берегите душу,
раздвигайте её границы,
расширяйте её полезную площадь,
чтобы приблизиться к будущему.

И надо заботиться о её чистоте и красоте, надо приносить покаяние в своих плохих преступках: «Душу свою надо очищать от всяческой скверны...» Или: «Душа тоже слепнет. И что ж? мутной, как водоём, Всё ей порою вынь да положь Память о светлом, о былом, о назначенье своём». Вот об этом высоком назначении человека в жизни мы и говорили.

Яшин учил: «Надо верить, чтобы жить». И многому другому... Мы же, благодаря его произведениям, провеврали свою душу, очищали её. Сказано, что никакой пользы нет человеку, если он весь мир приобретёт, а душе своей навредит. А ведь сейчас весь мир направлен на приобретение вещественно-материального, как будто это самые прочные и надёжные приобретения. А самое главное, чтобы

мир был в душе, мир души каждого человека. И кажется так просто этого достигнуть, но как?! И об этом говорит Яшин.

Он учил любить Родину, служить ей. Учил печалиться и петь о полях и лесах, сохраняя их, засевая их, любя их. Любить не только людей, но и животный мир. В своём последнем новогоднем поздравлении, прозвучавшем сорок лет назад, Александр Яшин сказал и нам, сегодняшним: «Земля моя любимая вологодская! Люди добрые, многотерпеливые, воины верные, трудолюбы извечные! Говорок родной, окающий, милый сердцу моему! Сосны краснствольные, не гнующиеся ни перед какой бедой, берёзы - утешение души человеческой, заповедные вязы на Тёмном мысу, забывчивый Липин Бор, угор Бобришний - горе и радость моё! Бедные наши медведи и зайцы, жаждущие, как всё живое, доброты людской и ласки! Мир вам всем! Мира и счастья желаю вам в новом году, бодрости и радостей, любви и согласия! Новой славы и новых свершений! Бог на помощь вам, труд на пользу! Да процветает земля, породившая и вырастившая нас, а мы - её надёжные и верные сыны навеки! И я - ваш поэт. (...)

Давно уже ушёл от нас Александр Яшин, почти три поколения детей выросло за это время, но голос поэта и сейчас звучал в голосах детей-учеников и учителей. А скреплялось всё общей любовью. И было чудо: мы слушали, как дети дарили нам и друг другу подарки - читали выученные ими стихотворения Александра Яшина. А в Аргуновской школе, в 50 километрах от Никольска, вместе с приехавшими гостями - тоже учителями из разных районов Вологодской области - смотрели спектакль (в котором играли и ученики, и учителя) по повести Яшина «Баба Яга», о том, как погибала русская деревня. Он это увидел ещё в пятидесятые годы, когда в деревнях ещё много было народа. И молодых, и детей. И всё-таки последняя жительница деревни, Устинья, в повести не умирает, а уезжает в сказку. «Баба Яга» - гимн русской деревне.

И было нас, как тех двух женщин-музыкантов, немного - даже если двадцать человек или даже если двести - всё равно мы, как и они, были малым стадом, по словам Христа. А Он сказал: «Не бойся малое стадо: Я с Вами до скончания века». В посланиях апостолов говорится о наставниках, которых надо почитать. И учителя - те же наставники. Сейчас храмы открыты и есть священники, но им приходится восстанавливать ещё и кирпичные, и деревянные храмы, и не всегда они успевают с ремонтом храмов душ человеческих. Батюшки, загруженные восстановительными работами, заботами воссоздания храмов, монастырей, порой шутят: «Я не раб Божий, а прораб». Как тут не вспомнить, что в советское время существовало такое, наверное, не пустое выражение: писатели - это инженеры человеческих душ. И писатели, и учителя и, конечно, родители - все они строители душ человеческих.

Русские люди всегда жили с Богом, с молитвой. И сейчас это постепенно всё возрождается. Разрушить всё оказалось легко, а восстановить труднее и дольше. Приходится восстанавливать старые или даже строить новые храмы. Но самый кропотливый труд - это восстановить храм души человека. Мы всё ещё проживаем накопленное нашими предками достояние: и материальное, и духовное богатство.

Раньше почти в каждой деревне была часовня, в селе - церковь. В каждой избе - даже в советское время! - была икона. К деревне в годы борьбы с религией относились более снисходительно, чем к городу, как отсталой, неграмотной: что с неё взять, пусть иконы висят пока... И этим тоже сохранилось нравственное нутро человека, его любовь к труду, ответственность за своё дело, честность в своём поведении, поступках. Я с детства помню приветствие входящего в избу человека, крестящегося на иконы: «Мир дому сему» или «Здравствуйте! крещёные!»

Икона была в каждой избе. И в доме Яшина первое, что видел чело-

век, когда входил, икону от пола до потолка - в светлых ризах на голубом фоне сияющего воскресшего Спасителя. Разорили деревенскую часовню, но жители разобрали иконы по домам. В дневнике 1937 года Яшин записывает об этом: «Иконы сначала сложили на один чердак, а потом по одной всё-таки разобрали: приходят по одному мужики и бабы и, оправдываясь, берут по чудотворцу». И мать поэта принесла иконы к себе. И если в городах верующие люди хранили иконы в закрытых буфетах, то в деревне исключением были избы без икон. Это уже в наши перестроечные реформаторские времена иконы стали воровать как материальную ценность, переводя их бесценность в доллары. И родительская изба, бабушка, мать поэта, деревня сохранили в Александре Яшине веру, подняли её со дна души, дали верное направление всему творчеству, всем произведениям. Он вернулся к ней, дивясь её силе в самых простых, бытовых, повседневных проявлениях, которые и записывает: «Разговор с матерью. - Баню-то замкнула? - Неуж-то я забыла перекстить? - и она вместо петли или замка широко и старательно перекрестила дверь бани. - Ну, теперь пойдём, басловаясь». По вере и давалось.

И вот, празднуя день рождения Александра Яшина в маленьком зале Никольской детской библиотеки, где дети читали стихотворения своего поэта, а учительница русского языка и литературы Елена Михайловна Рыжкова так глубоко вникала и раскрывала смысл произведений Александра Яшина, что мне захотелось, несмотря на солидный возраст, поучиться в её классе, и в зале старинной школы села Аргуново, где показывали свою постановку по повести Яшина, среди бескрайних лесов, снегов я услышала бессмертную музыку Моцарта, доносившуюся из тихой старинной квартиры в центре Москвы, когда две женщины в доме на Полянке читали с листа творения Моцарта в день его рождения. За окном тоже была зима - 27 января. А день рожде-

ния Яшина мы справляли 27 марта, но так как это север, то зима для нас ещё не кончилась. Вспомнились мне и слова поэта, написанные им в дневнике ещё в двадцатипятилетнем возрасте:

- В этот бы лес классическую музыку.

- Бетховена?

- Нет, скорей Чайковского или Моцарта. Моцарта на рассвете, когда птицы пробуждаются. А Бетховена - в ельник, и чтоб немножко страшно было».

Потом пили чай с только что испечёнными пирожками в школьной столовой, где все столы составили в ряд, чтобы был один длинный, торжественный, объединяющий всех стол, - и опять это был праздник. Как это хорошо получилось: мы общались не официально, а семейно - выступая, мы делились своими впечатлениями, мыслями...

Чудо общения, чудо любви. А сейчас каждому ни до кого, все заняты, всем недосуг. Досуга вообще уже давно нет. Сейчас не только дефицит времени - дефицит общения с людьми, любви, внимания, понимания друг друга. И здесь, в глубине России, легче это сохранить воспитанием, родственным отношением. А в Москве - гонка жизни идёт... Выжить бы... Что говорить о людях, если и с погодой творится непривычное. Раньше говорили: «Лето по зиме, а зима сама по себе». А теперь и зима сама по себе, да и лето само по себе.

Я рассказала о своём маленьком опыте преподавания рисунка детям - заменяла дочь на уроках, когда она была в декрете. Пришёл ко мне на занятия мальчик после школы, такой радостный, оживлённый. Спрашивала: «Серёженка, что ты такой весёлый, отметку хорошую получил?». «Да, - отвечает мальчик. - Пятёрку. И не только... Я ещё и СЛОВО получил!» - торжественно добавляет он. «А как ты его получил?» - допытываюсь. «Мне его учительница в тетрадке написала». - «Какое же слово она тебе написала?» И Сережа громко, по складам, нараспев произносит полученную им

награду: «мо-ло-дец!». И учителя, слушавшие мой рассказ, обрадованно откликнулись, поддержав, что надо общаться с детьми словом, что слово имеет большую силу и им надо награждать. Рассказали, что им одно время запрещали что-либо писать рядом с оценкой... Что? Там цифра, СЛОВО - оценка. А в церковнославянском языке и цифра буквой обозначается. Вот где наши истоки, корни... И всем этим мильям, красивым, зас tenчивым, чистым детям, живущим среди лесов, полей и родников, радостным и любознательным, выступавшим в ярких старинных сарафанах-парочках, цветистых шалах, косоворотках, поющим в хороводах, хотелось сказать: «Молодцы!» И как тут было не вспомнить рассказ Яшина «Журавли», имеющий подзаголовок «Сила слов». Озорники-мальчишки читают маленькие обидные для птиц стишкы, заставляющие их сбиться в строе. А когда писатель произносит своему журавлиному клину добрые слова-напутствия, то выпрямляется клин и летит своим путём-дорогой. Так и говорят: доброе слово, что посох в дороге. Научиться бы всем нам опираться на доброе слово. И об этом есть у Яшина: «Даже стае журавлиной, Улетающей от нас, По обычаям старинным Мы кричим: «В счастливый час!». И живётся вроде лучше, И на сердце веселей, Коль другим благополучья Пожелаешь на земле».

В специальном расписании чествования писателя всё по минутам рассчитано, не рассидишься: гостей надо поскорее принять и отправить - хлопотно. Как в калейдоскопе: раз - и уже другая картинка, другая обстановка, другое мероприятие. Поэтому так дорого это неспешное общение с учителями и учениками. Мы были как две москвички-пианистки, праздновавшие день рождения Моцарта. Это та самая закваска...

В конце марта неожиданно на улице прогремел гром, сверкнули молнии, и не один раз, полил сильный дождь. Все потом гадали, что значит такая ранняя гроза? А мы сидели в библиотеке и слушали, как дети чи-

тали стихотворения Яшина, рассказы о нём, смотрели выставку, посвящённую его творчеству, его книгам, фотографии, пили чай с пирожками и московскими конфетами - праздновали его день рождения. И вместе со школьными учителями Александр Яшин тоже был нашим учителем, как и в его юности, только теперь уже своими книгами. Сам он начинал свою жизнь учителем и начинал не так далеко от Аргуновской школы - в Зеленцовской.

Рассматривали детские самодельные рукописные сборники стихов Александра Яшина, составленные ребятами по своему выбору. Читали их сочинения о том, чему учит их поэт. А, как известно, устами ребенка глаголет Истина. И вот что сами дети пишут в своих работах. Семиклассник Володя Гринин: «Я люблю читать стихи Александра Яшина. Они наполнены любовью к родной земле. Они нежные, ласковые, добрые. Но вот попались мне стихи о войне из сборника «Военный человек». Александр Яковлевич не понаслышке знал о войне, он сам был солдатом. (...) Но больше всего я люблю его стихи о природе, которые мне понятны. Ведь и я люблю свой край, свою малую родину». Никонов Артём: «Мне очень понравилось стихотворение Александра Яшина «Орёл». Оно учит мужеству, стойкости, верности своим идеалам. (...) Это стихотворение помогло мне понять его как человека, его трудную судьбу и следовать его примеру, участь у него выдержке, умению выстоять, победить в трудную минуту». Нестеров Сергей: «Среди всех поэтов Вологодчины Александр Яковлевич Яшин выделяется не только своим творчеством, а и тем, что был учителем для других. Мне в библиотеке рассказывали, что он неоднократно помогал начинающим поэтам, рекомендовал их в Союз писателей. И вообще считал, что добрые дела надо делать во время. Я с детства запомнил стихотворения: «Покормите птиц зимой» и «Спешите делать добрые дела». (...) Когда я прочитал это стихотворение, то задумался: а много ли я добрых дел

сделал в своей жизни? По-моему, и другие задумаются. На меня оно произвело очень сильное впечатление». А вот сочинение с названием «О родном крае с любовью» Алексея Харитонова: «Мне нравится читать стихи Александра Яшина о родном крае. Когда я читаю их, я сразу вижу, о каких местах говорится. Вот стихотворение «Новый берег»... Читая это стихотворение, я вижу, как передо мной представляется моя родная река и её братья - берега. Я много раз был в небольшой деревеньке с загадочным названием «Блудново» и с любовью представляю те места, где я бывал в нашем родном kraю. Александр Яковлевич Яшин написал много стихотворений о своей родине, показав этим, как она ему дорога. И я горжусь, что родился на нашей никольской земле, как и А. Яшин». Ему вторит Римма Карабчева «Душа поэта А. Яшина в его стихах»: «Имя поэта Александра Яшина мне особенно дорого потому, что его стихи пропитаны любовью и теплом к Родине, родной земле. (...) Я так же крепко начинаю любить свою родную землю, сверяю свои поступки. После прочтения стихов Александра Яшина многое становится в жизни понятнее».

Кажется, так просто, бесхитростно, но ребята говорят о самом дорогом для них: любви к родине, которой учит их поэт и ведёт за собой по жизни. Учит покормить птиц зимой, «чтоб без песен не пришлось нам встречать весну...». Зовёт спешить делать добрые дела, а если надо будет защитить родную землю от врагов, то всем встать на её защиту. Семена брошены, и на добрую почву. Сердце разогрето, откликнувшись сердцу поэта, принял его слова. Всходы хорошие. Впереди жизнь!

А сверяют свою жизнь по его творчеству не только нынешние дети, но и его друзья-поэты. Стихотворение Бориса Чулкова как раз об этом:
*Пристально просматривая Время -
 ленту, что в сознанье
 крутит память, -
 мы порой общаемся и с теми,
 кто давным-давно уже не с нами.*

Но одних мы только вспоминаем,
 их всего лишь старими считая,
 по другим - и шаг, и жизнь сверяя,
 и отцов-то так не почитая.
 Потому поистине над теми,
 что навек нам стали образцами,
 и не властно никакое Время,
 ибо вечно жить им между нами!

Я была и в начальной школе Никольска. На стенах фотографии города - в старые годы и в наше время. Выставка детских поделок. Забота о деревне...

И здесь мы говорили о деревне, которая даётся каждому её жителю как малая родина в подарок. О том, что Яшин понимал, что деревня - это краеугольный камень всего государства: «Крестьянин, что Савелий-богатырь святорусский, походил на атланта, который держит на себе не просто балкон, дом, а больше - всю страну нашу, весь шар земной». Когда-то отец написал нам сюда, в деревню Блудново, где мы, его дети, жили летом: «Жить в России и не знать деревню нельзя. О деревне надо говорить и в стихах, и в прозе». Тогда ещё сокращалась деревня, хотя лучшее трудоспособное население либо было выслано, либо совсем уничтожено. А с перестройкой за последние годы стёрто с лица земли около двадцати тысяч деревень.

И одно из прозвучавших стихотворений Елены Ивановны Зубовой, учительницы-завуча Аргуновской школы, высказалось всю нашу общую боль, и растерянность, и грусть утраты, и всё-таки надежду и веру в самом вопросе в конце стихотворения: «Как же без души жить? Нельзя. Значит, какими-то путями, какими-то судьбами, но должна возродиться жизнь в деревне. Не бывает тела без души».

К стихотворению Некрасова «Забытая деревня», написанному более ста пятидесяти лет назад, прибавилось стихотворение, написанное в наши дни: «Заброшенная деревня» с другими уже заботами:
*Позабыта деревня, заброшена,
 Никому ты теперь не нужна.
 На лугах трава в пояс не кошена,*

*Зарастают в округе поля.
Не разбудит тебя спозаранку
Звонким криком весёлый петух.
Тишину не нарушит тальянка,
Что когда-то так тешла слух.*

*Здесь не топятся большие печи,
И не вьётся из труб дымок,
А когда подкрадётся вечер,
Не зажжётся в окне огонёк.
И к реке, где вечерней порою,
Как и прежде, поют соловьи,
Не приходят влюблённые пары,
Чтобы ей рассказать о любви.*

*Позабыли тебя, позабросили,
Ты свой век доживаешь в тиши.
Ты душою была для России,
Как же дальше нам жить*

без души?!

Деревни исчезают и с помощью долговременных планов наших верховных правителей, и местных тоже. Но человек предполагает, а Бог располагает. У Яшина в одном из ранних стихотворений русская изба названа Ноевым ковчегом. Кто знает, может, всё-таки она и будет спасением русского народа, Ноевым ковчегом - деревней.

В самом начале последней перестройки нашего государства, когда всё рушилось, люди в городах и в деревнях смотрели трансляции заседаний Верховного Совета по телевизору, словно футбольные матчи или детективные сериалы. В избах сидели за телевизором даже старые люди-крестьяне, комментируя виденное: «Сколько их тут! И всех кормить надо! Все хотят есть!» И даже те, которые еле терпели коммунистическую власть за её безбожие, за раскулачивание - многие помнили ещё это - качали головами: «Теперь уж нигде правды не найдёшь!»

В это самое время я жила лето около города Никольска, в деревне Родюкино. За водой надо было ходить на родник, спускаясь в глубокий-глубокий овраг. Вот подхожу я по мосточкам с вёдрами, а там две девочки лет по десяти оживлённо беседуют. Одна местная - скромно одета. Другая - во

всё рыночно-импортное, крикливо. Ну теперь-то многие так одеты. Девочка приехала к своей бабушке на лето из какого-то дальнего города. Стоит и высокомерно объясняет подружке, что сколько стоит на ней. И всё в долларах. И о планах будущих покупок - и всё в долларах. И знает, какой курс сейчас... А та слушает, как пристыженная, что она ещё не владеет ни такими сведениями, ни такими нарядами, как теперь их называют, - тряпками. У меня от этого разговора, как говорится, всё внутри упало: «Здесь!!! У родника чистейшей глубинной живой воды, среди полей, лугов, цветов, лесов, старинных русских изб - здесь, где «такие дали и такие зори...», в kraе, куда поэт зовёт свою любимую: «Пройдём пешком тропинкою лесною К живой воде, К былинному ключу», - здесь, у былинного ключа!.. - деревенские дети говорят о долларах. Всё, погибаем! И здесь оккупированы, сами себя поймали. Мы пропали, гибнем! Господи, помоги! Что же это?!» Поднимаясь с водой по крутым, почти отвесным склонам, ставя ноги на травяные уступчики, я была в отчаянии: «Господи, погибаем! У детей в деревне у родника разговоры о долларах...» Как гром, который в некоторых местах на дне этого длинного глубочайшего оврага и не слышен бывает. Свет застило от боли и ужаса... Это теперь мы уже вроде как и привыкли, и смирились, что всё в долларах - и нефть, и газ, и все наши полезные ископаемые, и жильё наше... Только жизнь наша, наверное, ещё в рублях или ничего не стоит...

Но на следующий день после встречи у родника шла я по деревянному тротуару в Никольске. Домики там в основном деревянные, и каждый хозяин должен скосить траву вдоль своего заборчика или стены своего дома. Пожилая женщина так и делала - оканчивала свой участок, чтобы улица была аккуратной... Около неё стояла внучка примерно таких же лет, как и вчерашние девочки у родника, и наблюдала за движениями бабушки. Одета она была чисто, красиво, в летнее весёлое платьице, выглядела не

импортно. Только-только пройдя их, я застыла от истошного, отчаянного, громкого детского крика: «А-а-а-ааа!» И снова у меня всё упало внутри: «Неужели косой ноги задела, поранила?» Такой вопль. И тут же услышала утешающий, сочувствующий голос бабушки: «Что ты! Что ты! Оставлю, оставлю! Не скрошу, не скрошу такую красоту!!! Не реви!» Я повернулась. Они примирительно оглядывали большой куст цветов. Он так красиво и величаво возвышался посреди низко склоненной травы, превратившейся теперь в газон. Таких цветов много расстёт, сине-лиловых с жёлтой серединкой. И не колокольчики, и не цикорий - высокие. Видела много, а назвать не знаю как. Опять Яшин: «А цветы разве знаем На лугах? Разве ценим? Всё травой называем, А подкошены - сеном. (...) Лишь царям по рождению, Как во всём, предпочтенье: Знаем розу-царицу. Льва-царя Да царь-птицу...»

Вокруг мощного цветущего куста бабушка подрезала траву, и он закрался, как в вазе на скатерти. А его и не сажали - сам вырос. Желание их было в согласии: обе не хотели срезать куст, который теперь мне показался неопалимой купиной. Я пошла дальше, продолжая свой путь, а в душе всё ликовала: «Выживем! Выживем! Не пропадём! Спасёмся!»

А надо сказать, что деревня - это не просто деревянные срубы: вон сейчас каких только домов не понастроили, и с крылечками резными, и ставнями, и как только не огордили высокими заборами. Деревня - это не просто жизнь на природе, где у жителей главной заботой было земледелие, животноводство - создание, как теперь говорят, нашей продовольственной безопасности. Вот как Яшин пишет об этом: «Мне думается, что жизнь заодно с природой, любовное участие в её трудах и преображениях делают человека проще, мягче и добре. Я не знаю другого рабочего места, кроме земли, которое бы так облагораживало и умиротворяло человека». Так что не только для того, чтобы пополнить свой рацион доброка-

чественными овощами и фруктами, горожане взялись за дачные участки, разделяют свои шесть или сколь кому досталось соток, но и потому, что труд этот умиротворяет, облагораживает. У двоюродной сестры Александра Яшина по отцовской линии, выросшей в деревне, но потом всю жизнь проработавшей на Череповецком металлургическом заводе, появился домик с участком, и она обиживала свой огород, выращивая картошку, овощи. Когда же её сын внезапно превратился в преуспевающего дельца и сказал матери: картошку больше не надо сажать, всё есть. Мать покраснела и тихо шепнула ему: «Что ты, Серёжа, ты хоть никому не говори, стыдно ведь. Как это картошку не сажать?! Стыдно ведь».

Деревня - это и основа создания нашей музыки, литературы, нашей национальной культуры, основа которой - православие. Все напевы музыкальные, литературные - всё родом из деревни. Сколько вдалбливали нам, что деревня - это что-то отсталое, тёмное, нецивилизованное... А то, что деревня - это Исток наш, Родник, забывали... И писатели, которых хотели принизить званием «деревенщики», пришли в нашу русскую литературу в самые, как говорят теперь, застойные времена, когда страна безмолвствовала после всех трагических потрясений и переживаний, всего того, что содеяли с ней. Пришли и рассказали нам о том, что русский человек жив и он не такой плохой, а если плохой, то, что надо делать, стали подавать сигналы. Ах, если б их приняли!.. Показали нам всю красоту родного края, кто откуда родом. Деревня - это не просто уклад жизни. Это образ жизни. Живя в деревне, на природе, человек чувствует особую связь с Богом. Он более зависим. Крестьянство-христианство. Без Бога ни до порога. Это оттуда. Изба не бывает без порога. Войти в любую избу нельзя, не переступив порог. А переступив порог, нельзя не перекреститься на красный угол с образами. И изба - это не просто жильё, квадратные метры, дом, это целое мироустройство, мировоззрение. «Отныне стала небо-

гатая Изба, где столько лет я прожил, Душе моей, навек засватанной, Ещё дороже», - признаётся Александр Яшин.

...И ещё мы говорили о чуде живой книги, шелестящей, рассказывающей страничками и картинками, которую никак не может заменить компьютер... Я показала им свою первую книгу «Золотые зерна» - загадки и пословицы народов СССР, подаренную мне отцом 16 июля 1947 года. На титульном листе его рукой написано: «Книга 1-я. В библиотеку моей милой дочери Наташи Яшиной от папы. Александр Яшин». А «милой дочери» тогда было всего два с половиной года. Но отец считал, что уже пора собирать свою библиотеку. Так вошла книга в мою жизнь. И дальше он дарил книги, надписывая и наставляя, какую я должна к такому-то времени прощать, а такую-то особенно хорошо знать - например, былины русского народа. Вот, оказывается, как можно строить взаимоотношения с родителями, с детьми, с миром - и через дарственные надписи. Книжные подар-

ки продолжались по мере моего возраста. Поэтому, какие бы компьютеры ни были, любите книгу - она живая. Она разговаривает, её можно в руках подержать, полистать, вернуться, подчеркнуть. Она рядом с тобой, и каждая имеет свой образ. Это так же, как играть на живом инструменте, читать ноты с листа самому, превращая их в музыку, и слушать музыку в концертном зале, а не на пластинке, кассете или диске.

Но вот уже лет двадцать нет в Никольске книжного магазина...

Яшин ещё во время войны записал в дневнике: «Вспоминаю, что в детстве мне попадали больше книги переводные, я в них не узнавал окружающую меня жизнь, не узнавал своих крестьян, и это не способствовало росту страсти к чтению. Своих детей я хочу начать знакомить с литературой о жизни людей близких, знакомых и понятных им, а потом уже переходить на фантастику и переводы». Как это мудро, необходимо сейчас и как перекликается с убеждением нашего великого педагога К.Д. Ушинс-

кого, говорившего о том, что с детских лет надо в первую очередь изучать родную литературу, отечественную историю, собственную географию, начиная с природы, окружающей твой дом.

А учителя - это одна из самых святых и ответственных профессий. Учителя, библиотекари на все века и на все меняющиеся государственные устройства - подлинная интеллигенция нашего народа, истинный цвет нации. Мою маму, удивительно доброго и светлого человека, часто спрашивали: «Кто стоял у вашей колыбели?»

«Кто стоял у вашей колыбели?» - спрашивают у человека. И в зависимости от того, кто стоял, такой и человек. Учителя - первые за родителями, кто стоит у колыбели детей, будущего нашей Отчизны. В руках учителей не просто возможность научить грамотности, читать, писать, в их руках сокровища - души человеческие. Священников мало. В Евангелии говорится: «Жатвы много, а делателей мало». Это относится и к учителям. Бережно растят они своих воспитанников, подбирая каждую поэтическую строчку их, помогая им определиться со своим жизненным призванием, следя за возрастанием их души. Малое стадо, а оно никогда и не может быть большим. «Вы - свет миру», - это и к учительскому апостольству относится. И всегда закваска мала, а делает большое дело. И от того, какими прогулками в окрестностях своей деревни, города, какими книгами, историей, музыкой, песнями, картинами, какими словами воспитатели открывают мир своим воспитанникам, чем напитают их, какое направление дадут их душам, зависит, по какой дороге пойдут юные граждане, как и куда поведёт их дорога жизни, какими сложатся их взаимоотношения с людьми, природой, с Родиной, в чём будет состоять их Правда...

Школа, библиотеки... Как это важно - дать верное направление! Так и здесь, в библиотеке, не все дети из города, но они общаются с другими, остальными... Пока души наших де-

тей в таких руках таких учителей, возродятся и души наших деревень, нашей Отчизны. И уж словно для них написано поэтом стихотворение, написано, когда их и на свете-то ещё не было, но теперь уже святые их души звёздами сияют в тех далёких лесных краях:

*Мы с детства верили примете,
Что в миг, когда звезда зажглась,
В какой-нибудь избе на свете
Душа святая родилась.*

*Мы не одну за годы эти
Зажгли звезду.
И, как должно,
Считывают люди по примете,
Что много душ на белом свете
За эти годы рождено.*

*Пусть как хотят о чуде судят -
Мне надо верить, чтобы жить:
Что их и в детстве не застудят,
И взрослых не дадут сгубить.*

*Что души их не искалечат,
Любовь к добру не заглушат.
Не иссушат живой их речи
И права думать не лишат.*

Учителя показывали на примерах, как надо построчно изучать Яшина. Само творчество подсказывает различные темы. Одна из них на юбилее Яшина - его строчка «Кем прочтётся и как, что далось трудом...» перекликается по мысли и чувству со строчками, написанными почти сто пятьдесят лет назад Федором Тютчевым: «Нам не дано предугадать, Как слово наше отзовётся...». В Аргуновской школе другая тема-строчка: «Всё на земле родной мне лишь на пользу было». Говорили о том, что надо жить, учить детей так, чтобы большинство людей прежде всего жило душой и сердцем. А не так, чтобы весь интерес жизни сводился только к интересам материальным, обогащению: где что, почём... И такие строчки вспоминали: «Если бы знать нам, что завтра его не будет, по-другому мы относились бы к людям - к любому, как к своему родному, - разговаривали бы по-

другому». Яшин учил: «Спеши любить. Жалеть и любить...». Учил исповедоваться. Учил служить правде: «Только б не потерять правду-матку из глаз...». Учил благодарить: «А дело художника - сидеть и трудом своим, постоянной творческой напряжённостью, сосредоточенностью и прилежанием расплачиваться за великое счастье жить на земле». Благодарением любой человек любой профессии должен начинать и продолжать свою жизнь. Учил славить красоту мироздания: «Да, только здесь, на Севере моём, Такие дали и такие зори... Здесь, словно в сказке, каждая тропа Вас к роднику выводит непременно. Здесь каждая деревня так люба, Как будто в ней красоты всей вселенной...»

Печальник и попечитель родного края, Яшин завещал себя похоронить не просто на родине, а в глубине России, завещая и нам во всём удаляться от поверхностного, наносного, уходить в глубину жизни, в глубину своей души.

Глубинка России - это не только наши реки, леса, это глубина нашей души, мыслей, чувств, нашей веры, нашей любви.

«Жизнь моя, как сказанье, начинается снова», - с такими словами возвращается поэт на свою родину, к истокам. Сказанье, сказка - это тоже из деревни. У каждого человека бывает пересмотр своей жизни, перелом, переход от всего наносного к глубине собственной души. «Вам интересно, что там происходит за тысячи километров, а что в своей душе - не интересует». А его именно это волновало - когда жизнь словно заново начинается, и хорошо, когда это бывает, как сказанье. Можно подумать, что он имел в виду благополучие в материальной обеспеченности. Это всё хорошо, но не главное. Он говорит о жизни в лесу, в простой избе, на своём Бобришном угore, лишённом всяких житейских удобств, но сохранившем чистоту, красоту и первозданность природы. Здесь в детстве он и получил ту любовь к отчёму краю, «когда в былые годы вместе с одногодками

продрал не одни штанишки, чтобы убедиться, что земля поката...». Это образ того, что любовь к малой родине содержит в себе и любовь к мирозданию... Какая красота, какое стремление...

НА БОБРИШНОМ УГОРЕ

*Завихряется стружка,
Пахнет ягодным бором.
Вырастает избушка
Над Бобришным угором.*

*В получасе шаганья
От деревни Блуднова
Жизнь моя, как сказанье,
Начинается снова.*

*Нет, не в пустынь,
Не в пристань,
Лежебокам на зависть, -
В Чистый бор, как на приступ.
Рядовым отправляюсь.*

*Только дым закурчавит
Край небес над ущельем.
И поэзия спрavit
Здесь свое новоселье.*

*Есть мечта:
В удаленье
От сумятицы буден
Обрести птичье зренье.
Недоступное людям.*

*Буду схож с Змеедом:
Так отверзнутся уши,
Что душа станет ведом
Говор трав и лягушек...*

*Заходите, соседи
Из окрестных селений,
Не окажется снеди -
Угощу сочиненьем.*

*На Бобришном угore
Воздух свеж, будто в море,
Родниковые зори,
И ни с кем я не в ссоре.*

*Ни запоров не надо.
Ни замков,
Ни ограды.
Добрым людям избушка
Круглый год будет рада.*

*А объявится рядом
Кто с недобрый поглядом -
К тем она повернется
Не передом,
Задом.*

И сказанье - жизнь среди природы в согласье с миром Божьим, с Богом... И отшельничество, в трудах, хотя он и не отказывается от гостей. И отправляется он как солдат - именно рядовым, с азов постигать основы жизни. И начинается уже не жизнь, а житие. Глубина... Те глубинные вопросы, которые он поднимал в своём творчестве, и привели его в уединение, в эту глубинку.

На этих поэтических посиделках мы словно воскрешали заповеди о любви, о вере, об отношении друг к другу, то есть любви к ближнему, о благодарении, о воспевании красоты мироздания и о многом другом, выраженные поэтическим языком русского поэта, пропустившего это всё через свою душу, свою судьбу. Яшин сумел понять, что всё взаимосвязано в жизни и что материальное также зависит от душевно-духовного. Какие мы есть? Мы можем многое, об этом и он говорит: и моря рукотворные создать, и умерить излишние дожди, в Космос слетать и многое другое, но главное главное вывод: «Без устали трудимся... Но вот о чём речь: Когда ж мы научимся друг друга беречь?». Кажется, так просто. И если ты с кем в ссоре - пойди и помирись, пойди и попроси прощения, пойди и помоги, уешь, спаси, полюби. Но оказывается, что и это простое: беречь друг друга, уважать друг друга, быть честным по отношению друг ко другу, независтливым, некорыстным, неравнодушным - оказывается из поколения в поколение самое трудное. А в наше время особенно...

Яшин делится с нами чудесами необыкновенными в обычных, казалось бы, жизненных явлениях и ситуациях. Учит видеть чудо в повседневном и не разучиться удивляться: «Я видел большую воду - апрельский разлив и спад, И как журавли в непо-

году Домой под обстрел летят». Что тут необыкновенного: многие видели и разлив, и спад. Но вот тяга птиц домой в непогоду, да ешё и под обстрел. А он воин, он знает, он это сам видел и знает цену этому: лучше умереть, чем оставаться на чужбине. У людей это называется ностальгией, любовью к родине. Это чудо! И славит, славит поэт красоту своего края, величие нашей Родины:

*А деревья-то зелёные!
А в озёрах
Вода в цвету.
А в воде, что стрелы калёные,
Листья длинные,
Заострённые,
Оголёные,
Опушённые...
И все тянутся в высоту.
В небе крылья птиц распростёрты.*

*Тучи, радугами подпёртые,
Камни скал, в кореньях витых.
Видно, скалы тоже не мёртвые,
Раз деревья растут на них.
Над рекою кручи размытые.
Я на срез отвесный гляжу,
Будто в недра земли открытые
По ступенькам цветным вхожу.*

И в другом стихотворении - о чуде:

*Я видел, как из-под снега,
Размытого добела,
Неведомого побега
Проклёвывалась игла.
Подснежников появление,
Берёзовых почек рост
Я сравнивал по значенью
С рождением новейших звёзд.*

Так вот оно, чудо мирозданья, чудо восхищения им. И спрашивает поэт в конце: «Чего ешё сердце просит? Чему удивиться смогу?» Не пропустить бы и нам это удивление перед Божиим творением, сберечь свой восторг перед ним.

О том, какие учителя и как они наставляют и учат своих учеников, говорит чистое, родниковое стихотворение юного мальчика, ученика Аргуновской средней школы Валерия

Горбунова. Его мировосприятие, его чистота души и радость жизни... И главное - любовь. Любовь к поэзии жизни, к своему поэту, родившемуся с ним на одной земле и видевшему с ним одну общую красоту окружающего мира. Это то безыскусное, безраздельно любящее, бескорыстное и первозданно мудрое отношение к поэзии, к уроку её, к человеку, преподавшему этот урок, что свойственно молодым людям, молодым Моцартам. Моцартовское стихотворение по тону, а тон задаёт музыку.

Вот и ответ, и подарок, который получил 95-летний Александр Яшин от своего юного земляка.

КТО ТАКОЙ ЯШИН?

«Кто такой Яшин?» - спросите вы.
 Он - это я, это ты, это мы.
 Он - это звёздочка в небе ночном.
 Он - это хлебушек в доме моём.
 Он - кисть рябинки.
 Он - ветка сосны.
 Он - ручеёк, что журчит вперелив.
 Он - наша совесть.
 Он - наша честь.
 Он - наша жизнь.
 Да всего и не счесть.
 Лучше возьми-ка ты томик стихов
 Да почитай на досуге часок.

И в прочтении, постижении созданного Александром Яшиным мы становились лучше и чище.

Наталья ЯШИНА

апрель - 6 июня 2008 г.

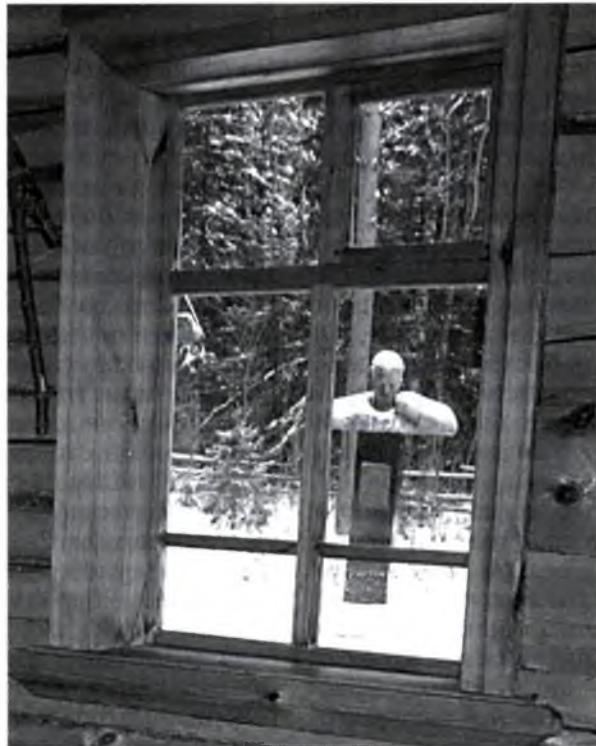

ФОТО АЛЕКСАНДРА ТОРОПОВА

ТАМАРА СПИВАК

КРЫЛЬЯ НАД МОРЕМ

Повесть о военном лётчике Матвее Козлове

- Ну как она, Арктика? - спросил летчика командир экипажа штурман А.Д. Алексеев, когда они приводнились после очередного разведывательного полета. - Небось, ругаете меня то, что подбил вас летать на Север?

Лётчик улыбнулся:

- Всем Арктика хороша, только туману многовато.

Ему было что и чем сравнивать. Десять лет назад призванный со своей родной Вологодчины на военную службу, он попал на Балтику, на учебное судно «Океан». Морскую практику проходил на линейном корабле «Марат», служил на крейсере «Аврора». Но мечтательный взор молодого матроса зачастую был обращен к небу: он видел себя за штурвалом самолета. Эта мечта затаилась в его детской душе с того дня, когда он, девятилетний мальчишка, впервые увидел летящий над Вологдой воздушный шар. Тот полет кончился трагически: воздушный шар не пошел по заданному маршруту, а вскоре и вовсе рухнул на землю. Французский эквилибрיסט, взлетевший на этом шаре, упал, основательно покалечился, но у мальчика, видевшего все это, желание подняться в воздух не пропало. Мать не одобряла мечту сына.

- Человек ездит, человек ходит, человек плавает, - говорила она. - Но летать ему не положено...

Когда он стал постарше и чаще заговаривал об авиации, она недовольно ворчала:

- Отец был кожевником, ходил по земле, а тебе обязательно летать!

И вроде бы успокоилась, когда его в 1922 году призвали на флот. А ему по-прежнему хотелось летать. И желание сбылось. Его откомандировали в Ленинградскую авиационную военно-теоретическую школу, а по окон-

чании ее - в Севастопольскую школу морских летчиков. После учебы - служба в авиации Черноморского флота.

Наблюдательный, пытливый, обладающий прекрасной памятью, Матвей Козлов через пару лет не только освоил многие летательные аппараты, но и знал уже каждую бухточку, каждый заливчик восточного и северного побережья Черного моря, где в случае необходимости мог бы приводниться его гидроплан. Хотелось чего-нибудь новенького, неизвестенного. Поэтому так охотно принял весной 1932 года предложение Анатолия Дмитриевича Алексеева поработать с ним в Арктике. Тех, кто переводился в полярную авиацию, отпускали без особых проволочек.

На тяжелом двухмоторном гидроплане «СССР Н-2» («Дорнье») они вели ледовую разведку, результатов которой ожидали у острова Вайгач грузовые суда. Каравану предстояло пройти через пролив Югорский Шар и выйти в Карское море.

Конечно, в полет отправлялись всегда при ясной погоде. Но она в Арктике столь непредсказуема, что зачастую уже через полчаса после вылета самолет попадал в такую многослойную облачность, а то и в пургу, что лететь приходилось вслепую, только по приборам. Если непогода охватывала обширную территорию, экипажу приходилось думать, где бы приводниться, пока в баках еще есть горючее.

Нелегко пробивать тысячаметровую толщу облаков в поисках спасительного «колодца», то бишь хоть маленького просвета, на дне которого мелькнул бы блеск чистой воды. Эти схватки со стихией так изматывали экипаж, что, приводнившись, люди падали от усталости и мгновенно за-

сыпали, даже не выходя из самолета. Не случайно в одном из таких полетов Козлов шутя произнес:

- Тут, видно, другой погоды не бывает: пурга, туманы, сильные ветры. Здесь тому летать хорошо, кто на себя три года подряд серчает.

Однако, несмотря на все «прелести» Арктики, с которыми пришлось столкнуться уже в первый год работы здесь, Матвей Ильич никогда больше надолго с Севером не расставался. В августе того же 1932 года он участвовал в первом полете на Северную Землю. А мог бы и не участвовать: еще не совсем оправился после недавней болезни. Никто не упрекнул бы его за отказ от полета. Но как отказаться? Вылет откладывать никто не станет: доставленная ледокольным пароходом «Русанов» на остров Домашний новая смена зимовщиков тринадцать суток не дает о себе знать. Надо срочно выяснить, что там случилось. Значит, Алексеев полетит туда с другим пилотом. А он, Козлов, когда-то еще сумеет потом попасть на эту таинственную землю...

29 августа самолет «СССР Н-2» стартовал с острова Диксон курсом на Северную Землю. Это был в прямом смысле полет в незнаемое: в этом районе Арктики еще не существовало ни густой сети полярных станций, ни баз для заправки горючим. Весь путь не просто впервые, но и с немалым риском.

На Домашнем летчики не задержались. Выяснив причины молчания радиостанции зимовщиков, убедившись, что все живы и здоровы, экипаж заправил самолет горючим и покинул остров.

Так впервые был проложен воздушный мост между Большой Землей и далеким архипелагом. И даже запредельная усталость от напряжения не могла заглушить в душах летчиков радость и гордость: они были первыми в небе над Северной Землей! Первыми...

Летная работа в Арктике в тридцатых годах прошлого столетия - это не только разведка и изучение состояния льдов. В 1933 году, например,

Алексеев и Козлов все лето и осень, когда позволяла погода, «возили» над енисейской тайгой лесоустроителей, которые по наблюдениям с воздуха выверяли свои описания и карты древостоев, сделанные на земле. Учитывалось все: породы деревьев, их возраст, близость к транспортным артериям, то бишь к рекам.

Облеты тайги закончились уже с наступлением зимы. Самолет был доставлен на базу в Красноярск, а экипаж отправился в Москву, к семьям, на отдых. Но недолго Матвей Ильич наслаждался отдыхом. Пришло срочно возвращаться в Арктику и на самолете сопровождать ледокол «Красин» к северному острову Новой Земли. В период навигации не успели завезти продовольствие для зимовавших там зверобоев. А голод в Арктике страшнее низких температур. Это хорошо понимали на Большой земле. Потому и снарядили ледокол.

На этот раз Козлов выбрал маленький, но обладающий большим запасом прочности и достаточным радиусом полетов У-2. В первые дни пути помочь крылатого разведчика не требовалась, и он стоял на верхней палубе, открытый для насмешек и острых шуток моряков. Они не верили в реальную помощь «воробья». Надеялись только на мощь своего ледокола.

Чтобы переломить это настроение, летчик пригласил капитана корабля слетать с ним на разведку ледовой обстановки. Отказаться капитану было неловко: как бы кто из его подчиненных не подумал, что бывалый моряк труса празднует. Слетали. Исследовали западное побережье островов, вдоль которого предстояло пройти «Красину». Вернулись без происшествий и задержки. Но по-настоящему оценить «воробья» моряки смогли тогда, когда стало ясно, что из-за мелководья ближе чем на пятнадцать километров ледокол к острову не подойдет. А как переправить на берег более четырех тонн груза?

- Перебросим самолетом, - успокоил моряков Матвей Ильич. - Только помогайте загружать машину.

И на этот раз моряки не удержались от шутки. Они нарекли Козлова «воздушным извозчиком», подарили ему красный кушак и кнут. Но по мере того, как уменьшался груз в трюмах, все уважительнее смотрели они на летчика и бортмеханика Виктора Чечина, хотя тот и другой потеряли свой привычный щеголеватый вид. Теперь они были похожи не то на мукомолов, не то на портовых грузчиков. Спали урывками, чтобы только побыстрее справиться со своей непредвиденной и столь нелегкой работой.

- Отоспимся, Витя, на обратном пути, когда двинемся к Большой земле, - подбадривал товарища Козлов.

Более сорока раз взлетал и садился У-2. Все, что было предназначено для нормальной зимовки зверобоев, было благополучно доставлено в становище.

- Ай да воробей!.. - теперь эти слова произносились уже с искренним восхищением. А когда сдвинутые штормовым ветром льды начали угрожающе наступать на маленькую и такую незащищенную перед стихией машину, стоявшую у борта ледокола, моряки бросились на помощь экипажу. Ветер валил людей с ног. Десятки рук едва удерживали вырывавшийся самолет. И все же его удалось целехоньким поднять на верхнюю палубу и там закрепить.

«Красин» пришел к самой северной точке Новой Земли - к мысу Желания, взял на борт научных работников и повернулся в обратный путь к Архангельску.

Вернувшись в Москву Козлову и Чечину М.И. Калинин вручил ордена Трудового Красного Знамени. А вскоре они снова улетели в Арктику. В Москве в это время уже буйствовала весна 1934 года.

Но не думайте, читатель, что все так легко и просто давалось нашему земляку в суровых условиях Арктики. Отнюдь. Он не был особым любимчиком у фортуны. Правда, сам он твердо верил в свою удачу. Наверно, потому, что с первых шагов своей самостоятельной летной жизни готовил себя ко всячего рода неожиданностям.

...Начинал он свою военную службу в авиации Черноморского флота на старой «Савойе 16-бис». Более опытные товарищи предупреждали: «Свалитесь «Савойя» в штопор - гроб». Он слушал, вспоминал и размышлял. «Бухгольц и Леваневский на такой же машине штопорили. И не по какой-то там случайности, а сознательно шли на риск. Бухгольц вывел свой аппарат из штопора только у самой воды, когда катастрофа казалась уже неминуемой. Леваневский вывел его с третьего витка. Они экспериментировали, чтобы потом в любой ситуации чувствовать себя уверенней...»

И он решил повторить их эксперимент. Умышленно вогнал свою «старушку» в штопор и после первого же витка вывел ее в горизонтальный полет. Зато потом уже не опасался крутых виражей. Вообще-то гидропланы не любят резких движений, поэтому Козлов всегда обращался с машиной «на вы». Но в чрезвычайных ситуациях бывало не до вежливости с самолетом. Выручал в этих случаях только опыт. Так было в 1932 году, когда он с Алексеевым в Карском море искал в сплошной облачности хоть малейшее «оконце» для посадки. И чуть открылся под ними голубой сказочный «колодец» со светлой водой внизу, Козлов круто завиражил. Резко снижаясь, машина с трудом поворачивалась в узком просвете между облаками. Когда приводнились и бросили якорь, летчик поднял голову. «Оконца», через которое они только что спустились, уже не было. Его затянули облака.

Так было и в 1939 году на реке Лене. Летавший в тот год с Козловым вторым пилотом Э. Пусэн в семидесятых так вспоминал об этом случае:

«- Эндель, спускайся еще немного ниже, - приказал командир экипажа Матвей Козлов, когда самолет стал чаще нырять в тучи.

- Легко сказать - «ниже», но откуда мне взять это «ниже», - ворчал я, скользя над волнами и снижая самолет еще на несколько метров.

Нам угрожала серьезная опасность. Внизу - бушующие волны, на-

верху - снеговые тучи, попав в которые, самолет может за несколько минут превратиться в сосульку, а затем, потеряв управление, рухнуть...

Хотя термометр в кабине показывал пять градусов ниже нуля, мне за штурвалом было жарко, пот струился со лба. Все время приходилось быть в напряжении. Заметив, что слева сквозь серый туман к самолету несется высокий берег, я резко положил самолет на правое крыло, так что консоль чуть было не погрузилась в волну. Самолет послушно лег на новый курс. Едва я справился с этим, как новый утес, на этот раз справа, стал приближаться со страшной скоростью. Теперь я повернул штурвал так же резко влево.

Уже почти три часа продолжалась эта непрестанная борьба со скалистыми берегами и тучами. Но постепенно берега становились ниже, русло реки расширилось. Вздохнув с облегчением, я провел рукой по вспотевшему лбу».*

Так было и летом 1947-го. На борту летающей лодки «Каталина», кроме экипажа, научная экспедиция из Арктического института, сотрудники Главсевморпути и даже журналист. Океанологи ведут стратегическую разведку льдов сразу по всей трассе от Архангельска до Охотского моря. Под наблюдением - последний отрезок пути. На подлете к бухте Провидения, где планировался отдых и заправка горючим, бортрадист подал Козлову радиограмму: «Вход в бухту закрыт». А горючего в баках - минимум, до Анадыря не долететь. Надо поблизости искать место, где можно было бы приводниться. Тщетно пассажиры пытались что-либо разглядеть за иллюминаторами. Облачность плотно окутала самолет.

И вдруг по всем отсекам гидроплана разнеслась команда штурмана Штепенеко:

- Не двигаться. Сидеть по местам!

Под крылом, в просвете между облаками мелькнула полоска воды. Машина резко наклонилась на нос, ловя

мгновения, пока облака не сомкнулись вновь, Матвей Ильич круто, почти отвесно, снижался к воде между скал. Днище лодки коснулось поверхности бухты, и, пробежав сотню-другую метров, «Каталина» закачалась на волнах.

Участвовавший в том полете журналист Савва Морозов несколько лет спустя писал:

«Пробравшись через тесный жилой отсек, Козлов и Штепенко вышли в застекленный блистер размяться, покурить.

- Ну, Мотя, голубчик, по второму разу тебя с днем рождения (в тот день Козлову исполнилось сорок пять лет - Т.С.), - выпалил скороговоркой штурман и крепко поцеловал командира. - Летать тебе, Мотя, теперь до ста лет!»

Вынужденная посадка произошла в соседней с бухтой Провидения бухте Ткачен. Пришедший через полсугодия катер забрал пассажиров и часть экипажа, а Козлов с бортмехаником Островенко на облегченном самолете перелетел к месту назначения.

Было... Все было: не только на вынужденную шли, но и аварии переживали. Но всякий раз стихия должна была капитулировать перед волей, опытом и выдержанной человеком.

Первую крупную аварию Козлов и его экипаж пережили осенью тридцать четвертого. Все лето работали в Карском море на двухмоторном «Дорнье-валь» - «Н-9» на разведке льдов. Навигацию завершили успешно. Последний перелет - на базу в Красноярск. А там и до встречи с Москвой, с родными - рукой подать. Но не зря Матвей Ильич часто повторял друзьям: «Не говори «гоп» раньше времени...» Река Дудинка, где накануне приподнялся «Н-9», за одну ночь покрылась льдом. На плоскостях машины выросли сугробы снега. Пришлось долго и упорно счищать этот опасный груз. В Енисей входили по узкому каналу, проложенному во льду аэродромным катером. Взлетели курсом на Туруханск. Шли вдоль реки на бреющем. Непогода преследовала до са-

* ПУСЭН Э. На далеких воздушных дорогах. М.: Воениздат, 1975. С. 17.

мой Игарки. Только за Игаркой показалась голубая полоска чистого неба. Увидев ее, Козлов передал управление самолетом второму пилоту, а сам решил немного отдохнуть, ведь он вел машину одной левой рукой. Правая, забинтованная (фурункул уже несколько дней не давал покоя), лежала в теплой меховой рукавице. Боль отдавалась в плече.

Отдых выдался короткий. Надвигавшаяся низкая облачность опять прижала самолет к земле. Летчики одновременно заметили мчавшийся навстречу мощный снежный заряд. Чтобы обойти его, отклонились от Енисея. И в этот момент отказали сразу оба мотора. Потом, уже на земле, бортмеханик установил, что виной случившемуся - все та же непогода. Бензиновый фильтр забило льдом. А в те минуты, когда заглохли моторы, Козлов надеялся планирующим полетом дотянуть до Енисея. Но высоты было слишком мало. Самолет упал в ста метрах от берега. Грунт оказался болотистый, мягкий. Отделались ушибами. Только штурман Алексей Ритслянд сломал руку. Его нужно было спешно вести в ближайшее селение. Со штурманом пошел Козлов. Доставив раненого в Карасино, написал текст радиограммы, которую поручил Ритслянду передать в Игарку, и вернулся к самолету. Ночевали в тайге, грязясь у костра. Чтобы подкрепиться, пришлось вскрыть продуктенный «НЗ». Наутро, когда непогода еще усилилась, Козлов вместе с бортмехаником законсервировал моторы, снял некоторые детали и приборы.

В ожидании помощи прошло несколько дней. Из Игарки в район падения самолета послали буксирный пароход. Экипаж погрузил часть самолетного оборудования и сам разместился на буксире. Настроение у Матвея Ильича было прескверное: такое ЧП после успешной навигации! К тому же оставляли в тайге машину. А это для летчика самое трудное. За время полетов человек сживается со своим крылатым другом как с живым существом и, покидая его на произвол судьбы, чувствует себя предателем.

Военный лётчик Матвей КОЗЛОВ

Впервые всю зиму Козлов провел в Москве. Отпускные планы у летчиков-полярников всегда очень большие. Матвей Ильич признавался друзьям: «Приедешь в Москву, хочется побывать повсюду, все посмотреть... Но к концу отпуска уже тянет обратно в Арктику...»

Еще более серьезную аварию экипаж Козлова потерпел осенью 1938 года в устье реки Ленивой, впадающей в Карское море. Когда приводнялись, глубины были достаточные. Но при старте не учли, что из-за сильного ветра река обмелела, вода еле-еле прикрывала коварные камни. Вот об них-то Козлов и пропорол днище своей летающей лодки. Неподалеку стоял самолет Алексеева. Тут же находился и начальник полярной авиации Шевелев. Они осмотрели «раненую» машину и вынесли свой «приговор»: спасти лодку вдали от ремонтных мастерских невозможно. Ремонтные мастерские - в Красноярске. Значит, опять оставлять самолет? Нет, нет и нет... Но что делать?..

Козлов посоветовался с экипажем. Решили своими силами отремонтировать на месте.

Давайте, уважаемый читатель, включим свое воображение, чтобы понять и почувствовать, что и как происходило там, на реке Ленивой, осенью 1938 года.

Отремонтировать на месте - это прежде всего построить помост-эстакаду или примитивный стапель, называйте как хотите, большой ошибки не будет. Он нужен, чтобы поднять машину из воды и освободить доступ к лодке. Но из чего строить? Где взять бревна и доски? До ближайшей зимовки - два километра. Там есть старый сарай. Но начальник зимовки - человек прижимистый, ему отчитываться за каждое строение. Терпеливо убеждали, что лес с собой не заберут, он останется на месте, весь, до единой дощечки.

Убедили. Сарай разобрали и по бревнышку перетаскали к месту аварии. Штормовой ветер и холод заставляли людей бросать свою ношу и подолгу отдыхать. Но с упорством муравьев продолжали работу. Когда помост был готов, самолет вытащили наверх. Бортмеханик Чечин осмотрел пробоины. Их было три. Значит, надо положить три заплаты, причем на редан - фигурную. Весь экипаж на время превратился в клепальщиков. Руководил работами Чечин.

Шесть дней стучали молотки. Когда закончили, пригласили Алексеева и Шевелева для осмотра лодки. Работа была принята с одобрением. Характерно, что и в Красноярске, куда благополучно долетели, инженеры базы, осмотрев «заплаты», заметили, что лучше выполнить эту работу не смогли бы и профессионалы мастерских...

И все же никакие летные происшествия, случавшиеся с Козловым в до-военный период его работы в Арктике, не идут ни в какое сравнение с тем напряжением, которое довелось пережить группе полярных летчиков, в том числе и Матвею Ильичу, в период организации станции «Северный полюс».

Экспедиция к Северному полюсу готовилась долго и тщательно. Были задействованы десятки ученых и специалистов. Руководил всей подготов-

кой, как затем и всей организацией станции «СП-1», геофизик, академик Отто Юльевич Шмидт, человек, большую часть своей жизни отдавший изучению Арктики. Под его непосредственным контролем формировались экипажи самолетов, которым предстояло доставить на льдину четырех ученых-зимовщиков, снаряжение для исследований, одежду, продовольствие и прочие бытовые вещи, - в общем, все необходимое для жизнеобеспечения и нормальной работы станции.

А.Д. Алексеев, к тому времени уже отлично владевший самолетовождением, пригласил к себе в экипаж М.И. Козлова. Они несколько навигаций летали вместе, отлично понимали друг друга, поэтому Матвей Ильич, не задумываясь, ответил согласием.

Из Москвы стартовали 22 марта 1937 года. Почти месяц потребовался, чтобы экспедиция достигла, наконец, острова Рудольфа. Этот остров - самый северный в архипелаге Земли Франца-Иосифа. Базой его сделали не только потому, что он ближе всех других островов Арктики к Северному полюсу, но и потому, что поверхность ледника, покрывающего его, представляла хорошую естественную посадочную площадку для самолетов.

Еще месяц просидели на острове в ожидании погоды для последнего перелета. Только 21 мая М.В. Водопьянов посадил свой «СССР Н-170» на Северном полюсе. Его задача - выбрать площадку под будущую станцию. После этого должны были вылететь остальные экипажи с полярниками и грузом на борту. Командир самолета «СССР Н-169» И.П. Мазурук накануне по своей неосмотрительности оступился и порвал связки правой ноги. Быть совсем рядом с полюсом и не попасть на него - могла ли быть ситуация, более горестная для летчика?

Уже после Великой Отечественной войны Илья Павлович в сборнике «Над Арктикой и Антарктикой» опубликовал свои воспоминания об этом случае.

«Не знаю, как сложилась бы моя судьба, не прими тогда Шмидт своего

решения. Не знаю... На полюс я полетел с костылем. Вел машину с помощью Матвея Козлова. Его, опытнейшего летчика, ко мне вместо Я.Д. Мошковского посадили».

Выбор О.Ю. Шмидта не был случайным. Он знал Матвея Ильича по всем предыдущим годам его работы в Арктике.

В ночь на 25 мая было получено «добро» на вылет всех трех экипажей. Взлетели самолеты В.С. Молокова и А.Д. Алексеева. А Мазуруку явно не везло. Когда трактор начал вытягивать «СССР Н-169» на старт, лопнул трос. Пока его сращивали, прошло сорок минут. Остров затянуло туманом, но купол был открыт. Поспешили взлететь. Самолет едва оторвался от ледовой дорожки. Его вес превышал нормативы на целых четыре тонны. Но взлетели. За время, пока возвились с тросом, самолеты Молокова и Алексеева ушли так далеко, что Мазуруку было предложено идти на полюс самостоятельно. В пять утра штурман В.И. Аккуратов сообщил летчикам:

- Под нами Северный полюс.

«Мы с Козловым, конечно, оба смотрели вниз, - вспоминал Мазурук.

- Спрашивала шутя:

- Матвей Ильич, земной оси не видишь? Нигде не торчит? С моей стороны не видно.

- С моей стороны тоже нет, - смеясь отвечает Матвей».

Шутка шуткой, но нужно было определяться, куда лететь. С воздуха лагерь папанинцев не обнаружился. Не смогли связаться с ним и по радио: на самолете забарахлила радиостанция. Пролетев еще какое-то расстояние, решили садиться, чтобы не жечь зря горючее.

«Главным экспертом по льдинам выступал у нас Козлов, - писал Мазурук. - Только у него был некоторый ледовый опыт. Много льдин просмотрели, но подходящей все не было. Наконец нашли. «Кажется, вот эта годится», - говорит Козлов. После повторного осмотра решили садиться. Сбросили дымовые шашки, еще круг. Гряды торосов торчат как

скалы, боязно... Но приземлились мягко».

Только на девятые сутки экипаж Мазурука определил примерно свое местонахождение и сумел найти площадку, на которой расположилась станция «СП-1». Оказалось, что «Н-169» перелетел станцию и теперь надо было возвращаться. На станции их ждали с нетерпением: на самолете Мазурука находилась значительная часть технического оборудования, без которого невозможно было проводить научную работу.

Разгрузившись и отдохнув, экипажи попрощались с остающимися на льдине полярниками и 6 июня покинули станцию.

На остров Рудольфа прилетели четыре самолета. Между тем в летние дни тридцать седьмого в Москве торжественно встречали только три экипажа: Водопьянова, Молокова и Алексеева. Самолет Мазурука с двумя маленькими самолетами «Н-36» и «Н-128» по распоряжению О.Ю. Шмидта был оставлен на острове Рудольфа на весь период дрейфа «СП-1». Это была своего рода подстраховка: а вдруг папанинцам на станции потребуется какая-то экстренная помощь.

Авиационной помощи полярникам не потребовалось. 19 февраля 1938 года их снимали со льдины, придревловавшей в Гренландское море, ледоколы «Мурман» и «Таймыр». Однако всевозможных происшествий и трудностей за месяцы, проведенные на острове, экипажу выпало немало.

Лето 1937 года вошло в историю отечественной авиации не только полетом на макушку Земли, но и трансконтинентальными, а проще - сверх дальными беспосадочными полетами из Москвы через Северный полюс на американский континент. Без боязни впасть в гиперболизацию можно сказать: за этими перелетами следил весь мир.

Первым был В.П. Чкалов. Он со своим экипажем (второй пилот - Г.Ф. Байдуков, штурман-радист - А.В. Беляков) вылетел из Москвы 18 июня. А 20-го уже совершил посадку на аэродроме близ города Портлан-

да. Самолет пробыл в воздухе 63 часа 25 минут...

На западном побережье США по этому случаю был установлен специальный обелиск. Так не очень-то щедрый на похвалы американский народ выразил свое отношение к подвигу советских летчиков.

Не прошло и месяца после полета Чкалова, как 12 июля из Москвы стартовал экипаж М.М. Громова (второй пилот - С.А. Данилин, штурман - А.Б. Юмашев). Маршрут практически тот же. 14 июля самолет приземлился в 5 километрах от селения Сан-Джасинто у границы США и Мексики.

Экипажи Чкалова и Громова установили два мировых рекорда: по длительности беспосадочного полета и по его дальности.

Еще месяц спустя, 12 августа, из Москвы вылетел тяжелый четырехмоторный самолет «СССР Н-209» Леваневского. Его экипаж - шесть человек. Этот полет закончился трагически. 13 августа, в 13 часов 40 минут, самолет прошел полюс, а в 14 часов 32 минуты связь с ним на полуфразе оборвалась.

В течение года пятнадцать советских самолетов и семь американских, купленных и зафрахтованных советским правительством, искали в Арктике «Н-209». Поиски оказались безрезультатными. Это сообщалось в печати и было известно уже в те годы.

В поисках экипажа Леваневского принимал участие и самолет «Н-169» Мазурука, оставленный О.Ю. Шмидтом на острове Рудольфа. Штурман В.И. Аккуратов в те дни вел ежедневные записи, которые он опубликовал в 1984 году в своей книге «Лед и пепел». Я позволю себе процитировать выборочно некоторые из этих записей, естественно, с большими сокращениями.

«4 августа. Пришел антициклон. Прогноз синоптика Дзердзееевского, как всегда, оправдался. Мазурук и

Анатолий Григорьев, начальник полярной станции в Тихой*, которого несколько дней назад мы привезли к себе для обмена опытом вместе с аэро-логом Василием Канаки, на «Н-36» будут вылетать в Тихую. На «Н-128» должны летать Козлов, Канаки и я.

В 11.55 Мазурук стартовал с нижнего аэродрома на Тихую. Перед стартом сообщил, что залетит к нам на купол, чтобы посоветоваться о погоде, ибо, по поступающим сводкам, она угрожающе портилась. Но к нам Мазурук не залетел, а пошел прямо на Тихую. Спустя десять минут после его вылета нам сообщили, что купол, где расположен аэродром в Тихой, закрыло туманом. Мы решили наш полет отставить. Через три часа после вылета с Рудольфа Мазурук в Тихую не прибыл. Что с ним? На каком острове сели из-за погоды?

Сейчас 18.00. Мазурука в Тихой до сих пор нет. Ждем погоды, чтобы вылететь на его поиски... 21.00 Москвы. Мазурук неизвестно где. К поискам все готово, но погоды нет.

В 21.35 Илья прилетел в Тихую.

5 августа. У нас туман, дождь, изредка виден купол. В Тихой погода тоже испортилась. Ночью был мороз. Лето прошло, но на обнажениях каменистой осыпи цветут желтые маки, розовые и голубые камнеломки. Цветы и снег!

11 августа. Туман, температура -4,2°C. Идет снег. К вечеру началась пурга. Что это? Осень, зима или лето? Снег и цветение маков! Золотой россыпью пробиваются эти нежные цветы сквозь легкий снежный ковер.

С утра до вечера работаем на припае у мыса Столбового, перевозим бензин. Откопали и перетащили 225 бочек...

12 августа. ...Получили, наконец-то, из Москвы «Экватор»**. Леваневский вылетел...

Пурга. Дежурим на аэродроме. Гололед опять порвал крылья у «Н-128».

* Бухта Тихая находится на острове Гукера, в двухстах километрах от Рудольфа. В 1937 году это были единственные обжитые людьми точки на всем архипелаге Земли Франца-Иосифа.

** По-видимому, позывной московской станции слежения за полетом.

Большие заносы, самолеты откалываются постоянно.

13 августа. Ветер северо-западный. Леваневский летит слишком медленно. По-видимому, ветер на высоте встречный... Температура на высоте -35°С. Поляр прошел на высоте 6000 метров в 13.40. В 14.32 получена тревожная радиограмма: «Крайний правый мотор выбыл из строя из-за порчи маслопровода. Высота 4600 метров. Идем в сплошной облачности. Как меня слышите? Ждите...»

Сейчас уже 22 часа, но его рация молчит.

14 августа. «Н-209» не слышно... Обсуждаем с Козловым варианты оказания помощи... С первой же возможностью вылетаем в Тихую для встречи с Мазуруком. Гололед на нашем куполе катастрофичен. Порвана обшивка «Н-128», а «Н-169» превратился в глыбу льда. Чистим, ремонтируем.

16 августа. С утра купол открыт, но над архипелагом туман. ...Все было готово к вылету «Н-128», но на рулежке мотор пришлось выключить. Неожиданный туман затянул весь остров.

Отто Юльевич Шмидт прислал радиограмму, в которой сообщает о вероятности нашего полета к папанинцам до вылета отряда Шевелева из Москвы. Мы готовы. Вместо Мазурука командиром может идти Козлов. Леваневского не слышно.

17 августа. С утра - на аэродроме за счисткой гоффа самолета и перевозкой горючего. Всего накатали 250 бочек, около 50000 килограммов бензина и 10 бочек масла. Аэродром готов к встрече тяжелых самолетов. Возможна посадка на колесах.

18 августа. ...Сегодня вспомнили выступление Шевелева по радио об окончательной победе над Арктикой. Какая ирония!

20 августа. ...Из Москвы получили известие, что мы будем также летать на поиски «Н-209» вместе с самолетами «Н-170», «Н-171» и «Н-172». Мазурук до сих пор не может вырваться из Тихой.

21 августа. Туман. Дождь. Време-

нами купол открыт. Произошел обвал ледника в Теплиц-Бай. Грохот был необычен, точно сильнейшая гроза. Разводья в бухте увеличиваются. «Н-209» молчит. Козлов уверен в их гибели, основываясь на логике развернувшихся событий.

Дима Шекуров, наш первый борт-механик, попал под гусеничный трактор. Отделался разрывом мышц и связок на правой руке, но к полету не годен. Вот еще непредвиденное несчастье!

22 августа. Туман! Туман везде! Что же это такое?

23 августа. ...Вечером Матвей Козлов при неосторожном обращении с порохом обжег себе лицо. Глаза целы, но правый не видит. Лежит весь забинтованный. Вот дела! Мазурук засträgt в Тихой, Козлов без глаза, Шекуров с больной рукой!!!

26 августа. ...Мазурук по-прежнему сидит в Тихой. Глаза Козлова поправляются, но вид лица его ужасен! Вся кожа обгорела, бровей и ресниц нет.

28 августа. Купол закрыт. Туман, снегопад, ветер западный. Такая же погода и у Папанина. Они там действительно готовят аэродром для нашего прилета. ...Обсуждаем с Козловым и Шекуровым вариант зимовки вместе с самолетом за полюсом. Это вполне возможно, но будет значительно сложнее, нежели у папанинцев.

1 сентября. ...Гололед достиг необычайной силы. Льда наросло на всех частях самолета до тридцати сантиметров. Более девяти часов сбивали лед. Туман, снегопад. Настоящая зима! Бедные маки! Они еще не успели полностью расцвести, а их уже засыпало снегом. Ветер северо-восточный. ...Сегодня не вытерпел и написал радиограмму Шмидту со своим проектом поисков Леваневского. Перед отправкой показал ее Козлову и получил от него поддержку. Он одобрил проект и в свою очередь подписал радиограмму. Одновременно послали ее и Шевелеву.

12 сентября. Туман, туман и туман! Кажется, что его промозглая, ядовитая сырость проникла даже в

наши кости. Тихая сообщает, что Мазуруку удалось в 15.10 вылететь на Рудольф. В расчетное время, однако, он к нам не прибыл. Видимо, где-то сел по погоде на вынужденную. А если нет? Тревожно... Как только рассеется туман, мы с Козловым вылетаем на поиски Мазурука.

13 сентября. Над Рудольфом ясно. День неожиданных, но хороших событий. В 23.40 сел отряд Шевелева и Водопьянова, через два часа прилетел Мазурук! Илья на «Н-36-бис» из-за тумана вынужден был сесть на острове Райнера! Самолеты отряда, которые находились там же, он в тумане не видел. Здорово посмеялись, где кто сидел!

14 сентября. Идет зарядка горючим самолетов отряда. В каждый самолет - по 40 бочек. Перекачка вручную. ...Отряд из Москвы так торопился, что прилетел без зимнего обмундирования, за исключением командиров кораблей и руководства. ...Их самолеты успели оборудовать замечательным устройством - антиобледениелями на винты, установили добавочные баки для горючего.

16 сентября. Купол закрыт, -12°C. Закачка горючего закончена. Идет подготовка снаряжения. У нашей «Н-169» отобрали аварийную радиостанцию. С вахты не снимают. Мы страхуем работу отряда.

18 сентября. Купол открыт, но внизу туман, температура -12°C, снегопад. Ходил на медведя. Народа стало много, нужно свежее мясо. Матвею Козлову не везет, при спуске с купола на лыжах упал и повредил ключицу.

22 сентября. ...Вечером, после очередного аврала, все - прилетевший отряд и зимовщики - собрались в нашей, экипажа «Н-169», комнате. В который раз обсуждали варианты поисков «Н-209». Спорили долго и горячо, перебирая в памяти десятки самых сложных и рискованных полетов. Но, увы, наступившая полярная ночь с ее неистовыми циклонами ломала всю нашу логику.

26 сентября. ...На душе гнетущее состояние от бессилия перед ледяной стихией.

4 октября. Пурга. Ночью готовили самолеты, но пурга не позволила вылететь.

6 октября. Дежурим. К высоким широтам на поиски Леваневского вылетает «Н-170», мы их подстраховываем и летим к Земле Александры. С нашего корабля на «Н-170» забрали все световые ракеты, домкрат, взлетную кувалду (тяжелый деревянный молот для сбивания с места самолета на лыжах).

7 октября. Ночь на куполе. Ясно, звезды, мороз -16°C. Готовим машины. Горят прожектора. В 04.15 стартовал «Н-170», а в 07.23 - наш «Н-169».

Можно и дальше приводить дневниковые записи В. Аккуратова, только они уже ничего не добавят к сканному выше. Безуспешной была работа и отряда Б.Г. Чухновского, сменившего отряд Шевелева. Между тем потери в этом отряде были велики: сам Чухновский попал в аварию, правда, остался жив; самолет Героя Советского Союза М.С. Бабушкина разбился, часть экипажа и сам Бабушкин погибли; при возвращении на Большую землю разбился и самолет Я.Д. Мошковского. Леваневского не нашли, хотя была обследована большая территория льдов вокруг предполагаемого места посадки или падения «Н-209». И справедливо будет повторить вслед за Аккуратовым: «Время поисков было упущено...»

Козлов особенно тяжело переживал гибель «Н-209». В экипаже Леваневского первым бортмехаником летел Григорий Побежимов. Алексеев и Побежимов были его первыми наставниками в Арктике. С Григорием Трофимовичем Козлова связывала и крепкая личная дружба. Они встречались и в Москве, поскольку жили в одном подъезде Дома полярников. В друге Козлов ценил не только знания, трудолюбие, веселый нрав, но и удивительную смекалку, которая так поразила его во время их полета на Северную Землю. Карское море начиняло штормить, и летчики спешили вернуться на материк. Но не успели еще и высоту набрать, как отказал носовой мотор. Козлов круто развернул

машину и на одном моторе сел в узком проливе. Здесь было спокойнее, чем в открытом море. Побежимов осмотрел заглохший мотор и сокрушен но произнес:

- Дело тухлое, друзья. Лопнула мельочь - плюгавенькая пружинка, но без нее не взлететь.

Речь шла о пружинке прерывателя одного из магнето.

Бортмеханик видел, как изменились лица Алексеева и Козлова. Не взлететь - значит зимовать на острове Домашнем. Но здесь все было рас считано только на четырех зимовщиков. Ни продовольствия, ни какой бы то ни было крыши над головой.

Молчаливые размышления летчиков о сложившейся ситуации прервал возбужденный голос Побежимова:

- Взлетим, друзья!

Он попросил Козлова так развернуть самолет, чтобы ему удалось прямо с крыла спрыгнуть на берег, и помчался к зимовщикам.

Вернулся быстро. В руках у него был будильник.

- Вот он, мой дорогой! - радостно сообщил он еще ничего не понимающим летчикам. Вскрыл часы, вынул пружину и, подражая фокуснику, шутливо затянул:

- Ахалай-махалай, ахалай-махалай! Перед вами самая обыкновенная пружина. Пять минут назад мотор не работал, через пять минут он зарабатывает. Никакого мошенничества, только ловкость рук!

Действительно, через несколько минут Козлов вырливал в море, готовясь к взлету...

И вот нет больше друга...

Самолеты, высланные на поиски, вернулись на Большую землю. А вахта экипажа И.П. Мазурука на острове Рудольфа продолжалась до 19 февраля 1938 года. В этот день станция «Северный полюс - 1» прекратила свое существование. «Н-169» на острове больше не требовался, и экипажу было разрешено вернуться в Москву. Но не скоро еще летчики ступили на Московскую землю. 17 марта, когда в

столице торжественно встречали поезд с папанинцами, самолет «Н-169» добрался лишь до Амдермы.*

И только в конце марта он, наконец, приземлился на московском аэродроме. никаких фанфарных ре чей, никаких поздравлений. Среди встречавших - лишь родные и друзья. Правда, работа их на полюсе была по достоинству оценена: Мазуруку, Козлову и Шекурову были вручены ордена Ленина, Аккуратову - орден Красной Звезды.

После столь трудной зимы, стольких волнений (теперь бы сказали - «стрессов») логично было ожидать, что летчики уйдут в длительный отпуск. Ничего подобного. С начала арктической навигации Козлов был уже на Диксоне, откуда самолеты вылетали на ледовую разведку в Карское море.

Однажды его спросили:

- Матвей Ильич, если бы скинуть тебе десяток-полтора годков, какое дело ты выбрал бы для себя?

- Летал бы в Арктике, - ответил он.

- Лучшего места не найти. Всегда в большом коллективе, рядом товарищи. Идешь в воздух, словно по боевой тревоге.

Предполагал ли летчик, отвечая на вопрос друзей, что боевые тревоги в подлинном смысле этих слов уже маячили на его жизненном горизонте? Как только полыхнул военный конфликт на советско-финской границе, авиационное руководство армии вспомнило, что Козлов и ряд его товарищей по работе в Арктике - летчики прежде всего военные. В декабре 1939 года Матвей Ильич уже сидел в кабине тяжелого бомбардировщика.

Стоит заметить, что о военном конфликте между Советским Союзом и Финляндией 1939-1940 гг. написано до обидного мало, а об участии авиа ции в нем - и того меньше. Вот что сказано о боевых действиях летчиков в третьем томе «Истории второй мировой войны»: «Успеху наземных войск во многом способствовала авиа

* База в Байдарацкой губе Карского моря.

ция, которая вела непрерывную разведку, наносила мощные удары по скоплениям живой силы и боевой техники противника, по его аэродромам, прикрывала с воздуха советские войска». (С. 364).

О полетах нашего земляка Героя Советского Союза Е.Н. Преображенского в сорок первом году на Берлин написаны многостраничные очерки, хроники, воспоминания. Но мало кто знает, что в советско-финляндской войне Евгений Николаевич уже командовал полком бомбардировщиков,

Только, пожалуй, у дважды Героя Советского Союза В.И. Ракова в его книге «Над морем и сущей» есть несколько десятков страниц, посвященных действиям бомбардировочной авиации в зимних боях 1939-1940 гг. Рассказывает Раков и о полярном летчике, Герое Советского Союза полковнике П.Н. Головине, прикомандированном к его эскадрилье.

Ну, а что известно о боевой работе М.И. Козлова в период этой военной кампании? Да практически ничего. Командовал звеном бомбардировщиков. На его личном счету 24 боевых вылета. Об этом сообщает характеристика командования, которую приводит в своем очерке «Летчик Козлов» М. Зингер.

24 вылета... Это не так уж и мало, если учесть, что военная кампания продолжалась всего три с половиной месяца.

Определяя звулу Козлова первое боевое задание, в штабе летной части заметили: «Погода самая подходящая: туман и низкая облачность. Мы сейчас очень рассчитываем на полярных летчиков. Вы привыкли к любой погоде».

- Это уж точно, - улыбнулся Козлов.

Сквозь сплошную толщу облачности летели в глубокий тыл чужой страны. Нет, это была не Арктика! Здесь надо было постоянно помнить, что внизу за их полетом следят не зимовщики полярных станций, а вражеские войска, готовые в любую минуту открыть огонь: зенитки - с земли, истребители - в воздухе.

Из той же боевой характеристики ведомо, что в десяти вылетах из двадцати четырех самолет командира звена был обстрелян зенитной артиллерией. А сколько раз ему пришлось вступать в бой с вражескими истребителями, о том документ умалчивает, зато подчеркивает, что летчик хладнокровен и смел в бою.

При чтении подобных документов мне всегда хочется воскликнуть: «Полноте, о каком хладнокровии может идти речь в смертельно опасных ситуациях?» Выдержка, смелость, умение управлять своими эмоциями - да! Но только не хладнокровие...

...Летчик вражеского истребителя пошел буквально в лоб бомбардировщику. До столкновения оставались считанные секунды. «Неужели так и вмажем друг в друга?» - подумал Матвей Ильич, озадаченный тем, что его стрелок-радист Кондратьев не открывает огонь. Но противник о таране и не помышлял. Он надеялся, что у советского летчика не выдержат нервы, он отвернет, подставив себя под пули. Когда же понял, что перед ним ас с весьма крепкой нервной системой, отвернулся сам. Кондратьев только и ждал этого. С короткой дистанции он в упор расстрелял истребитель.

Следить за тем, как охваченный огнем «Бристоль-Бульдог» рухнет на лес, у Козлова времени не было. Впереди - цель, которую он и его ведомые должны уничтожить.

В характеристике, написанной на Козлова командованием, указывается, что майор представлен к награде и повышению звания.

Орден Красного Знамени ему действительно вручили, но Великую Отечественную войну он встретил все в том же звании майора.

Летом сорокового года Матвей Ильич еще участвует в исследовании северного района Карского моря. А в сорок первом он в Арктику уже не попал. Его снова отзовали в военную авиацию, на этот раз на родной его Черноморский флот, базировавшийся в Севастополе. 80-я отдельная авиаэскадрилья, в которую попал Козлов, была укомплектована туполев-

скими четырехмоторными тяжелыми морскими бомбардировщиками МБТ-2 (амфибия), известными также под названием АНТ-44-бис и «чайка». (Не путать с истребителем И-153, который летчики тоже ласково называли «чайкой»).

К началу войны у МБТ-2 сняли су-хопутное шасси. Теперь это была только летающая лодка.

Если о довоенной летной жизни нашего земляка мы узнаем из коротких упоминаний и сообщений в публикациях и воспоминаниях тех, кто хорошо знал Матвея Ильича по совместной работе, то некоторые эпизоды времен Великой Отечественной дошли до нас в воспоминаниях самого Козлова, правда, записанных с его слов историками и литераторами, в частности, П. Николаевым, А. Григорьевым, С. Морозовым. А. Григорьев, например, записал короткий рассказ Козлова о первых неделях войны.

«На «чайке» мы совершали полеты стратегического назначения на неприятельские объекты. В основном летали на Плоешти. Как правило, наша задача состояла в том, чтобы держать противника ночью в постоянном нервном напряжении. Поскольку радиус действия нашей машины был большим и «висеть» она могла в воздухе долго, то действовали мы так: сбрасываем бомбу на один из городских объектов и уходим в сторону от прожекторов. Потом, когда средства ПВО немного успокаются, снова возвращаемся и сбрасываем очередную бомбу. Подобную процедуру приходилось повторять до десяти раз. Излишне говорить, что экипаж «чайки» при этом здорово выматывал нервы, десять раз проходя через плотный зенитный огонь противника».

Бомбовые удары наносились не только по Плоешти и Констанце, но и по многим другим городам и промышленным объектам Румынии, в том числе и по ее столице - Бухаресту. Один из таких налетов оказался для экипажа Сухомлина, вторым пилотом в котором летал Козлов, особенно трудным. К румынской столице летели в группе с семью бомбардировщици-

ками 2-го авиа полка 63-й авиабригады. Над городом разошлись по своим заранее намеченным целям. Несмотря на интенсивный зенитный огонь, отбомбились и на высоте 5200 метров легли на обратный курс. Черное море было плотно накрыто сплошной облачностью. Сухомлин, передав управление Козлову, решил немного отдохнуть. Снижаться начали по расчетному времени. Но внизу вместо моря показалась суша. Нигде ни одного знакомого ориентира. А когда впереди снова блеснула водная гладь, поняли, что под ними на Черное море, а Азовское. Оказалось, что штурманы не учли поправку на попутный ветер, и самолет еще в облаках пролетел свой аэродром. Пришлось изменить курс. Чтобы не потерять ориентиры, пошли вдоль побережья, но тут же попали под огонь береговой ПВО. Уклонились в сторону моря. Через несколько минут вернулись к побережью. И снова заговорили зенитки. Так повторилось трижды. Рисковать дальше не имело смысла. Не подбили на Румынией, так, неровен час, сбьют свои. Решили сесть на воду и переждать до рассвета.

Только на вторые сутки добрались до Севастополя, где их считали погибшими.

Последний вылет на «чайке» экипаж совершил в июне 1942 года, когда наши войска покидали Севастополь. Вывозили из города раненых...

Вскоре Сухомлин был откомандирован на уральский авиазавод, а Козлов - на Север.

Назначенный уполномоченным Государственного Комитета Обороны по перевозкам на Севере Иван Дмитриевич Папанин добился, чтобы в его распоряжение вернули всех бывших полярных летчиков. Пока Матвей Ильич летал в составе 80-й отдельной авиаэскадрильи, никто особенно в его документы не заглядывал. Но как только экипаж Сухомлина расформировали, сразу выяснилось, что второй пилот - из полярников. А раз так - в Арктику его, и вся недолга.

Едва доложился Папанину о прибытии, как тут же Мазурук предложил

ему место второго пилота в своем экипаже. А несколько дней спустя летчик уже участвовал в поисках отдельных судов из разгромленного фашистами конвоя PQ-17.*

Этот конвой 27 июня отошел от исландских берегов курсом на Мурманск и Архангельск. В его составе было 35 грузовых транспортов, два танкера и 24 корабля английских военно-морских сил - охранение. Сегодня, спустя столько десятилетий, мы точно знаем, как развертывались события, предшествовавшие трагедии. Знаем, что конвой стал заложником интриги, разыгранной английским адмиралом Паундом. 4 июля 1942 года немецкой подводной лодке удалось потопить один транспорт, а четыре получили повреждения от авиационных торпед. Это и послужило поводом для радиограммы, посланной Паундом флагману конвоя: «Весьма срочно. Крейсерам на полной скорости отойти на запад». Спустя 23 минуты последовала вторая радиограмма: «Срочно. Ввиду угрозы надводных кораблей конвою рассеяться и следовать в советские порты».^{**}

Лишились прикрытия, конвой фактически был обречен на неминуемую гибель.

Сегодня мы знаем, что только 11 транспортам удалось дойти до советских портов. Их разыскали в море полярные летчики, а сопроводили к месту назначения военные корабли. Знаем и то, что 22 сентября английский премьер-министр У. Черчиль сообщил президенту США Ф. Рузельту, что наступило время сказать Сталину: до января 1943 года отправка конвоев в Советский Союз прекращается.^{**} В это время гитлеровцы неудержимо рвались к Волге, и Черчиль уже предвкушал если не окончательное поражение Советского Союза, то, во всяком случае, его полное истощение. Не сомневался он и в том, что в схватке с большевиками будет

истощена и обескровлена также и Германия. Вот тогда-то Англия и США смогут продиктовать этим странам свою волю. Путь к установлению англо-американского господства над миром будет открыт.

Все это мы знаем сегодня. А в тот июльский день сорок второго, когда экипаж Мазурука обнаружил в одной из бухт западного побережья Новой Земли сидящее на мели судно «Уинстон Сейлем», он знал только, что конвой разгромлен и судну, терпящему бедствие, требуется помочь.

Сели в море неподалеку от корабля. То, что увидели, ошеломило: корабль совершенно цел, на палубе - лес стволов зенитных орудий и счетверенных пулеметов, на матче - сигналы бедствия, а на берегу, у самого уреза воды, с автоматами, ручными пулеметами, поднятыми над головами, столпились люди, что-то громко выкрикивая. Руки подняты вверх, это что же, в плен сдаются? Кому? Шестерке летчиков одного-единственного самолета?

Спустили на воду клипер-бот. Штурман Николай Жуков и бортмеханик Глеб Косухин поплыли к берегу. Остальные внимательно следили за палубой судна. Если эта орава зениток выстрелит, от их летающей лодки одни щепки останутся. Но проходили минуты, у зениток никто из команды не появлялся, а достигших берега Косухина и Жукова заокеанские моряки окружили, жмут руки, улыбаются, радостно галдят.

Поставив гидросамолет на якорь, высадились на берег и остальные члены экипажа. Как старший по званию, в переговоры вступил полковник Мазурук. Капитан судна потребовал одного: доставить команду в Архангельск. Там американское представительство, оно хорошо заплатит летчикам за спасение моряков. Груз, находящийся на борту корабля, его больше не интересует. Он доставлен в

* PQ - условное обозначение транспортов, доставлявших в СССР военные грузы, которые поступали во время войны из Англии и Америки по ленд-лизу. 17 - это порядковый номер конвоя.

** История второй мировой войны. 1939-1945. М.: Воениздат. 1975. т. 5. С. 261.

воды Советского Союза, а что с ним будет дальше, это уже не его дело. Не волнует капитана и возможная гибель корабля. Он хорошо застрахован, поэтому компания убытков не понесет. Ни о каком дальнейшем движении транспорта в Архангельск капитан и слышать не желает. Его забота простирается только на спасение собственной жизни и жизни членов команды.

По лицам моряков Мазурук понял, что далеко не все они согласны с капитаном. И он решил апеллировать к ним. Рассказал, как трудно сейчас советским людям, какие неисчислимые потери несут они в борьбе с фашистами и как нужны им те боеприпасы, та техника, что находится в трюмах корабля, что бросать это все на произвол судьбы - значит помогать фашистам в их захватнической войне против Советского Союза.

Команда «Уинстона Сейлема» разделилась на две неравные группы: несколько офицеров примкнули к капитану, большинство же было готово двигаться дальше, тем более что полковник обещает им даже прикрытие военных кораблей. Но как сдвинуть судно, глубоко засевшее носом в песок? Летчики вспомнили, что милях в двадцати от транспорта они видели парусно-моторный бот Главсевморпути, который занимался промером глубин. Слетали к нему, сбросили ему вымпел с запиской и вернулись к кораблю. С помощью команды бота транспорт удалось столкнуть в море.

Неожиданно, как это всегда бывает в Арктике, поднялся ветер. На море загуляли волны. Забеспокоились не только летчики, но и команда судна. Одни из офицеров (это был первый штурман), подойдя к Мазуруку, сказал:

- Вам надо уходить. Шторм может сломать самолет. Сообщите вашему командованию о нашем бедствии и ускорьте высылку помощи. О нас не беспокойтесь. Теперь мы знаем, что нам делать.

У корабля остался бот. Его команда Мазурук поручил временную охрану судна. Опыт борьбы с фашистской

авиацией у этого «кораблика» уже был: он один сумел отбить нападение шести «юнкерсов» из единственного спаренного пулемета. Моряки срывали с себя бушлаты и затыкали ими пробоины. Надеяться на огонь зенитных орудий «Уинстона Сейлема» не приходилось. Сознательно выбрасывая судно на мель, капитан приказал все орудийные замки сбросить в воду.

Летчики забрали на самолет девять больных американских матросов и попрощались. Море уже штормило. Взлетели с большим трудом, Мазурук позднее вспоминал: «До сих пор не понимаю, как выдержала машина такую дьявольскую нагрузку».

Пройдет еще два года, и в бушующем Карском море Матвей Ильич совершил такое, что никогда ни до него, ни после не совершил больше ни один морской летчик. Об этом случае он расскажет своим пассажирам во время полета в Чукотском море в день своего сорокалетия. А из событий сорок второго он будет вспоминать не эту встречу с американским кораблем, а то, что случилось двумя днями позже.

...Задание было все то же: отыскать в Баренцевом море команду с затонувшего транспорта, которая, спасаясь, пересела в шлюпки. На поиски было выслано несколько самолетов. В районе, где предположительно находились шлюпки, море было накрыто густым туманом. Перешли на бреющий полет. Провели в воздухе несколько часов, но никого не обнаружили. Решили вернуться на Новую Землю, сесть в бухте у малых Кармакул, передохнуть здесь у зимовщиков, утром заправиться горючим и возобновить поиски. На «Каталине» остались Козлов и второй бортмеханик Федор Петров. Им предстояло поочередно наблюдать за небом и морем. Здесь же в бухте заночевала и вторая «Каталина», высланная на поиски из Мурманска. Ее экипаж тоже оставил двух наблюдателей. Все остальные ушли к зимовщикам.

Все, кто оставался на самолетах и кто ушел на остров, проснулись от страшного грохота и огня. Горели са-

воды Советского Союза, а что с ним будет дальше, это уже не его дело. Не волнует капитана и возможная гибель корабля. Он хорошо застрахован, поэтому компания убытков не понесет. Ни о каком дальнейшем движении транспорта в Архангельск капитан и слышать не желает. Его забота простирается только на спасение собственной жизни и жизни членов команды.

По лицам моряков Мазурук понял, что далеко не все они согласны с капитаном. И он решил апеллировать к ним. Рассказал, как трудно сейчас советским людям, какие неисчислимые потери несут они в борьбе с фашистами и как нужны им те боеприпасы, та техника, что находится в трюмах корабля, что бросать это все на произвол судьбы - значит помогать фашистам в их захватнической войне против Советского Союза.

Команда «Уинстона Сейлема» разделилась на две неравные группы: несколько офицеров примкнули к капитану, большинство же было готово двигаться дальше, тем более что полковник обещает им даже прикрытие военных кораблей. Но как сдвинуть судно, глубоко засевшее носом в песок? Летчики вспомнили, что милях в двадцати от транспорта они видели парусно-моторный бот Главсевморпути, который занимался промером глубин. Слетали к нему, сбросили ему вымпел с запиской и вернулись к кораблю. С помощью команды бота транспорт удалось столкнуть в море.

Неожиданно, как это всегда бывает в Арктике, поднялся ветер. На море загуляли волны. Забеспокоились не только летчики, но и команда судна. Одни из офицеров (это был первый штурман), подойдя к Мазуруку, сказал:

- Вам надо уходить. Шторм может сломать самолет. Сообщите вашему командованию о нашем бедствии и ускорьте высылку помощи. О нас не беспокойтесь. Теперь мы знаем, что нам делать.

У корабля остался бот. Его команда Мазурук поручил временную охрану судна. Опыт борьбы с фашистской

авиацией у этого «кораблика» уже был: он один сумел отбить нападение шести «юнкерсов» из единственного спаренного пулемета. Моряки срывали с себя бушлаты и затыкали ими пробоины. Надеяться на огонь зенитных орудий «Уинстона Сейлема» не приходилось. Сознательно выбрасывая судно на мель, капитан приказал все орудийные замки сбросить в воду.

Летчики забрали на самолет девять больных американских матросов и попрощались. Море уже штормило. Взлетели с большим трудом, Мазурук позднее вспоминал: «До сих пор не понимаю, как выдержала машина такую дьявольскую нагрузку».

Пройдет еще два года, и в бушующем Карском море Матвей Ильич совершил такое, что никогда ни до него, ни после не совершил больше ни один морской летчик. Об этом случае он расскажет своим пассажирам во время полета в Чукотском море в день своего сорокапятилетия. А из событий сорок второго он будет вспоминать не эту встречу с американским кораблем, а то, что случилось двумя днями позже.

...Задание было все то же: отыскать в Баренцевом море команду с затонувшего транспорта, которая, спасаясь, пересела в шлюпки. На поиски было выслано несколько самолетов. В районе, где предположительно находились шлюпки, море было накрыто густым туманом. Перецели на бреющий полет. Провели в воздухе несколько часов, но никого не обнаружили. Решили вернуться на Новую Землю, сесть в бухте у малых Кармакул, передохнуть здесь у зимовщиков, утром заправиться горючим и возобновить поиски. На «Каталине» остались Козлов и второй бортмеханик Федор Петров. Им предстояло поочередно наблюдать за небом и морем. Здесь же в бухте заночевала и вторая «Каталина», высланная на поиски из Мурманска. Ее экипаж тоже оставил двух наблюдателей. Все остальные ушли к зимовщикам.

Все, кто оставался на самолетах и кто ушел на остров, проснулись от страшного грохота и огня. Горели са-

молеты, горела зимовка. А у входа в бухту стояла немецкая подводная лодка и в упор расстреливала гидропланы и домики на берегу. Козлов видел, как погиб бортмеханик. Сам он бросился в воду и поплыл к берегу. Рядом плыли двое с соседней «Каталины». Нелегко дались летчикам эти несколько сот метров до суши. Ледяная вода и мокрая одежда сковывали движения. Но и выбравшись на берег, они не имели времени, чтобы перевести дыхание: нужно было уходить дальше от догорающего зимовья, от все продолжающегося обстрела. Где ползком, где короткими перебежками, прячась за валунами, ушли вглубь острова, в тундру. Без продовольствия, без теплой одежды, они провели там несколько суток, в надежде, что их вскоре отыщут. В том, что их будут искать, не сомневался никто.

Их нашел вызванный специально для этого с Дальнего Востока экипаж Михаила Каминского. Голодных и обмороженных, их за три раза на клипер-боте перевезли на «Каталину» и доставили в Архангельск. В полете накормили и обогрели. И только после этого они смогли рассказать, что с ними произошло. Наблюдатели видели, как неподалеку от бухты всплыла подводная лодка, но не придали этому никакого значения. Приняли за свою. Никому и в голову не пришло, что сюда, за тысячу миль от базы в Норвегии, могла пройти вражеская субмарина. О том, что в годы первой мировой войны где-то рядом с Малыми Кармакулами на Новой Земле немцы организовали подзарядную базу для своих подводных лодок, знали и помнили немногие. Между тем это была лодка из «волчьей стаи» адмирала Риделя под бортовым номером «U-255». Эта стая была сформирована специально для выслеживания и уничтожения транспортов, следовавших Северным морским путем.

Подводные лодки Германии проникали даже в Карское море. Об одном из таких случаев тоже рассказал Матвей Ильич Козлов. Вот как пишет об этом С. Морозов: «Слово за слово, воспоминания о войне перекинулись к

году 1944-му, к другому, еще более ледовитому и студеному морю - Карскому. Уступая настойчивым просьбам собеседников, Козлов, хоть и скромно, сдержанно, но все же восстановил некоторые подробности одной арктической трагедии военной поры».

Из рассказа Матвея Ильича, записанного С. Морозовым, а также из более поздних публикаций высветились детали тех далеких от нас событий. Пароход «Марина Раскова» в сопровождении трех тральщиков следовал в район Дудинки с оборудованием для будущего Норильского металлургического комбината. На борту находилось также несколько сот пассажиров. Некоторые современные авторы утверждают, что это были заключенные, направляемые на строительство. Вполне возможно, из официальных документов сегодня известно, что Норильск строили и заключенные тоже. Козлов в своем рассказе называет пассажиров полярниками. Если учсть, что говорилось это и записывалось в 1947 году, то понятно, что ни о каких заключенных не могло быть и речи. Единственно, что к этому можно добавить, - что до сих пор никаких списков и никаких документов на этих заключенных не найдено.

12 августа 1944 года в Карском море, западнее острова Белый, немецкая подводная лодка торпедировала транспорт. К тонущему кораблю поспешил один из тральщиков сопровождения, но, торпедированный лодкой, он тут же пошел ко дну. Второй тральщик сумел поднять на борт часть терпящих бедствие людей. Но и его настигла та же участь: вместе со всеми спасенными он начал погружаться в морскую пучину. А третий катер, успевший поднять из воды несколько десятков человек, вынужден был срочно отойти к берегу из-за разыгравшегося на море шторма.

На бушующих волнах остались люди в спасательных шлюпках, кунгасах, на плотах. На их поиски высаживали самолеты.

- Но что можно разглядеть с борта самолета, - вспоминал три года спуст-

тя Матвей Ильич, - если над морем то туман, то снежные зарады.

И тут, как всегда, на помощь летчикам пришли гидрологи и синоптики из штаба морских операций. Учитывая особенности погоды и морских течений, они рассчитали скорость дрейфа шлюпок и плотов. На основе этих расчетов был разработан план поисков. Перед каждым вылетом пилоты получали от синоптиков маршрут разведки. Обнаружив шлюпку или плот, они садились, чтобы подобрать людей.

- Таких трудных посадок, как тогда, на волны штормового моря, - рассказывал Козлов, - не случалось прежде совершать ни мне - пилоту к той поре уже бывалому, ни молодым морским летчикам Соколу и Евдокимову. Однако садились, коли надо было людей спасать. Обмерзших, голодных, еле живых, свозили мы их на резиновых клипер-ботах от плотов и шлюпок к самолетам.

На четвертый день после катастрофы было спасено восемнадцать человек, потом еще двадцать пять.

Поиски все продолжались. И на десятый день Козлову удалось заметить с воздуха еще один кунгас. Насчитали в нем сорок человек. Но штормило уже так, что о посадке на воду не могло быть и речи. Матвей Ильич передал на Диксон в штаб сообщение о своей находке и получил приказ барражировать в этом районе до подхода военного корабля-спасателя. Десять часов продолжалось это барражирование. Но корабль не появлялся. Что делать? На штормовых волнах измученные люди ждут помощи. Значит, надо садиться. Садиться на волны четырехметровой высоты...

Козлов направил свою «Каталину» на гребень волны, откуда - на гребень второй, и так до тех пор, пока не погасла посадочная скорость. Но и дрейфовать в этих условиях было не легче, чем садиться. А нужно было не просто дрейфовать, а снять с кунгаса людей и перевезти их на самолет. Через задний люк опустили на воду резиновый клипер-бот. В это время на

кунгасе из сорока человек в живых оставалось только четырнадцать. Восемь раз старший механик Камирный и штурман Леонов подходили к кунгасу и забирали людей.

Шторм не утихал. Как ни пытался Козлов взлететь, не смог. Оставалось только одно: рулить к спасительному берегу острова Белый. И летчики рулили по штормовому морю, рулили без устали, потратив на расстояние в 60 миль... 10 часов.

- Скажу коротко, друзья, - подыточил Матвей Ильич свой рассказ, - такую передрягу вынести можно только раз в жизни.

А полярный летчик А.А. Лебедев в своем очерке «Посадка на шило» так подыточил этот случай: «Вот и получается: в воздухе ты летчик, а на воде должен быть моряком».

Не прошел мимо этого случая и ученый-оceanолог Н.Н. Зубов. В его книге «В центре Арктики» на странице 133 читаем: «До сих пор в Арктике обсуждают, как Козлов умудрился сесть на воду... на такой волне».

И конечно, этот подвиг не могли забыть спасенные летчиком люди. Уже в шестидесятые годы Матвею Ильичу был преподнесен сувенир из оргстекла. На пластинке выгравирован рисунок: поврежденный торпедой корабль, погружающийся в море, рядом - плящущая на волнах шлюпка с людьми и резко снижающийся гидросамолет «Каталина». На подставке - надпись: «Моему второму отцу - летчику полярной авиации Матвею Ильичу Козлову, спасшему меня и моих товарищей после семидневного пребывания в Карском море после гибели 12 августа 1944 года транспорта «Марина Раскова». Пусть этот скромный сувенир напомнит о действительно героических буднях Вашего экипажа в дни Великой Отечественной войны. С глубокой благодарностью и уважением к Вам А.Я. Булах. г. Изюм. 28 декабря 1965 г.».

И вот при такой героической биографии - ну решительно ничего герического в облике нашего земляка.

«Маленькая приземистая фигура Матвея Ильича, - пишет С. Морозов, -

глубоко ушла в пилотское кресло. Короткие ноги в высоких болотных сапогах твердо стояли на педалях, точно существуя независимо от туловища; низко на глаза, защищенные темными очками, надвинут широченный козырек суконной жокейской шапочки. В углу рта зажат потухший окурок. Нет, отнюдь не героический, удивительно будничный вид у нашего командира за штурвалом. Словно не в дальний рейс над льдами ведет он воздушный корабль, а так себе - едет на дачу в пригородной электричке.

Но стоит хоть мельком глянуть на руки пилота, и они тотчас же привлекут внимание спутника. Мягко и неторопливо, но вместе с тем уверенно, властно передвигаются по черному полу кругу штурвала тонкие нервные пальцы. Просвечивают из-под смуглой кожи синеватые вены».

И только множество орденских ленточек на темном кителе свидетельствовали о его героическом прошлом. А наград у Матвея Ильича было и впрямь столько, что не сразу и сосчитаешь: три ордена Ленина, четыре - Красного Знамени, два - Отечественной войны первой степени, орден Красной Звезды, орден Трудового Красного Знамени да еще многочисленные медали.

Под стать внешнему облику был и характер этого человека: деятельный, инициативный (вспомним хотя бы случай с перевозкой продовольствия для зверобоев с ледокола «Красин»), но не властный. Когда в апреле 1948 года в лагере № 1 в районе «относительной недоступности» комендант лагеря Комаров обратился к Козлову официально: «Какие будут приказания, товарищ старший командир? - то в ответ услышал совсем не командирское: «Отдыхать, Миша, отдыхать... В палатке своей разместишь прессу и кино, а также часть науки, тогда у нас, у экипажей, малость посвободней будет».

Однако в тех случаях, когда дело касалось безопасности людей, Матвей Ильич проявлял твердость характера. И если рядом работающие колебались, он категорически произносил:

- Приказываю...

О своей встрече о Козловым вспоминает и наш земляк, вологжанин, бывший преподаватель Вологодского педагогического университета, профессор И.А. Подольный.

«Наше знакомство состоялось летом 1959 года. Я исполнял обязанности директора вологодской первой школы. Была середина августа. Ремонт уже заканчивался. В коридорах пыльно и пусто...

Я собрался уходить домой, но услышал шаги на втором этаже. Около учительской встретил невысокого улыбающегося человека с необыкновенно красивыми голубыми глазами. Из-под старой офицерской фуражки - редкостно шикарный чуб густых седеющих волос. Видавшая виды летняя кожаная куртка, старая гимнастерка, из-под которой проглядывала тельняшка. Да сапоги с толстым слоем пыли. Сразу видно, что человек после дальней дороги.

Представился по-военному:

- Козлов Матвей, выпускник этой школы начала двадцатых годов. Летчик. Еду на машине в Устье Кубенское, на родину, в село Заднее, в деревню Турово. Спешу к открытию охоты. А вот мимо родной школы проехать не мог.

Я пригласил гостя на чашку кофе, но он отказался:

- Тороплюсь: засветло нужно добрататься до родины. Надоели за жизнь ночные полеты...

Он пообещал прислать для школьного музея свою фотографию. На том и расстались. Но какое-то шестое чувство подсказывало, что гость был вовсе не простой, что я коснулся очень интересной судьбы...»

Что ж, интуиция не обманула И.А. Подольного. О том, какой судьбы он коснулся, вы, дорогой читатель, уже знаете из данного очерка... Остается только добавить, что обещание свое М.И. Козлов выполнил, фотографию свою прислал. И до конца дней своих (умер в 1980 году) Матвей Ильич переписывался со своей землячкой, учительницей математики первой школы Хионией Александровной Лихачевой.

И ЛИДА СМОРЩИТ БРОВИ, КИВАЯ НА БУКЕТ

Страницы из жизни писателя

По возвращении в Москву после многолетних колымских страданий Варлам Шаламов с первых же месяцев свободной жизни с головой окунулся в творчество. Он писал рассказы, новеллы, очерки о человеке, чье существование ограничено рамками колючей проволоки.

Но в литературных кругах Шаламов стал известен прежде всего как поэт-лирик.

На протяжении десятка лет один за другим выходили его поэтические сборники, в «толстых» журналах регулярно появлялись отдельные стихотворные подборки, наиболее западающие в душу почитателей стихи переписывались в так называемые самиздатовские книжечки и ходили по рукам. Стали появляться лирические циклы, объединенные впоследствии под общим названием «Колымские тетради». «Колымские» потому, что основа этих циклов заложена на Колыме - в поселках Ключ, Дусканья, Дебин, Барагон, Томтор, где Шаламов после получения фельдшерских «корочек» работал в медпунктах и больницах.

Многое из написанного автобиографично, в том числе и стихи. Внимательно вчитываясь в поэтические строчки, мы вдруг начинаем видеть перед собой самого автора, особым способом рассказывающего о своей судьбе. Видим Шаламова-ребенка, Шаламова-юношу, Шаламова-мужа, Шаламова-старика, Шаламова-жертву, Шаламова-мстителя.

«Огниво» - первый сборник стихов Варлама Шаламова, вышедший в московском издательстве «Советский писатель» в 1961 году. Открываем страницу со стихотворением «В пятнадцать лет», читаем:

Хожу, вздыхаю тяжко.
На сердце нелегко.
Я дергаю ромашку
За белое ушко.

Присловья и страданья
Неистребимый ход.

Варлама ШАЛАМОВ - выпускник

Старинного гаданья
С ума сводящий счет.

С общипанным букетом
Я двери отворю.
Сейчас, сейчас об этом
Я с ней заговорю.

И Лида сморщит брови,
Кивая на букет,
И назовет любовью
Мальчишеский мой бред.

Лирические строчки просты, легки, изящны. Тема знакома - первая любовь. Сюжет тоже - кто из нас не пребывал хоть однажды в ситуации неопределенности чувств? А вот кто она такая, эта Лида, героиня стихотворения, из текста не поймешь. Попробуем узнать, о ком пишет поэт. И для начала обратимся к мемуарной повести Шаламова «Четвертая Вологда», где он с полной ясностью описывает свои детские и юношеские годы.

Рассказывая об ученической поре, Шаламов неоднократно упоминает Лиду Перову, школьную подружку, с которой он разделял увлечения театром и книгами. Так, в одном из сюжетов идет речь об инсценировке в школьном драмкружке отрывка из только что дошедшей до провинциальной Вологды поэмы Н. Некрасова «Русские женщины»: «Княгиней Трубецкой была Лида Перова, бывшая гимназистка из Мариинской женской гимназии, сущая школьница женской трудовой школы, единственная старая сотрудница нашего литературного кружка. Задачей Лиды было донести до слушателей этот новый, найденный и опубликованный Чуковским некрасовский текст». Так появляется знакомое уже по стихотворению имя. По особой мягкости и теплоте, на что категоричный Варлам Тихонович был всегда скончен, можно судить, что от их дружбы осталась не просто добрая память, а след от настоящего глубокого чувства, ведь никакая другая девочка из давнего прошлого не отразилась в шаламовской лирике. Только Лида!

Первыми поисками данных о Лидии Перовой занялся давний исследователь творчества Шаламова - вологодский журналист Валерий Есипов. Удалось найти среди старожилов тех, кто еще помнил начало XX века и молодого Шаламова, и порасспросить обо всем.

Одним из таких свидетелей времени оказалась вологжанка Екатерина Николаевна Сигорская, присутствовавшая в 1989 году на съемках первого документального фильма о Шаламове. «Я узнала его в юности, когда пришлось жить в одном почти месте.

- вспоминала Екатерина Николаевна. - Семья наша жила временно в кабинете отца, секретаря духовной консистории, а Варлам, он тогда по возрасту был для нас Варлаша, жил в соборном доме. Когда мы в Вологду приехали, нам сказали, что из кремля есть подземный ход в Прилуки. Нас очень занимало, где бы найти этот ход. Вот тут мы и бегали». Она так описала Шаламова-ребенка: «Худенький, астеничный, небойкий мальчик и очень гордый. Разные кругом были мальчишки, а этот - такой, который, так сказать, знает себе цену, но внутри себя». Она рассказала о детском окружении будущего писателя, в частности, о той самой Лидочке, с которой дружила, оказывается, целая вата мальчишек - такая уж это была заводная, озорная, симпатичная девчонка, буквально «свой парень». А знала Екатерина Николаевна Лиду не только по юности, но и по годам зрелым. Дело в том, что именно Лида Перова впоследствии стала женой ее брата, художника Василия Николаевича Сигорского. Василий тоже входил в число приятелей Варлама Шаламова. Шаламов упоминает в своей повести и об этом товарище: «Шаламовская горка - это Соборная горка, но прозвище получила отнюдь не от отцовской фамилии. Она названа, прозвана и спокон века называлась в Вологде по имени моего брата Сергея. В шестидесятых годах в Москве, в беседе со мной, коренной вологжанин - художник Сигорский сказал: «А я и жил напротив Шаламовской горки». Шаламов, правда, здесь не точен относительно места рождения Сигорского. Художник - не коренной вологжанин, а приезжий, о чем мы узнаем позже. Род Сигорских, как и Шаламовых, священнический, костромских корней. Глава семьи, Николай Петрович Сигорский, в начале 1917 года был назначен епархиальными властями на должность секретаря духовной консистории в Вологде. Потому и жили ребята рядом в домах на Соборной горке - именно там располагались квартиры священнослужителей соборного причта.

Лидия Васильевна СИГОРСКАЯ (Перова). Фото 1950-х

Обрабатывая материалы фонда художника Василия Сигорского из научного архива Вологодской областной картинной галереи, исследователи натолкнулись на интереснейшие свидетельства жизни не только самого художника, но и его жены, Лидии Васильевны Перовой.

Два слова о том, как эти архивные материалы попали в галерею, что тоже весьма любопытно. В 1980 году в залах Вологодского областного краеведческого музея проходила персональная выставка работ Василия Сигорского, устроенная уже вдовой художника, Лидией Васильевной Перовой, специально для своих земляков при помощи заведующей отделом древнерусского и народного искусства ВОКМ Ирины Александровны Пятницкой. Тогда же основная часть творческого наследия Сигорского была передана в дар музею. С Лиди-

ей Перовой у многих вологжан завязались дружеские отношения. Приезжая по делам в Москву, и директор ВОКГ Владимир Валентинович Воропанов, и искусствовед галереи Марина Николаевна Вороно зачастую останавливались именно у Лидии Васильевны. На ее гостеприимный огонек заезжали и известный вологодский писатель Владимир Степанович Железняк со своей женой, Ниной Витальевной, художницей, и историк-исследователь, один из авторов краеведческого словаря «Вологда XII - начала XX веков» Федор Яковлевич Коновалов, и знакомая нам уже Ирина Александровна Пятницкая, и многие другие творческие личности. И всегда вечера на Беговой (улица, где жили Перова и Сигорский) отличались такой теплотой, такой сердечностью, что удивляться приходилось, откуда у далеко уже не молодой Ли-

дии Васильевны столько сил для гостей. Эти дружеские встречи оборвали в 1988 году смерть Лидии Васильевны. После похорон домашний архив супругов остался невостребованным родственниками. Мало того, ему грозило уничтожение. Владимир Воропанов узнал об этом, немедленно приехал на знакомый адрес с мебельным фургоном, собрал всё, что смог, и привез в Вологду. Рисунки, письма, открытки, документы были раскиданы по всей квартире. Владимир Валентинович буквально ползал по полу, подбирая драгоценные свидетельства жизни этих замечательных людей. Теперь семейный архив мастера приведен в порядок и изучен, а уникальные материалы помогли узнать не только о его судьбе, но и о том, как складывалась жизнь девушки, которой посвящал стихи Варлам Шаламов.

Родилась Лида Перова, как свидетельствует запись в метрической книге Николаевской Становской церкви, 1 марта 1906 года в деревне Демьянovo Грязовецкого уезда Вологодской волости. Родители ее, Василий Михайлович и Мария Павловна Перовы, были крестьяне. Крестной матерью, или восприемницей, в метрике значится Анна Владимировна Красильникова, деревенская родственница довольно известного вологодского купца Красильникова. Она-то, скорее всего, и посодействовала тому, что после безвременной смерти родителей Лида попала на попечение именно в его семью. Бездетный вологодский купец и его жена всем сердцем привязались к девочке, воспитали как родную дочь, дали ей неплохое образование. Жили Красильниковых в Вологде. Дом их стоял на углу нынешних улиц Ленинградской и Октябрьской, как раз недалеко от дома Шаламовых. Лида по переезде в город определили учиться в женскую Мариинскую гимназию, ставшую после революции 1917 года обычной трудовой школой, которую она и окончила в 1923 году. В 1924 году девушка поступает в Вологодский педагогический техникум, через два года получа-

Варлам ШАЛАМОВ в студенческие годы

ет диплом педагога и решает продолжить учебу, но уже в Москве.

Судьба сводит Лиду не только с Варламом Шаламовым, но, как уже упоминалось, и с другими ребятами. Так, в 1917 году состоялось знакомство с Васей Сигорским, поселившимся в тот год в Вологде, чуть ранее - с Феодосием Бочковым, ставшим вскоре Васе товарищем. В начале века оба юноши были начинающими художниками, работающими в одной команде с другими молодыми живописцами в Вологодских государственных свободных художественных мастерских. Ребята писали картины, рисовали плакаты, участвовали в выставках, оформляли театральные постановки. В 1921 году группа талантливой молодежи почти всем составом уезжает в Москву для продолжения учебы во ВХУТЕМАСе. Лида не теряет связь с друзьями, помнит о них. Товарищей детства вряд ли забыл и Варлам. Уезжая в 1924 году в Москву, он знал, что вологжане прочно и перспективно обосновались в столице, правда, о связи с земляками в этот период у Вар-

лама Тихоновича воспоминаний нет.

Знакомство Лиды и мальчишеч переросло в дружбу, дружба - в любовь. Лида влюбляется... нет, не в Васю Сигорского, а в очень деятельного, подвижного, эрудированного Досю Бочкова. Мальчик, чьи подслеповатые глаза под толстенными линзами очков излучали необыкновенную доброту и нежность, подкупил хорощеньку Лидушу своей открытостью и естественностью, веселым нравом и постоянной готовностью помочь. Становится понятно, почему Лида не ответила мальчишке с ромашками взаимностью, а покачала назидательно головой - не могла юная красавица любить двоих.

Молодые люди начали встречаться еще в Вологде, а дальше была переписка и редкие приезды Бочкова на родину. В 1926 году, как только Лида заканчивает техникум, Феодосий делает ей предложение, которое, конечно же, было принято. Через год 3 июня у счастливой пары рождается дочка Наташенька. Сохранилась единственная фотография, где супруги запечатлены вместе, но и то с родственниками, и мы можем увидеть на коленях у Лидии Васильевны годовалую дочурку, очень похожую на маму в детстве.

В 1928-м Лида поступает на зоологическое отделение физико-математического факультета МГУ. В это же время в университете, только на отделении советского права, учится и Варлам Шаламов. В конце 1928 года студента Шаламова исключают из вуза: во-первых, за сокрытие социального происхождения (не сообщил при поступлении в университет, что отец - священник), во-вторых, за «аморальное поведение, несовместимое со статусом советского студента» (в его комнате за чаем собирались друзья по институту, спорили на разные темы, шумели и тем самым якобы нарушили дисциплину, мешали жизни общежития). Далее судьба Шаламова известна: арест в 1929 году, ссылка на 3 года на Северный Урал, знакомство с Галиной Игнатьевной Гудзь и следующий за ним страшный роман,

досрочное освобождение в 1931 году, возвращение в Москву, женитьба, рождение дочери Леночки, журналистская работа в различных московских журналах, первая серьезная проба пера. После «Вишерлага» все выглядит неплохо, жизнь идет своим чередом, появляется перспектива успешного карьерного роста и развития писательской деятельности. В этот период Варлам Тихонович вообще мало общается с прежними знакомыми. Позиция Шаламова впоследствии выразится в протоколе допроса от 4 февраля 1937 года, отчего мы и можем сегодня судить об этом. На вопрос: «Расскажите о своих личных связях как по службе, так и вне службы» - Шаламов ответит: «Мои личные связи ограничиваются семьей, в которой я живу. Никаких знакомств не поддерживаю».

В 1932 году Лида заканчивает учебу с дипломом гидробиолога и начинает работать помощником лаборанта в Московском санитарном институте им. Ф. Ф. Эрисмана. Вскоре ее переводят в лаборанты, а затем в научные сотрудники. Там она и трудится до начала Великой Отечественной войны. Все эти годы связь с вологжанами не прерывается, время от времени они встречаются. Особенно духовно близким товарищем оказался, а может быть, и оставался, Василий Сигорский. Именно Вася всегда оказывался рядом, когда Лида требовалася сочувствующий и советующий товарищ. Что случилось в начале 30-х годов с молодой супружеской парой, куда исчезли чувства, недавно еще такие пылкие и страстные, - еще одна загадка, которую никто никогда не разгадает, но в 1934 году Лида и Феодосий расстаются. Лида осталась с Наташей, которая уже пошла в школу.

Одиночество не было Лидиным уделом. Каким-то образом наступило прозрение, и Лидия и Василий однажды открылись друг другу, а признавшись в чувствах, решили быть вместе до конца. Так потом и случится, любовь этих двух сердец не увянет до последней минуты и умрет вместе с

В. ШАЛАМОВ сразу после Колымы. Решетниково

супругами. Их «свадьба» выпала на один из тяжелейших для нашей страны дней начала Великой Отечественной войны и немецкого наступления на Москву - на 2 сентября 1941 года. Почему «свадьба» в кавычках? Да потому что ни о каком торжестве и речи быть не могло - в столице срочно готовились к эвакуации.

Лидия Васильевна и Василий Николаевич вместе с Наташей выехали в Вологду, где на Краснофлотской набережной оставались жить мама Сигорского и его сестра, Екатерина Николаевна. Но Лида поселилась не с ними, а в доме Красильниковых, в ставших некогда родными стенах ей жилось намного легче и уютнее. Родных мужа она почти каждый день навещала. Наташа пошла в школу, а

Лидия Васильевна рьяно и усиленно занялась восстановлением домашнего огорода. Овощи, выращенные на красильниковском приусадебном участке, были величайшим подспорьем в страшное голодное военное время. Василий Николаевич сразу же встал на учет в Вологодский горвоенкомат и 4 декабря был приписан к пункту МПВО г. Вологды (местная противовоздушная обороны). Устроился гравером в артель «Красный полиграфист», отвечал за многие общественные мероприятия, призванные отражать действия на фронтах. Дважды в 1943 году, в сентябре и октябре, Сигорского вызывали в Москву для командирования в освобожденные от фашистов города Брянск и Орел, где он занимался подготовкой к изданию альбомов из серии «Города и области РСФСР в Великой Отечественной войне». В ноябре этого же года его призывают на военную службу и отправляют в Горький. Василий Николаевич сначала обучается на радиста, затем на электромеханика, но с апреля 1944 года он ведет работу делопроизводителя при штабе, совмещая ее с художественной деятельностью. В период разлуки с семьей с 1943 по 1945 год от Сигорского к близким летели фронтовые треугольники. Все 78 сохранившихся писем полны тревоги, заботы, тоски, надежды и любви. Вот строчки из одного такого письма Василия к своей жене от 10 марта 1944 года: «Дорогая Лидуша! Хотел подробно написать и поблагодарить тебя за посылку. Всегда вспоминаю тебя и все, связанное с тобой. И все мне кажется таким милым и хорошим. Лидуша! Как приятно, что начинается весна, что зима уже позади. Два месяца учебы пройдут совсем незаметно, а там уж будет и лето. А летом все-

гда веселее, и ведь одно солнышко и тепло чего стоит!».

Лидия Васильевна с дочерью в июне 1944 года возвращаются в Москву, в свое довоенное жилье - десятиметровую комнатку без удобств в доме № 10 во 2-м Тульском переулке. Только в 1958 году Василий и Лида купят кооперативную двухкомнатную квартиру на Беговой. Именно туда потом и будут приезжать гости из Вологды и приходить вернувшийся с Колымы Варлам Шаламов.

В августе 1945-го возвращается с фронта Василий Николаевич. Семья воссоединяется, жизнь начинает налаживаться. Их любимице, умнице и красавице Наташе, исполнилось 18 лет. Это очень жизнерадостная, любознательная, общительная девушка. После школы девушка поступает в Московский геологоразведочный институт им. С. Орджоникидзе и довольно успешно там учится. Уже готовясь к защите диплома, студентка пятого курса Наталья Феодосьевна Бочкова получает направление на производственную практику в Приморский край. 24 сентября 1950 года девушка работала в глухой тайге в двух километрах от лесного поселка Тетюхе, и на нее случайно выбрел бежавший с зоны уголовник. Девушка погибла от ножа этого недочеловека.

Трагическая гибель единственной дочери очень сильно ударила по Лидии Васильевне, она тяжело пережила драму, с трудом оправилась после похорон. Василий Николаевич, всегда относившийся к Наташе как к родной, начал спасаться от тяжести горя погружением с головой в работу. Он очень много рисовал, участвовал в российских и всесоюзных выставках, ездил по стране. Лидия Васильевна стала первой помощницей в налаживании деловых контактов мужа. Боль утраты понемногу затихла, работа действительно спасла супругов.

В 1953 году с Колымы возвращается Варлам Шаламов. Не сразу, постепенно он привыкает к новой, свободной жизни, начинает восстанавливать прерванные почти двадцать лет назад связи со старыми товари-

щами, хотя, если судить по его дневниковым записям, смысла в этом не видит: «Я не стремлюсь поддерживать старых знакомств, ибо они не несут свежей информации». Тем не менее некоторые знакомства возобновились, Шаламов стал общаться со старыми друзьями, кого-то навещать, с кем-то переписываться. Сигорские тоже вошли в дружеский круг Шаламова.

Шаламов довольно часто приходил в гости к землякам, показывал им свои стихи и рассказы, беседовал о жизни. А когда выходили сборники его стихов, он в первую очередь дарил их землякам. В фонде Шаламова ВОКГ хранится один из таких сборников - «Дорога и судьба». На нем дарственная надпись: «Дорогой Лиде и Василию Николаевичу с глубокой любовью и уважением. В. Шаламов. Москва. Июнь 1967».

Нет-нет, да и появляются образы Сигорского и Перовой на страницах его дневников или на листах писем. Вот, например, письмо к Ирине Павловне Сиротинской от 17 июля 1965 года: «Я виделся с художниками, что живут на Беговой, и получил в подарок лапти, и поставил их вместе с туеском, который ты привезла из Вологды». Здесь имеется в виду поездка Сиротинской в родные края Шаламова и сувениры для него, привезенные ею из Вологды. И еще одно письмо ей же от 8 июля 1968 года, где фигурируют друзья-вологжане: «Вологодские письма, на которые я не успел ответить, для меня по-особому важны. Особенно потому, что в Вологде побывала ты таким удивительным образом. Я думал, город давно забыт, и встречи со старыми знакомыми - вологодскими энтузиастами, проживающими на Беговой улице, никаких эмоций - ни подспудных, ни открытых - у меня не вызывали». И все-таки эмоции были, Шаламова взволновали воспоминания о детстве, иначе как объяснить, что он рассказал Ирине Сиротинской о Лидии Васильевне именно как о своем юношеском увлечении. Известно это из рассказа самой Лидии Перовой - она в беседе с Владимиром Воропа-

новым упомянула один случай. Однажды в квартиру на Беговой резко позвонили. Лидия Васильевна открыла дверь и увидела незнакомую женщину. Та с ходу, даже не сказав, кто она такая и по какому поводу пришла, спросила: «Вас зовут Перова Лидия Васильевна?» - «Да, это я, - подтвердила хозяйка, - а в чем...» Договорить гостья не дала, она то ли снова спросила, то ли констатировала факт: «Так вы и есть та самая Лида Перова, первая любовь Варлама Шаламова?» Опешившая Лидия Васильевна снова не успела ничего ответить, странная гостья сразу же после сказанного повернулась и ушла. Имя ее стало известно позже - это была Ирина Сиротинская. Что привело будущую наследницу творческого архива писателя на Беговую, до сих пор неизвестно, сама Ирина Павловна предпочитает об этом визите молчать.

В 1964 году от магаданских друзей, Бориса Лесняка и Нины Савоевой, Шаламов получил необычный пода-

рок - несколько веток стланика и сразу же решил показать этот, наравне с лиственницей, символ Колымы вологжанам. Наверное, он хотел поразить, удивить творческих людей незнакомым растением, и это ему удалось. И с каким же удовольствием в ответном письме в Магадан Шаламов пишет об этом: «Дорогой Борис, жестокий грипп не дает мне возможности поблагодарить тебя достойным образом за твой отличный подарок. Самое удивительное, что стланик оказался невиданным зверем для москвичей, саратовцев, вологжан. Нюхали, главное, говорили: «Пахнет елкой». А пахнет стланик не елкой, а хвоей в ее родовом значении, где есть сосна, и ель, и можжевельник». А веточка стланика впоследствии послужила «прототипом» ветки лиственницы в шедевре «Воскрешение лиственницы».

**Нина ДЬЯКОНИЦЫНА,
Римма РОЖИНА,
научные сотрудники ВОКГ**

Слово о Лидии Васильевне Перовой

Послесловие

Все те сведения, которые я сегодня собираю по крупицам, читаю между строк в официальных бумагах и документах, личных письмах, все, о чем я могу только догадываться, я могла узнать от самой Лидии Васильевны. Познакомились мы с ней летом 1980 года на выставке работ Великого Николаевича Сигорского, ее мужа, уже, к сожалению, покойного. Экспозиция размещалась в залах областного краеведческого музея. Посетителей в тот день было немного, никто не отвлекал, и мы разговорились. Потом я еще несколько раз приходила на выставку, и, признаюсь, не столько посмотреть замечательную графику Сигорского, сколько побеседовать с вдовой художника, этим доб-

рым, милым и очень приветливым человеком. На закрытии выставки Лидия Васильевна сделала мне щикарный подарок - гуашь В. Сигорского «На берегу Москва-реки», работу, написанную в конце 40-х - начале 50-х годов. На листе размером 37,5 см на 55 см изображены яхты и купающиеся женщины. Рисунок буквально пронизан солнцем, кажется, что с листа излучается свет, так все сочно и ярко изображено.

С того лета мы подружились, и, приезжая в Москву, я постоянно останавливалась только у Лидии Васильевны. Да и не только я, знаю, что очень многие из вологжан гостили у Перовой на Беговой. Она притягивала к себе людей интеллигентным ви-

Лидия Васильевна СИГОРСКАЯ (Перова).
Фото 1940-х годов

дом, спокойным неспешным разговором, большими добрыми глазами. А с каким интересом смотрела на собеседника, как внимательно слушала! Что говорить, было очень приятно даже просто находиться рядом с ней.

а не то что беседовать за чашкой чая. Вечерами, когда я, набегавшись по выставкам и театрам, да еще, что греха таить, по продовольственным магазинам (ну, трудно было в Вологде с продуктами, очень трудно), усталая и довольная, делилась впечатлениями, она радовалась за меня, очень искренне радовалась. Мы пили чай и планировали следующий день. Вот только о себе она говорила почему-то очень мало, все меня расспрашивала. И сегодня я так сожалею, что многого не сумела узнать, о многом не расспросила, в том числе о знаменитом нашем земляке Варламе Шаламове. Но я о нем тогда толком ничего не знала.

Смерть Лидии Васильевны меня, как и очень и очень многих, удручила. Мне глубоко жаль эту очень добродорсердечную, глубоко порядочную и милую женщину, так много сделавшую для того, чтобы в российской культуре осталось имя талантливого художника-графика Василия Сигорского. Она была музой, вдохновительницей мастера, его честным и надежным помощником, преданной и любящей женой, то есть всем тем, без чего неординарная творческая личность не может полноценно жить и работать. Светлая Вам память, Лидия Васильевна.

Нина ДЬЯКОНИЦЫНА

ПРЕДЕЛЬНО ВООРУЖЕНЫ И ЧРЕЗВЫЧАЙНО ОПАСНЫ

Слова несведущих несут войну

Руми

Все ждал я от столичных газет в надежде, что какое-нибудь из тамошних интеллигентных содружеств да и откликнется на брань по адресу Василия Верещагина.

Но «демократическая» общественность ввиду особой занятости трепом и добычей деньжат на текущую жизнь и грядущие выборы да склоками из-за толкотни возле телекамер не имела ни времени, ни желания заниматься таким пустяком, как русская культура. Тем более, подавляющее большинство из тех завсегдатаев телевидения и оккупантов газетно-журнальных площадей имеют к истинной цивилизации такое же далекое отношение, как житель Мадагаскара к северным оленям.

1.

Упадочное состояние общественной мысли и московской нравственности вполне объяснимо нашествием умственных нищебродов, влезших во все щели раскололшейся жизни бывшей державы, где теперь все продаётся. Очевидно, когда Добро и Зло уравниваются в сознании, тогда нет... О, Господи! О чём я? Тут нет уже ничего, сколько угодно сами перечисляйте исчезнувшее, отсутствующее, а примерно посчитав, сами же придетете к правильному выводу, что уничтожение могучей государственности и коллективного суверенитета породило фальшивые души и деньги, говорящих манекенов вместо политиков, псевдоправителей, сменяющих друг друга подобно лже-Дмитриям в Смутное время. Думу, исполняющую заказную роль коллективной Марии Минишек: она, помните историю, ложилась в порядке живой очереди подо всех самозванцев, каждого всесветно признавая настоящим.

Никак не удается запомнить кого-нибудь из сомнि�ща второсортных бродяжек, мельтешащих в круговороте властных структур да вокруг «элиты», грея руки на якобы реформах и обещаемых еженедельно грядущих улучшениях. Вот-вот, надеешься, за-

печатлится милый образ, ну, он же вроде бы еще вчера стоял за спиной, активной мимики и согласно-угодливыми телодвижениями стараясь показать свою сопричастность к жестам и речам под «фанеру» очередной фигуры, с трудом отличающей себя от фигуры предыдущей. Ах и нет. Расплывчатое пятно без видимых особенностей. И за прежним шутом точно так же роились и жужжали те самые мухи, какие обязательно слетаются к помойке.

Куча-мала из направлений, течений, партий, блоков, фракций - игра в бирюльки с мишурой заменила идеологию. И я однажды понял окончательно, что не дано разобраться во всех быстросменяемых премьерах и вице с ними, помощниках и похищаемых представителях неизвестного, политологах, астрологах... требовались жесткие термины, они могли помочь провести сплошную линию фронта, где по одну сторону враги, а здесь наши, либо наоборот, в зависимости от того, кому какой окоп и позиция подходят. И тут у меня ничего не вышло, потому что нейтральная полоса с неопределенными оказалась в полстраны, по ней мечутся людишки любых сословий и званий, а также без оных, мысленно перебегая туда-сюда. Как говорят в народе:

«Заячий мозги прыгают». Это у активных или же у возбужденных сенсациями.

Но даже у залегших в зимние берлоги фантастическое разнообразие снов и великое множество причин сознательного ухода в спячку стайной надеждой, что до фронта далеко, а картошки с капустой, пожалуй, достаточно. Мало того, если развернуть предполагаемую карту Генштаба, то мифический стратег тронется умом, обнаружив одни разбросанные пунктиры вместо сплошной линии противостояния: траншеи, засечки, доты, редуты, ловушки, засады, секреты и рвы рассыпаны от Владивостока до Калининграда; разнообразие флагов пестрит над отдельными укрепрайонами, где под каждым собственный паханюга, косящий под Бонапарта, Чингисхана, Гитлера, Столыпина. Хотя понятно, никому из них не выйти в Колчаки, Корниловы, Жуковы по причине полнейшего невежества. Но столь скромный, по их мнению, недостаток с лихвой компенсируется ущельем интригантством и ненасытной утробой, чем всегда отличались секретари обкомов среднего разбора. Пушки палят, штандарт скачет, фланги меняются, полководцы перемещаются. Каждодневно какой-нибудь из маршалов летит в центр пошуметь да поклянчить фуражка, но уже в воздухе его обгоняет ракета, начиненная мощным зарядом навоза. Телевзоры! Слетаются тучи жадных мух. Ставка главнокомандующего отвечает «адекватно». После пятилетних баталий такого рода атмосфера над страной сгущается до полной тьмы, запах делается невыносимым. Опять неразбериха, и неугадаешь, в каком краю ты сам имеешь место быть.

Если подойти с другой стороны и поискать название страны в исторической перспективе, то с помощью летописца узнаем: «И нет такой даже самой малой вонючей лужи, где не обнаружился бы гад, своим иройством других гадов превосходящий». Увы, получается: с одного боку страны героев, с другого - сплошная лужа.

На удачу, вспомнился дом скорби в послевоенной Алма-Ате. Толпа сумасшедших носилась из тупика в тупик по двору, лезли друг по дружке на высоченную желтую стену в надежде поймать «зайчика», его осколком зеркальца пускал полуубийный дурдомовец, засевший на крыше. Обнаружили, изловили, но стекляшку он успел проглотить. Понесли на операцию, а не то язва может быть потом в желудке от порезов... тоже, думаю, отражение страны. На время выборов.

Итоги. А ничего не получилось: только запутался в аналогиях и ассоциациях. Все стер, решил начать по новой. Дай-ка, говорю себе, выбери главные звенья в цепи недоразумений и разномыслий. Приглашаю, читатель, на коллективный подвиг. Приступим. Территория - неизвестно сколько осталось от того, что было. В международном политическом реестре значится «неустроенная с наличием мятежных анклавов». Население - от 130 до 160 миллионов. А может, и меньше, но кто-то сказал, что больше. Словом - много. Армия - четыре разных, и ни одна ни к чему не готова по причине морального и физического истощения рядовых. Флот - рожает. Готов взорваться. Авиация пересохла. Летчики занимаются разбором теоретических полетов. Офицеры мечтают донести до семьи паек, если выдадут. Госбезопасность расколота на пять частей, и никто не знает, кого от чего обезопасить. Флаг нетвержден, герб тоже. Гимн, кажется, есть, но слов к нему нет. Столица... Вы полагаете - Москва? Ошибаетесь. Теперь первопрестольная называется совсем по-другому. Но про нее чуть позже. А в остальном никто не знает, от кого и куды бечь и чего больше хочется: «то ли рассольника с почками, то ли новой Конституции», - говоря словами героини Горького.

Потерпев очередную неудачу, решая обратиться к языку юристов, они уважают точность определений. И здесь, надо сказать, повезло. Есть категория: «сторона выгодоприобретатель», а другая, собственно, названа «лишенец». Уже теплее. Всех для

простоты можно, не обинуясь, поделить без разбору национальности и вероисповедания, дураков и умных, уголовников и депутатов: «лишенцев» накопилась 90% с тенденцией роста, «выгодоприобретателей» - остаток с явным намеком к сокращению численности. Подобная простота и обобщенность характеристик позволяет определить основные места их обитания: меньшинство вокруг Кремля, бояки же, то есть мы, рассеяны по уреминам.

Поделив население (почти анализ), займемся-ка синтезом и поясним, что у них общего, кроме немеренных пространств. С точки зрения политэкономии все мы чистопородные «совки», живущие, как воспитали: «все колхозное не наше». А по сему качающий нефть и газ, даже нахапав донельзя себе и потомкам, плюет на скорое истощение недр. Пример ли ему арабы, четверть века откладывавшие треть доходов на прожитье потомкам? Что ему американцы, запечатавшие свои скважины и везущие к себе нефть взамен умных машин?

И лишенцу наплевать на таких же бедняков, у которых он ворует картошку. Совесть у совка «кобылья». Никакой заботушки о грядущих днях, потому что «государство обязано обеспечить». Робяты, да как обеспечит, если его нет? Теперь все за деньги, которых тоже шиш. Что делать? А поделить поровну остатки. Мы, окончательно обворованные реформаторами, не по своей воле сделались анархо-большевиками, стихийными коммунисто-фашистами по внутренним побуждениям. От решительных действий в общенациональном масштабе нас останавливает вовсе не щедрость души и вселенская доброта, как ежедневно и голословно утверждают рекламные знатоки «русской души», а тысячи верстные дороги, страх потерять последнее, также лень и мечтательность: «Кабы мне стомиллионную армию, а я маршал... ой, нет - генералиссимус, повел бы на Москву (Тверь, Самару, Питер) - всех бы паразитов перевешал к чертовой матери! Объявил бы себя царем... ай, чего

там - императором! Наелся бы хоть. А бабе моей, Нюрке то ись, хрена с два, не дает опохмелиться, зараза. В мамашу пошла. Пущай обе дома сидят. Я себе персиянку заведу...», - и пошло-поехало, все «бы да кабы», лежа на печи. Романтики, воспитанные литературой. Обломовы, только без поместья и дворни. Один кессон да сараюшка с дровами.

Сегодня Россия под гнетом «нуоворишей» всех национальностей из среднего слоя «кухонных» протестантов, МНСов, но основной состав - бывшие партийные, комсомольские, профсоюзные, советские работники плюс зона и весь криминалит, специфические языки этих двух социальных групп объединились и сделались уже как целое, общеупотребительное в народе, которому они канализовали свой язык через принадлежащее им телевидение и все остальные виды СМИ. Их основное занятие - украл, ограбил, продал, слинял и т.п.. Дикий, озверелый наш капитализм (якобы) вынужденно втянулся и приволок в Россию «оф-шор», «маркетинг», «бизнес», «офис», «дисконт» и пр. и т.п., то есть, например, профессиональный язык банкиров внедрился в быт, потому что все торгуют и магазинов с лотками теперь больше, чем мирного населения.

«Бутик», «секьюрити», «брэнд», а из зоны идет «по понятиям», «беспредел» и тысячи других слов. Но почему все это «пипл хавает»? Молодое поколение принимает мир как данность и пьет ту воду, в которой плывет. Сегодня - в грязном мутном, ядовитом потоке масскультуры.

Сорные слова советской эпохи «таскать», «дескать» заменились идиотским «как бы». Из всех интервенций, агрессий иноязычных (за любым вторжением стоит идеология: католицизм - за польской языковой интервенцией, разврат под видом свободы - за французской, жестокость - за немецкой) ни одно тотальное наступление не принесло столько бед и горя русскому языку, как правление большевиков-коммунистов. Изгадили и опаскудили донельзя своими лице-

мерными штампами, умучили и развратили четыре поколения. Сегодняшний новояз - язык стратегического шантажа и тактического ракета. «Киллер» - «То кил э мэн», Дж. Лондон.

Чистейший продукт минувшей эпохи - Путин В.В. Ну ладно, мог от волнения оговориться: «Утонула» - о подлодке «Курск» в интервью американцу. По-русски: «лодка - затонула», «Нюра - утонула», «Кобыла - утопла» - всему свое место и свой оттенок. Но вот типичный образец из его уверений на заседании правительства: «Я прошу разобраться и повернуть процесс в позитивное русло с тем, чтобы обеспечить решение проблемы в положительном ключе». Ясное дело, что стада словесных овец половину не понимают совсем, а вторую половину разумеют по-своему: «Обратно, значит, грабить будут». И уходят в кабак заливать тоску и мозговую кашу, которая невольно образуется в голове после таких речей, а вот когда сын юриста и Шандыбин кроют матом, то всем нравится, смеются и одобряют: «Хорошо сказал».

Слабый язык точно отражает слабую государственность. Русский организатор дела превращен в рабочего вола, он ходит под ярмом налогов по кругу, месит глину с соломой на кирпичи, но ему не дают ни отформовать их, ни обжечь, ни построить капитальное здание. Фискальный кодекс нацелен точно: выгодно продавать неошкуренные бревна, в убыток их пилить и делать партии. Отсюда - мы сырьевая придаток. Конечно, перейдя к телевизорам-холодильникам, скажем как есть: научитесь делать по-японски и шведски, глядишь, и поддержит покупатель своего производителя. Диалектика в желудках, за ней политика и размежевание по уровню прибылей, финансовых условий. Поле дураков, где одним выгодно стать банкротом, у других сольди превращается в семью, если, конечно, поливать закопанное из обильной лейки взяточек, у третьих баш на баш - сколько заработал, столько и отберут.

Советский скоробогач исторически туп, не способен предвидеть не-

отвратимое крушение всех его надежд из-за срочного насильтенного внедрения капитализма. Нет бы испугаться, вспомнив, какой кровью захлебывался прямолинейный большевизм, когда поперлись перепрыгивать из крестьянской общины в электрический коммунизм. Новейшие модели реформаторов-торопыг разрушили империю и уничтожают народы, потому что никакая схема не срабатывает на созидание, если наложена на экономически не подготовленное общество. Сами они остались на плаву и по сей день уверены в своей правоте, и это объяснимо: они давно, хотя и прикровенно, жили-поживали в очень развитом обществе внутренне-го потребления, устроенном для узкого круга. Кони сытые били копытами. Уже тогда их среда выработала полное презрение к «гегемону» и крестьянину; паразитирующей верхушке даже в голову не пришло, что лелеемый монетаризм, примененный к мифологическому мышлению эксплуатируемых, в результате даст гибель и такую кровь, какой свет еще не видел. Несомненно, самые ушлые подготовили запасные аэродромы и закинули за бугор нахапанное, чуть что - слиняют, станут пузо греть да сочинять мемуары о том, какими они были патриотами, но темные массы, мол, не поняли их порывов. Мы же останемся здесь захлебываться в той страшной бойне, какой не миновать в ближайшие годы всем развивающимся странам. Третья мировая уже идет, а мы не замечаем, угнетенные обыденницей.

Где тот Верещагин, который запечатлит грядущее горе, раны и смерть?

Но временно пока еще наш новый буржуй, как и все. Живет одним днем, а в быту так и не поднялся выше жены председателя райпотребсоюза, ей же хоть умри, а дай покрасоваться в новой дубленке (раньше - болонье), да чтобы соседке в нос ударило - вот чего на обед кушали! Только раньше «елиты» с нахлебниками было меньше в двадцать раз, все тащили понемногу и с опаской. На «сознательных» и привыкших верить в будущее делили по-

ровну, для чего требовалось производить всего на тысячу процентов больше, чем сейчас, когда для немыслимой уже нищеты большинства и невиданной роскоши кучки хватает и жалких остатков добра, наработанного в настоящих соцсоревнованиях, утомительных вахтах, нешуточных битвах за урожай.

Чувствуете, как мы уже вместе увязаем в пестроте и сложностях деклассированного мироустройства, когда и вор, и сторож - бывшие сограждане? Веер социальных ниш, когда с первого взгляда невозможно определить кто есть кто, кто кем был и кем стал. Когда-то все мы носили установленную форму - школьники, проводники, прокуроры. Не было человека, который бы ни числился за определенным ведомством со своими клубами, магазинами, спортивными обществами. От яслей до гроба он мог рассчитывать на профессиональную солидарность. Свои газеты, столовые, триединые организаторы-указчики в черных костюмах и белых рубашках, над всеми зримые портреты и незримое око. Структура. Одна цель - коммунизм, один враг - имперализм. Жить было велено так: пионерам - по Павлику Морозову, комсомольцам - по Павлу Корчагину, девочкам - забыл по кому, рабочим - по Стаханову, труженицам - по Ангелиной и Гагановой, женщинам Востока - по Мамлякат Довлаткириевой, всем вместе - по Ленину - Сталину. Вычеркиваем! Первым - последнего. Потом - второго с конца. И так преуспели за пятилетку, что не заметили, как в конце концов вычеркнули до последнего и самих себя.

Само собой, не оставили в покое и культуру: Горький - вычеркиваем, Верещагин - обязательно. Причем действовали совсем по-ленински. Он же сказал художнику Анненкову: «Как только искусство отыграет свою пропагандистскую роль, мы его - дзык! дзык! - и вырежем». Конечно, и Ленин, Сталин со Ждановым, Гитлер с Гебельсом чувствовали в народной культуре, истинном искусстве серьезнейшее для себя и своих целей препят-

ствие, они видели, насколько опасны настоящие художники: задаются острыми вопросами, чем тревожат души людей, заставляя их искать варианты ответов. А власть приемлет только однозначность. Думаете, случайно у питерской большевички Нины Андреевой и гебельсоватого Жириновского любимое словечко «однозначно»?

По теме: в средние века, там где нынче Анатолия, жил-был царь Кейкобад, человек умнейший и просвещенный. Завоевав по обычаям тех времен новую область, назначил правителя и наказал так: «Будь другом людям умным, добрым и трудолюбивым. Стань тираном в отношении злых, ленивых, разбойников и воров, - затем улыбнусь и присовокупил: - А к остальным применяй закон». Многозначно.

А если брать современные миллионые сообщества, то, скажите, как их граждан поделить на вышеозначенные три категории? (Программаминимум). Ну и получается, что нравственно то, что законно. Остается пустяк - сочинить нравственные законы. Римляне этим занимались три тысячи лет, шлифуя законы в помощь государству, во благо всем живущим и потомкам, а также и на злобу дня.

Законы пишутся, Дума думает... Так и сказал китайский принц министру «левой руки» (внутренних дел): «Думаю о законах, которые буду издавать, когда стану императором... Они будут милостивые и гуманные для всех жителей Поднебесной».

- Сердечное намерение, - поклонился министр.

И венчали принца на трон. Первый же указ гласил: «Всякий стражник, да завидев слепого, возьмет его за руку и переведет через улицу».

- Добрый указ? - спросил молодой император.

- Да, - ответил министр, - но, прошу покорнейше, не торопитесь с выводами.

На следующий день министр приглашает императора переодеться и тайком выйти на улицы города. И увидели они, как стражники выкальзыва-

ют людям глаза и тащат силком через улицу.

А теперь сами вы, которых насилино тащат с той стороны улицы, где был недоделанный социализм, на другую сторону, туда, где пещерный капитализм, скажите как на духу: вы сейчас живете под царем Кейкобадом или в древнем Китае? Что-что? В РэФэ, говорите, имеем удовольствие жить? Ну-ну.

Последние пассажи имеют самое прямое отношение к намеченному разговору. И сейчас последуют доказательства. Скажите на милость, зачем это потребовалось захватившим власть большевикам лишать крестьян их земли? Да чтобы срочно сделать нищими телом городскими бродяжками - эта рвань косяками побежжит в партию, где «все поделить!». Чтобы сделать землепашцев нищими духом, выбив из-под ног тысячелетнюю культурно-историческую почву, а потом из не помнящих родства выковать, как гвозди, новых людей коммунистического будущего. («Гвозди бы делать из этих людей, не было бы в мире крепче гвоздей!» - так вскоре напишет их новый поэт Тихонов). Для чего и были выбраны и назначены пролеткультовские творцы от сохи и станка: Демьян Бедный, Фадеев, Михалков, Марков, Чаковский и т.д. и т.п. А прежде народная почва давала Глинку, Андреева, чьи творческие корни питались глубинными русскими источниками, а не дождичком партийных указаний да пайковых благ.

Стравинский - вычеркиваем, называем Александрова. Репина, Пушкина - «долой с парохода современности» вопил ревМаяковский (когда дошло, что его кинули, то застрелился), а на верхнюю палубу рисовалыщица вождей Налбандяна с пиитом Павло Тычиной («Трактор в поле дыр-дыр, дыр-дыр. Хрущев - великий проводыр!»). И уж, конечно, на пристеге у всех коренных во все времена Авербах, Брик, Кампоф (Борис Полевой), Гангнус (Евтушенко) и множество других присяжных воспевателей второго сорта.

О, счастье! Пришла наконец-то свобода слова. Сброшен гнет палачей культуры. А что же в результате? Культура оптом и в розницу отдана чужакам. Почему? Кому опять помешал Василий Верещагин? В этом надо разобраться, пока не поздно.

Посмотрим, от чего ушли и к чему пришли. Большевики начали уничтожение с базиса, чтобы потом разгромить надстройку.

Демократы-перестройщики начали с надстройки, заменяя великую русскую культуру на обманку, чтобы позже у беспамятных невежд, не обученных начаткам нравственности, запросто отобрать ставшую чужой землю. Методы одинаковы в принципе. Раньше, кроме газет да чуть-чуть радио, не было иных средств воздействия, кроме митинговых речей, когда приходилось невольно общаться с толпой, она же могла и не очень-то слушать, орать и возражать (на первых порах). Теперь тотальный диктат телевидения, ящику никак не отвештишь, а тем более не выстрелишь в оратора.

Было: уличку от Невского к Русскому музею назвали именем Бродского, мазили, намалевавшего Ворошилова - «Нарком на лыжах». Переименование улицы в северной столице унизило горстку интеллигентов, народ остался безразличным.

Стало: широченная виртуальная улица через всю страну отдана «великолепной Кристине», бездарное чучело развращает безвкусицей маломысленную молодежь, уже внедрило в сознание народа («Пипл хавает», - сказал самый грязнословный эстрадник Титомир, а Джигарханян прибавил: «Взасос»), втолкнув в несчастные головки ложную, убогую шкалу новых ценностей. Семейка Пугачихи унижает культуру и людей со вкусом. Интеллигенция молчит, потому что для нее в стране места и слова нет. Да и осталось их совсем чуть-чуть, осколки прошлого. А свежую молодую интеллигенцию откуда взять, для ее возникновения нет ни почвы, ни условий. Последние бегут.

Было: комиссары-недоноски вы-

толкали навсегда Федора Ивановича Шаляпина.

Стало: мафия шоу-бизнеса выписала за рубеж Хворостовского.

Шаляпина - вычеркиваем, пишем - Газманов; Обухову заменяем Бабкиной; хотя по нормальному счету вся кодла масс-телешоу не стоит и мизинца Собинова, Козловского, Неждановой. Вы можете справедливо возразить, мол, нельзя сравнивать разные вещи. Всему, дескать, место. Хорошо, исправляюсь: всех певичек эстрады (кроме Долиной), если вместе собрать, будет ли это явление равным великой Вяльцевой? Жанр один - сравнение правомерное. Пел неподражаемый Лещенко, а сегодня этот, ну, кабацкий хам, с бородой, морда в два перереза... забыл фамилию, и слава Богу, хоть одну гадость забыл.

А по божественному счету наш век имел всего три мужских голоса: бас - Федор Шаляпин, баритон - Тито Руффо, тенор - Энрико Карузо. Вычеркиваем, заносим в святыни певца эпохи Кобзона. В погоне за баксами и дутой славой сотня тысяч шнырял и хапуг мощно помогают Западу и собственным политиканам-предателям в подготовке массового сознания к окончательной обреченной мысли о том, что землю у нас все равно отберут. Чего ею дорожить, когда есть жвачка «Ригли»? Зачем ковыряться в навозе, если в Москве можно зашибать башни проституцией, сутенерством, организацией постоянных выборов, поборами да рэкетом, а в свободные дни потрястись на шабаше «легендарной» земской группы, громыхающей с голозадыми трясягужками на той самой площади, откуда уходили деды прямо в окопы, где проходил Парад Победы.

Какие деды? С кем война? Где моя деревня? Прощай, Родина! Вычеркнув из памяти и самих себя, мы становимся готовеньким сырьем для внутреннего экспорта не на своей земле. Прощайте, Александр Сергеевич Пушкин, Ваш год объявлен всемирно «годом На-ны», прощайте, Василий Васильевич Верещагин, вспомнят Вас, когда заявится чужанин разорять горо-

да и веси, которые мы еще не успели разрушить сами.

2.

Сегодня все чаще выступают прорицатели из новой волны бодрячков: «Да, ничего пока хорошего из наших реформ не получается, но я оптимист», - они грезят любопытным будущим: подождите-потерпите, мол, до поры, когда дети да внуки, посланные денежными мешками на обучение в Швейцарию, Англию и т. п., вернутся, и процветет Русь под их интеллектуальным правлением. Причем ни тени сомнения в том, что они возвращаются именно править оставшимися в невежестве сверстниками. Тогда вновь темный народишко обретет работу, хлеб, Пушкина с Верещагиным.

Во-первых, перемещенные за бугор перекормленные барчуки если и возвратятся, то не совсем русскими и в чужую для них вотчину. Они же первоначально ничуть не умней ребят, оставшихся при своих избах, дворах, реках, лесах, при школе в деревне Никола, а уж если действительно приедут, то им не позавидуешь, потому что за время их усовершенствования в компьютерно-американизированных манерах тут окончательно оформится поколение прошедших страшную школу нищеты, борьбы за местечко на перекрестках и нарах жестоких, циничных, выросших в ненависти ко всему и всем, забытых и униженных в своей заброшенности; из волчат, разогнанных «мерсами» на обочину, вырастут стаи безжалостных волков. Их ждет ужасная судьба: половина сознательно сделается бандитами, остальные будут искать в себе фюрера, что, в принципе, одно и то же, если все рассматривать в свете общественного сознания и собирания людей в толпы по принципу уравниловки и поиска врагов. Ведь «Ригли» и жвачка масскультуры гораздо быстрее и незаметнее приводят души к общему знаменателю, чем большевистский паек с маузером.

Вся третьяразрядная «цивилизация» Запада тоталитарна по сути, она

своей доступной примитивностью уравнивает потребителя, действуя простейшими наглядными картинками на самые неразвитые чувства. Тем сильнее диктатура телевидения, чем слабее связи между отдельными людьми (на улице не поговоришь, письмо не пошлешь, поездом-самолетом не доберешься). Коммунисты разрушали деревню из-за страха перед общинами, срочно заселяли по клеткам в «хрущобы», разделяя живых перегородками, но какой-то гул все-таки проникал, общались возле мусорной машины. Но никто из прежних идеологов и мечтать не мог о всеобщей изоляции с помощью рубля: цены на билет, почтовую марку с конвертом. Общаются лишь богатые с помощью электроники, и такой межсобойчик создает у них иллюзию корпоративной солидарности и вечности праздника на жизненном пиру. Но все это обычный заговор обреченных. К власти и деньгам прорвался хам, он сам и погубит себя, отгородившись от презираемого пахаря, от нравственных устоев национальной русской культуры и Веры Православия, построенных лучшими умами на основе любви и сочувствия ближнему.

Есть даже теория о разбойнике, готовом после убийства и грабежа построить храм, свечу возжечь пудровую. Тщета и суeta сует. Попы возьмут грязные деньги, да Бог не примет жертвы.

В последний год на стыке тысячелетий еще живы советские люди, не могущие понять, что никто их не оградит от бед: ни Бог, ни Царь и ни Герой.

Так в чем же наше спасение? На какие твердыни опереться в болоте, куда завлекли нас слепые поводыри?

Определить можно способом от обратного. На которые ценности из национального достояния больше всего покушаются враги народа, их, значит, и надо пуще всего берегать и защищать, чтобы сохранить себя. Если СССР из-за мозгового застоя руководителей и направляющей оказался скудельным сосудом и развалился, то сам народ никогда себя не

отождествлял с системой, а только с общей для всех Родиной и более конкретно - с малой родиной. Указчики сами по себе, труженики жили отдельно, не веря в последние годы ни одному словечку демагогов, якобы пекущихся обо всех, сторая бескорыстно на организационной работе, борясь с тлетворным влиянием загнивающего капитализма. Все как раз было наоборот: никто так не жаждал западных благ, как наш актив. Короче, рассыпалась империя зла. А куда же подевалось само зло? Обернулось вовнутрь. И стал брат пожирать брата.

В таких условиях народ пока что не исчезает как самостоятельная ценность благодаря только двум самым на свете надежным опорам души: могучему русскому языку и великой национальной культуре.

Из многих языков-планет русский веками втягивал в собственную вселенную тысячи дельных понятий и означений, делал путешествующие слова собственными. Каждое конкретное слово обязательно обобщало нечто дельное, нужное понятие («логос», «диалектика»), полезную для быта вещь («уздечка», «циркуль»). Сейчас прет интервенция сленга, за которым лишь заборные этикетки да жаргон помоек и борделей. Вплоть до детских мелочей: конфету «Снежок» вычеркиваем, пишем - «Сникерс». На фоне англоязычных реклам грустит задумчивый Пушкин, давший толпе у его ног тот самый язык, что она уже загаживает и забывает. В Год светлейшего поэта выпускает жадный безродный торгаш водку «Пушкин», разливает виски в сосуд, изображавший его кудрявую голову. Но это до времени особый суровый разговор.

Из необъятного количества великих русских беру сейчас только два имени: художника и писателя. И прежде чем назвать второго человека, столь же сегодня опасного для буржуазии и грядущего якобы «среднего класса», обязан пояснить, почему так долго шел к объявленной в первых строках завязке. Как можно подойти к доказательным выводам, не показав ту общественно-историчес-

кую, политico-социальную обстановку, то мутное зарево непроясненной бытовщины, то народное горе, в каком терпит нужду и мучается физически и душевно простой гражданин. И он сам, и политика, и экономика, и рифма, и песни, и краски - все выражается из одной почвы. И розы, и лопухи. Природа равнодушна к тому, что с ней делают, но природа человека такова, что он не может оставаться равнодушным к тому, что делают с ним.

Теперь можно от общей картины опустить взор на землю и вернуться в центральную губернию коренной России, прямо в город Череповец, потому что происходящее в Москве касается черепан самым непосредственным образом. Понятно: если уничтожают Василия Верещагина, - это еще один удар под дых не только всем культурным гражданам бывшего СССР, но и пощечина мыслящему образованному человечеству.

Однако сильней и острей должны чувствовать плевок в души его земляки, потому что вокруг для них все родное, им не надо гадать да искать название для Родины - она в человеке и возле него как основа святого православного Отечества.

Итак, под совершенно зловещим заголовком «Смерть минус живопись» журнал «Огонек» (№ 43/4526, № 3/4538) публикует на развороте (редактор Лева Гущин) распечатку «Апофеоза войны» и статью художника Луниной (она такая же Лунина, как Сванидзе - грузин, а я - архиерей), где утверждается, что сама живопись для Верещагина была «никчемной» и «лишней», ему навешивается ярлык «некрореалиста». А вид погибших и раненых на поле боя солдат вызывает у редакции «брзгливое чувство».

В защиту деда выступил из Санкт-Петербурга девяностолетний Николай Верещагин, почетный председатель Мамонтовского комитета РАН. Его голос не был услышан, все остальные проглотили оскорблениe. А в феврале 99-го наступление на художника и его наследство продолжило столичное телевидение.

Конечно, одно дело - рекламировать журнал, клятвенно уверяя пристодушных в страстной любви «Огонька» к России (как будто бы не был «Огонек» много раз очень разным), иное дело - выполнять за деньги заказ по уничтожению русской культуры. Всем знатокам и почитателям творчества Верещагина давно известно, как независимый характер черепанина, его честнейший бескорыстный патриотизм, любовь к солдату художника-воина вызывали гнев у великих князей и министров царя. Объяснимо, когда австрийки в 1881 году нарисовали на него карикатуру. Необъяснимо, на первый взгляд, зачем всерьез полагают сегодняшние хулиганы, будто сам Верещагин, адмирал Макаров и семьсот российских моряков погибли вмиг на броненосце «Петропавловск» сознательно, как любители смерти...

Но это лишь на первый взгляд, а если разобраться в подспудных маскируемых мотивах, то становится очевидным, с какой целью именно в текущем году принято решение добить правдивого баталиста, этнографа, философа: нынче юбилей - исполняется 125 лет со дня открытия первой публичной выставки великого русского творца. И это первое.

Второе: заказчики с исполнителями знали о грядущем бое на Балканах и заранее били по рукам потенциально желающих запечатлеть убитых, а в общественном мнении загодя формировали брезгливое безразличие к чужим смертям и ранам. Великие князья не сострадали солдатушкам, а Верещагин заставлял смотреть на кровь посланных в помощь болгарам, а того, кто принуждает к сочувствию, бессердечные не терпят и даже ненавидят. А вот нищие да бедняки всегда пожалеют и постараются помочь из последних сил.

И далее: как сам журнал, так и многих нынешних ниспровержателей и вычеркивателей всего и всех, в прежней (до 91-го года) России никоим образом не устраивает всемирная популярность художника. Беру американцев: «Римская казнь» из трипти-

ха «Трилогия казней» не висит в картинной галерее Чикаго, а круглый год, как и все верещагинские картины, путешествует по США с передвижной выставкой. Их национальная гордость - умерший несколько лет тому назад Норман Роккуэлл, прямой последователь и ученик Василия Верещагина. Их упрекают в «фотографичности», но, скажите, можно ли «образно» размазать вход к Тимуру или раненого пулеметчика-янки (Н.Р. 1943), как им исказить растущевкой благородные лица героя русско-турецкой войны и полковника Генри Ферфакса (Н. Р.)?

Что же это получается? А самый обыкновенный двойной стандарт: достойное, натуральное, ценное - для внутреннего потребления американцев, второсортное на потребу малоразвитым, а уж если в среде презираемых обезьян вдруг обнаруживается гений, то его тут же соблазняют и перетаскивают мозги к себе. Сами, как видим, предпочитают любоваться Верещагиным и воспитывать на его произведениях молодежь, ненавидят рекламу, терпеть не могут «Ригли», зная, какая это синтетическая гадость, смеются над глупейшими боевиками и мылодрамными сериалами, а нам их Бжезинские-Горы сплавляют жвачку, в том числе умственную, на которой и произрастает пышным цветом крапива московской масскультуры подражательного толка.

Всем так называемым «новым» от политики, производства, торговли, культуры есть отчего бояться Верещагина. Он мешает лгать. Не путайте с бытовым враньем и обманом. Ложь - это сознательное введение в заблуждение в тайных корыстных целях. Стало быть, здесь третье.

А четвертая причина - одна из основных: есть заказ властью буржуазии своим соплеменникам и продажным холуям, в чьи руки отданы 99% бывших государственных СМИ, - уничтожать открыто и прикрывенно русскую культуру. Казалось бы, во власти наши миллионеры, чего еще бояться? Чем для них все еще так страшен давно покойный художник?

Полный и точный ответ читайте в стихотворении Всеволода Михайловича Гаршина, писателя-демократа.

СТИХОТВОРЕНИЕ НА ПЕРВОЙ ВЫСТАВКЕ КАРТИН ВЕРЕЩАГИНА

Толпа мужчин, детей
и дам нарядных
Теснится в комнатах парадных
И, шумно проходя,
болтает меж собой:
«Ah, милая, постой!
Regarde. Lili,
*Comme c'est joli**
Как это мило и реально,
Как нарисованы халаты
натурально».«Какая техника! - толкует господин
С очками на носу и с знанием
во взоре:
Взгляните на песок: что стоит
он один!
Действительно, пустыни море
Как будто солнцем залито.
И... лица недурны!...» Не то
Увидел я, смотря на эту степь,
на эти лица:
Я не увидел в них
эффектного эскиза.
Увидел смерть, услышал
вопль людей,
измученных убийством,
тьмой лишеней...
Не люди то, а только тени
Отверженников родины своей.
Ты продала их, мать!
В глухой степи - один.
Без хлеба, без глотка воды гнилой,
Изранены врагами, все они
Готовы пасть, пожертвовать собой
Готовы биться до последней
капли крови
За родину, лишившую любви,
Пославшую на смерть своих сынов...
Кругом песчаный ряд холмов,
У их подножья -
орда свирепая кольцом
Объяла горсть героев. Нет пощады!
К ним смерть стоит лицом!...
И, может быть, они ей рады;

* Смотри. Лили, как это красиво!

*И, может быть, не стоит жить -
страдать!..*
*Плачь и молись, отчизна-мать!
Молись! Стенания детей,
Погибших за тебя
среди глухих степей.
Вспомянутся чрез много лет,
В день грозных бед!*

1874 год

Все, как видите, один к одному ложится на сегодняшний день. Какая все-таки фатальная толкотня на одном и том же месте в межчеловеческих отношениях! Та же кровь, те же забытые верхами солдатики. И по-прежнему сытым, чьи отпрыски на-всегда освобождены от службы, ровным счетом наплевать на каких-то там погибших и покалеченных бедняков. Осталось приучить к полному равнодушию людей, не потерявших еще совесть.

Всеволод Гаршин тоже опасен уже в наши дни грозных бед. Всю короткую жизнь он отличался сверхчуткостью к любым проявлениям социального зла, неправды, насилия, и горько было ему, что кругом так мало умного и хорошего. «Я не могу прятаться за стенами заведения, когда мои сверстники лбы и груди подставляют под пули», - написал он в письме домой. Родная мать его благословила добровольцем на войну с Турцией за освобождение славян. Он в пехоте проделал тяжелейший поход по Дунаю, был ранен в сражении, по окончании войны произведен в офицеры. Прочтите военные рассказы писателя, и станет понятным, почему так дорог ему Верещагин.

Другой писатель, Короленко, - воплощение совести России, сопоставляя в «Литературном портрете» Всеволода Гаршина со Львом Толстым, отмечал разницу между мыслями умирающего князя Андрея и героя Гаршина, когда он также глядит в небо, но мучительно разбирается не в бесконечных тайнах, а спрашивает: «...я убил его? за что?...». Какой диапазон мыслей у русских воинов на поле брани! А их потомкам говорят: «Не раз-

мышляйте. Жуйте «Ригли». Смотрите «Санта-Барбару». Опрощайтесь. Вот когда совершенно опустимся до рекомендованного уровня, нас - какое счастье! - примут в стадо европейских колбасников и кока-кольных Джо. Как в том украинском анекдоте: «Их было семь, нас семьдесят семь. Билися-бились, рубились-рубились... сравняли-ся!»

За что столетиями бились? Положили миллионы жизней, чтобы в конце концов сравняться с малограмотными лавочниками только потому, что они сытые, а мы голодные и униженные... Горько, обидно, пошло!

Короленко сегодняшним тоже опасен, как и Алексей Максимович Пешков, величайший страдалец нашего века. Он сказал о том высоком уважении, которого заслуживает русский писатель, «ибо это лицо героическое, изумительной искренности и великой любви сосуд живой», а далее рядом с Глебом Успенским, Герценом, Салтыковым поставил Всеволода Гаршина.

Думал ли сам Горький, как он будет сброшен и опозорен современными сочинителями детективов?! Забыта «Жизнь Клима Самгина» - эпохальное энциклопедическое творение об истории души в жизни и литературе. Изdevаются как только могут над романом «Мать» молодые малограмотные циники. Да поезжайте в любой щахтерский поселок аж в 2008 году - вы будете потрясены, если еще сохраните к тому времени способность кому-либо сострадать, вас убьет зрелище 1900 года: тот же каторжный труд, бараки, пьянство, горе и беспросветная нужда. Отсюда ясно: Горький тоже опасен, потому что был вооружен великими знаниями и безграничным состраданием к людям дна. Он ненавистен всем, кто поставил целью на всегда закабалить работяг, уже сейчас подвергая их свирепой эксплуатации. Навсегда калеча им жизнь, затаптывая их детей, сбрасывая поколения в «Котлован» Андрея Платонова.

Очнитесь, люди! Ваша духовная жизнь в опасности, а значит, в опасности Родина.

Александр РУЛЁВ-ХАЧАТРЯН

НУЖНО ЛИ «ОСОВРЕМЕНИВАТЬ» ЯЗЫК ЦЕРКВИ?

Как отзывается священное слово в сознании современных прихожан, не знающих церковнославянского языка, - одна из проблем существования Русской Православной Церкви. Отношение к языку церкви - это не экзамен на верность православию, это не запретная для верующих тема, её время от времени обсуждают и рядовые прихожане, и епископат, и невоцерковленные граждане.

ГУРИЙ СУДАКОВ

Гурий Васильевич Судаков - доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка Вологодского государственного педагогического университета. Автор многих научных публикаций и книг, председатель редакционной коллегии сборника биографических очерков «Выдающиеся вологжане», руководитель редакционного совета «Вологодская энциклопедия».

Вначале одно терминологическое пояснение. В академической и вузовской традиции различаются два термина, обозначающие разные языковые феномены: старославянский язык, церковнославянский язык. Старославянский язык - это язык первых переводов священных книг с греческого на славянский язык, переводы, выполненные Кириллом и Мефодием (864 г. и позднее). Церковнославянский язык - это старославянский язык, функционирующий на определенной территории Славии как язык церкви (в Древней Руси с 987 г.). В конкретных условиях существования старославянский язык видоизменялся и приобретал форму того или иного местного варианта - у нас это церковнославянский язык русской редакции. Таким образом, старославянский язык - один, церковнославянских языков - несколько. Современный церковнославянский заметно отличается от старославянского: в церковнославянском почти современная фонетика, во многом модернизированная грамматика, но сохранился почти неизменно синтаксис, есть стабильные элементы в лексике и фразеологии. Символические (сакральные) элементы обеспечивают стабильность и сохранность церковнославянского языка.

Церковнославянский язык - это и язык литургии (богослужебный язык), функционирующий в устной форме, и язык Библии, представленный в корпусе письменных текстов.

Современный язык церкви отличается явной архаичностью, что под-

чёркивает отличие языка общения с Богом от повседневной, бытовой речи. Кроме того, стабильность, традиционность речи - это желание сохранить и богослужебный обряд, и основные священные для православных христиан тексты в неизменном состоянии.

Язык церкви (старославянский язык русской редакции, или церковнославянский) изначально был книжным языком, языком славянского перевода греческих богослужебных книг. В самом начале своего функционирования он был не во всём понятен неграмотным прихожанам, а разнообразные изменения живого древнерусского, старорусского языка, отделяющегося от консервативного церковнославянского, всё более делали непонятным церковнославянский язык для большинства православных. Уже в XVIII Тредиаковский упрекал Сумарокова в недостаточном знании церковнославянской нормы, а на протяжении всего XIX в. шли разговоры о необходимости полного перевода Библии на русский язык, и в конце XIX века (1876 г.) Святейшим Синодом был осуществлен перевод Священного писания на современный русский.

Но всё это не означало полного отречения от первого письменного общеславянского языка. Для формирования современного языкового сознания русских старославянский язык дал очень много:

1. Старославянский язык оказал большое влияние на формирование русского литературного языка. «Церковнославянский язык - постоянный источник для понимания русского языка... Это язык благородной культуры, в нем нет грязных слов, на нем нельзя говорить в грубом тоне, браниться... Это язык, который предполагает определенный уровень нравственной культуры» (Д.С.Лихачев. Русский язык в богослужении и в богословской мысли // Возрождение, 1998, с. 279). Возвышение, облагораживание нашей речи с помощью старославянизмов - вот первая заслуга этого языка, что отмечали М.В. Ломоносов и А.С. Пушкин.

2. В нашем речевом сознании надолго закрепился постулат Шишкова и его предшественников (особенно Тредиаковского): литературный текст - это не кодификация, не стандарт, а образец и авторитет, что было в полной мере характерно для литературного языка донационального периода, когда образцовыми признавались тексты, воспроизводящие стилистику и фразеологию авторитетных источников: Священного писания и созданных на его основе литературных произведений.

3. Учтём также особое отношение Церкви к слову, церковную философию слова и церковную концепцию речи. С точки зрения христианской традиции дар слова - это особый дар, вверяемый Богом человеку, чтобы человек смог стать собеседником своего творца. «Слово человеческое подобно слову Божию», - говорил свт. Игнатий (Брянчанинов). Бог сотворил человека по своему образу и подобию. Человек и есть человек лишь в той мере, в которой он вступает в личностный диалог с Богом. Апостол Павел в Послании к римлянам говорил: «Наше служение есть словесное служение» (Рим. 12, 1). Сам язык литургичен (литургия - со-общение с Богом), диалогичен, он осуществляет себя в сообщении с другим. Дар слова вручается Богом человеку ещё и для того, чтобы человек мог «нарекать имена», т.е. именовать предметы и явления окружающего мира, но наречение вещей - это одновременно и познание мира, и обретение власти над миром. В начале было слово (Ин. 1, 1), т.е. без слова не было бы познания мира человеком и осознания своего места в мире. Слово выделило человека из животного мира, вся человеческая культура порождается главным образом словом. Как сделать человеческую речь совершенной? В «Беседе о смиренномудрии» Василия Великого формулируются необходимые качества личности, потом - речевые советы. 1) «Будь добр с другом, кроток со служью, непамятозлобив на дерзость, человеколюбив к смиренным, совершенно никого не презирай»; 2) «Привет-

ствуй с приятностью, отвечай со светлым лицом, ко всем будь благосклонен, доступен, не пускайся в похвалу самому себе».

В XVIII - начале XIX вв. вопрос о соотношении церковнославянского и русского языков стал важнейшим вопросом литературных и иных дискуссий. До XVIII в. именно в церкви сосредоточивалась культура и образованность в целом. Дело изменилось в XIX в.: светский язык выдвинулся в центр языковой жизни, литература стала творческой лабораторией языковых изменений, а язык Церкви постепенно стал приобретать периферийный характер. Но язык Церкви и тогда, и сейчас не является чем-то единственным, внутри церковнославянского языка различаются язык Писания, лингвистический язык молитвы, языки церковной поэзии, язык богословских сочинений, язык проповеди.

Церковь неоднократно проявляла критическое отношение к своему собственному языку. В 1905 г. по решению Святейшего Синода все архиереи подали отзывы по ряду церковных проблем, среди них был и вопрос о языке. Учтем особую просвещенность архиереев того времени: они получили образование в семинариях и академиях, знали не только церковнославянский, но и греческий и древнееврейский языки. Кроме того, во всех начальных учебных заведениях преподавался закон Божий. Большинство священнослужителей, приславших свои ответы на синодальный запрос, отметили, что качество богослужебного языка неудовлетворительно, поэтому следует или отредактировать богослужебные книги с ориентиром на современную русскую речь, или даже перевести все богослужение на русский язык.

Вот мнение архиепископа Ярославского Иакова: «Возвышенное богослужение наше из-за пристрастия к умершему языку превращается в непонятное словоизвержение. Сельские пастыри хорошо сознают этот недостаток богослужения, выражают жалобы, но бессильны помочь горю. Мудрено ли, что крестьянин иной

предпочитает церковной возвышенной, но непонятной песне неумную, но понятную сектантскую песню. Если по многим причинам нельзя говорить о переводе богослужебных книг на русский язык, то необходимо обсудить вопрос об исправлении существующего церковнославянского перевода богослужебных книг с устранением из него всех архаизмов и греческого расположения слов в речениях или же немедленно приступить к новому переводу их на новославянский язык, всем понятный и вразумительный» (здесь и далее цитируется издание «Беседы любителей русского слова: православное духовенство о языке». СПб., 2006). Как видим, владыка был против перевода на современный русский язык, но не против создания некоего новославянского языка.

Епископ Архангельский Иоанникий выступал за перевод всего богослужения на русский язык: «Наше богослужение имеет религиозно-нравственное и воспитательное значение. Оно будет вполне достигать своей цели, когда будет совершаться на языке, понятном для всех, то есть на родном русском языке. Священное Писание говорит: «Пойте Богу разумно». Апостолы проповедовали на всех языках и на всех языках молились с верующими. У нас в России есть литургия на языке латышском, зырянском, мордовском, но нет богослужения на своем родном наречии. Сектанты некоторых совращают и потому, что их простое, понятное богослужение совершается по-русски. Богослужение совершается на малопонятном, а для многих и совершенно непонятном славянском языке. Будучи великолепным по своему содержанию, оно остается непонятным, а вследствие этого - и без желательного влияния на простой народ. Поэтому полезно было бы славянский язык в церковном богослужении заменить русским. Такая замена даст для многих великое счастье участвовать в богослужении не одним только стоянием в храме, но участвовать разумно. Можно русский язык ввести в употребление постепен-

но. Пусть сначала богослужение на русском языке совершается изредка. Со временем оно будет все более и более учащаться. Начинать употребление в богослужении русского языка нужно с городов и вообще с тех мест, где народ более развит, более сочувствует этому. Это имеет удобство в том отношении, что в городе всегда имеется несколько храмов, и не желающие присутствовать при богослужении на русском языке будут иметь возможность присутствовать при богослужении на славянском языке. Не нужно и священников принуждать к совершению богослужения на том или ином языке. Нужно предоставить это на благоусмотрение местных епископов и приходских пастырей». Отмечу интересную мысль архангельского архиерея: для людей образованных и мыслящих чем богослужение понятнее, тем оно становится подлинней, убедительнее.

Ныне церковнославянский язык - составная и неотъемлемая часть литургии со всеми её атрибутами. Функция его как языка литургического с течением времени стала для мирян функцией почти исключительно ритуально-магической. Трудно говорить о смысловой (символической) нагруженности этого языка, если он непонятен людям, не обладающим филологическим образованием. Он перестает устраивать именно образованную часть общества, которая ждет от языка богослужения семантической внятности.

Некоторые оправдывают непонятность церковнославянского языка ссылкой на обязательную невыразимость и таинственность сакрального языка. Но мы уже отмечали, что архаичность выражения подчеркивает дистанцию между откровением и повседневностью, но это не значит, что речевая часть литургии должна быть непонятна молящимся. Для людей недостаточно образованных непонятность богослужения, может быть, и является свидетельством подлинности, от Бога должно исходить, по их мнению, непонятное слово: если слово понятное, оно слишком человечес-

кое, но зачем же равняться на непросвещённый вкус?

Но есть и другой, на мой взгляд, более сильный аргумент в пользу сохранения архаики. Священные тексты и литургия, полностью лишенные архаического элемента, в принципе возможны; это не уничтожило бы их сущности, но архаичность языка Церкви свидетельствует о принадлежности к культуре, о связи с традицией. Ныне, когда традиции культуры и идеалы русского речевого поведения забыты, наличие церковнославянского языка, торжественного и благородного, чрезвычайно важно для преодоления нравственной распущенности, для обуздания нецензурщины, криминальных оборотов и агрессивных англизмов. Речь может основываться только на культуре. Культура обобщает положительный опыт речевого творчества, указывает способы оптимального пользования речью. «Господь, избави мя от страстей, но окрыли мой дух»: искание истины, познание откровения, а не обмен эмоциями (страстями) - вот цель речи. От плодов уст наших вкусим добро истины, а не зло страсти.

Вот так и возникла современная сложная ситуация с церковнославянским языком: желание сохранить ритуальную функцию и одновременно архаичность церковнославянского слова, но вместе с тем невольно и сделать Священное Писание и литургию более проблематичной для прихожан. Слишком большой разрыв между консервативной традицией церкви (и её языком) и убегающей вперед жизнью, конечно, ведёт к значительному снижению влияния Церкви на жизнь людей. Находить оптимальную скорость модернизации Церкви, в том числе и «осовременивания» её языка - чрезвычайно трудная и ответственная задача.

В Церкви первозначимы два элемента: иконы и звучащая молитва. Основа богослужебного обряда - язык. Для многих людей служба чрезвычайно важна, и они получат гораздо больше, если станут понимать в ней каждое слово. Понятность - вот аргумент

защитников перевода на современный язык. Сам факт сакральности произносимого недостаточен. Христианство возникло среди иудейского народа, но затем распространилось среди многих народов. Языком начальной христианской проповеди был арамейский язык. Но к нам Евангелие пришло на греческом языке уже как перевод (церковнославянский текст - перевод с арамейского на греческий и с греческого на славянский), то есть христианство принимает различные языковые формы, освящает их, даже часто придает им большое значение, но никогда не абсолютизирует, как это делается в других религиях.

Христианство в славянском ареале проповедовалось на старославянском языке: не на разговорном языке повседневного общения, а на искусственно созданном, отчужденном от обычности, который вроде был и понятным, и одновременно непонятным. Христианская проповедь в славянском мире сразу приобрела черты сакральности: таинственность и особую красоту. Но первоучители Кирилл и Мефодий работали над тем, чтобы среди славян слово Божие прозвучало на знакомом, понятном языке. Они боролись с утверждением, что сакральных языков всего три: латинский, греческий, еврейский, они ломали ложную версию о сакральных языках в христианстве. Да и сам церковнославянский язык - это не апостольский язык, это создание смертных, но гениальных Кирилла и Мефодия.

Конечно, во всем, что связано с Богом, есть идея сакральности, в том числе и в языке. Рассказ о Боге, изложение слова Божия должно быть иным, отличающимся от языка повседневности. Но в Церкви есть две стороны откровения, значит, есть две стороны церковного языка: 1) изложение Божия слова для людей, оно изначально осуществлялось на понятном языке, Иисус Христос и его ученики благоветствовали на понятном языке; 2) обращение человека к Богу, здесь в богослужении, в молитве должна быть сакральность, молитва

и псалмы должны быть изложены в особой форме, как и другие литургические тексты.

Думаем, что в современной России слово Божие, естественно, в соответствии с духом христианства должно звучать на русском языке. То есть не надо изобретать новый искусственный язык, надо принять уже готовый, великолепно развитый классиками XIX - XX вв. русский язык и освятить его. На этом языке еще нет молитв, литургической поэзии, достойного перевода Писания, но уже есть образцы проповеди (см. сочинения митр. Антония Сурожского, епископа Игната, отца Георгия Флоровского). Конечно, важно, отойдя от церковнославянского языка, не впасть в излишнюю светскость, не демонстрировать знакомство с модными или актуальными словами и выражениями. Человек молящийся всегда будет стремиться выразить смысл молитвы не обыденной, а возвышенной, торжественной речью. Современный русский язык обладает всеми необходимыми лексико-семантическими, грамматическими, стилистическими средствами для воплощения необходимых смыслов благодаря церковнославянскому наследию в нем.

Теперь коснемся письменного церковнославянского языка. Необходимо заботиться о грамотности изданий и переизданий богослужебных текстов и церковной литературы. В отношении житий очень важно ориентироваться на научно изданные и правильно отобранные списки житий. Этим условиям удовлетворяет издаваемая нами серия «Памятники русской агиографической литературы»: издано 13 житий на церковнославянском языке по рукописям XVI-XVII вв., в том числе жития Кирилла Белозерского, Кирилла Новоезерского, Дмитрия Прилуцкого, Дионисия Глушицкого, Григория Пельшемского, Корнилия Комельского, Павла Обнорского, Сергия Нуромского, Иоасафа Каменского, Александра Куштского, Евфимия Сянжемского. На наш взгляд, неудовлетворительны переложения житий на современный русский язык,

именно потому что это вольные перевождения, а не переводы. Заниматься переводами должны специалисты, хорошо знающие древнерусский язык и начитанные в древних текстах.

Но о переводах поговорим теперь более подробно, имея в виду прежде всего переводы Священного Писания на живой, общенародный русский язык (для воссоздания истории переводов использованы следующие сочинения: Чистович И.А. История перевода Библии на русский язык. СПб., 1899; Евсеев И.Е. Очерки по истории славянского перевода Библии. Пг., 1916; Рижский М.И. Русская Библия: история переводов Библии в России. СПб., 2007). Библию русские читали на церковнославянском языке, который, как уже было сказано, с течением времени становился все более непонятным для основной массы верующих. Но некоторые церковные иерархи относились к проблеме откровенно реакционно: «Мистическое состояние Библии, то есть непонятность языка её, есть необходимейшее для народа... которого под видом откровения нужно держать в ослеплении» (высказывание митрополита Амвросия (цит. по книге: Корсунский И. Митрополит Филарет в его отношениях и деятельности по вопросу о переводе Библии на русский язык. М., 1886, с. 112). Первый перевод Псалтыри на русский язык, выполненный Абрамом Фирсовым в 1683 г., был запрещен к употреблению патриархом Иоакимом, а между тем в сравнении с последующими переводами, даже синодальным переводом 1876 г., труд Фирсова был ближе к живому русскому языку.

Попытка Библейского общества (образовано в 1813 г.), поддержанная императором Александром I, издать полный текст Библии на русском языке, была проигнорирована, а затем и блокирована Синодом. Во время переводческой работы, выполняемой профессорами Московской, Петербургской и Киевской духовных академий, обнаружилось, что часть библейских текстов, в частности ветхозаветных, была переведена на церковнославянский не с древнееврей-

кого первоисточника, а с греческих книг. Всё же часть работы по переводу была выполнена: Новый завет на русском языке был издан в 1818 г., Псалтырь - в 1823 г. Но уже в 1826 г. Российское библейское общество было закрыто, а перевод Библии приостановлен. Русские стали довольствоваться переводами Библии на западные языки.

Принимавший участие в переводе Библии профессор Петербургской духовной академии Павский после прекращения коллективной работы на протяжении нескольких лет на занятиях со студентами делал переводы Ветхого завета с древнееврейского на русский. В 1838 г., когда Павский был уже уволен из Академии (он проработал 25 лет, был наставником цесаревича), предпримчивые студенты решили собрать и издать лучшие записи перевода с комментариями Павского как учебное пособие. Издание сразу стало популярным. Но за это издание Павский, руководители Академии и студенты были наказаны, разысканные экземпляры литографированного издания уничтожены. Между тем Павский имел отличную филологическую подготовку, превосходно владел еврейским языком, заботился о научном характере перевода. Прекрасно был подготовлен к переводческой деятельности и архимандрит Макарий (1792-1847), но его переводы тоже попали в архив Синода и до 1876 г. (опубликованы в ж. «Православное обозрение») пролежали там без движения.

Необходимость в русской Библии становилась все более очевидной, и в 1856 г. и повторно в 1857 г. Синод принимает решение о возобновлении работы по переводу Библии на русский язык. Тогда и было принято, правда, с массой оговорок, исторически верное решение: ветхозаветные книги переводить с древнееврейского, а книги Нового завета - с греческого языка. В 1876 г. вышло первое издание полной русской Библии в одном томе. Проблемами этого издания являются не лингвистические несовпадения, а содержательные расхож-

дения: 1) в состав Библии вошли книги, которых нет в еврейском каноне, но они присутствуют в греческой и славянской Библии; 2) порядок расположения книг в Синодальной Библии другой, нежели в еврейской; 3) переводчики, работая с оригинальным еврейским текстом, внесли в русский перевод исправления на основе более поздних греческого и славянского текстов.

По поводу всей истории выполненных переводов необходимо отметить, что критическое отношение части православных богословов к славянскому и русскому переводам Библии носило, конечно, не атеистический характер, а было связано с попытками внести исправления и улучшения, привести тексты Писания в соответствие с данными научной текстологии, очистить русский перевод от архаизмов и славянизмов, сделать Библию доступной верующим массам.

Начиная с 1903 г. Российская Академия наук четырежды обращалась в Синод с предложением о полном научном издании славянского перевода книг Ветхого завета, но все предложения были отклонены.

В 1914 г. при Петербургской духовной академии была учреждена Библейская комиссия с задачей научного издания Библии в её основных изводах по лучшим славянским рукописям.

Возглавил её профессор И.Е.Евсеев, см. его «Записку о научном издании славянского перевода Библии и проект означенного издания» (СПб., 1912). Комиссия действовала до 1927 г.

Осудив все попытки зарубежных богословов выпустить новый русский перевод Библии, Московская патриархия выпустила в свет в 1956 г. новое издание синодального перевода, слегка поправив его. Это издание и является в известной мере каноническим. Отношение высших церковных кругов к делу исправления Библии по прежнему остается сдержанным.

Безымянный автор «Жития Иоасафа Каменского» (XVI в.), приступая к жизнеописанию знаменитого святого - создателя Спасо-Каменного монастыря, обращался за поддержкой к Господу: «Уясни ми язык, Спасе мой, и разшири уста моя, и наполни я, дай же ми глаголати подобная и творити полезная, иже мне, окаянному, по неизглаголанному милосердию подавъ словесную кормлю на послужение сицевому полезному благонравию». Чтобы священное слово как духовный хлеб служило благонравию, речь должна быть ясной, содержательной, правдивой, приносить пользу. Наши далекие предки - ревнители духовного просвещения прекрасно понимали это.

ПОДУМАЕМ ВМЕСТЕ

Нашим языком управляют не только законы грамматики, но и духовные законы. В этом смысле язык тесно связан с нравственным состоянием человека и общества.

Есть язык преступного мира и есть язык мудрых, или иначе - язык благочестия, то есть благодой (доброй, истинной) чести. Одним язык нужен, чтобы скрыть свои греховные помыслы, осудить, зло осмеять и унизить всё, с чем такие люди соприкасаются. В целом циничные слова такого языка направлены на уничтожение тонкого культурного слоя, который предохраняет нас от хаоса. А другим людям язык нужен, чтобы передать правдивые знания, выразить добрые чувства и мысли, открыть истину и тем самым возвысить и защитить мир человека от физического и духовного разрушения.

К сожалению, в наше время язык преступного мира всё более распространяется. Он входит в моду, им пользуются уже не только те, кто занимается преступными делами, но и самые обычные люди, и даже журналисты и писатели. Некоторые из них вообще потеряли языковое и нравственное чутьё и не отличают грязных слов от чистых, гнилых от здоровых. Некоторые журналисты, возлюбившие язык преступного мира, даже ссылаются на авторитет классиков и утверждают, что Достоевский написал свои великие произведения только после того, как обогатился на каторге жаргонной речью. Так ли это? Достоевский - православный писатель, а

жаргон - явление языческое, варварское. Это то, что противостоит культуре, это антикультура, такая же древняя, как и сама культура. Только культура - созидаёт, а антикультура - разрушает. Распространение языка преступного мира разрушает русский язык и нравственность, ведёт к распространению преступлений. Как говоришь - так и живёшь.

Свобода - это возможность выбора, а многие наши современники не имеют такой возможности: наслышанные о языке преступного мира, они ничего не знают о языке мудрых.

Обратимся к Библии, в которой содержится много высказываний на эту тему. Мудрыми в этой Книге Жизни называли не просто умных, образованных и сообразительных людей, а тех, кто познал через Божии заповеди Правду Жизни и не отклонился от неё в своих словах и делах. Таким образом, мудрыми в Библии называют праведных людей, а глупыми - неправедных.

Предлагаем подумать вместе над изречениями из «Книги притчей Соломоновых» и постараться постигнуть их жизненную силу. Дальнейший выбор за нами - нам решать, какой язык нам выбрать.

**Людмила Григорьевна ЯЦКЕВИЧ,
доктор филологических наук**

БИБЛЕЙСКИЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ О ЯЗЫКЕ

**Приклони ухо твоё, и слушай слова мудрых,
и сердце твоё обрати к моему знанию;
потому что утешительно будет,
если ты будешь хранить их в сердце твоём,
и они будут также в устах твоих.
Чтобы упование твоё было на Господа,
я учу тебя и сегодня, и ты помни**
(Притч. 22: 17-19)

ДОБРОЕ ИМЯ

«Доброе имя лучше большого богатства, и добрая слава лучше серебра и золота» (Притч. 22:1). «Память праведника пребудет благословенна, а имя нечестивых омерзит» (Притч. 10:7).

ДОБРОЕ СЛОВО

«Тоска на сердце человека подавляет его, а доброе слово развеселяет его» (Притч. 12:25). Приятная речь - сотовый мёд, сладка для души и целебна для костей» (Притч. 16:24).

СМЕРТЬ И ЖИЗНЬ - ВО ВЛАСТИ ЯЗЫКА

«Смерть и жизнь - во власти языка, и любящие его вкусят от плодов его» (Притч. 18:22).

«Слова уст человеческих - глубокие воды, источник мудрости - струящийся поток» (Притч. 18:4).

«От плода уст человеческих наполняется чрево* его; произведением уст своих он насыщается» (Притч. 18:21). (Примеч.:*чрево - здесь внутренний человек, его душа).

«Есть золото и много жемчуга, но драгоценная утварь - уста разумные» (Притч. 20:15).

ЯЗЫК ПРАВЕДНИКА - ИСТОЧНИК ЖИЗНИ, А ЯЗЫК НЕЧЕСТИВОГО - ИСТОЧНИК ГИБЕЛИ

«На пути правды - жизнь, и на стезе её нет смерти» (Притч. 12:28).

«Уста праведника - источник жизни, уста же беззаконных заградят насилие» (Притч. 10:11).

«Мудрые берегают знание, но уста глупого - близкая гибель» (Притч. 10:14).

«Отборное серебро - язык праведного, сердце же нечестивых - ничтожество» (Притч. 10:20).

«Уста праведного пасут многих, а глупые умирают от недостатка разума» (Притч. 10:21).

«Уста праведного источают мудрость, а язык зловредный отсечётся» (Притч. 10:31).

«Уста праведного знают благоприятное, а уста нечестивых - развращённое» (Притч. 10:32).

«Устами лицемер губит ближнего своего, но праведники прозорливостью спасаются» (Притч. 11:9).

«Благословением праведных воздвигается город, а устами нечестивых разрушается» (Притч. 11:11).

«Речи нечестивого - засада для пролития крови, уста же праведных спасают их» (Притч. 12:6).

«Нечестивый уловляет грехами уст своих; но праведник выйдет из беды» (Притч. 12:13).

«Иной пустослов уязвляет как мечом, а язык мудрых - врачует» (Притч. 12:18).

«Уста правдивые вечно пребывают, а лживый язык - только на мгновение» (Притч. 12:19).

«Коварное сердце не найдёт добра, а лукавый язык попадёт в беду» (Притч. 17:20).

«Приобретение сокровища лживым языком - мимолётное дуновение ищащих смерти» (Притч. 21:6).

«Сеющий неправду пожнёт беду, и трости гнева его не станет» (Притч. 21:8).

«Глубокая пропасть - уста блудниц; на кого прогневается Господь, тот упадёт туда» (Притч. 22:14).

«Лживый язык ненавидит уязвляемых им, и льстивые уста готовят падение» (Притч. 26:28).

ЯЗЫК ЛЖИВОГО ЧЕЛОВЕКА - МЕРЗОСТЬ ПЕРЕД ГОСПОДОМ

«Человек лукавый, человек нечестивый ходит со лживыми устами, мигает глазами своими, говорит ногами своими, даёт знаки пальцами своими; коварство в сердце его; он умышляет зло во всякое время, сеет раздоры. Зато внезапно придёт погибель его, вдруг будет разбит - без исцеления» (Притч. 6:12-15).

«Мерзость перед Господом - уста лживые, а говорящие истину благогодны Ему» (Притч. 12:22).

«Мерзость перед Господом помышления злых, слова же непорочных угодны Ему» (Притч. 13:26).

«Человек лукавый замышляет зло, и на устах его как бы огонь палящий» (Притч. 16:27).

«Человек коварный сеет раздор, и наушник разлучает друзей» (Притч. 16:28).

«Лучше бедный, ходящий в своей непорочности, нежели (богатый) со лживыми устами, и притом глупый» (Притч. 19:1).

«Бедный человек лучше, нежели лживый» (Притч. 19:22).

«Терны и сети на пути коварного;

кто бережёт свою душу, удались от них» (Притч. 22:5).

«Очи Господа охраняют знание, а слова законопреступника Он ниспревергает» (Притч. 22:12).

«Кто отклоняет ухо своё от слушания закона, того и молитва - мерзость» (Притч. 28:9).

БУДЬ ИСКРЕННИМ В СВОИХ СЛОВАХ

«Многие хвалят человека за милосердие, но правдивого человека кто находит?» (Притч. 20:6).

«Кто может сказать: «Я очистил моё сердце, я чист от греха своего?» (Притч. 20:9).

«Дурно, дурно», - говорит покупатель, а когда отойдёт, хвалится» (Притч. 20:14).

«Соблюдение правды и правосудия более угодно Господу, нежели жертва» (Притч. 21:3).

«Лжесвидетель гибнет, а человек, который говорит, что знает, будет говорить всегда» (Притч. 21:28).

«Кто любит чистоту сердца, у того приятность на устах» (Притч. 21:11).

«Сын мой! Если сердце твоё будет мудро, то порадуется и моё сердце; и внутренности мои будут радоваться, когда уста твои будут говорить правое» (Притч. 23:15).

«Искренни укоризны от любящего, и лживы поцелуи ненавидящего» (Притч. 27:6).

«<...> Сладок вся кому друг сердечным советом своим» (Притч. 27:9).

«Скрывающий свои преступления не будет иметь успеха, а кто сознается и оставляет их, тот будет помилован» (Притч. 28:13).

НЕ ОПРАВДЫВАЙ НЕЧЕСТИВОГО И НЕ ОБВИНЯЙ ПРАВЕДНОГО

«Оправдывающий нечестивого и обвиняющий праведного - оба мерзость перед Господом» (Притч. 17:15).

«Нехорошо и обвинять правого, и бить вельмож за правду» (Притч. 17:26).

«Нехорошо быть лицеприятным

к нечестивому, чтобы нисровергнуть праведного на суде» (Притч. 18:5).

«Лжесвидетель не останется нена казанным, и кто говорит ложь, не спасётся» (Притч. 19:5).

«Кто говорит виновному: «Ты прав», того будут проклинать народы, того будут ненавидеть племена» (Притч. 24:24).

«Не будь лжесвидетелем на ближ него твоего: к чему тебе обманывать устами твоими?» (Притч. 24:28).

«Открывай уста твои за безгласного и для защиты всех сирот. Открывай уста твои для правосудия и для дела бедного и нищего» (Притч. 31:8-9).

НЕ ОБЛИЧАЙ НЕЧЕСТИВОГО. В УШИ ГЛУПОГО НЕ ГОВОРИ

«Поучающий кощунника наживает себе бесславие, и обличающий нечестивого - пятно себе. Не обличай кощунника, чтобы он не вознавидел тебя; дай наставление мудрому, и он будет ещё мудрее; научи правдивого, и он приумножит знание» (Притч. 9:7-9).

«Скудоумный высказывает презрение к ближнему своему, но разумный человек молчит» (Притч. 11:12).

«Не негодуй на злодеев и не завидуй нечестивым: потому что злой не имеет будущности, светильник нечестивых угаснет» (Притч. 24:19).

«В уши глупого не говори, потому что он презрит разумные слова твои» (Притч. 23:9).

«Мудрый сердцем принимает заповеди, а глупый устами преткнётся» (Притч. 10:8).

МУДРЫЙ СЛУШАЕТ ДОБРОГО СОВЕТА

«Кто любит наставление, тот любит знание; а кто ненавидит обличение, тот невежда» (Притч. 12:1).

«Путь глупого прямой в его глазах; но кто слушает совета, тот мудр» (Притч. 12:15).

«Кто хранит наставление, тот на пути к жизни, а отвергающий обличение блуждает» (Притч. 10:17).

«Мудрый сын слушает наставления отца, а буйный не слушает обличения» (Притч. 13:1)

«Злое наказание уклоняющемуся от пути, и ненавидящий обличение погибнет» (Притч. 15:10).

«Не любит распутный обличающих его и к мудрым не пойдёт» (Притч. 15:12).

«Глупый пренебрегает наставлением отца своего, а кто внимает обличениям, то благоразумен» (Притч. 15:5).

«Отвергающий наставление не радиет о своей душе, а кто внимает обличению, тот приобретает разум» (Притч. 15:32).

«Ухо, внимательное к учению жизни, пребывает между мудрыми» (Притч. 15:31).

«На разумного сильнее действует выговор, нежели на глупого сто ударов» (Притч. 17:10).

«Слушайся совета и принимай обличение, чтобы сделаться тебе впоследствии мудрым» (Притч. 19:20).

«Если ты накажешь кощунника, то и простой сделается благоразумным; и если обличишь разумного, то он поймёт наставление» (Притч. 19:25).

«Предприятия получают твёрдость через совещание» (Притч. 20:18).

«Приложи сердце твоё к учению и уши твои - к умным словам» (Притч. 23:12).

«Железо острит, и человек изощряет взгляд друга своего» (Притч. 27:17).

ЗЛОДЕЙ ВНИМАЕТ УСТАМ БЕЗЗАКОННЫМ

«Злодей внимает устам беззаконным, лжец слушается языка пагубного» (Притч. 17:4).

«Перестань, сын мой, слушать внушения об уклонении от изречений разума» (Притч. 19:27).

«Лукавый свидетель издевается над судом, и уста беззаконных глотают неправду» (Притч. 19:28).

«Отступники от закона хвалят нечестивых, а соблюдающие закон негодуют на них» (Притч. 28:4).

«Если правитель слушает ложные речи, то все служащие у него нечестивы» (Притч. 29:12).

СО ЗЛЫМИ НЕ СООБЩАЙСЯ

«<...> С мятежниками не сообщайся, потому что внезапно придёт погибель от них; и беду от них <...> кто предугадает» (Притч. 24:21-22).

«Устами своими притворяется враг, а в сердце своём замышляет кощурство. Если он говорит и нежным голосом, не верь ему, потому что семь мерзостей в сердце его. Если ненависть прикрывается наедине, то откроется злоба его в народном собрании» (Притч. 26:24-26).

СЛОВО МУДРОГО РАСПРОСТРАНЯЕТ ИСТИННОЕ ЗНАНИЕ

«Язык мудрых сообщает добрые знания, а уста глупых изрыгают глупость» (Притч. 15:2).

«Уста мудрых распространяют знание, а сердце глупых не так» (Притч. 15:7).

«Кто говорит то, что знает, тот говорит правду; а у свидетеля ложного - обман» (Притч. 12:17).

«Сердце разумного ищет знания, уста же глупых пытаются глупостью» (Притч. 15: 14).

«Сердце мудрого делает язык его мудрым и умножает знание в устах его» (Притч. 16:23).

«Сердце разумного приобретает знание, и ухо мудрых ищет знания» (Притч. 18:16).

«Не писал ли я тебе трижды в советах и наставлении, чтобы научить тебя точным словам истины, дабы ты мог передавать слова истины посылающим тебя?» (Притч. 22:20).

«Человеку принадлежит предположение сердца, но от Господа ответ языка» (Притч. 16:1).

ЯЗЫК ГЛУПОГО

«Глупый не любит знания, а только бы выказать свой ум» (Притч. 18:2).

«Уста глупого идут в ссору, и слова его вызывают побои» (Притч. 18:6).

«Язык глупого - гибель для него, и уста его - сеть для души его» (Притч. 18:7).

«Не отвечай глупому по глупости его, чтобы и тебе не сделалась подобным ему; но отвечай глупому по глупости его, чтобы он не стал мудрецом в глазах своих» (Притч. 26:4).

«Неровно поднимаются ноги у хромого и притча в устах глупцов» (Притч. 26:7).

«Что колючий терн в руке пьяного, то притча в устах глупцов» (Притч. 26:9).

ПРАВЕДНЫЙ ОБДУМЫВАЕТ СВОИ СЛОВА

«Сердце праведного обдумывает ответ, а уста нечестивых изрыгают зло» (Притч. 15:28).

«Кто даёт ответ не выслушав, тот глуп, и стыд ему» (Притч. 18:14).

«Благоразумие делает человека медленным на гнев, а слава для него - быть снисходительным к проступкам» (Притч. 19:9).

«Сеть для человека - поспешно давать обет и после обета обдумывать» (Притч. 20:25).

«Не вступай поспешно в тяжбу: иначе что будешь делать при окончании, когда соперник твой осрамит тебя?» (Притч. 25:8).

«Видал ли ты человека опрометчивого в словах своих? На глупого больше надежды, нежели на него» (Притч. 29:20).

КРОТКИЙ ЯЗЫК - ДРЕВО ЖИЗНИ

«Кроткий язык - древо жизни, но необузданный - сокрушение духа» (Притч. 15:4).

«Кротостью склоняется к милости вельможа, и мягкий язык переламывает кость» (Притч. 25:15).

«Добротельная жена <...> уста свои открывает с мудростью, и краткое наставление на языке ее» (Притч. 31:26).

ОБЛИЧАЙ МУДРО

«Золотая серьга и украшение из чистого золота - мудрый обличитель для внимательного уха» (Притч. 25:12).

«Человек, который, будучи обличаем, ожесточает выю свою, внезапно

сокрушится, и не будет ему исцеления» (Притч. 29:1).

ТАЙНЫЙ ЯЗЫК

«Северный ветер производит дождь, а тайный язык - недовольные лица» (Притч. 25:23).

КТО ЛЮБИТ ССОРЫ, ТОТ ЛЮБИТ ГРЕХ

«Начало ссоры - как прорыв воды; оставь ссору прежде, нежели разгорелась она» (Притч. 17:14).

«Кто любит ссоры, тот любит грех» (Притч. 17:19).

«Озлобившийся брат неприступнее крепкого города, и ссоры подобны запорам замка» (Притч. 18:20).

«Сварливая жена - сточная труба» (Притч. 19:13)

«Честь для человека - отстать от ссоры; а всякий глупец задорен» (Притч. 20:3).

«Лучше жить в углу на кровле, нежели со сварливою женою в пространном доме» (Притч. 21:9).

«Лучше жить в земле пустынной, нежели с женой сварливою и сердитою» (Притч. 21:19).

«Прогони кощунника, и удалится раздор, и прекратятся ссора и брань» (Притч. 21:10).

«Хватает пса за уши, кто, проходя мимо, вмешивается в чужую ссору» (Притч. 26:17).

«Где нет больше дров, огонь погасает; и где нет наушника, раздор утихает» (Притч. 26:20).

«Уголь - для жару и дрова - для огня, а человек сварливый - для разжжения ссоры» (Притч. 26:21).

«Что нечистым серебром обложеный глиняный сосуд, то пламенные уста и сердце злобное» (Притч. 26:23).

«Тяжёл камень, весок и песок; но гнев глупца тяжелее их обоих» (Притч. 27:3).

«Непрестанная капель в дождливый день и сварливая жена - равны» (Притч. 27:15).

«Надменный разжигает ссору, а надеющийся на Господа будет благо-денствовать» (Притч. 28:25).

«Глупый весь гнев свой изливает, а мудрый сдерживает его» (Притч. 29:11).

«Человек гневливый заводит ссору, и вспыльчивый много грешит» (Притч. 29:22).

«Если ты в заносчивости своей сделал глупость и помыслил злое, то положи руку на уста, потому что, как сбивание молока производит масло, толчок в нос производит кровь, так и возбуждение гнева производит ссору» (Притч. 30:32-33).

ХОРОШО СЛОВО ВОВРЕМЯ

«Радость человеку в ответе уст его, и как хорошо слово вовремя!» (Притч. 15:23).

«Золотые яблоки в серебряных прозрачных сосудах - слово, сказанное прилично» (Притч. 25:11).

НЕ ХВАЛИСЬ И НЕ СЛУШАЙ ЛЕСТЬ

«Не хвались завтрашним днём, потому что не знаешь, что родит тот день» (Притч. 27:1).

«Пусть хвалит тебя другой, а не уста твои, - чужой, а не язык твой» (Притч. 27:2).

«Кто громко хвалит друга своего с раннего утра, того сочтут за злословящего» (Притч. 27:14).

«Что плавильня для серебра, горнило для золота, то для человека уста, которые хвалят его» (Притч. 27:21).

«Обличающий человека найдёт после большую приязнь, нежели тот, кто льстит языком» (Притч. 28:23).

«Человек, льстящий другу своему, расстилает сеть ногам его» (Притч. 29:5).

МНОГОСЛОВИЕ ВЕДЁТ К ГРЕХУ

«При многословии не миновать греха, а сдерживающий уста свои - разумен» (Притч. 10:19).

«Разумный воздержан в словах своих» (Притч. 17:27).

«Мерзость пред Господом дерзко поднимающий глаза, и неразумны невоздержанные языком» (Притч. 27:20).

БЛАГОРАЗУМНОЕ МОЛЧАНИЕ

«И глупец, когда молчит, может

показаться мудрым, и затворяющий уста свои - благоразумным» (Притч. 17:28).

«Кто хранит уста свои и язык свой, тот хранит от бед душу свою» (Притч. 21:23).

ХВАЛЯТ ЧЕЛОВЕКА ПО МЕРЕ РАЗУМА ЕГО

«Хвалят человека по мере разума его, а развращённый сердцем будет в презрении» (Притч. 12:8).

«От плода уст своих человек насыщается добром, и воздаяние человеку - по делам рук его» (Притч. 12:14).

НЕ БУДЬ ПЕРЕНОСЧИКОМ, ХРАНИ ТАЙНУ

«Кто ходит переносчиком, тот открывает тайну, но верный человек таит дело» (Притч. 11:13).

«Слова наушника - как лакомства, и они входят во внутренность чрева» (Притч. 18:9).

«Кто ходит переносчиком, тот открывает тайну, и кто широко раскрывает рот, с тем не сообщайся» (Притч. 20:19).

«Веди тяжбу с соперником твоим, но тайны другого не открывай, дабы не укорил тебя услышавший это, и тогда бесчестье твоё не отойдёт от тебя» (Притч. 25:9).

НЕ ЗЛОСЛОВЬ ОБ ОТЦЕ И МАТЕРИ

«Кто злословит отца своего и свою мать, того светильник погаснет среди глубокой тьмы» (Притч. 20:20).

НЕ РУЧАЙСЯ ЗА ДРУГОГО

«Зло причиняет себе, кто ручается за постороннего, а кто ненавидит рукачество, тот безопасен» (Притч. 11:15).

«Человек малоумный даёт руку и ручается за ближнего своего» (Притч. 17:18).

«Возьми у него платье его, потому что он поручился за чужого; и за стороннего возьми от него залог».

ЭТИКЕТ ПО-ВОЛОГОДСКИ, ИЛИ МЯСО - САХАР!

Традиционный крестьянский речевой этикет заслуживает, бесспорно, всестороннего внимания. Словарь вологодских говоров и проведённые нами экспедиционные наблюдения позволяют представить читателям журнала «ЛАД» материал по этикетным выражениям, произносимым в такой, казалось бы, неэтикетной ситуации, как ситуация забоя скотины на мясо. Дело это, конечно, не для слабонервных наблюдателей! В. И. Белов справедливо пишет: «Мало красивого в этом зрелище». Тем удивительнее, что в народной традиции эта ситуация породила множество оборотов речи, сглаживающих тягостное впечатление от остроты момента.

Так, скотину, по данным Словаря вологодских говоров, не *резали*, не *забивали*, а *рушали*, *нарушали*, *сбавляли*, *убавляли*, *убирали*... В этом перечне глаголов обращают на себя внимание эвфемизмы, то есть наименования, смягчающие остроту восприятия. То, что кажется не вполне этичным или грубым, назвать прямо, конкретно, своим законным именем, в народе называется смягчённым, деликатным способом: *сбавляли*, *убавляли*, *убирали*...

А круг зафиксированных в народной речи благопожеланий человеку в этом трудном деле (как при каждом виде работ, они используются и здесь) просто поражает своей широтой и яркой образностью: *Мясо - сахар!* *Сахар - мясо!* *Мясо сахарное!* *Сахар да мясо!* *Мясо - сало!* *Репа - сало!* *Ведро сала!* *Спорина в мясо!* *Со свежиной!* *Со коровушкой!* *Со скоромьем!* *Без греха на ноже!* *Лыткой по загривку!* Не исключено, что это отнюдь ещё не полный перечень.

Центром группы таких благопожеланий являются формулы: *Мясо - сахар!* *Сахар - мясо!* *Мясо сахарное!* *Сахар да мясо вам!* Все четыре выражения базируются на сравнении мяса с сахаром. Мясо должно быть приятным, вкусным, «сладким, как сахар». Напрашивается сопоставление этих формул с литературным наименованием *сахарная косточка* - «кость с губчатым строением ткани». Такая кость по внешнему виду похожа на сахар.

Известно, что при варке бульона из сахарной косточки он получается особенно вкусным, ароматным. Таким образом, и в диалектах, и в литературном языке сравнение мяса с сахаром - дело обычное, продиктованное особенностями народного видения жизни. Однако если в литературном языке при назывании косточки учитывается её сходство с сахаром по внешнему виду, то в диалектах в основе формул благопожелания лежат вкусовые ощущения.

Мясо - репа! *Репа - сало!* Нигде, кроме вологодских говоров, эти выражения пока не зафиксированы. Но аналогичное выражение - *Репа - мясо!* - было записано, по данным Словаря русских народных говоров, в 1873 году в сибирских говорах: *Мяснику говорят - Репа - мясо!* А он - *Режь да ешь!*; А ты бы сказал: *Репа - мясо!* Дай тебе, Господи, этим заговеться, этим в Христов день и разговеться. Упоминание репы здесь не случайно: свежая, крепкая репа является плотной, приятной, сладковатой на вкус. Мясо, по замыслу говорящего, должно быть таким же. Следовательно, фраза *Репа - мясо!* - это пожелание, чтобы мясо было плотным и вкусным, сладковатым, как репа.

Ведро сала! Главная идея этой формулы - пожелание большого количества получаемого мяса. В традиционной народной культуре пожелание большого количества какого-либо продукта наиболее частотно, срав-

ним: *Пуд шерсти!* - пожелание большого количества овечьей шерсти при стрижке овцы; *Море молока!* - пожелание хозяйке большого количества молока от коровы и т.д. Однако в ситуации, когда хозяин режет скотину, пожелание большого количества сала, а не мяса может, с точки зрения нашего современного ощущения, рассматриваться как пожелание от обратного: если пожелают много сала, то, наоборот, будет много того, чего требуется, то есть мяса. Сравним с литературным пожеланием удачи - *Ни пуха ни пера!* или с пожеланием *Скатертью дорожка!*, первоначальный смысл которого противоположен современному: «пусть дорога будет ровной, гладкой, как скатерть».

Мясо - сало! Судя по этому необычайно интересному выражению, крестьянский люд ценил не постное, а калорийное, питательное мясо, с необходимым количеством жира, «с жиринкой». Именно такое мясо даёт энергию труженику, занятому на тяжёлых сельскохозяйственных работах. Впрочем, здесь также не исключается и использование «обратной» идеи пожелания: пожелают сала - будет мясо.

Спорина в мясо! Старинное слово спорина означает успех, удачу, прибавку в чем-либо. Словарь русских народных говоров фиксирует его в таких этикетных выражениях: *Спорина в квашню!* *Спорина в тесто (в стряпню)!* *Спорина в дело!* *Спорина в корыто!* *Спорина в кросна!* *Спорина в руки!* *Спорина в торг!* *Спорина во всём!* Как видим, таких этикетных выражений со словом спорина в русских говорах много, но вологодское благопожелание в этом самом полном диалектном словаре не фиксируется.

Со свежиной! В Тотемском районе зафиксирована реплика *Со свежиной, Анна! Ужо придем пробовать! Свежиной* или *свежиной* в вологодских диалектах, по данным Словаря вологодских говоров, называют свежее мясо или рыбу, а также кушанья из них. Этим приветствием, следовательно, хозяев поздравляют со свежим мясом и с возможностью есть приготовлен-

ную из него сытную, доброкачественную пищу. Напрашивается сравнение с пищей из хранившегося длительное время солёного мяса: вспомним, что холодильников не было, а хранение на льду в погребе или каким-то иным способом не обеспечивало должного качества мяса.

Со коровушкой! Семантика этого приветствия вызывает особый интерес. Казалось бы, хозяев не следует поздравлять с тем, что они лишились коровы. Нередко к решению зарезать корову приводят какие-то неблагоприятные причины (низкие удои, бесплодие животного, его болезнь). В этом приветствии опять возможна идея противоположного свойства: расставшись с этой коровушкой, хозяин должен, может, как того ему желают, обзавестись новой коровой. Обращает на себя внимание форма предлога: вместо ожидаемого с (ср.: *с козочкой*) наблюдаем вариант с неизвестным здесь гласным звуком - со: *Со коровушкой!* По-видимому, эта застывшая, архаическая формула сохраняет, невзирая на общую закономерность произношения подобных предлогов, народноречевую звуковую особенность: произношение становится вокализованным, плавным, приятным на слух. Да попутно заметим, что в условиях вологодского, полного типа оканья будет три одинаковых гласных звука [o]!

Со скоромьем! В этом выражении прозвучат также три (а в условиях ёкающего говора - даже четыре!) гласных звука [o]. Скоромной называют запрещённую церковными правилами к употреблению в постные дни мясную и молочную пищу. Лексема скоромье не фиксируется словарями - это местное, диалектное слово. Семантика выражения такова: по окончании длительных постов, во время которых продукты животного происхождения не рекомендовались к употреблению, возможность есть мясную пищу казалась праздником и порождала, как видим, поздравления.

Без греха на ноже! В ситуации забоя скотины проявилось благопожелание, характер которого определён

христианскими представлениями: если убийство живого существа - грех, то очень важно пожелать, чтобы на орудии убийства греха не значилось. У некоторых народов, как известно, в такой ситуации читаются даже специальные молитвы. При анализе этикетных пожеланий, записанных в других ситуациях, нам уже доводилось отмечать своеобразное сочетание языческих и христианских благопожеланий. Так, при сбивании масла тоже говорили: *Гусни, хряси, дай Бог масла!* Здесь первая часть благопожелания порождена ритмическими действиями, вторая - христианскими верованиями. Повторим здесь и ранее цитированное: *Репа - мясо! Дай тебе, Господи, этим заговеться, этим в Христов день и разговеться.*

Лыткой по загривку! - это, по-видимому, шуточное пожелание человеку, который режет скотину. Слово *лытка* в говорах имеет множество разных значений, однако все они так или иначе связаны с понятием «нога». Среди них есть и значение «пятка». Можно полагать, что приветствующий желает хозяину, чтобы действие осуществлялось энергично, но просто, легко, как движение ногой. Шуточный характер формулы, как кажется, достигается двусмысленностью выражения: возможно, следует подумать о том, кто кому нанесёт удар. Хотя, не исключаем, что у этого выражения какая-то иная основа. Но какая?

Итак, в народном сознании ситуация забоя животного на мясо оформляется благопожеланиями. Что желают хозяину в рассматриваемой ситуации? Желают хорошего, словно бы сладкого на вкус мяса (*Сахар - мясо! Мясо - сахар! Мясо сахарное! Сахар да мясо (вам)!*; удачного протекания самого процесса (*Без греха на ноже!*); эмоциональной разрядки с помощью шутки (*Лыткой по загривку!*). Хозяев поздравляют со свежим мясом (*Со свежиной!*), с возможностью употреблять скоромную, а не постную пищу (*Со скоромьем!*), радуются возникающей необходимости обзавестись новой, лучшей по своим природным данным коровой (*Со коровушкой!*).

Исследуемые формулы благопожеланий в вологодских народных говорах могут варьироваться за счёт изменения порядка слов (*Сахар - мясо! Мясо - сахар!*) и за счёт указания адресата (*тебе, вам*). Иногда они осложняются обращениями (*Со скоромьем, хозеин! Со скоромьем, хозеюшка!*). Особенность набора анализируемых этикетных выражений состоит в том, что все они представляют собой фразеологические единицы. Однословных благопожеланий в этой ситуации не отмечено. Некоторые формулы являются не просто благопожеланиями, а фразами-поздравлениями (*Со коровушкой! Со свежиной! Со скоромьем!*).

Как правило, подобные благопожелания функционируют в составе диалоговых единиц: за этикетной формулой приветствия, благопожелания следует ответная реплика, звучат слова благодарности: *А скотину режут, да!* «Сахар - мясо!» говорят. А он отвечает: *Цапай горстью!* (Сямж.). *Мясо - сахар!* - «Цапай горстью!» Это уж когда скотину какую убирают (Кичм.). В процессе полевых исследований нами зафиксированы различные ответы: *Мясо - сало! Спасибо! Цапай (салай) горстью! Цапай горстью! Проходи, отведай! Режь да ешь!* Как видим, общая идея большей части реплик-ответов заключается в том, что хозяин может угостить соседа, согласен поделиться с очевидцем события. Впрочем, не в расчёте ли на угощение и произносятся все реплики-приветствия?

Особенная ценность рассмотренных благопожеланий заключается в том, что они отсутствуют в нормативных и диалектных словарях русского языка. То есть находка - это пусть маленькая, но открытие. Исключение составляет лишь формула *Репа - мясо!*. Она приводится в Словаре русского речевого этикета А. Г. Балакая с пометами *сибирское, свердловское*.

Эти трудовые пожелания уже, безусловно, составляют область устаревших этикетных выражений. Их трудно фиксировать. Сейчас они упоминаются только тогда, когда диалектологи просят рассказать, как

общались люди в поколении старших родственников. Чтобы услышать подобные реплики, нужно побывать в настоящей вологодской глубинке.

Однако ёщё совсем, по меркам истории, недавно, в 1989 году, в деревне Скочково Никольского района была сделана запись, свидетельствующая о том, что этикетному поведению в такой ситуации старшие люди специально учат детей: Пойдёшь, дак скажи: «Сахар - мясо!» У них быка ре-

жут, пусть тебя похвалят, что хорошая девочка.

А вот попытка получить какие-либо сведения в среде местных торговцев мясом на вологодском рынке (да-да, и местные есть среди них!) не дала абсолютно никакого результата. Не слышали, не говорили, не знают. Что ж, по-видимому, этот пласт культуры безвозвратно уходит в прошлое...

**Людмила Юрьевна ЗОРИНА,
кандидат филологических наук**

ПАМЯТИ УЧИТЕЛЕЙ

26 июня 2007 года ушла из жизни Татьяна Георгиевна Паникаровская. 4 марта 2008 года скончался Вячеслав Александрович Шитов. Люди они на Вологодчине известные: каждый филолог знает имена этих супругов. Кандидаты филологических наук, доценты кафедры русского языка Вологодского государственного педагогического университета, они проработали в ВГПУ каждый более чем по сорок лет. Т.Г. Паникаровская являлась инициатором и редактором Словаря вологодских говоров. В.А. Шитов - видный учёный-синтаксист, работы которого цитируют и поныне, участник Великой Отечественной войны. В течение целых восемнадцати лет он заведовал кафедрой русского языка, формируя её кадровый состав.

Сотни учеников Т. Г. Паникаровской и В. А. Шитова, ставших работниками образования и культуры, видными общественными деятелями, с благодарностью вспоминают своих наставников. Мы публикуем отклик на печальные события, присланный Ниной Григорьевной Зайцевой, выпускницей Вологодского педагогического института 1969 года. В настоящее время она - доктор филологических наук, заслуженный деятель науки Республики Карелия, заведующая сектором языкоznания Института языка, литературы и истории Каельского научного центра Российской академии наук, награждена орденом Дружбы. Этих высоких регалий Н. Г.

Зайцева удостоена не случайно: именно ею осуществлён перевод Библии на вепсский язык, созданы учебники этого языка для школы, проведено много другой работы во благо народа, часть которой проживает и на территории Вологодской области.

ПРИМИТЕ МОЮ ПРИЗНАТЕЛЬНОСТЬ...

Слова признательности обычно обращают к живым. Но, к сожалению, жизнь устроена так, что часто то, что следовало сказать живым, мы сказать не успеваем, не успеваем... А жаль... Слова признательности способны поддержать человека в любой ситуации, ведь не случайно всё настойчивее говорят, что мысль материальна.

Думаю, что о моём обожании мои учителя Татьяна Георгиевна Паникаровская и Вячеслав Александрович Шитов знали всегда: оно читалось в моём взгляде во время моей учёбы в институте, оно отражалось и в нашей довольно длительной переписке уже после окончания мною вуза.

Я воспитывалась в достаточно спартанских условиях: рано потеряла мать (в два года) и отца (в 15 лет), у моей приёмной матери, кроме меня, было ещё пятеро детей, в семье было не до сантиментов. И поэтому слова дорогой Татьяны Георгиевны, да и Вячеслава Александровича тоже (они оба часто ко мне обращались так:

«Милая, милая Нина»), казались мне необыкновенно ласковыми. Думаю, что подобные слова я не так уж часто слышала и в моей дальнейшей жизни, а уж тогда.... В груди всегда становилось тесно!

У меня ясно стоит в глазах доброе, интеллигентное лицо дорогой Татьяны Георгиевны и аристократическая внешность Вячеслава Александровича. Эта супружеская пара стала не только моими лучшими учителями и наставниками, но чем-то значительно большим.

Мне в жизни с учителями повезло. В годы учёбы в нашем институте был, на мой взгляд, великолепный педагогический состав. Я это поняла и оценила несколько позже - когда стала учиться в аспирантуре и почувствовала, какое блестящее образование всего за четыре года было нам дано. До сих пор жалею, что мы учились не пять, как теперь, а только четыре года! Впоследствии на моём жизненном пути встретились и другие великолепные наставники, в частности мой научный руководитель Г. М. Керт. Но это уже было позже...

А тогда милые Татьяна Георгиевна и Вячеслав Александрович во мне, девочке из самой далёкой и «глубокой» глубинки Вологодской области, смешной и нелепо одетой, наверное, не такой уж и образованной в те времена по сравнению с другими юношами и девушками, особенно теми, кто получил образование в городе, сумели разгадать мою вепсскую душу, сумели открыть во мне то, что впоследствии так пригодилось в жизни.

Я иногда думаю, что в мою жизнь часто вмешивался случай. На историко-филологическом факультете я оказалась случайно - потому, что мне не хватило балла, чтобы пройти по конкурсу на факультет иностранных языков. Более того, однажды (это было в 1967 году) Татьяна Георгиевна и Вячеслав Александрович ехали в поезде куда-то в южном направлении, и Вячеслав Александрович во время одной из остановок вышел из поезда и купил газету «Неделя» со статьёй об исследованиях вепсского языка, которые ве-

лись в Петрозаводске. Мои умные учителя мгновенно поняли, что это судьба Нины Зайцевой дала им в руки такую газету! Я хорошо владела родным вепсским языком, но мне и в голову не приходило, что я могу ещё и исследовать его, ведь я училась-то тогда на факультете русского языка и литературы и успела уже необыкновенно полюбить свою будущую специальность.

Какими же дальновидными и проницательными были мои учителя, если во мне уже на третьем курсе сумели разглядеть что-то! Они написали в Петрозаводск письмо, в котором попросили петрозаводских коллег принять меня и побеседовать со мной о возможности учиться в аспирантуре. Поездку студентке третьего курса организовать было нелегко: у меня совершенно не было на неё собственных средств. И даже элементарно - не было никаких сапог. Ещё в Вологде, на месте, это можно было как-то пережить, но чтобы ехать куда-то... Да велиk ещё был и мой страх перед неизвестностью. Но всё ими было решено за меня, и я как сейчас помню ласковый напутственный голос Татьяны Георгиевны, когда они с Вячеславом Александровичем провожали меня в Петрозаводск: «Милая Нина, это же твой родной язык и родной народ. Поеzzай и узнай всё. Ты умная девочка, не бойся!»

Татьяна Георгиевна настойчиво учила меня тонкостям научного стиля. Это были золотые уроки! Две свои первые небольшие статьи я написала под её руководством уже в студенческие годы. Татьяна Георгиевна и Вячеслав Александрович беспокоились о том, чтобы мне легче было впоследствии в аспирантуре - ведь будут уже первые публикации. В Петрозаводске мне было вначале действительно очень трудно: новое направление науки, большая часть научной литературы на незнакомом мне финском языке, кругом чужие люди, нет жилья. Эти первые публикации действительно сослужили мне бесценную службу. А позже и ещё одна статья о степенях сравнения в вепсском языке уже непосредственно по теме диссертации была размещена моими

Вячеслав Александрович ШИТОВ и Татьяна Георгиевна ПАНИКАРОВСКАЯ

любимыми учителями в сборнике статей «Вопросы теории английского и русского языков» (Вологда, 1973). Уж как можно было включить в него статью начинающего исследователя, да ещё по вепсскому языку, трудно себе представить! Но я горжусь, что моя фамилия стоит в одном сборнике статей рядом с фамилиями многих моих учителей: Т.Г. Паникаровской, В.А. Шитова, А.А. Данилова, П.В. Булина...

А какая радость для меня была, когда 17 апреля 1975 года Татьяна Георгиевна приехала на защиту моей кандидатской диссертации в Ленинградский университет! Волновалась я очень: передо мной сидели такие авторитеты, как Л. Р. Зиндер, М. И. Матусевич, а я одна - на другом берегу. Но светились поддержкой добрые глаза Татьяны Георгиевны, ободряющие смотрели мои друзья из Петрозаводска: он стал уже почти родным городом. И, как оказалось, все были на моём берегу и все поддерживали меня... Но я-то в самом начале была уверена в поддержке только нескольких человек, поэтому эту поддержку ценила в тысячу крат.

Впоследствии была ещё одна встреча с Татьяной Георгиевной и Вячеславом Александровичем, уже в Петрозаводске. Они совершили круиз по Волго-Балту и оказались в столице Карелии. Эта встреча была большой радостью для меня и их последним личным напутствием в моей жизни.

Так получилось, что вся моя жизнь и научная карьера связаны с исследованием прибалтийско-финских и родного для меня вепсского языков. В конце 80-х годов теперь уже прошлого века Общество вепсской культуры получило возможность заниматься возрождением вепсского языка и вепсской культуры. Процесс воссоздания основ вепсской письменности, подготовку учебников для школ и вузов, организацию газеты и радио на вепсском языке, создание художественной литературы на этом языке пришлось возглавить и мне.

В 2003 году фонд «Юминкеко» (Финляндия) издал книгу «Родина, Вепсская земля». Создатель книги, финский писатель Маркку Ниэминен, решил написать в ней такие слова: «Матери вепсского литературного языка посвящается эта книга». Она посвящена мне. Но заняла я эту позицию и появилась в нужное время и в нужном месте и оказалась так востребованной родным народом именно с благословления моих любимых учителей Татьяны Георгиевны Паникаровской и Вячеслава Александровича Шитова. Именно они определили мое будущее.

Примите мои искренние слова признательности, мои Дорогие Учителя! Вы живёте и будете вечно жить в моём сердце, как и в сердцах других Ваших учеников. Думаю, что Вы слышите меня и принимаете мои слова признательности и любви там, на Небесах.

Нина Григорьевна ЗАЙЦЕВА

ВИКТОР ТАРАСЕВИЧ

КРЫЛАТАЯ ПЕСНЯ

«О Родине можно петь громко, можно вполголоса, можно шёпотом. Но не петь о ней никак невозможно!» - эту мысль из книжки Виктора Тарасевича, наверное, можно считать его кредо. Виктор Михайлович Тарасевич много лет работал в вологодской районной газете «Маяк», сейчас на пенсии, живет в поселке Майском. Недавно у него вышла небольшая книжка «Крылатая песня», в которую он, кроме стихотворений, включил и свои размышления о жизни, о поэзии. Предлагаем читателям «Вологодского ЛАДА» несколько стихотворений из «Крылатой песни» - кстати, это уже третья книжка В. Тарасевича.

ПОДВИГ ЛОСИХИ (Лесная быль)

Эта невероятная, но правдивая история произошла лет 20 назад в одной из глухих деревушек Великоустюгского района. Местные жители об этом знали, но в газетах ничего не было написано. Да и я не знаю, почему решил написать про этот случай в лесу сейчас. Хотя мог бы сделать это намного раньше. Впрочем, достоянием гласности не становятся десятки и сотни интересных историй.

Он был беспомощен и мал
И ничего не понимал:
Кто он, откуда в этом мире?
...И лишь глазенки стали шире!
Никто не мог ему сказать,
Куда ушла лосиха-мать.
...Да и потом, спустя два года,
Когда огромный стал и гордый,
Ему не вспомнить, не понять,
Куда тогда исчезла мать.
...В тот день под утренний рассвет
И появился он на свет.
Лосиха бедная устала,
Но малышонка облизала,
Хотела к вымени пустить,
Чтоб без задержек покормить.
Но вдруг каким-то пятым чувством -
Всем матерям оно присуще -
Беду почуяла лосиха,
Хотя кругом как будто тихо.
Не различим ни шум, ни шорох,
И не грозит ружейный порох.
Но нет, лосиха не ошиблась -
Гроза действительно явилась!
В кустах засела волчья стая.
Миг нападенья выжидала!
...Картины прошлого листаю
И представляю волчью стаю!

И этот бой, священный бой
За то, чтоб, жертвуя собой,
Спасти его, спасти дитя,
Подальше стаю увед...
Беда, грозящая лосихе,
Для стаи обернулась лихом.
Почуяв страшную опасность,
Взяла в союзники внезапность
И первой бросилась в атаку,
И лес увидел эту драку!
...Кольцо матерых заметалось
И под ударами распалось
...Она ушла, и далеко,
Хоть вся в крови, но ей легко -
Враги не вспомнят о лосенке,
Он в безопасности, в сторонке...
Она вернуться не смогла,
Когда над лесом пала мгла...
И солнце встало без нее,
Но не вернулось и зверье!
А вот лосеночек стоял,
Хотя совсем не понимал:
Кто он, откуда в этом мире,
И лишь глазенки стали шире.
...Мне рассказал охотник старый
Про этот бой в лесу кровавый.
Когда нашли они лосенка,
То осмотрелись: чуть в сторонке
Трава кругом была измята
И шерсть валялась, будто вата.
...Затих под близнецю ракитой
Волчище с черепом пробитым,
И был еще один убитый
Могучим матери копытом.
Тянулся дальше след кровавый,
Все глубже в лес неслась орава.
...Тот бой возник не ради славы,
И ясно, кто остался правым!
...Ну вот и все, а что ж лосенок?
Был принят дома, как ребенок,
Вспоен коровьим молоком,
Он так не вспомнил ни о ком.
Куда исчезла его мать,
Смогли лишь люди рассказать!

КРЕДО ВЕТЕРАНА

Я еще чего-нибудь да значу.
 Я еще чего-нибудь да стою,
 За крыло держу свою удачу,
 Никого вокруг не беспокою.
 Я богат и очень даже счастлив -
 Все вокруг мое на этом свете.
 И никто теперь уже не властен
 Омрачить души моей заветы.
 Этот мир немного понимаю,
 Пусть другие, может,

знают больше,

Для меня же истина простая
 Греет душу радостней и дальше.
 Мне теперь не надо много
зрелищ
 И совсем немного нужно хлеба,
 Только этим, знаю, не заменишь
 Летний дождь и радугу в полнеба.
 Каждый день был прожит мною
честно,
 Не юлил и не сгибал колени,
 Но сейчас об этом - неуместно,
 Не поймут, как надо, не оценят.

НИКОЛАЙ ТУРУПАНОВ

ВЗЯТКА

Николай Леонидович Турупанов родился в 1934 году в Ярославле. В 1959 году окончил Ярославский мединститут по специальности «лечащий врач». По распределению после окончания института Николай Леонидович приехал в Вологду и с 1959 по 1989 год работал главным врачом «Скорой помощи». За время его работы в этой должности окрепла и расширилась служба неотложной помощи Вологды, было построено новое здание, в районах города создано шесть филиалов.

Н.Л.Турупанов - заслуженный врач РСФСР, почётный гражданин города Вологды, кавалер ордена Октябрьской революции. Николай Леонидович всю жизнь вёл большую общественную работу. Был депутатом городского Совета, председателем областного отделения Советского фонда милосердия и здоровья. Он известен жителям города по многочисленным публикациям в областных газетах и выступлениям на радио. Николай Леонидович является автором 16 научных работ, а также публикаций в местных газетах и журналах. Автор нескольких книг стихов и прозы.

Хирург городской больницы города Перекорякинска Владимир Александрович Стригунов сидел в ординаторской хирургического отделения и оформлял историю болезней тех, кого сегодня прооперировал. За соседним столом сидел другой хирург, Шилкин Семен Григорьевич, тоже что-то писал, изредка поглядывая в окно, за которым моросил дождик. Вдруг в дверь ординаторской постучали, и в комнату вошел небольшого роста мужичок в больничной пижаме. Одной рукой он опирался на костьль, а в другой держал желтый целлофановый пакет. Стригунов повернулся и узнал в мужичке своего больного Вострякова, которого он оперировал неделю назад. Врач удивленно посмотрел на вошедшего и тихо спросил:

- Что случилось, Востряков?

Больной медленно подошел к столу врача и, смущенно глядя на хирурга, поставил на стол свой желтый па-

кет, потом раскрыл его и достал бутылку водки, полбуханки черного хлеба и крупную луковицу. Поглядывая на докторов, Востряков с трудом выдохнул:

- Владимир Александрович, не обессудьте! Я вот вам гостище принес за доброе дело. Я вас не отблагодарил за это чудо, - показал он на ногу. - Как бы я без ноги пастухом-то стал дальше работать? На одной ноге многое не напрыгаешь. Так что вам низкий поклон, - попытался согнуться Востряков.

- Да ты что, Федор Семенович, взятуку, что ли, мне предлагаешь? - возмутился хирург.

- Да какая взятука?! - чуть не плача сказал больной. - Надо бы денежками вас отблагодарить, но денежек нет. У меня зарплата, как и у вас, врачей, с овечий хвостик. Вот приеду домой, посоветуемся с женой, может, корову

продадим, тогда и денежки будут, - улыбнулся Востряков.

- Да ты что, дорогой, с ума сошел, мы оперируем бесплатно и взяток не берем! Поехай-ка ты домой подобру-поздорову, - строго сказал доктор.

Востряков после этих слов как-то обмяк и плюхнулся на стул, тревожно посматривая на врача. И тут вмешался в разговор другой доктор, Шилкин:

- Слушай, Владимир Александрович, ты уж не обижай товарища. Приими настоящий гостинец, а то он ведь потом может глупость сделать со своей коровой!

Стригунов как-то сжался и уткнулся в свои бумаги, лежавшие на столе. Востряков, немного осмелев, продолжал:

- Доктор, да это не взятка, а угощенье. У нас в деревне так принято. Мы всегда человеку, сделавшему добро, по старому обычаю приносим угощенье, и никто не обижается. Я ведь от души. Вы представляете, что дали мне вторую жизнь, я на двух ногах могу ходить. Конечно, и с одной можно на лошадке пасти стадо, но лошадей в деревне нет, одни коровы, и то немного. Корову, конечно, можно приучить под седока, но опасно. У нас в стаде очень сердитый бык, грозный такой и злой. И если увидит мужика на корове верхом, то может разнервничаться и осерчать, а тут до беды недолго. А если корову не обижать, то бык смиренный и спокойный, - Востря-

ков опять заскулил: - Примите гостинчик-то. Выпейте за мое здоровье, мне и легче будет, и я с вами стопочку приму.

И тут опять вмешался Шилкин:

- Бери, бери, Владимир Александрович. Уважь мужичка, ведь тебе никогда не совали таких гостинцев.

Владимир Александрович поглядел на сидевших в комнате и сказал:

- Вот что, Востряков, ладно, считай, что ты угостиł меня. Только выпьем мы с тобой не сегодня, а через три месяца, а пока будешь ходить в медпункт в деревне. Я выпиши тебе дам для местного доктора, на что ему обратить внимание. Но через три месяца ты прибудешь ко мне, я сам еще раз посмотрю и проверю, понял? - строго спросил он больного. - И твое угощенье тоже оприходуем! И не делай глупостей, тебе выпивать пока нельзя, а пить можно только молоко от своей коровы.

- Да я все понял! Спасибо вам, доктор! У меня как гора с плеч свалилась! Вы уж извините, если что не так! - снова стал извиняться Востряков и, прихватив свой пакет, попрощался и вышел из ординаторской.

- Да, - нарушил молчание Шилкин, когда ушел Востряков и, улыбаясь, добавил: - Вот, Владимир Александрович, истинно христианская душа. За добро отвечает добром. Хотя и небогатая, но кристально чистая, так стоит ли на мужика обижаться за его взятку...

ФОТО АЛЕКСЕЯ КИРИЛЛОВСКОГО

В первом номере «Вологодского ЛАДА» за 2006 год мы рассказывали о Вологодском землячестве в Москве. Выходцев из вологодских краев много не только в столице нашей Родины, земляческие объединения существуют и в других городах страны - например, в Санкт-Петербурге.

Более трех веков назад сотни выходцев из вологодских земель строили этот славный город. Тысячи вологжан пали, защищая Ленинград. А сколько ленинградцев, вывезенных из кольца блокады, приняла и спасла Вологодчина!

Новейшая история Вологодского землячества в городе на Неве началась в марте 1990 года, когда несколько депутатов Ленинградского областного совета - выходцев из Вологодской области призвали к объединению ленинградских вологжан. И вот уже 18 лет эта организация живет и развивается. В мае 2001 года Министерство юстиции Российской Федерации зарегистрировало региональную общественную организацию «Вологодское землячество в Санкт-Петербурге и Ленинградской области». За это время в землячестве создано девять комитетов по различным направлениям деятельности организации. Руководители комитетов составляют совет землячества, которым руководит его бессменный председатель Виталий Федорович Виноградов.

Предлагаем вниманию читателей журнала подборку материалов о жизни и деятельности петербургских вологжан, подготовленную РОО «Вологодское землячество в Санкт-Петербурге и Ленинградской области» и Представительством Вологодской области в Северо-Западном федеральном округе.

ВОЛОГЖАНЕ - ВЕТЕРАНЫ ВОЙНЫ И ТРУДА ВСЕГДА В СТРОЮ!

Санкт-Петербург - это город, неразрывно связанный своей историей и судьбами многих его жителей с Вологодской областью. Сотни выходцев из вологодских земель строили этот овеянный славой город. Защищая Ленинград, сотни тысяч вологжан

пали, многие перенесли блокаду. А сколько ленинградцев, вывезенных из кольца блокады по Дороге жизни, приняла и спасла Вологодчина!

Одним из самых важных направлений деятельности землячества является забота о ветеранах войны и

труда. Здесь необходимы особая чуткость сердца, теплота души, вдумчивость и тактичность, умение найти подход к каждому. Именно на такой основе строит свою работу Николай Сергеевич Кучев, возглавляющий комитет по работе с ветеранами. Ежегодно в канун Дня Победы для наших земляков устраивается теплый прием - с поздравлениями, подарками, концертом, банкетом. В этом году прием прошел в Представительстве Вологодской области в Северо-Западном федеральном округе. Список ветеранов-вологжан, проживающих в Петербурге и Ленинградской области, постоянно пополняется. Нынешней весной Николаю Сергеевичу удалось отыскать двух замечательных женщин, почти ровесниц, трудовая деятельность которых продолжаются до сих пор. С гордостью представляем читателям «Вологодского ЛАДА» наших землячек!

Вся жизнь **Раисы Александровны СЕМЕНОВЫ**, уроженки деревни Ново Чарозерского района Вологодской области, связана с Ленинградом-Петербургом. Во время войны она, студентка Военмеха, по причине болезни не эвакуировалась вместе с институтом. Оставшись в осажденном городе, работала на строительстве оборонительных укреплений, во фронтовом эвакуационном госпитале. Закончила курсы медсестер. В тяжелейшие блокадные годы была назначена секретарем комсомольской организации госпиталя. Имеет 11 правительенных наград, в том числе медали «За оборону Ленинграда», «За доблестный труд во время Великой Отечественной войны», «За доблестный труд».

С 25 апреля 1948 года (60 лет!) Раиса Александровна работает в Воен-

Raissa Aleksandrovna СЕМЕНОВА

но-космической академии им. А.Ф. Можайского, причем с 3 января 1950 года и по настоящее время - на кафедре космической радиолокации и навигации. Она - старейший сотрудник кафедры, факультета, заслуженный ветеран академии. Раису Александровну отличают высокие моральные качества, добросовестность и ответственность, умение работать с людьми, активная гражданская позиция.

Земля вологодская остается для Раисы Александровны всегда родной. С болью в душе она вспоминает о родной деревне, в которой сейчас не осталось ни одного дома.

В августе текущего года Раисе Александровне исполнится 85 лет.

Таисия Павловна БОНДАРЕВСКАЯ родилась 13 сентября 1924 года в деревне Косиково Сокольского района. Любопытно, что четыре года спустя состоялось переселение одиннадцати семей в Междуреченский район, где в 18 км от Шуйского на берегу Сухоны был основан поселок Знаменское, ставший для Таисии Павловны второй родиной.

В военном сорок втором, по окончании средней школы, молодая девушка была приглашена работать учителем начальных классов в родном поселке и проводить занятия по истории и математике для допризывников в Шуйском. Ей удалось совместить педагогическую деятельность с успешной учебой на заочном отделении Вологодского пединститута. После Победы Таисия Павловна продолжила обучение уже на очном отделении исторического факультета. Далее, в 1953 году, по окончании аспирантуры в Ленинградском университете, защитила кандидатскую диссертацию по истории России.

Вся последующая трудовая и научная деятельность Таисии Павловны

связана с Центральным государственным архивом историко-политических документов (ЦГАИПД) Санкт-Петербурга (бывший Институт истории партий). С 1977 года Таисия Павловна - доктор исторических наук, в настоящее время работает главным археографом ЦГАИПД, ведет активную исследовательскую работу. Она - автор нескольких монографий. Сын Таисии Павловны - также историк, спе-

циалист по истории России, преподаватель СПбГУ.

Не только Таисия Павловна, но и вся ее семья (три последующих поколения) сохраняют глубокую духовную связь с Вологодчиной, следят за ее успехами. Лето - почти всегда в Знаменском! «Если хотя бы два дня в году не побываю в родных местах да не побегаю по местным лесам - так душе нет отдыха», - говорит ее сын.

БЕРЕЧЬ И ПОМНИТЬ

В этом году Представительство Вологодской области в Северо-Западном федеральном округе (Санкт-Петербург, Малый Сампсониевский проспект, д. 4) организовало праздничную встречу ветеранов и молодежи. На торжественное мероприятие были

приглашены заслуженные вологжане - участники Великой Отечественной войны.

Поздравить тех, кто в годы военных испытаний на фронте и в тылу отстоял свободу нашей Родины, пришли члены Вологодского земляче-

ства, а также представители молодого поколения. В адрес ветеранов прозвучали слова благодарности и признания от солдат, проходящих срочную службу в рядах Российской Армии, курсантов, студентов.

Люди военного поколения и сегодня в строю: в меру своих сил они участвуют в общественной жизни, бережно сохраняют память о великой войне и Великой Победе. За каждым именем стоит знаменательная судьба, вплетенная в трагичную и героическую историю России.

Герой Советского Союза, подполковник в отставке **Аркадий Алексеевич КРИВОШАПКИН**, хотя и родился в Архангельской области, родиной своей считает вологодскую землю. В раннем детстве вместе с родителями переехал в город Красавино Вологодской области. Мать работала на ткацкой фабрике, отец - в колхозе. До самого окончания школы

8 мая на Пискаревском кладбище в Петербурге состоялось возложение траурных венков к мемориалу Родины-матери и памятной плите, установленной в честь вологжан, отдавших свои жизни за освобождение Ленинграда в Великой Отечественной войне. В составе вологодской делегации вместе с членами Представительства Вологодской области в СЗФО прошли и члены Вологодского землячества

Венки и корзины с живыми цветами торжественно несли вологжане, проходящие воинскую службу в рядах Российской Армии

Аркадий рос на Вологодчине. Затем семья переехала в Бийск, откуда в 1940 году Кривошапкин был призван в армию, а в 1941 году, окончив ускоренный курс Томского артиллерийского училища, ушел на фронт.

Аркадий Алексеевич Кривошапкин - один из тех, кем по праву гордится вологодская земля. Войсковой разведчик, участник тяжелейших боев под Москвой. С 1941 года - начальник разведки артдивизиона 857-го артиллерийского полка. Старший лейтенант Кривошапкин в составе 2-го Украинского фронта додел до берегов Дуная. Отличился в боях за освобождение Будапешта: в ночь на 5 декабря 1944 года с тремя разведчиками переправился на правый берег и разведал огневые точки противника, которые были уничтожены огнем наших батарей. Лично истребил гранатами несколько вражеских пулеметных расчетов. В боях по удержанию плацдарма умело корректировал огонь батарей, был тяжело ранен. 24 марта 1945 года Аркадию Алексеевичу Кривошапкину было присвоено высокое звание Героя Советского Союза.

После войны Аркадий Алексеевич

работал в Балтийском морском пароходстве, выйдя на пенсию, остался жить в Петербурге, в Вологде не был давно. Признается, что большой радостью стала бы для него поездка на родную вологодскую землю.

Боевой путь полковника в отставке, кавалера ордена Красной Звезды **Игоря Сергеевича ЛЮБИМОВА** пролегает от стен Москвы до Восточной Пруссии. Артиллерист, орденоносец, он и сегодня удивляет гвардейской выпрявкой, бодростью духа, оптимизмом. Игорь Сергеевич - автор многих книг, председатель общества ветеранов, возвавших под Москвой. Уроженец деревни Крени Вологодской области, он с удовольствием бывает в родных краях.

Полковник в отставке **Михаил Федорович ДУДИН** воевал на Ленинградском фронте, в 1944 году участвовал в освобождении Лодейного Поля, а после войны вплоть до 1975 года служил в танковых, ракетных, космических войсках.

В боевую биографию полковника в отставке **Вячеслава Васильевича ПАНФИЛОВА** золотом вписаны знаменитые сражения Великой Отечественной - освобождение Орла, Праги, битва за Берлин. С особой теплотой вспо-

Ветераны - члены землячества

минает заслуженный ветеран родную деревню Селище Кадуйского района.

Заслуженный металлург **Игорь Михайлович КОНОВАЛОВ** встретил войну в городе Чермоз Пермской области. Работал на металлургическом заводе, где ковалась броня для танков, самолетов, артиллерии. Вологодчина стала для Игоря Михайловича второй родиной. 21 год отдал он металлургическому комбинату Череповца, пройдя путь от сталеплавильщика до главного инженера.

Контр-адмирал в отставке **Лев Давыдович ЧЕРНАВИН**, уроженец города Устюжны, и майор в отставке **Павел Николаевич КОРОБОВ**, чьей родиной является деревня Чернико Никольского района, прийти на встречу не смогли, поскольку были приглашены на праздничные мероприятия в

школы и военные училища. Однако без внимания они не остались: председатель комитета по работе с ветеранами и общественными объединениями Вологодского землячества Н.С. Кучев лично вручил ветеранам поздравления и подарки.

В стенах родного представительства вологжане ощутили себя одной семьей, объединяющей представителей разных поколений. Дружественная обстановка располагает к общению, которого подчас так не хватает нашим ветеранам. В заключение заместитель Губернатора Вологодской области, руководитель Представительства В.В. Медведев выразил общее мнение: подобные встречи непременно должны стать добной традицией. Землякам славной Вологодчины есть что беречь и помнить.

ИЗ РОДА ВЕРЕЩАГИНЫХ

Николай Кузьмич Верещагин - человек удивительной судьбы. Потомок известного дворянского рода, ученый с мировым именем в этом году готовится отпраздновать столетний юбилей.

ИЗ ФАМИЛЬНОГО АЛЬБОМА...

Когда в середине XIX века в семье шекспинского помещика Васи-

лия Верещагина один за другим рождались семеро детей, никто не предполагал, что трое из них на всегда войдут в историю российской и мировой культуры и науки.

Верещагины - служилые дворяне, по семейной традиции мальчиков отдавали учиться в кадетский корпус. Родители и на этот раз готовили сыновей к военной карьере, однако судьба распорядилась иначе.

Самый старший, Николай Васильевич, известен как отец российского маслоделия, основатель первых русских сыроварен. По окончании Морского кадетского корпуса он оставил морскую службу и поступил для изучения естественных наук в Петербургский университет. Живя в имении отца и близко познакомившись с тогдашним состоянием поместичьего и крестьянского хозяйства, Николай Васильевич обратил особенное внимание на несовершенство технической переработки молока. Первые попытки познакомиться с сыроварением на существовавших в некоторых частных и удельных имениях сыроварнях были безуспешны. Главные мастера, руководившие этим делом, почти исключительно иностранцы, не допускали русских рабочих к изучению производства.

Николай Васильевич отправляется в Швейцарию. Именно благодаря его неуемной энергии и таланту в России появились первые артельные сыроварни, была создана школа молочного хозяйства, выпустившая около 600 мастеров и мастерниц, после чего стали возникать сыроварни и маслодельни по всей России.

Именно Николай Васильевич подарил Вологодчине один из по-

пулярнейших молочных брендов - «Вологодское масло». Правда, поначалу оно называлось «парижским», так как специально готовилось к всемирной парижской выставке 1913 г., где и завоевало Гран-при.

Василий Васильевич Верещагин, несмотря на явную склонность к искусству, поначалу также был определен в Александровский кадетский, а затем в Морской корпус в Петербурге. Однако это не помешало юноше одновременно посещать рисовальные классы, а по окончании корпуса поступить в Академию художеств.

Всемирно известный художник-баталист, участник туркестанской кампании, русско-турецкой, русско-японской войн, георгиевский кавалер, он трагически погиб в Порт-Артуре при взрыве броненосца «Петропавловск».

Третий из братьев, Сергей Васильевич Верещагин, также молодой талантливый художник, служивший ординарцем у знаменитого «белого генерала» Скобелева, трагически погиб во время балканской кампании при взятии третьей Плевны.

Николай Кузьмич ВЕРЕЩАГИН

Он отчасти послужил прототипом образа Сергея Берещагина в романе Бориса Акунина «Турецкий гамбит».

СТРАСТНЫЙ ОХОТНИК, НЕУТОМИМЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬ

Названный в честь деда Николая Васильевича, Николай Кузьмич Верещагин унаследовал от знаменитого предка пытливый ум и любовь к естественным наукам.

«Дикая природа влекла меня к себе с детства, - вспоминает Николай Кузьмич. - Родился я в 1908 году в деревне Пертовка, примерно в 35 километрах от Череповца. Сейчас на месте нашей усадьбы Рыбинское водохранилище, а когда-то там были богатейшие заливные луга, лес - настоящее раздолье охотнику. Стрелять меня научил отец, свою первую ворону я застрелил в 5 лет, а уже в семилетнем возрасте родители отпускали меня бродить с ружьем по имению на всю ночь. Мои родители были умными, хозяйственными помещиками, без самодурства, поэтому крестьяне хорошо к нам относились. Когда началась революция, никто не сжигал и не грабил усадьбу... Помню, как пришли в наш дом революционеры, члены так называемого комитета бедноты. Большей частью это были ленивые, а потому самые бедные селяне. Вместо тяжелого крестьянского труда им больше по душе оказался маузер и кожанка - атрибуты новой власти».

В родной деревне Николай Верещагин закончил сельскую школу, затем - педагогическое училище в Череповце. А в 1920-е годы уехал в Москву поступать в зоотехнический институт, чтобы в дальнейшем реализовать себя на научном поприще. Это были тяжелейшие, голодные годы. Как вспоминает сам Николай Кузьмич, выручала охота, фамильное ружье. Судьба бросала молодого ученого в Ленинград и на Кавказ, в Якутию и Среднюю Азию.

Как ему, дворянину, ученому, удалось избежать сталинских чисток и лагерей?

«Скорее всего, помогли две вещи: моя бесприютность и безобидность научной деятельности, - улыбается Николай Кузьмич, - ну, кому интересен нищий «ботаник», занимающийся изучением нутрий?!

Николай Кузьмич писал научные труды, ставил эксперименты, совершил увлекательнейшие путешествия. Он признается, что за свою долгую, полную приключений жизнь раз 10 бывал буквально на волоске от смерти. Так, однажды он провалился в глубокую ледяную расщелину, фактически каменный мешок. Долго выбирался, помогая себе охотничьим ножом...

В Великую Отечественную войну Верещагин был, что называется, «бойцом невидимого фронта». Ученого-биолога направили на Кавказ защищать Родину от биологических диверсий. Опасные инфекционные заболевания, такие как чума, холера, сыпной тиф, могли распространяться фашистами при помощи обычных грызунов - мышей, крыс, хомяков.

«Мне приходилось вскрывать за один раз по два-три десятка крыс, брать биопробы, - вспоминает Верещагин. - Я мог заразиться чем угодно - были случаи, когда ученыe гибли из-за несовершенной защиты». Тем не менее все закончилось благополучно - «диверсий» так и не нашли...

«ГЛАВНЫЙ ПО... МАМОНТАМ»

Несмотря на давнюю любовь Николая Кузьмича к нутрям, всемирную известность ему принесли не они. Интерес к вымершим животным, изучение реликтовых останков, серьезные научные исследования и труды завоевали ученому мировую славу. Профессор Николай Кузьмич Верещагин - первый заведующий лабораторией млекопитающих Зоологического института РАН, заслуженный деятель науки и техники РСФСР, почетный председатель Мамонтового комитета РАН, член Российской териологической общества.

Сегодня Николая Кузьмича заслуженно называют «главным специалистом по мамонтам».

Среди его открытий - знаменитое Берелехское захоронение. В 1970 году на берегу реки Берелех в Якутии ученый обнаружил целое кладбище ископаемых животных. Под его руководством были обследованы и описаны тонны костей более чем полутора сотен (!) мамонтов.

Именно благодаря работам Верещагина удалось восстановить достоверный облик этих древних обитателей тундры.

Совсем недавно героиней мировых таблоидов была «мамонтиха Люба», найденная в Ямало-Ненецком автономном округе. Николай Кузьмич шутит, что теперь у «мамонтенка Димы» есть подружка. С «Димой» у Верещагина связаны самые лучшие воспоминания. С детенышем мамонта, найденным в Магадане в 1977 году, Николай Кузьмич объездил полсвета. В течение десятка лет он возил уникальный экспонат по всему миру: США, Англия, Франция, Япония, Венгрия, Румыния, Югославия, Финляндия...

Несмотря на солидный возраст, ученый продолжает трудиться. Его активности можно позавидовать: несколько лет назад, например, он участвовал в создании на Таймыре Международного центра арктической культуры и цивилизации, выступал в Канаде на Третьей Международной конференции по мамонтам. К сожалению, Николай Кузьмич не смог присутствовать на VII Всероссийском съезде териологов, однако его доклад, зачитанный коллегой, вызвал бурную реакцию в зале. Его статьи всегда с интересом ждут и специализированные, и научно-популярные журналы.

ИСКУССТВО БЫТЬ СЧАСТЛИВЫМ

Сегодня Николай Кузьмич Верещагин живет один в крохотной квартире в Выборгском районе Петербурга. Со стен глядят портреты давно ушедших знаменитых предков, рядом несколько карандашных рисунков В.В. Верещагина, охотничьи трофеи самого Николая Кузьмича.

Семейные альбомы хранят множество фотографий, лиц давно ушедших друзей, учеников, любимых женщин, которые всегда окружали его - мужественного и обаятельного мужчину. В отличие от многих, более молодых современников, он не потерял вкус к жизни - по-прежнему любит хороший коньяк и шоколад, общество красивых женщин, не утратил он и страсть к путешествиям. В прошлом году, например, Николай Кузьмич впервые побывал в Африке, в Кении.

- Я посетил там три заповедника - со слонами, крокодилами, бегемотами, львами, - конечно, диких животных приходилось наблюдать из окна микроавтобуса, однако они были совсем рядом, так что при желании мог бы погладить кого-нибудь, - рассказывает Николай Кузьмич. - К сожалению, в целом Кения разочаровала меня: дикой природы там практически не осталось, в основном все преобразовано в туристский аттракцион, вроде бы и страшилки есть, и знаешь, что они понарошку, там не людей от животных охраняют, а наоборот, животных от людей... Конечно, ни на кого там я уже не охотился, наверное, старею, сентиментальным становлюсь, жалко убивать живое существо».

Несмотря на солидный возраст, Николай Кузьмич неохотно принимает физическую помощь от близких и посторонних людей. При этом одиноким ученый себя не чувствует: есть дочь, которая пошла по стопам отца и стала энтомологом, внучка, правнучка, не оставляют коллеги, ученики, журналисты. Он по-прежнему интересный собеседник, которому присущ тонкий юмор и оптимизм. На вопрос, как удалось ему, дожив до преклонных лет, сохранить ясность ума и сердца, отвечает, что еще в детстве цыганка шепнула ему волшебное слово, с которым он не расстается, но открыть его так и не пожелал.

А секрет, наверное, в том, чтобы любить жизнь, близких людей, свою работу, уметь радоваться жизни, ценить каждый миг, быть ей за все благодарным. Вот такое простое и сложное искусство быть счастливым.

ВОЛОГОДСКАЯ МОЛОДЕЖЬ В ПЕТЕРБУРГЕ

Созданный год назад по инициативе Александра Владимировича Добрикова, комитет по делам молодежи активно участвует во всех сферах деятельности землячества, а в некоторых начинаниях выступает новатором.

К числу особенно важных дел молодежи относится разработка и поддержка сайта землячества (www.volzem.spb.ru). Другая не менее важная задача - сбор материалов для книги «Вологжане в 300-летней истории Санкт-Петербурга».

Комитет оказывает информационно-консультационную поддержку абитуриентам из Вологодской области при поступлении в вузы Петербурга, а также содействует трудоустройству молодых специалистов на предприятиях Вологды и Череповца.

Основу комитета составляют студенты, аспиранты, молодые ученые, представители малого бизнеса.

Жизнь в комитете заметно активизировалась с появлением в Представительстве Вологодской области в Северо-Западном федеральном округе нового сотрудника - Екатерины Пучковой, уроженки Сокольского района. При ее содействии члены комитета включились в работу региональной программы федерального проекта «Экономика: теория, политика, инвестиции», целью которой является дополнительное образование для молодежи Санкт-Петербурга и Вологды, стажировка молодых специалистов в органах государственной власти и крупных компаниях, участие студентов в реализации инвестиционных проектов.

25 марта 2008 года комитет по делам молодежи принял участие в организации совещания представителей землячеств северо-западных регионов - «круглого стола» на тему «Спорт как

Александр Владимирович ДОБРИНОВ

средство объединения петербургских студентов из регионов Северо-Запада России», цель которого - организация совместной деятельности по воспитанию регионального патриотизма у студенческой молодежи землячеств и активизация студенческого самоуправления. На «круглом столе» Вологодское землячество представляли Сергей Даричев и Михаил Кузовников. Анализ мнений студентов из различных вузов и регионов показал, что они испытывают потребность в поддержании связи со своей малой родиной, в организации общения со своими земляками, в участии в различных спортивных мероприятиях, в социальной поддержке.

Комитет базируется в Северо-Западном ЦНИИ механизации и электрификации сельского хозяйства

(ЦНИИМЭСХ), в числе аспирантов и молодых сотрудников которого немало вологжан. Среди них - Алексей Иванович Сухопаров, занимающийся решением проблем уборки зерновых культур в условиях повышенного увлажнения. Алексей Иванович продолжает научное направление, разработанное выдающимся ученым, доктором технических наук, профессором, заслуженным деятелем науки и техники Вениамином Георгиевичем Антипиным - уроженцем Кирилловского района. В.Г. Антипин - создатель первого в мире «северного» комбайна, который впервые успешно решил задачу уборки влажных, длинносоломистых, полегших, засоренных хлебов. Оригинальные технические решения Вениамина Георгиевича находят применение в современных зерноуборочных комбайнах, в том числе и зарубежных. Очень радует, что научное направление замечательного ученого, очень актуальное для условий Северо-Запада России, активно развивает молодое поколение наших земляков. А.И. Сухопаров - кандидат технических наук, автор двух патентов на изобретения.

Алексей Иванович СУХОПАРОВ

Алексей Валериевич ТРИФАНОВ

ретение устройства для обмолота зерновых, подающий надежды молодой ученый. В настоящее время работает над совершенствованием подбарабанья зерноуборочных комбайнов и разработкой эффективной технологии уборки рапса и послеуборочной обработки его семян.

Алексей Валериевич Трифанов, уроженец Грязовецкого района, заведует лабораторией технологий и технических средств производства свинины. При непосредственном участии лаборатории и отдела осуществляется разработка проектных предложений реконструкции животноводческих комплексов в Вологодской области, совместно с департаментом сельского хозяйства Вологодской области ведется разработка нормативно-методической документации по ведению технического и технологического регистров производства, хранению и переработке сельхозпродукции.

Ученые института регулярно участвуют в работе совещаний и семинаров, которые проводятся для специалистов агропромышленного комплекса Вологодчины.

Комитет по делам молодежи - развивающийся коллектив, легко включающийся в уже традиционную деятельность землячества, а также выступающий зачинателем новых направлений. В качестве примера можно выделить идею о проведении совместно с комитетом по культуре комплекса мероприятий, направленных на просвещение молодежи по вопросам истории и культуры Вологодчины.

Михаил КУЗОВНИКОВ (слева), Сергей ДАРИЧЕВ - участники «круглого стола» «Спорт как средство объединения петербургских студентов из регионов Северо-Запада России»

БАТЮШКОВ, РУБЦОВ, ГАВРИЛИН И...

В комитете по культуре землячества жизнь, что называется, бьет ключом! Одно из направлений деятельности комитета - пропаганда творческих достижений вологжан, выдающихся деятелей культуры. В прошлом, 2007 году в этом плане особенно активным было первое полугодие, в течение которого прошли литературно-музыкальные вечера, посвященные Николаю Рубцову, Валерию Гаврилину, Константину Батюшкову.

Кто входит в комитет по культуре? Во-первых, сотрудники учреждений культуры Петербурга, например, директор Державинского дома Нина Петровна Морозова, заведующий отделом скульптуры Русского музея Никандр Викторович Мальцев, старший научный сотрудник этого же музея Наталья Дмитриевна Соколова. Очень большую группу составляют так называемые «технари» - люди с техническим образованием, но активно занимающиеся литературой, музыкой, живописью. Это, в первую очередь, Сергей Анатольевич Сорокин (Сергей Вакомин) - основатель и бесменный руководитель Рубцовского центра, в течение многих лет возглавлявший ЛИТО «Балтийский парус», журналист, поэт и исследователь жизни и творчества Николая Рубцова. Людмила Алексеевна Новикова, связист по образованию, любит и знает литературу, пишет стихи. Ольга Павловна Редькина - поэт, в нашем комитете она добровольно взяла на себя роль «летописца», ведет альбом, освещющий жизнь землячества. Людмила Михайловна Золотова пришла в землячество «через Гаврилина».

В землячестве пять членов Союза

Борис Васильевич МАРКОВ
на кафедре философской антропологии

писателей России - Сергей Сорокин, Виктор Менухов, Сергей Орлов, Александр Люлин, Антонина Каримова.

В текущем году одним из самых интересных событий следует признать творческий вечер поэтов - членов Вологодского землячества. Мы готовимся к Всероссийским Рубцовским чтениям, к столетнему юбилею Николая Кузьмича Верещагина.

ФИЛОСОФ И ПОЭТ

Борис Васильевич Марков, уроженец Кирилловского района, окончил философский факультет ЛГУ им. А.А. Жданова, а в дальнейшем - аспирантуру и докторантуру. В настоящее время доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации Б.В. Марков возглавляет кафедру философской антропологии СПбГУ. В обширный круг его научных интересов входят философия и история науки, философия человека, философия культуры. Человек неукротимой энергии и творческой активности, энциклопедических познаний, незаурядный мыслитель, автор книг «Разум и сердце» (1991), «Философская антропология» (1997, 2008), «Храм и рынок» (1998), «Знаки бытия» (2005), «Понятие политического» (2007), «Культура повседневности» (2008).

Борис Васильевич - замечательный педагог, пользующийся заслуженной любовью студентов и уважением коллег.

- Меня воспитывали не как абстрактного мальчика, а как представителя славного рода Марковых, корни которого удалось проследить до XI века, - говорит Борис Васильевич.

Родовое сознание, считает он, при-

вивает человеку твердые моральные устои, воспитывает гордость за свой народ, Родину, повышает жизнеспособность индивида в противовес индивидуализму, культивируемому ныне не только на Западе, но и у нас в России, порождающему одиночество, депрессивное состояние психики, жестокость и агрессию. Наше землячество, по словам Бориса Васильевича, как добровольное сообщество земляков служит преодолению индивидуализма и развитию коллективизма, пробуждая и усиливая положительные качества каждого члена общества, воспитывая чувство любви к земле вологодской и гордости за нее.

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ЧАСТУШКИ

Нина Петровна МОРОЗОВА в рукописном отделе архива Пушкинского дома

Нина Петровна Морозова - выпускница филологического факультета ЛГУ, специалист по русской литературе XVIII века, кандидат филологических наук, доцент. Долгое время работала в родном Череповце - старшим научным сотрудником краеведческого музея, преподавателем и деканом филологического факультета педагогического института. С 2002 года заведует петербургским Музеем Г.Р. Державина и русской словесности его времени.

Работу в Державинском доме Нина Петровна сочетает с изучением краеведческих материалов по Вологодчи-

не в архивах Петербурга. Краеведческая работа была начата еще в Череповце и в настоящее время выливается в готовящийся к изданию свод фольклорных материалов по Череповецкому уезду (ныне Череповецкий, Кадуйский и Шекснинский районы Вологодской области). В свод войдет 5000 частушек, записанных череповецкими студентами во время фольклорных практик под руководством Нины Петровны. Это не имеющее аналогов издание с нетерпением ожидается специалистами, оно уникально по объему материала, собранного по локальной территории. Для сравнения отметим, что даже самые большие по объему издания частушек, собранных по всей территории России, содержат до 4500 текстов. Это будет своеобразная «энциклопедия» череповецкой жизни XX столетия. Кроме того, такой объемный материал позволит понять механизм возникновения жанра частушки. Первая часть свода (980 текстов) будет составлена из записей, сделанных череповецкими краеведами в XIX веке и найденных Ниной Петровной в петербургских архивах.

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

Землячество в 2007 году провело литературно-музыкальный вечер «Память сердца», посвященный 220-летию со дня рождения К.Н. Батюшкова. Вечер был организован Всероссийским музеем А.С. Пушкина совместно с Вологодским землячеством в Санкт-Петербурге и состоялся в концертном зале Пушкинского музея.

Вечер вели литераторы, старший научный сотрудник музея Алексей Викторович Ильиничев и музыковед, член Со-

Романс Полины из оперы «Пиковая дама» исполняет Олеся ПЕТРОВА, лауреат Международного конкурса имени П.И. Чайковского

юза композиторов России Наталья Николаевна Салнис. О жизни Константина Батюшкова в музыке интересный и глубокий, прочувствованный разговор вела Н.Н. Салнис, хорошо знакомая нашим землякам по гаврилинским мероприятиям. На вечере присутствовала Н.Е. Гаврилина - вдова композитора.

В концерте прозвучали романсы М.И. Глинки, П.И. Чайковского, В.А. Гаврилина на стихи К.Н. Батюшкова в прекрасном, полном вдохновения и очарования исполнении студенток консерватории Олеси Петровой и Веры Лебедевой. Батюшковский вальс Валерия Гаврилина исполнила юная пианистка Татьяна Ломоносова.

ПРОСТЫЕ ЗВУКИ РОДИНЫ МОЕЙ

Этой поэтической строкой вологодской поэтессы Ольги Фокиной была названа весенняя литературно-музыкальная встреча - творческий вечер поэтов, членов Вологодского землячества, состоявшаяся 15 марта 2008 года в Державинском доме на Фонтанке, 118. Директор музея Н.П. Морозова организовала землякам экскурсию, затем в Парадном зале зазвучали стихи и песни.

Встреча прошла по сценарию, составленному Ольгой Редькиной и Людмилой Новиковой. Стихи исполнялись авторами.

*Устал шагать. Сносились сапоги.
В крестьянском доме водкою согреюсь.
Деревни вдоль дороги - узелки.
Что Бог вязал, на память
не надеясь...*

С. ОРЛОВ

*Уже не слышно ранних петухов,
Как через сито, в окна утро льется.
И пятнами поверх половиков
Уютно дремлют маленькие
солнца...*

Л. НОВИКОВА

*Петухи разбудили утро:
Солнце красное, хватит спать!*

Выступает Сергей ВАКОМИН
(Сергей Анатольевич Сорокин)

*Расчеши золотые кудри,
Золотую оставь кровать!*

А. ЛЮЛИН

*Долгожданный разгуляй-раздых!
Я поеду - пить лесной воздух,
Через речку по мостам топать,
Городскую выдыхать копоть!*

О. РЕДЬКИНА

*Русь моя,
Ты с детства - рядом!
Лишь калитку отвори -
И за каждым палисадом
Даль родимая земли...
Куда ни глянь -
Россия-Русь
Звенит рубцовскою строкою!...*

С. ВАКОМИН

На стихи С. Вакомина, Л. Новиковой, О. Редькиной звучали песни композитора В. Гриневич, автора-исполнителя Л. Гарни.

Следует отметить особую теплоту и проникновенность стихов - во многих из них воспеваются «простые краски северных широт», от которых веет запахом вологодского поля. В них отчетливо проступают неизменные черты русского характера - скромность, доброта, трудолюбие.

Вспоминается известное высказывание о том, что народ, не рождающий поэтов, перестает быть народом. Вместе с тем доподлинно известно,

что в нашем коллективе каждый второй занимается поэтическим творчеством (а остальные, я убеждена, делают это втайне), и на состоявшемся 15 марта текущего года вечере мы услышали далеко не всех земляков, так что подобная встреча - не последняя! И пока рождаются стихи - жива душа народа, горит «русский огонек»!

ЗДЕСЬ ДАЖЕ СТЕНЫ ГОВОРЯТ СТИХАМИ!

24 мая сего года после ремонтно-восстановительных работ, продолжавшихся более года, открылись библиотека имени Н.М. Рубцова и литературный музей поэта.

Библиотека № 5 Невского района Санкт-Петербурга носит имя Николая Рубцова более десяти лет - с 19 марта 1998 года. Эта дата считается и днем основания музея. В настоящее время хранилища музея насчитывают более 3000 экспонатов, а замечательно продуманная, интересная, регулярно обновляемая экспозиция содержит около 1000 экспонатов.

Интерьеры библиотеки и музея после ремонта, выполненного за счет бюджетных средств, оформлены с использованием цветовой гаммы рубцовской поэзии. Здесь слышится шум берез и сосен, «здесь даже стены говорят стихами» - сказал один из читателей.

Значительная роль в присвоении библиотеке имени Н.М. Рубцова и в основании музея принадлежит нашим землякам А.В. Антуфьеву и С.А. Сорокину. Алексей Васильевич Антуфьев, уроженец Тотемского района Вологодской области, состоял в Сове-

В литературном музее библиотеки имени Н.М. РУБЦОВА

те библиотеки, постоянно отслеживал выход новых публикаций, связанных с именем Николая Рубцова и его окружением. Через него осуществлялась связь музея и библиотеки с Мемориальным домом-музеем Николая Рубцова в Никольском, с Тотемским музеем объединением, с частными рубцовскими музеями Вологды, с Вологодской писательской организацией. Алексей Васильевич предоставил в дар музею более 500 экспонатов. За активную благотворительную деятельность А.В. Антуфьев удостоен звания лауреата премии им. Екатерины Дашковой Петербургского библиотечного общества в номинации «Меценат».

Следует отметить неутомимость и самоотверженность сотрудников библиотеки, возглавляемых Т.А. Абрамовой, которые ведут неустанную деятельность по пропаганде творческого наследия Николая Рубцова.

Поздравляем всех любителей русского слова со вторым рождением музея и напоминаем его адрес: ул. Шотмана, д. 6 (ст. метро «Улица Дыбенко»).

СОДЕРЖАНИЕ

ФОТОРЕПОРТАЖ	
Памяти преподобного Нила Сорского	143
..... 2-я стр. обложки, цвет. вклейка	
Праздник красоты Цвет. вклейка,	
..... 3-я стр. обложки	
ИСКУССТВО	
ЮРИЙ МАКСИН. «Отражения» Евгения Лебедева	2
МАРИАННА МУРАШЕВА. Есть в Тотьме такой человек. О творчестве Николая Сажина	97
НИКОЛАЙ САЖИН. Живопись.	
..... Цветная вклейка	
..... И НЫНЕ, И ПРИСНО	
ВЛАДИМИР ЛИЧУТИН. Сельский поп (окончание)	10
ПРОЗА	
АННА И КОНСТАНТИН СМОРОДИНЫ. Литературные поминки. Повесть	30
..... КНИГА В ЖУРНАЛЕ	
СТАНИСЛАВ МИШНЁВ. Свадьба навзрыд. Рассказы	62
КРИТИКА	
ВАСИЛИЙ ОБОТУРОВ.	
По огненному знаку. Фронтовая эпопея Сергея Орлова	104
ПОЭЗИЯ	
КАПИТОЛИНА БОЛЬШАКОВА.	
Для людей на всей планете. Детские стихи	117
НИКОЛАЙ ДРУЖИНИНСКИЙ. И путь не кончается!	121
АЛЕКСАНДР ДУБИНИН. Когда замирает любая былинка...	128
АЛЕКСЕЙ ИВИН. Я недаром прожил эти годы	131
АНДРЕЙ КЛИМОВ. Среди узкой листвы ивняка	134
ЮРИЙ МАКСИН. Душа закурлычет от счастья...	137
БОРИС ОРЛОВ.	
Мы - часть России...	140
НИКОЛАЙ РАЧКОВ. И так на сердце стало чисто!..	
..... 143	
НАТАЛИЯ СИДОРОВА. ...Нежности нашей звезды	
..... 147	
ПОЭТЫ НЕ УХОДЯТ	
НАТАЛИЯ ПОПОВА-ЯШИНА. Кто такой Яшин?	150
ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПРОЗА	
ТАМАРА СПИВАК.	
Крылья над морем	165
ШАЛАМОВСКИЕ ЧТЕНИЯ	
НИНА ДЬЯКОНИЦЫНА, РИММА РОЖИНА. И Лида сморщит брови, кивая на букет... Страницы из жизни писателя	183
ПУБЛИСТИКА	
АЛЕКСАНДР РУЛЁВ-ХАЧАТРЯН.	
Предельно вооружены и чрезвычайно опасны	192
ЯЗЫК МОЙ	
ГУРИЙ СУДАКОВ. Нужно ли «современивать» язык Церкви?	203
ЛЮДМИЛА ЯЦКЕВИЧ.	
Подумаем вместе	210
ЛЮДМИЛА ЗОРИНА. Этикет по-вологодски, или Мясо - сахар!	216
НИНА ЗАЙЦЕВА. Памяти учителей ...	219
НОВОЕ ИМЯ	
ВИКТОР ТАРАСЕВИЧ.	
Крылатая песня	222
НИКОЛАЙ ТУРУПАНОВ.	
Взятка. Рассказ	223
ПЕТЕРБУРГСКИЕ ВОЛОГЖАНЕ	
Вологжане - ветераны войны и труда всегда в строю!	226
Беречь и помнить	228
Из рода Верещагиных	230
Вологодская молодежь в Петербурге ...	324
Батюшков, Рубцов, Гаврилин и.....	236

На 1-й и 4-й страницах обложки -
фотография Марины и Андрея Кошелевых «Бородавское озеро»

ЛАД

Литературно-художественный журнал

ВОЛОГОДСКИЙ 2008, № 2 (10) Андрей Сальников

В 1991 -1995 годах выходил под названием
«Лад. Журнал для семейного чтения».
С 2006 года - «Вологодский ЛАД»

Журнал зарегистрирован Беломорским управлением
Федеральной службы по надзору за соблюдением
законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране
культурного наследия 20 января 2006 года ПИ № ФС 3-0228

Учредитель -
ИНП «Фест»

Главный редактор -

Андрей Сальников

Адрес издателя: ИНП «Фест»,

160001, Вологда, Челюскинцев, 3.

Адрес типографии: 162600 ИД «Череповец»,
Череповец, Металлургов, 14 а.

Адрес редакции: 160001, Вологда, Челюскинцев, 3.

Телефон 72-55-70, e-mail: salnikov@kraslesver.ru

Тираж 1 500. Объем 15 п.л. Формат 70x108/16. Печать офсетная.
Подписано в печать 7 июля 2008 г. Время подписания номера
по графику - 10 час., номер подписан в 9 час.

ФОТОРЕПОРТАЖ

ПРАЗДНИК КРАСОТЫ

Все лето в Вологодской областной картинной галерее будет работать Всероссийская художественная выставка «Современное народное искусство России. Традиции и современность». Она представляет все виды и творческие направления отечественного народного искусства, активно развивающиеся в последнюю четверть века. В залах ВОКГ экспонируется около трёх тысяч произведений, созданных на ведущих предприятиях народных художественных промыслов, авторских произведений народных мастеров и художников, работающих в традиционной стилистике народного искусства. Завершится выставка научно-практической конференцией «Народное искусство России. Традиции и современность», которую вместе с воложанами готовят отдел декоративного и народного искусства Российской академии художеств и комиссия по народному искусству Союза художников России.

Представляя читателям «Вологодского ЛАДА» некоторые экспонаты выставки, мы приглашаем их на этот праздник народного искусства! Редакция намерена поместить в журнале материал об итогах выставки.

В центре выставки - керамика (Гжель, Скопин), вологодское кружево, роспись по дереву (Хохлома, Городец), жостовские подносы

ВЕСЕЛОВА В.Д. (Вологда).
САЛФЕТКА «ЯБЛОНОЙКА».
1979-1982. Лён, цветное
сплетение, мулине.
Вологодский
государственный историко-
архитектурный
и художественный музей-
заповедник

Коллектив этнокультурного центра деревни Пожарище в традиционных народных костюмах

ВЯЗОВА Т.Г. (Великий Устюг). ТАРЕЛКА И ШКАТУЛКА ИЗ НАБОРА «ЗИМНЯЯ СКАЗКА». 2002. Береста, резьба, тиснение. Вологодский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник

БОБЫЛЕВА Л.М. (Великий Устюг). ВАЗА С БАБОЧКОЙ. 2007. Серебро, чернь, гравировка, чеканка, позолота, халцедон. Вологодский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник

БЕЛЯЕВА (Лабутина) Т.Ю. (Великий Устюг). КОРОБЕЙКА «ВСТРЕЧА». 1980. Дерево, береста, кистевая роспись, лак. Вологодская областная картинная галерея

КИРЬЯНОВ М. Р. (Вологда). ПРЯНИЧНАЯ ДОСКА «ВСАДНИК». 1981.
Дерево, резьба выемчатая. Вологодская областная картинная галерея

КУРАКИНА Т.В. (Жостово). ПОДНОС «БУКЕТ ИЗ РОЗ». 2007. Металл, масло, лак, кистевая живопись

Фото Анатолия СМОЛИНА
и из фондов Вологодской областной картинной галереи

ТУЛЬСКАЯ ГОРОДСКАЯ
ГЛИНЯНАЯ ИГРУШКА. 2007.
Глина, обжиг, темпера, роспись

ЗОТОВ В.Г.,
ЛИВАНОВА И.В. (Палех).
КОРОБОЧКА
«ВЕЧЕРОМ». 2008.
Лаковая миниатюра

